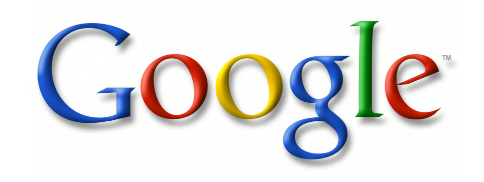
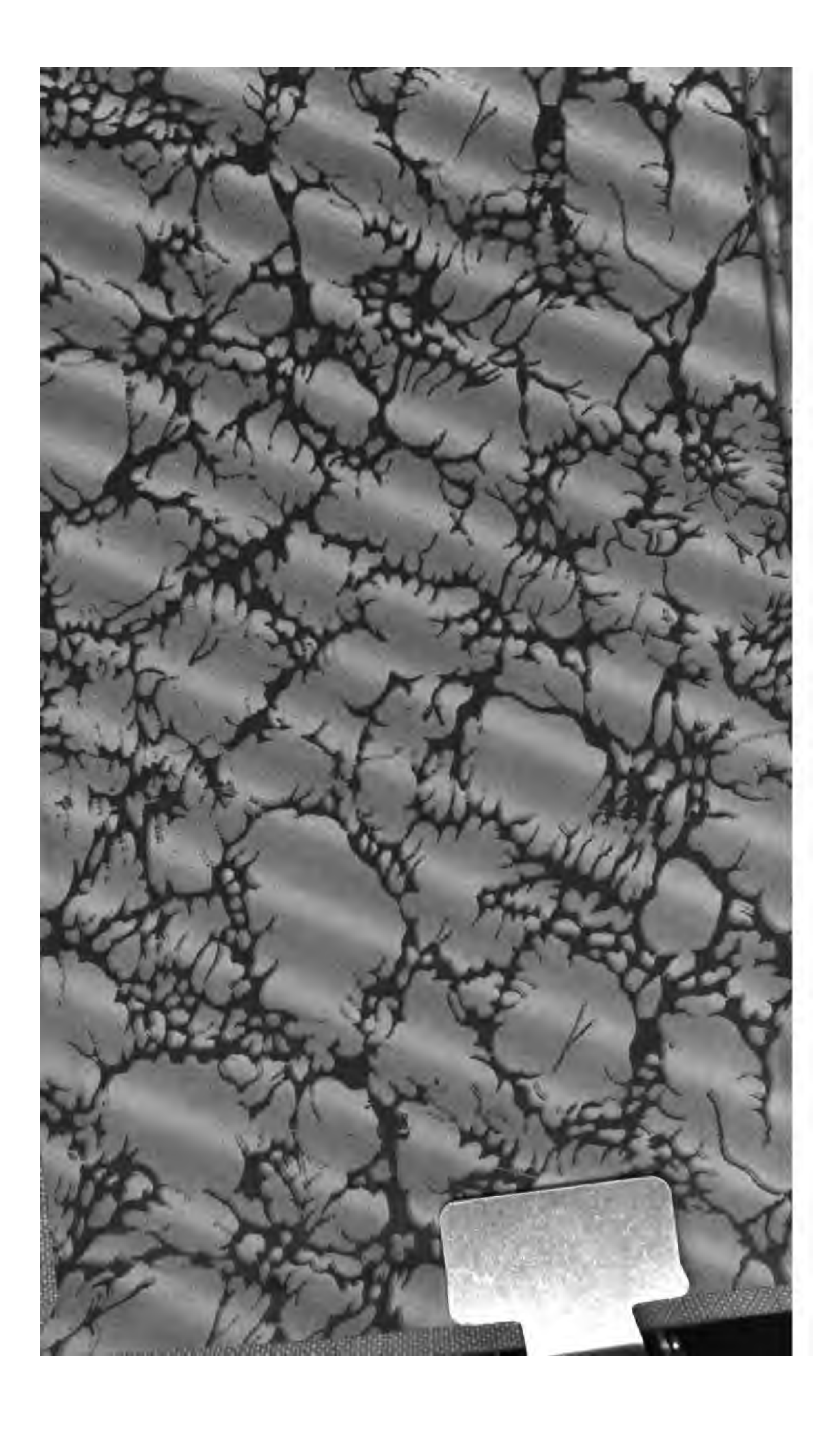
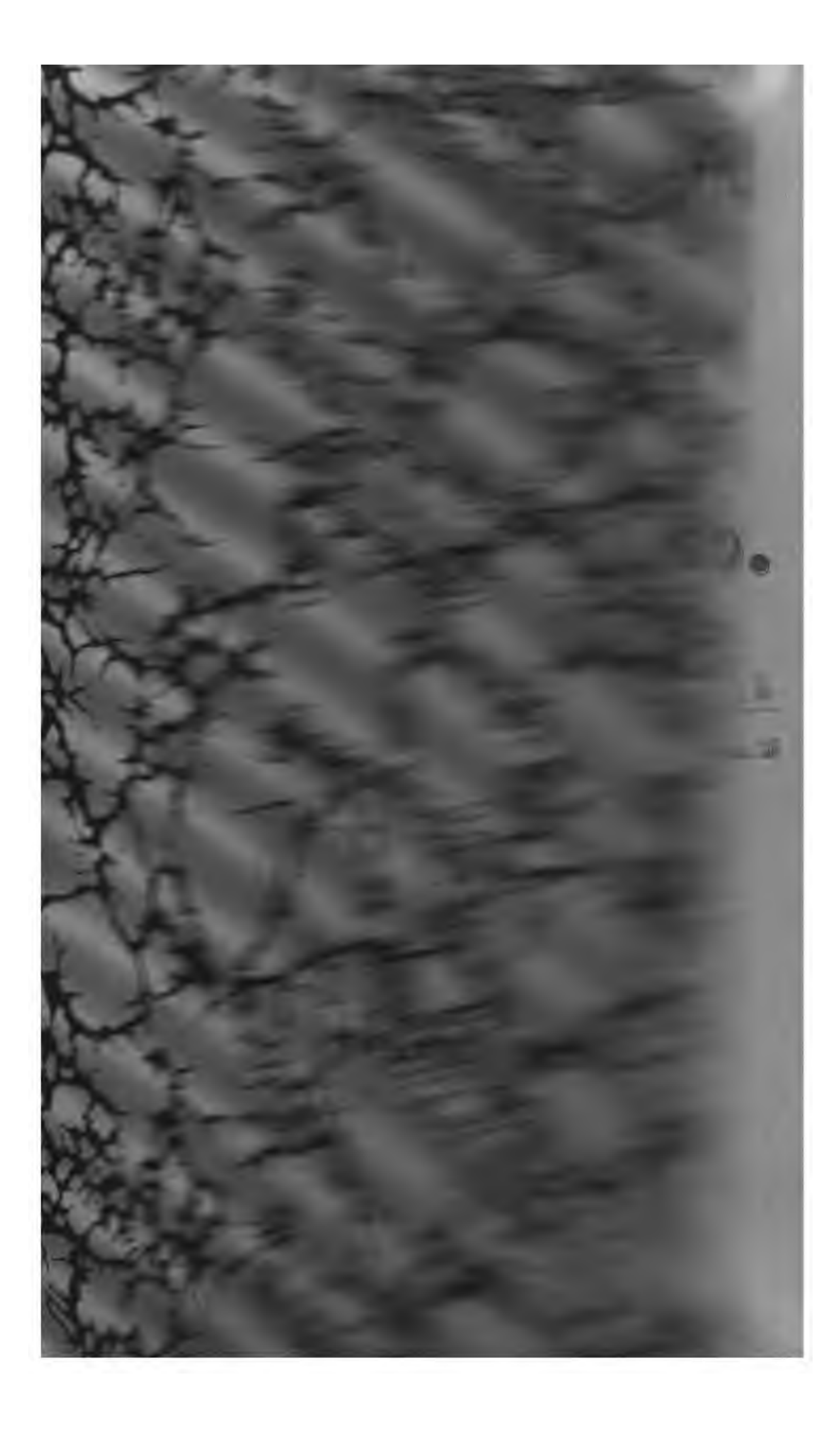
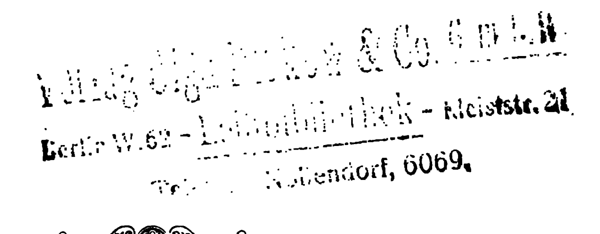

Н. М. Гутьяръ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ТУРГЕНЕВЪ.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1907.

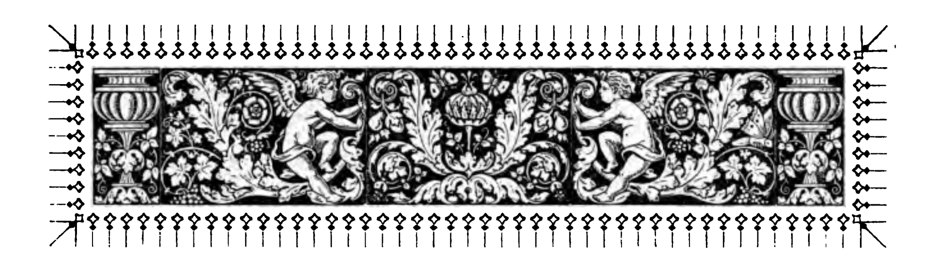

Предисловіе.

Предлагаемыя вниманію читателей статьи печатались первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Старинѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и другихъ журналахъ. Издавая статьи отдѣльной книгой, авторъ сдѣлалъ въ нихъ необходимыя исправленія и дополненія согласно даннымъ, опубликованнымъ за послѣднее время, а также снабдилъ ихъ алфавитными указателями.

Въ выборѣ темъ для своихъ очерковъ авторъ руководствовался единственно желаніемъ опровергнуть то или другое предвзятое мнѣніе или посильно освѣтить нѣкоторые изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ біографіи Ивана Сергѣевича Тургенева.

Оглавленіе.

I.

Предки И. С. Тургенева.

Если трудно найти народность, въ массѣ которой не было бы значительной примѣси иноплеменной крови: побѣжденныхъ, побѣдителей, или просто сосѣдей, то тѣмъ труднѣе встрѣтить „чистоту“ крови въ верхнихъ, болѣе подвижныхъ, слояхъ народа, особенно — культурнаго. Фактъ этотъ легко доступенъ провѣркѣ, но провѣряется онъ чаще всего лишь по отношенію къ людямъ выдающимся, біографіи которыхъ и интересуютъ изслѣдователей. Отсюда весьма распространенное мнѣніе, будто отсутствіе „чистоты“ крови — одно изъ главныхъ условій талантливости. Ницше въ своихъ посмертныхъ запискахъ, изданныхъ въ 1904 году, высказываетъ между прочимъ, что лучшіе изъ нѣмцевъ хороши только потому, что въ ихъ жилахъ течетъ пе одна своя, но и чужая кровь, преимущественно славянская. Въ числѣ примѣровъ у него фигурируетъ и Бисмаркъ. Тургеневъ говаривалъ иногда то же самое: „Назовите мнѣ въ Россіи хоть одного великаго человѣка чисто русскаго происхожденія?! Пушкинъ — африканская кровь... Лермонтовъ — шотландская... У Жуковскаго — мать турчанка...“

— А Тургеневъ? спросила его разъ г-жа Віардо.

Иванъ Сергѣевичъ ничего ей не отвѣтилъ, а въ интересахъ послѣдовательности долженъ былъ бы назвать себя татариномъ.

Въ старинныхъ грамотахъ родовой гербъ Тургеневыхъ описанъ такимъ образомъ: „Подъ рыцарскимъ, лазуреваго цвѣта съ золотымъ подбоемъ, наметомъ, увѣнчаннымъ шлемомъ съ обыкновенною золотою дворянскою короной, осѣняемою тремя страусовыми перьями, поставленъ щитъ, раздѣленный на четыре равныя части, изъ коихъ въ нижней половинѣ въ лѣвой части въ голубомъ полѣ золотая звѣзда, изъ Золотой Орды происхожденіе рода Тургеневыхъ показующая, надъ коею серебряная рогатая луна, означающая прежній магометанскій законъ; а надъ сею частію, въ верхней половинѣ на лѣвой части, въ серебряномъ полѣ, парящій съ распростертыми крыльями и какъ бы отлетающій отъ луны орелъ, смотрящій вверхъ, — означаетъ удаленіе отъ магометанства и воспареніе къ свѣту христіанской вѣры. Въ той же верхней половинѣ на правой части въ красномъ полѣ обнаженный съ золотою рукояткою мечъ — въ воспоминаніе кроваваго закланія страдальца Петра Никитича Тургенева отъ Гришки Отрепьева самозванца за безбоязненное обличеніе его; въ нижней половинѣ на правой части въ золотомъ полѣ готовый, осѣдланный, бѣгущій по зеленому лугу конь, показующій всегдашнюю рода Тургеневыхъ готовность и ревность къ службѣ государю и отечеству“ [1]).

Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ этотъ гербъ, напримѣръ, на печати „Спасской главной конторы“ [2]), зналъ происхожденіе своего рода и всетаки считалъ себя вполнѣ русскимъ, каковымъ является онъ и въ глазахъ соотечественниковъ, не говоря ужъ объ иностранцахъ.

„Ни одинъ человѣкъ не воплощалъ въ себѣ такъ полно цѣлой народности. Въ немъ жилъ цѣлый міръ и говорилъ

---

1) „Русск. Стар.“ 1885 г. IX, 366.

2) Гербъ (три золотыя звѣзды и серебряный единорогъ на голубомъ полѣ), помѣщенный въ IV части Общаго гербовника и перепечатанный въ книгѣ Mourier „Tourguéneff à Spasskoé“ принадлежитъ другому роду Тургеневыхъ.

его устами; цѣлыя поколѣнія предковъ, безмолвныя, затерянныя въ забвеніи вѣковъ, черезъ его посредство обрѣли жизнь и слово". Такъ говорилъ Э. Ренанъ про И. С. Тургенева, прощаясь съ останками великаго писателя, покидавшими Францію. И дѣйствительно, что ни говорили бы про западничество Тургенева, какъ бы ни старались расширить значеніе этого слова или, наоборотъ, придать ему односторонній смыслъ, Иванъ Сергѣевичъ останется „вмѣстѣ и народомъ и избранникомъ народа", по выраженію того же Ренана. Какъ ни велика была его сознательная любовь къ родинѣ, тайныя силы, связующія его съ самой сутью, сердцемъ русской жизни, были еще значительнѣе. И эти связи были созданы не только воспитаніемъ, но и происхожденіемъ его изъ стариннаго дворянскаго рода. У насъ, болѣе чѣмъ въ какой либо другой странѣ, дворянство — плоть отъ плоти и кость отъ кости великаго національнаго цѣлаго — было въ своей лучшей части полнымъ представителемъ народныхъ стремленій и народныхъ идеаловъ.

Тургеневъ любилъ иной разъ разсматривать старинныя родословныя. Разбирая ихъ, онъ какъ-бы глубже проникалъ въ судьбы своей родины, касался тѣхъ сторонъ ея жизни, которыя недостаточно сильно отражаются въ общихъ историческихъ трудахъ изслѣдователей русской старины. Какимъ сочувствіемъ, сочувствіемъ русскаго человѣка проникнуты хотя бы слѣдующія строки его самаго „западническаго" произведенія „Дымъ", о родословной Осининыхъ: „То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья", засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ", но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ"; ихъ разорили „страшно и всеконечно", отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя; рухнули Осинины и уже не справились, не вошли снова въ силу; опалу съ нихъ сняли современемъ и даже „московскій дворишко" и „рухлядишку" возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ"

ихъ родъ — не поднялся ни при Петрѣ ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ".

Иванъ Сергѣевичъ любилъ также пробѣгать поколѣнную роспись и своей родословной. Посѣщавшіе Спасскій домъ при жизни писателя видѣли тамъ на стѣнѣ подъ портретомъ отца Тургенева висѣвшее въ рамкѣ „родословное дерево" съ неизбѣжными кружечками для именъ на искусно разрисованныхъ вѣтвяхъ и вѣточкахъ могучаго ствола. Изъ своей генеалогіи Иванъ Сергѣевичъ нагляднѣе убѣждался, теплѣе чувствовалъ, какъ самъ онъ крѣпко связанъ черезъ своихъ предковъ съ многоразличными знаменательными моментами родной старины и давно прошедшей и свѣжей еще въ памяти живыхъ поколѣній. Послѣдуемъ и мы за нимъ, воспроизведемъ важнѣйшіе факты изъ Тургеневскаго прошлаго, которые вспоминались ему, окруженные той исторической и бытовой обстановкой, какая извѣстна была Ивану Сергѣевичу не изъ однихъ семейныхъ преданій и записей, но и по хорошо знакомой ему исторической литературѣ.

Къ серединѣ XV вѣка, когда только что образовалось царство Казанское, и когда набѣги усилившагося Крымскаго ханства стали особенно тяжелы для Московскаго государства, правительство великаго князя Василія Васильевича (1425—1462 гг.) впервые положило начало обдуманной, систематической защитѣ южной и юго-восточной окраинъ московскихъ владѣній. Оборонительныя мѣры выразились прежде всего въ поселеніи по городамъ рѣки Оки — Каширѣ, Серпуховѣ, Касимовѣ и др. — подручныхъ „служилыхъ" татарскихъ царевичей и мурзъ съ принятіемъ ихъ въ составъ русскихъ вооруженныхъ силъ. Вотъ въ это-то время и выѣхалъ изъ орды къ великому князю Василію Васильевичу мурза Левъ Тургеневъ, получившій во св. крещеніи имя Ивана и ставшій родоначальникомъ той фамиліи Тургеневыхъ, къ которой и принадлежалъ Иванъ Сергѣевичъ. Семейное преданіе, нѣсколько прикрашивая это событіе, передаетъ, что воспріемникомъ при крещеніи былъ самъ великій князь, пожаловавшій крестника своего многими вотчи-

нами въ нынѣшней Калужской губерніи, въ томъ числѣ такимъ огромнымъ имѣніемъ, что почти половина теперешняго Перемышлскаго уѣзда принадлежала ему [1]).

Не всѣ Тургеневы, встрѣчающіеся на страницахъ нашей исторіи, ведутъ свое начало отъ мурзы Льва. Потомство послѣдняго еще въ 1688 году, представляя свою родословную въ Разрядъ (приказъ, вѣдавшій дворянскія службы и родословныя), сдѣлало въ ней слѣдующее заявленіе: „А Тургеневы, что служатъ по Ярославлю, Дмитрову, въ Троице-Сергіевскомъ монастырѣ и съ 7195 (1687) года по Москвѣ, и тѣ Тургеневы не нашего роду.“ Такимъ образомъ извѣстные Николай, Александръ и Андрей Ивановичи Тургеневы, равно, какъ и отецъ ихъ Иванъ Петровичъ, масонъ и членъ „Дружескаго ученаго общества“, считающіеся часто родственниками Ивана Сергѣевича, не были съ нимъ въ родствѣ и принадлежали къ фамиліи совсѣмъ иного происхожденія.

Но обратимся къ родословной автора „Записокъ Охотника“. Разсматривая сухой, но полный перечень его предковъ во второмъ томѣ (стр. 536 и слѣд.) сборника В. В. Руммеля и В. В. Голубцова, мы должны прежде всего сдѣлать слѣдующій выводъ: Тургеневы въ царскій періодъ русской исторіи служили главнымъ образомъ по такъ называемому московскому списку, т. е. принадлежали къ столичнымъ служилымъ людямъ: стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ. Всѣ эти четыре „чина“ или общественныхъ слоя составляли второй изъ трехъ крупныхъ разрядовъ, на которые дѣлилось тогдашнее дворянство. Тургеневы не попадали въ высшій — въ члены Боярской Думы, но и не засиживались въ низшемъ, т. е. среди провинціальнаго дворянства. Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы первоначально были придворными должностями, позднѣе же, съ XVI вѣка, становятся чинами, обязанными ратной и административной службой. Они составляли „государевъ полкъ“, соотвѣтствующій нынѣшней гвардіи. Были высшимъ слоемъ боевыхъ силъ московскаго государства, такъ какъ не только являлись наилучше вооружённымъ корпусомъ, обыкновенно

1) Записки Мухановой. „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213,

сопровождавшимъ царя въ военныхъ походахъ, но изъ нихъ же назначались головы и воеводы, т. е. офицеры и полковники въ армейскіе полки, формировавшіеся провинціальнымъ дворянствомъ. Такъ Григорій Михайловичъ Тургеневъ значится головою въ Черниговѣ (1598 г.), Афанасій Дмитріевичъ — полковымъ воеводою въ Бѣлгородѣ (1635 г.), Денисъ Петровичъ — полковымъ и осаднымъ воеводою въ Тамбовѣ и т. д. Въ мирное время стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и жильцовъ ставили начальниками второстепенныхъ московскихъ приказовъ (какъ бы директорами департаментовъ), воеводами во второстепенные города, въ свиту къ посламъ. Тургеневыхъ мы встрѣчаемъ на воеводствахъ: въ XVI вѣкѣ — въ Рыльскѣ, Дѣдиловѣ, Каргополѣ, въ XVII в. — въ Осколѣ, Калугѣ, Торжкѣ, Муромѣ, Саратовѣ, Тулѣ, Царицынѣ, Орлѣ и въ другихъ городахъ. Нѣсколькихъ Тургеневыхъ находимъ приставами при посольствахъ: Персидскомъ (1590 г.), Шведскомъ (1598 г.), при поѣздкѣ Іерусалимскаго патріарха въ 1649 году и др.

Подобныя же службы несли Тургеневы и послѣ Петровскихъ преобразованій. Имена предковъ Ивана Сергѣевича часто попадаются въ гвардейскихъ полкахъ, преимущественно впрочемъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Въ гражданской службѣ они занимали мѣста главнымъ образомъ по дворянскимъ выборамъ: ландратовъ (совѣтники и помощники губернаторовъ), земскихъ комиссаровъ, власть которыхъ была нѣсколько обширнѣе власти смѣнившихъ ихъ при Екатеринѣ II капитанъ-исправниковъ, засѣдателей дворянскихъ опекъ и др.

Почти во всѣхъ крупныхъ событіяхъ, совершавшихся въ нашемъ отечествѣ со временъ Грознаго, мы можемъ найти имена предковъ Ивана Сергѣевича. Въ великихъ заботахъ Ивана IV по завоеванію царствъ Казанскаго и Астраханскаго не послѣднюю роль игралъ Петръ Дмитріевичъ, праправнукъ родоначальника Тургеневыхъ. Въ 1551 году онъ былъ посланъ къ ногайскимъ мурзамъ и князьямъ, чтобы отговорить ихъ итти на помощь къ казанскому царю и „претерпѣлъ въ ордѣ отъ князя Юсуфа (отца царицы Сююнбеки) великое поруганіе и былъ ограбленъ“, а затѣмъ убѣдилъ астраханскаго царя Дервиша перейти на службу

Россіи и въ 1554—1555 гг. оставался при немъ въ Астрахани съ русскимъ полкомъ[1]).

Передъ самымъ появленіемъ страшной опричины царь Иванъ Васильевичъ, чтобы крѣпче держать въ рукахъ заподозрѣнныхъ бояръ, сталъ брать на нихъ особыя поручныя записи. Въ этихъ памятникахъ знаменитой борьбы Грознаго со своимъ боярствомъ мы встрѣчаемъ въ качествѣ поручителей и нѣсколькихъ Тургеневыхъ. Тотъ же, напримѣръ, Петръ Дмитріевъ сынъ Тургеневъ въ 1562 году „ручалъ и руку приложилъ“ къ записи по князѣ И. Д. Бѣльскомъ, чтобы послѣднему не оставлять службу царю Ивану и его дѣтямъ; въ случаѣ же его побѣга обязывался вмѣстѣ съ другими поручителями заплатить въ казну 10,000 руб. (болѣе 600,000 руб. на нынѣшнія деньги). Въ слѣдующемъ году, среди другихъ, четверо Тургеневыхъ ручались за князя А. И. Воротынскаго и т. д.[2])

Великая смута въ Московскомъ государствѣ тоже отозвалась на Тургеневыхъ. Петръ Никитичъ за обличеніе Лжедимитрія былъ пытанъ и казненъ въ Москвѣ въ 1606 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этомъ такъ: „Петръ Никитичъ сказалъ лже-царю: ты не сынъ царя Іоанна, а Гришка Отрепьевъ, бѣглый изъ монастыря; я тебя знаю. — За это голова его пала на плахѣ, а онъ ублажается церковью, какъ св. мученикъ“ . . . „Вообще Тургеневы“, замѣчаетъ дальше преданіе: „отличались честностью и неустрашимостью“ [3]).

Бунтъ Стеньки Разина далъ себя знать предкамъ Ивана Сергѣевича не менѣе больно. Въ 1670 г. въ Царицынѣ сидѣлъ воеводою стряпчій (подполковникъ гвардіи) Тимоѳей Васильевичъ Тургеневъ, когда шайки Васьки Уса 13 апрѣля измѣною проникли въ городъ. Воевода вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Матвѣемъ Павловичемъ Тургеневымъ, прислугою, десяткомъ московскихъ стрѣльцовъ и тремя человѣками царицынцевъ заперся въ башнѣ. Въ городѣ

---

1) Руммель и Голубцовъ, II, 537. Соловьевъ „Исторія Россіи, II, 93—95. въ изд. товарищ. „Обществ. Польза.“

2) Собран. Государст. грам. и договоровъ, I, №№ 175, 179, 184, 191.

3) „Русск. Архивъ“, 1878 г., I, 213.

начались пиры, попойки съ казаками; самъ Разинъ пріѣхалъ въ городъ и угостился до пьяна. Въ этомъ видѣ онъ повелъ казаковъ на приступъ къ башнѣ и взялъ ее послѣ долгаго боя. Несчастный Тимоѳей Васильевичъ достался живой казакамъ, и на другой день они угостили себя пріятнымъ зрѣлищемъ: привели Тургенева на веревкѣ къ рѣкѣ, прокололи копьемъ и утопили [1]). И перешелъ въ память своихъ потомковъ царицынскій воевода подъ именемъ „первострадальца“ въ этомъ буйномъ казацкомъ движеніи. Дошелъ разсказъ о немъ и до Ивана Сергѣевича, который подъ впечатлѣніемъ его написалъ удивительную XVI главу „Призраковъ“.

Наступила тяжелая пора великихъ преобразованій, когда всѣ классы общества были призваны къ самой напряженной работѣ. Петръ заставилъ прежде всего дворянъ „узнавать съ фундамента солдатское дѣло“ и нѣсколько Тургеневыхъ зачислены были нижними чинами въ гвардейскіе полки, гдѣ должны были наравнѣ съ рядовыми изъ тяглыхъ людей ходить на работы, чистить каналы, возить провіантъ и даже бѣгать на посылкахъ у офицеровъ. Безпрерывныя войны великаго преобразователя вырвали изъ числа Тургеневыхъ стольника Ивана Михайловича, убитаго подъ Юрьевымъ въ 1704 г. Другому, стольнику же, Ивану Григорьевичу Тургеневу, было велѣно въ 1713 г. отправиться на старости лѣтъ на островъ Котлинъ въ числѣ первыхъ рускихъ поселенцевъ на вновь завоеванныхъ мѣстахъ [2]).

Теперь однако пора обратиться къ предкамъ Ивана Сергѣевича исключительно по прямой восходящей линіи: къ родному прапрадѣду писателя Роману Семеновичу, къ прадѣду — Алексѣю Романовичу, женатому на П. М. Сухотиной, и къ дѣду — Николаю Алексѣевичу, женатому на Е. П. Апухтиной.

Романъ Семеновичъ Тургеневъ, помѣщикъ Медынскаго, Карачевскаго, Мещовскаго, Малоярославскаго и Саранскаго уѣздовъ, началъ службу въ 1700 г. и въ 1704 г. изъ жиль-

1) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, III, 305.
2) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, IV, 161.

цовъ, т. е. изъ чина, соотвѣтствующаго нынѣшнему поручику гвардіи, въ силу новыхъ Петровскихъ порядковъ былъ записанъ въ солдаты въ Преображенскій полкъ и въ томъ же году переведенъ унтеръ-офицеромъ въ „Драгунскій шквадронъ Шереметева“ и до конца царствованія Петра Великаго не выходилъ изъ строевой службы. Въ 1705 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1708 г. — въ поручики; въ 1709 г. числился поручикомъ „лейбъ-шквадрона“ въ рангѣ капитана; въ 1715 г. — ротмистромъ ранга премьеръ-маіора; въ 1722 г. — премьеръ-маіоромъ въ полевыхъ полкахъ; наконецъ въ 1726 г. — подполковникомъ и капраломъ кавалергардовъ. Съ 22 іюля по 14 декабря 1731 г. онъ, уже въ чинѣ полковника, занимаетъ отвѣтственное мѣсто управляющаго дѣлами при гетманѣ Малороссіи Д. П. Апостолѣ. Анна Іоанновна, желая сильнѣе слить Украйну съ имперіей, снова подчинила Малороссію сенату, изъявъ ее изъ вѣдѣнія иностранной коллегіи. Эта мѣра и вызвала командировку на югъ Тургенева, смѣнившаго тамъ кн. Шаховского [1]). Въ 1736 г., во время войны Россіи съ Турціей, Романъ Семеновичъ получилъ мѣсто оберъ-кригсъ-комиссара армейской походной комиссіи (завѣдывающаго денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ войскъ).

Судьба сына его, Алексѣя Романовича была интереснѣе. О первоначальной его службѣ въ сборникѣ Руммеля и Голубцова сказано только, что онъ былъ съ 1 мая 1730 г. пажомъ императрицы Анны; въ началѣ 1737 г. былъ выпущенъ поручикомъ въ Углицкій пѣхотный полкъ и въ томъ же году посланъ былъ изъ подъ Очакова курьеромъ ко двору. На пути раненъ и взятъ въ плѣнъ въ Турцію, гдѣ и пробылъ до 1740 г. Семейное преданіе разсказываетъ объ этихъ фактахъ подробнѣе: „Алексѣй Романовичъ Тургеневъ служилъ въ пажахъ у императрицы Анны Іоанновны. По ревности Биронъ удалилъ его, пославъ въ армію, дѣйствовавшую тогда противъ турокъ, съ приказаніемъ его погубить. Онъ попался въ плѣнъ и взятъ султаномъ въ гаремъ, гдѣ подавалъ ему кофе и раскуривалъ трубку. Его принуж-

1) Соловьевъ. „Исторія Россіи“, IV, 1521.

дали принять магометанскій законъ, за что онъ претерпѣлъ много побоевъ, такъ что тоже можетъ считаться исповѣдникомъ. Любимая султанша увидѣла его какъ-то, плѣнилась его красотою, сжалилась надъ нимъ, передала ему какими-то средствами наполненный золотомъ кошелекъ, съ совѣтомъ бѣжать въ отечество, доставила ему вмѣстѣ съ этимъ проводниковъ до границы. Мать его, женщина набожная, ежедневно молила Бога передъ образомъ Святителя Николая о благополучномъ возвращеніи сына, съ обѣтомъ построить церковь. Однажды она молилась передъ этимъ образомъ; внезапно отворяется дверь, и входитъ давно ожидаемый сынъ. Она исполнила обѣтъ, построила церковь во имя св. Николая“ [1]). Съ 1740 г. Алексѣй Романовичъ служилъ капитаномъ въ Рязанскомъ драгунскомъ полку, съ 1749 г. — премьеръ-маіоромъ и 1751 г. — подполковникомъ; въ 1753 г. за ранами былъ уволенъ отъ военной службы. Но съ 1760 г. занималъ мѣсто совѣтника въ Ревизіонъ и Камеръ-коллегіяхъ. (Первая соотвѣтствовала нынѣшнему Государственному контролю, вторая же коллегія — какъ бы департаменту окладныхъ и неокладныхъ сборовъ.) Въ 1772 г. „уволенъ вовсе“ отъ службы съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и умеръ въ 1777 году. Похороненъ вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ подъ однимъ памятникомъ у церкви кладбища села Никольскаго Перемышлскаго уѣзда Калужской губерніи. Послѣ 1812 г. кладбище это было упразднено. На его мѣстѣ, а также на мѣстѣ церкви оказалось чистое поле съ одинокимъ памятникомъ [2]).

Относительно дѣда Ивана Сергѣевича — Николая Алексѣевича Тургенева находимъ только слѣдующія данныя (въ сборникѣ Руммеля и Голубцова): родился онъ въ 1749 г., служилъ съ 1766 г. въ артиллеріи и съ 1773 г. — въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку фурьеромъ; съ 1777 г. — гвардіи сержантомъ и въ 1780 г. уволенъ отъ службы гвардіи прапорщикомъ. Были слухи, что этотъ Николай Алексѣевичъ былъ сыномъ императрицы Елиза-

1) „Русск. Архивъ“, 1878, I, 214.
2) ibid.

веты[1]). Но совершенная неосновательность ихъ явствуетъ не только изъ фактовъ хорошо теперь извѣстной интимной стороны жизни Елизаветы Петровны, но также изъ весьма не блестящей карьеры Николая Алексѣевича, едва добившагося послѣ 14-лѣтней службы да еще при отставкѣ чина прапорщика. Болѣе чѣмъ скромное матеріальное положеніе его еще сильнѣе противорѣчитъ справедливости подобныхъ слуховъ.

У Николая Алексѣевича было пять сыновей и три дочери. Второй сынъ — Сергѣй Николаевичъ, родившійся 15 декабря 1793 года, и былъ отцомъ великаго писателя. Службу онъ началъ въ кавалергардскомъ полку въ 1810 г. Въ 1812 г. 21 окт. произведенъ въ корнеты; въ 1813 г. 23 сент. — въ поручики; въ 1817 г. 9 авг. — въ штабсъротмистры; въ 1818 г. 6 іюля — въ ротмистры. Въ 1819 г. 20 окт. онъ перевелся въ Екатеринославскій драгунскій полкъ чиномъ подполковника и уволенъ отъ службы полковникомъ 20 февр. 1821 года; умеръ 30 окт. 1834 года[2]). Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ особенно полно обрисованъ въ повѣсти „Первая любовь“, про которую Иванъ Сергѣевичъ такъ высказывался впослѣдствіи: „Она, пожалуй, мое любимое произведеніе. Въ остальныхъ, хотя не много да выдумано, въ „Первой любви“ же описано дѣйствительное происшествіе, безъ малѣйшей прикраски, и при перечитываньи дѣйствующія лица встаютъ, какъ живыя, передо мною“[3]). Мужественно-красивый, изящный и юношески стройный даже въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ какомъ выступаетъ онъ въ разсказѣ, Сергѣй Николаевичъ оправдывалъ вполнѣ отзывъ своего сына: „Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ. Разъ одна барыня, уже пожилая, честная и прямодушная, вспоминая объ отцѣ моемъ, котораго она знала въ молодости, проговорилась, что однажды, оставшись съ нимъ наединѣ, она, прежде чѣмъ успѣла что-нибудь

---

1) „Русск. Архивъ“, 1902, кн. 9, стр. 144.
2) I. Mourier. I. S. Tourguéneff à Spasskoé, 14.
3) Воспоминан. Половцова въ календарѣ „Царь-Колоколъ“, на 1887 г., стр. 77.

сказать или подумать, какъ уже была въ его власти“ [1]). Единственный портретъ Сергѣя Николаевича, сохранявшійся въ Спасскомъ, много потерялъ при воспроизведеніи его по фотографіи въ книгѣ г. Мурье. Но и оригиналъ произвелъ на пишущаго эти строки не то впечатлѣніе, какое ожидаешь послѣ прочтенія „Первой любви“. На портретѣ герой повѣсти слишкомъ женоподобенъ; старинная кавалергардская форма черезчуръ сузила его плечи, придавъ всей фигурѣ какой-то кукольный видъ. Вы видите передъ собою скорѣе молодую красивую дѣвушку лѣтъ 17, въ бѣломъ гвардейскомъ мундирѣ, украшенномъ Георгіевскимъ крестомъ и двумя медалями (одна въ память 1812 года). Высокій красный, шитый золотомъ воротникъ упирается въ подбородокъ. Изсѣра-голубые ясные глаза подъ темными бровями, вьющіеся на лбу темнорусые волосы, маленькія уши — все это только усиливаетъ иллюзію. Лишь правильный носъ, ротъ и подбородокъ были бы нѣсколько крупны для красивой семнадцатилѣтней дѣвушки, а легкій, какъ тѣнь, пушокъ на верхней губѣ вы не сразу и замѣтите. Напрасно стали бы мы отыскивать черты сходства по этому портрету между лицомъ Сергѣя Николаевича и лицомъ его сына. Впрочемъ глаза Ивана Сергѣевича, судя по свидѣтельству его современниковъ, должны были напоминать глаза его отца. Княжна Зинаида („Первая любовь“) даже прямо это высказываетъ въ трогательной сценѣ полупризнаній своихъ въ IX главѣ повѣсти.

Нравственный обликъ Сергѣя Николаевича Тургенева воспроизведенъ въ слѣдующихъ строкахъ того же разсказа: „Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ. „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать — въ этомъ вся штука жизни“, сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ тотъ день былъ, какъ я это

1) Воспомин. Я. Полонскаго. „Нива“, 1884 г., стр. 15.

называлъ, „добрый“; тогда съ нимъ можно было говорить о чемъ угодно). — Свобода, — повторилъ онъ: а знаешь ли ты, что можетъ человѣку дать свободу?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть — и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить — и жилъ . . . Быть можетъ онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой“ жизни: онъ умеръ сорока двухъ лѣтъ“.

Сергѣй Николаевичъ дѣйствительно умѣлъ хотѣть — и былъ свободенъ и „командовалъ“ даже такимъ сильнымъ и страстнымъ характеромъ, какимъ обладала жена его. Онъ, впрочемъ, всячески старался не возбуждать ея подозрѣній; въ случаѣ же упрековъ обыкновенно холодно и вѣжливо отмалчивался; а при сильныхъ вспышкахъ ревности Варвары Петровны умѣлъ ей и пригрозить.

Достовѣрныя данныя о томъ родѣ Лутовиновыхъ, къ которому принадлежала мать Ивана Сергѣевича, не идутъ далѣе начала XVIII вѣка. Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ, бригадиръ, родившійся въ 1707 году, имѣлъ пять дочерей и троихъ сыновей: Петра (1743—1787), Алексѣя (1747—1796) и Ивана (1753—1813). Двое послѣднихъ умерли холостяками, у Петра же Ивановича была единственная дочь Варвара (1787—1850) [1]).

Къ сожалѣнію, извѣстны лишь отрывочные факты и преданія о семьѣ Ивана Андреевича, да и тѣ касаются почти исключительно дяди Варвары Петровны Тургеневой — Ивана Ивановича Лутовинова, у котораго она прожила десять лѣтъ и послѣ смерти котораго получила Спасское вмѣстѣ съ другими значительными имѣніями. Всѣ воспоминанія согласно показываютъ, что онъ былъ нрава очень суроваго, жестокаго и, кажется, единственнымъ его добрымъ дѣломъ была постройка церкви въ селѣ Спасскомъ.

---

1) I. Mourier. I. S. Torguéneff à Spasskoé, 113.

Трудно возстановить теперь имена предковъ Ивана Сергѣевича, положенныхъ въ основу типовъ тѣхъ его разсказовъ, которые описываютъ время второй половины XVIII вѣка и начала XIX в. Есть достаточно основаній предположить только, что добродушные герои въ родѣ Ѳомушки и Ѳимушки („Новь“) или Телѣгиныхъ („Старые портреты“) списаны преимущественно съ Тургеневыхъ, а жестокіе и крутые характеры, въ родѣ дѣдушки разсказчика „Однодворца Овсянникова“, — съ Лутовиновыхъ. Такъ должны мы думать, хотя и среди Тургеневыхъ встрѣчались личности, вызывавшія негодованіе Иванъ Сергѣевича. Сообщая, напримѣръ, Герцену въ письмѣ отъ 9 янв. (н. с.) 1861 г. свое мнѣніе о сборникѣ матеріаловъ по расколу, изданномъ Кельсіевымъ, Иванъ Сергѣевичъ прибавляетъ: „Хорошъ тамъ является Тургеневъ Ѳедоръ Михайловичъ![1]) Это былъ величайшій с . . . . с . . . . и грабитель. Помнится, мы отъ этого къ нему и не ѣздили, даромъ что онъ былъ намъ родственникомъ. А вѣдь и мои родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ“. Вполнѣ безошибочно можно указать Лутовиновыхъ лишь въ двухъ разсказахъ — „Три портрета“ и „Бригадиръ“. Герой перваго произведенія, Василій Ивановичъ Лучиновъ, умный, изворотливый, смѣлый до дерзости и человѣкъ безъ всякой нравственности — одинъ изъ сыновей Ивана Андреевича Лутовинова, очевидно младшій — Иванъ Ивановичъ. Старикъ скряга Лучиновъ, постукивавшій на ночь палкой по мѣшкамъ съ деньгами — отецъ его Иванъ Андреевичъ Лутовиновъ. Авторъ разсказа проговорился какъ-то Я. П. Полонскому, что въ дѣйствительности игрушкой Лучинова была не воспитанница, а сестра его; но Тургеневъ долженъ былъ смягчить фактъ, щадя нравственное чувство читателя[2]). Если же это вѣрно, то легко объясняется тогда семейной драмой „Трехъ портретовъ“ трудно разбираемая надпись чугунной плиты надгробнаго мавзолея с. Спасскаго: „. . . . скончался въ 1796

1) Въ сборникѣ Руммеля и Голубцова о немъ сказано: Ѳ. М. Тургеневъ — вахмистръ Лейбъ-гвардіи коннаго полка (1796 г.); штабсъ-капитанъ (1809 г.); дѣйств. статск. совѣт. (1835 г.)

2) Воспомин. Полонскаго въ „Нивѣ“ 1884 г., стр. 14.

год апрѣля 12 д. и тутъ погребенъ дядею ево и другомъ матери ево Иваномъ Лутавиновымъ и въ память сему младенцу предѣлъ сей во имя святаго Николая Чудотворца соорудилъ"[1]). Много мрачныхъ легендъ сложилось послѣ смерти грознаго помѣщика въ Спасскомъ. Одну изъ нихъ передаетъ мальчикъ Ильюша своимъ товарищамъ по Бѣжину лугу, сидя у костра:

— А какіе ты намъ, Ильюшка, страхи разсказывалъ, — заговорилъ Ѳедя . . . А точно, я слышалъ, это мѣсто у васъ нечистое.

— Варнавицы? Еще бы! еще какое нечистое! Тамъ не разъ, говорятъ, стараго барина видѣли — покойнаго барина. Ходитъ, говорятъ, въ кафтанѣ долгополомъ, и все это этакъ охаетъ, чего-то на землѣ ищетъ. Его разъ дѣдушка Трофимычъ повстрѣчалъ. — Что, молъ, батюшка, Иванъ Ивановичъ, изволишь искать на землѣ?

— Онъ его спросилъ? — перебилъ изумленный Ѳедя.

— Да, спросилъ.

— Ну, молодецъ же послѣ этого Трофимычъ . . . Ну, и что-жъ тотъ?

— Разрывъ-травы, говоритъ, ищу. Да такъ глухо говоритъ, глухо: — разрывъ-травы. — А на что тебѣ, батюшка, Иванъ Ивановичъ, разрывъ-травы? — Давитъ, говоритъ, могила давитъ, Трофимычъ; вонъ хочется, вонъ" . . .

Дочери Ивана Андреевича Лутовинова характеризуются разсказомъ „Бригадиръ". По свидѣтельству неизданнаго письма Тургенева къ его управляющему Кишинскому отъ 3 (15) апрѣля 1867 г.,[2]) а также изъ писемъ къ Анненкову отъ 6 и 21 мая (н. с.) того же года[3]) оказывается, что трогательное посланіе бригадира Гуськова, это chef d'oeuvre. по мнѣнію Ивана Сергѣевича, есть подлинное письмо къ Варварѣ Петровнѣ Тургеневой неизмѣннаго поклонника одной изъ ея тетокъ Лутовиновыхъ. Въ этомъ документѣ измѣнены только имена; но необычайные факты, сообщаемые разсказомъ,

---

1) Снимокъ (по фотографіи) съ надгробной плиты помѣщенъ въ книгѣ Mourier на стр. 102.

2) Хранится въ Импер. Публичн. Библіотекѣ.

3) „Русское Обозрѣніе" 1894 г., кн. 1.

и жестокіе характеры лицъ Ломовскаго (Лутовиновска семейства, являются такимъ образомъ не вымышленны и не прикрашенными.

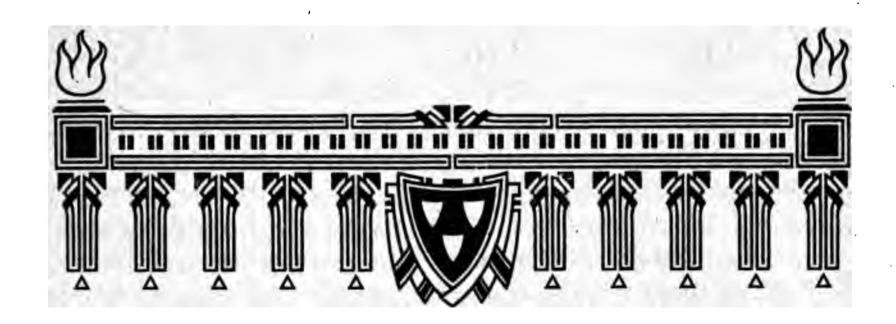
Перейдемъ, въ заключеніе, къ матери нашего писате Варварѣ Петровнѣ, этой безгранично властолюбивой, озл ленной и страстной женщинѣ. Воспоминанія людей къ ней близкихъ полны удивительныхъ подробностей о ея безсер дечіи, жестокой изобрѣтательности, о ея причудахъ, гр ничащихъ съ явнымъ самодурствомъ, облеченнымъ, впро чемъ, въ приличныя формы степенной барской жизн Характеръ Варвары Петровны достаточно полно, хотя и в смягченномъ видѣ, исчерпанъ Иваномъ Сергѣевичемъ в нѣкоторыхъ его разсказахъ, поэтому намъ нѣтъ надоб ности приводить факты и свидѣтельства о самовластно помѣщицѣ изъ воспоминаній Житовой, Колонтаевой, Рынд и др. [1]). Обратимся къ самымъ произведеніямъ Тургенева Въ Натальѣ Николаевнѣ „Степного короля Лира“ автор изобразилъ отношенія своей матери къ мелкопомѣстным дворянамъ и дворянкамъ, къ воспитанницамъ и приживаль щикамъ. Чѣмъ менѣе богатъ и родовитъ былъ ея сосѣд помѣщикъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ оказыват Натальѣ Николаевнѣ смиреннаго почтенія, покорности и страха, если хотѣлъ пользоватся ея милостями или даж вниманіемъ. Надо было быть Харловымъ и дѣйствительны спасителемъ ея жизни, чтобы заслужить уваженіе надменно женщины. Презрительно-злое брезгливо-безсердечное от отношеніе Варвары Петровны къ подчиненнымъ и крѣпост нымъ придано Тургеневымъ „строгой и гнѣвной бабушкѣ“ разсказа „Пунинъ и Бабуринъ“. Здѣсь находимъ и любимо выраженіе Варвары Петровны: „въ своихъ подданныхъ властна и никому за нихъ не отвѣчаю“. Приведенъ обычный угрюмый окрикъ ея въ минуты гнѣва: „ступай всѣ люди вонъ!“ Въ разсказѣ „Муму“ вдова, окруженн подобострастными приживалками и огромной дворней - та же Варвара Петровна, но выказывающая себя со сторон

1) „Вѣстн. Евр.“ 1884 г. № 11 и 12. „Историческ. Вѣстн.“ 18 г. № 10 и 1894 г. № 2.

ɜзграничной капризности и привередливости. Въ этомъ ɩзсказѣ отмѣчена между прочимъ манера Варвары Петровны ɔикидываться по временамъ „загнанной сиротливой страдаɹцей". „Неужели для него (глухонѣмого Герасима) какая ибудь собаченка дороже спокойствія, самой жизни его ɹрыни", слезливо говоритъ вдова, какъ бы повторяя жалобы ургеневой въ иныхъ случаяхъ на свою участь, на то, что е, бѣдную, всѣ бросили, что всѣ хотятъ ея смерти, и проч. 'уть же выведенъ и ея домашній врачъ Кудряшовъ подъ ɪменемъ Харитона, безпрестанно подающаго ей на серебряномъ подносѣ лавровишневыя капли. Суровая придирчивость Варвары Петровны, дикая по своей мелочности и деспотизму канцелярщина и регламентація хозяйственныхъ работъ и порядковъ въ имѣніи прекрасно изображены въ фантазіяхъ Глафиры Ивановны „Собственной господской конторы". Наконецъ та нравственная порча, какой подвергались дворовые Тургеневой подъ ея неумолимымъ гнетомъ, обрисована яркими красками въ разсказѣ „Записокъ Охотника" — Контора". Если мы сведемъ теперь отмѣченныя качества етырехъ героинь въ одинъ, такъ сказать, характеръ, то олучимъ полный и живой образъ матери великаго писателя.

Какъ въ различныхъ воспоминаніяхъ, такъ и въ повѣстяхъ Тургенева Варвара Петровна характеризуется премущественно въ періодъ ея вдовства (1834—1850 г.). Какъ ɪмужняя женщина она выступаетъ подъ перомъ своего ɪна только въ „Первой любви". Здѣсь мы видимъ ее, всю, ѣликомъ, поглощенной ревнивыми волненіями и заботами своемъ мужѣ, женившемся на ней (14 января 1816 г.)) разсчету. Но Иванъ Сергѣевичъ совсѣмъ не касается ея ѣтства, проведеннаго подъ кровомъ ненавидѣвшей ее матери, передъ безстыдными глазами отчима, покусившагося въ онцѣ концовъ на честь своей падчерицы. Онъ не затраɪваетъ вовсе и времени, прожитого ею въ домѣ дяди вана Ивановича, куда убѣжала несчастная дѣвушка. Соɪтія, столкновенія и страсти, волновавшія Варвару Пеɔовну въ годы ея дѣтства и молодости, во многомъ испорɪвшія и озлобившія ее на всю жизнь, совершенно отсутствуютъ ь творчествѣ ея сына, хотя тяжелая, уродливая обстановка, ь которой она росла, достаточно ярко изображена Иваномъ

Сергѣевичемъ въ разсказахъ, посвященныхъ семейной хроникѣ Лутовиновыхъ. Но, конечно, Варвара Петровна вполнѣ обнаружила себя, стала „сама собою“ лишь во время вдовства. Ея силы, ея энергія не отвлекались тогда на одностороннюю борьбу за собственную нравственную и физическую безопасность, какъ это было до замужества. Ея стремленія не были поглощены тогда и мучительной заботой о сохраненіи привязанности мужа.

II.

И. С. Тургеневъ въ берлинскомъ университетѣ.

(1838—40 гг.).

Чѣмъ было то „нѣмецкое море“, въ которое „бросился внизъ головою“ И. С. Тургеневъ въ концѣ 30-хъ годовъ? Чѣмъ было оно въ то время, когда русская молодежь съ особенной силой начала стремиться туда, подобно древнимъ славянамъ, искавшимъ начальниковъ у заморскихъ варяговъ, по выраженію того же Тургенева?

Іюльская революція 1830 года, взволновавшая западно-европейское общество, возбудившая надежды однихъ и напугавшая другихъ, вызвала сильную реакцію въ Германіи, особенно въ Прусскомъ королевствѣ. Реакція эта, объявивъ походъ противъ всего французскаго, противъ всѣхъ ученій и взглядовъ, исходившихъ изъ „очага всякаго нечестія“, достигла вполнѣ своихъ результатовъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ. Все протестующее, недовольное притаилось по уголкамъ, скрываясь отъ зоркихъ глазъ полиціи, и только такъ называемая „молодая Германія“ нарушала общую благопристойную тишину своей критикой общественной жизни, не выступая, впрочемъ, изъ границъ тѣсной литературной партіи и не касаясь прямо щекотливыхъ вопросовъ политики.

Мудрено было идеализировать дѣйствительность, окра-

шенную въ такія сѣренькія краски. Но прогрессъ нѣмецкой науки и философіи, прогрессъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный для того времени, могъ вызвать сочувственное отношеніе къ германскому міру 30-хъ годовъ; и нигдѣ это сочувствіе не выразилось столь горячо и сильно, какъ у насъ въ Россіи. Журналъ „Московскій Наблюдатель", ставшій въ 1838 году органомъ молодыхъ русскихъ писателей и ученыхъ, стремившихся къ германской наукѣ и германской философіи, такъ выражалъ свои симпатіи къ Пруссіи и ея столицѣ: „Пруссія есть государство протестантское и потому по преимуществу германское, и такъ какъ оно при томъ еще и самое могущественное изъ германскихъ государствъ, слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея правительства наукѣ были также причиною утвержденія въ берлинскомъ университетѣ германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая философія и оттуда осіяла своими свѣтозарными лучами всю Германію". Такъ выражался журналъ, гдѣ сотрудничалъ рядомъ съ Бѣлинскимъ Константинъ Аксаковъ, рядомъ съ Бакунинымъ — Катковъ. Такое почти восторженное отношеніе къ Пруссіи исключало, конечно, возможность вліянія „молодой Германіи" на русское общество, и тотъ же журналъ свысока отнесся къ „этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ" [1]).

Ни въ одной странѣ, повторяемъ, не проявлялось такъ много симпатій къ Пруссіи 30-хъ годовъ, какъ у насъ. Кромѣ общихъ причинъ тутъ дѣйствовала и спеціальная: русское правительство поощряло интересъ въ нашей молодежи къ „умному отечеству" тогдашнихъ нѣмцевъ, особенно къ Берлину. Пруссія была въ то время передовымъ бойцомъ про-

1) „Жизнь и труды Погодина". Н. Барсукова V, 136 и 149

тивъ вѣчно волнующейся, либеральной Франціи, и въ Берлинѣ вплоть до 1848 г. сочинялись проповѣди, выходили ученые трактаты, создавались философіи и искусство для борьбы съ французскимъ „нечестіемъ“. Борьба эта велась и представителями власти, и церковными проповѣдниками, и профессорами, и художниками [1]). Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, освобожденный Россіей отъ цѣпей Наполеона, былъ на положеніи почти вассала императора Николая I. Подъ крылышкомъ прусскаго короля, въ стѣнахъ консервативнѣйшаго изъ университетовъ нечего было бояться ни вліянія „изувѣра Дидерота“, ни системы Сенъ-Симона, ни уже выступавшей на литературномъ горизонтѣ Жоржъ-Зандъ.

Берлинъ конца 30-хъ годовъ, конечно, не представлялъ ничего подобнаго тому, что видимъ теперь въ столицѣ Германской имперіи съ ея полуторамилліоннымъ населеніемъ. Даже въ 1847 г. Тургеневъ характеризовалъ прусскую столицу весьма сдержанно: „что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2 и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ „тиргартена“ и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо „нѣмѣетъ передъ закономъ“. Шутки въ сторону, Берлинъ до сихъ поръ еще не столица, по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40 года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ), но большія внутреннія перемѣны совершились“ [2]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ Берлинъ былъ въ сущности бѣднымъ городомъ, хотя и старался придать себѣ подобіе большой резиденціи и важнаго политическаго центра. Въ научномъ отношеніи онъ, однако, стоялъ высоко, и молодой

---

1) Анненковъ. „Воспом. и критич. очерки“. III, 58—61.

2) „Современникъ. 1847 г. кн. 3. „Письма изъ Берлина“.

еще совсѣмъ университетъ его (основанъ въ 1810 году) пользовался тогда залуженной извѣстностью. Достаточно назвать въ числѣ его профессоровъ хотя бы Риттера, Ранке, Савиньи, чтобы оцѣнить все значеніе Берлина для молодыхъ русскихъ, пріѣзжавшихъ туда учиться.

И. С. Тургеневъ выѣхалъ изъ Россіи въ маѣ 1838 года на томъ самомъ пароходѣ, который сгорѣлъ у Мекленбургскихъ береговъ. Несчастье это, описанное имъ въ его предсмертномъ разсказѣ „Пожаръ на морѣ", прошло для него совершенно благополучно, и Тургеневъ, высадившись на берегъ, черезъ Любекъ и Гамбургъ прибылъ въ Берлинъ, гдѣ поступилъ въ число студентовъ университета. Въ слѣдующемъ 1839 году Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на родину и конецъ года провелъ въ Петербургѣ, а въ началѣ 1840 г. вновь поѣхалъ за границу. Мартъ, апрѣль и почти весь май (нов. ст.) прожилъ въ Римѣ; въ концѣ послѣдняго мѣсяца заглянулъ въ Неаполь и черезъ Генную и Швейцарію прибылъ снова въ Берлинъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, гдѣ продолжалъ свои занятія еще полгода. По крайней мѣрѣ въ его черновыхъ бумагахъ сохранилась запись, что новый 1841 годъ Тургеневъ встрѣчалъ еще въ столицѣ Пруссіи („1 jan. 1841 à Berlin; retour en Russie на Александрѣ"). Университетское свидѣтельство его подписано было 18-го ноября 1840 г. (D. Berolini, d. XVIII mens. Novembr. MDCCCXL)[1]).

Путешествіе по Швейцаріи не касается прямо нашей задачи, но мы остановимся на немъ минуту въ виду почти полнаго незнакомства читающей публики съ этимъ фактомъ біографіи Тургенева. Объ этомъ путешествіи онъ впослѣдствіи разсказывалъ такъ: „Въ Швейцаріи я купилъ себѣ блузу, ранецъ, палку, взялъ карту и отправился пѣшкомъ въ горы, не нанявъ себѣ даже гида. Это, впрочемъ, привело къ тому, что путешествіе мое обошлось весьма и весьма недорого и было не въ примѣръ пріятнѣе. Въ Швейцаріи обыкновенно всѣ интересныя мѣста ограждены загородками, и чтобы пройти за нихъ, надо всегда что-нибудь платить,

1) Эта дата списана нами съ подлинника, находившагося въ Спасскомъ.

а такъ какъ я представлялъ изъ себя простого пѣшехода, а не иностраннаго туриста, то меня всюду пропускали безплатно. Въ гостиницахъ, въ то время какъ наверху какой-нибудь англичанинъ платилъ за обѣдъ вдвое и втрое дороже, я ѣлъ внизу то же самое, но за какой-нибудь одинъ или полтора франка, при чемъ подавали мнѣ обѣдъ скорѣе, чѣмъ богачу-англичанину" [1]). Замѣчательно, что это путешествіе по Швейцаріи, первое и послѣднее въ жизни Тургенева, не оставило никакихъ слѣдовъ въ его произведеніяхъ, если не считать нѣсколькихъ строчекъ въ разговорѣ между Юнгфрау и Финстерааргорномъ, украшающемъ его „Стихотворенія въ прозѣ". Нельзя же приписывать это равнодушіе къ горной природѣ невысокому мнѣнію Тургенева о швейцарцахъ, которыхъ онъ назвалъ разъ въ письмѣ къ Флоберу (30-го іюня 1874 г.) „самымъ утомительно-скучнымъ и бездарнымъ народомъ". Все это тѣмъ болѣе неожиданно, что мимолетное посѣщеніе Иваномъ Сергѣевичемъ по пути изъ Рима въ Швейцарію озера Лаго-Маджіоре съ его isola bella породило превосходную главу (14-ую) въ „Призракахъ". Поѣздка въ Неаполь вспоминалась имъ въ XII письмѣ (ночное катанье по заливу) разсказа „Переписка" и въ XVI строфѣ поэмы „Параша", гдѣ дается описаніе неаполитанскаго лѣта, приведшее въ восторгъ Бѣлинскаго:

„Прежаркій день... но вовсе не такой,
Какихъ видалъ я на далекомъ югѣ"... и т. д.

Короткое пребываніе въ Сорренто послужило, между прочимъ, матеріаломъ для его „Трехъ встрѣчъ", если не считать его драматическаго отрывка „Вечеръ въ Сорренто". Посѣщеніе же Франкфурта на Майнѣ, на возвратномъ пути изъ Италіи въ Берлинъ, дало Тургеневу нѣсколько живыхъ сценъ для „Вешнихъ водъ." Какъ онъ позднѣе разсказывалъ нѣмецкому профессору Фридлендеру, во Франкфуртѣ въ кондитерской его позвала встревоженная красивая дѣвушка и просила оказать помощь брату, упавшему въ глубокій обморокъ. Но семейство ея было не итальянское, а еврейское, и у больного была не одна сестра, а двѣ. Иванъ Сер-

---

1) „Русская Старина", 1883 г., окт. 206.

гѣевичъ подавилъ свое все болѣе и болѣе усиливавшееся увлеченіе красавицей только скорымъ отъѣздомъ. (Съ Панталеоне Тургеневъ познакомился позднѣе въ другой, русской, семьѣ).

Пріѣзжавшіе въ Берлинъ молодые русскіе устраивались тамъ, въ общемъ, очень хорошо. Они пользовались такимъ вниманіемъ и довѣріемъ, что даже наши остзейцы въ Германіи называли себя не нѣмцами, а все русскими. Въ Берлинѣ въ то время публика вмѣстѣ съ королемъ сочувственно относилась къ Россіи, т. е. къ офиціальной Россіи, и прежде всего къ русскому императору. Портретъ его, сдѣланный Крогеромъ (въ серединѣ 30-хъ годовъ) и изображавшій въ натуральную величину государя и всю его свиту верхами, былъ выставленъ напоказъ, и вокругъ него всегда толпилась публика, и слышались хвалебные отзывы объ осанкѣ, о мужественной твердости, о семейныхъ его добродѣтеляхъ и проч. Пироговъ, отмѣчая всѣ эти факты въ своихъ воспоминаніяхъ, пишетъ въ заключеніе: „Не могу еще не упомянуть о неслыханномъ мною кредитѣ, которымъ пользовались въ то время мы, русскіе, у нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Мнѣ покоя не давалъ одинъ портной, отпустившій всѣмъ новаго платья въ кредитъ на нѣсколько тысячъ талеровъ. Этотъ портной, и вмѣстѣ содержатель магазина, непремѣнно хотѣлъ, чтобы и я у него заказалъ въ долгъ платья, хотя бы сотни на двѣ талеровъ; книжный продавецъ отпускалъ мнѣ также въ кредитъ на нѣсколько сотъ талеровъ различныхъ книгъ и журналовъ. Время уплаты долга не опредѣлялось; векселя и гарантій никакихъ не требовалось"... Довольно замѣтное охлажденіе, даже враждебное отношеніе къ Россіи стало появляться въ Пруссіи лишь послѣ 1840 года, съ воцареніемъ Фридриха-Вильгельма IV.

Изъ числа профессоровъ, лекціи которыхъ слушалъ Тургеневъ въ Берлинѣ, впослѣдствіи часто вспоминалъ онъ Вердера, „при одномъ имени котораго воодушевлялись" слушатели, особенно русскіе. Онъ объяснялъ философію Гегеля. „Съ благоговѣніемъ" слушалъ Иванъ Сергѣевичъ Стеффенса, защитника спекулятивнаго направленія въ естествознаніи, любившаго касаться вопросовъ времени съ религіозно-фило-

софской точки зрѣнія. Чтенія Шталя остались памятны Тургеневу особенно потому, что на нихъ студенты иной разъ „съ ожесточеніемъ шикали". Шталь, философъ-піэтистъ и одинъ изъ будущихъ основателей газеты Kreuz-Zeitung, излагалъ тогда основанія, необходимыя для осуществленія истинно-христіанскаго государства, нигдѣ еще не достигшаго вполнѣ своего настоящаго типа. Кромѣ того, Тургеневъ слушалъ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, посѣщалъ лекціи исторіи Ранке и сравнительнаго землевѣдѣнія Риттера. О лекціяхъ послѣдняго онъ такъ отзывался позднѣе въ одномъ изъ писемъ къ Ханыкову (1871 г. 29-го дек.): „О Риттерѣ я могу сказать вамъ слѣдующее. Я слушалъ его въ Берлинѣ въ зимній семестръ съ 38 на 39 годъ. Онъ вмѣстѣ съ Гансомъ [1]), скоро потомъ умершимъ, считался самымъ краснорѣчивымъ преподавателемъ въ ту эпоху берлинскаго университета. Слушателей у него было очень много и не между одними студентами; приходили и офицеры, и чиновники, и даже дамы. Онъ читалъ въ одной изъ самыхъ большихъ аудиторій. Наружность его была замѣчательно почтенная и важная; массивная голова, правильныя черты, высокій лобъ, выразительные большіе глаза и сочный, звучный, пріятный голосъ внушали невольное уваженіе; а плавная, спокойная и въ то же время картинная, колоритная рѣчь увлекала неотразимо и лилась безостановочно, какъ рѣка! Я никогда не видывалъ болѣе изящнаго профессора, изящнаго безъ всякой приторности, величаваго безъ напыщенности. Кстати о его голосѣ: Риттеръ былъ уже старъ въ 1838 году и потерялъ нѣсколько зубовъ; но подобнаго голоса я на каѳедрѣ тоже не слыхивалъ. (Особенно выдавался онъ послѣ птичьяго свиста Ранке, шепеляваго мурлыканья А. Бока и допотопнаго мычанья Цумпта, его современниковъ.) Много-ли выносили слушатели фактическихъ знаній изъ его лекцій, и насколько онѣ были научно-серьезны — это другой вопросъ; но онъ несомнѣнно умѣлъ возбудить интересъ къ географіи, предѣлы которой онъ расширилъ, успѣлъ заставить полюбить

---

1) Эд. Гансъ (1797—1839), юристъ школы Гегеля, противникъ исторической школы Савиньи.

ее, не считать ее болѣе сухимъ перечнемъ рѣкъ, горъ, лѣсовъ и т. п.“[1]).

Никто, впрочемъ, такъ сильно не дѣйствовалъ на Тургенева, какъ Вердеръ, тогда еще совсѣмъ молодой профессоръ (род. въ 1806 г.). Хорошо знакомый тогдашней образованной молодежи русской, учившейся въ Берлинѣ, Вердеръ былъ, по словамъ Анненкова, типомъ добродѣтельнаго, довѣрчиваго, дѣтски-чистаго нѣмецкаго ученаго. Съ большимъ жаромъ объясняя и комментируя логику Гегеля, онъ безпрестанно прибѣгалъ къ цитатамъ изъ 2-й части „Фауста“ и отвлеченнымъ формуламъ учителя старался сообщить жизнь и поэзію, возводя ихъ до нравственныхъ правилъ, связывая съ ними достоинство человѣка и эстетическое воспитаніе его. Вотъ какъ отзывался о немъ его близкій другъ Станкевичъ: „Профессоръ Вердеръ — рѣдкій молодой человѣкъ, наивный, какъ ребенокъ. Кажется, на цѣлый міръ смотритъ онъ, какъ на свое помѣстье, въ которомъ добрые люди безпрестанно готовятъ ему сюрпризы. Его бесѣды имѣютъ спасительное вліяніе, всѣ предметы невольно принимаютъ тотъ свѣтъ, въ которомъ онъ ихъ видитъ, и становится самому лучше, и самъ становишься лучше“[2]).

„Я занимался философіей, древними языками, исторіей“, разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ про то время: „и съ особеннымъ рвеніемъ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ профессора Вердера. Въ доказательство того, какъ недостаточно было образованіе, получаемое въ то время въ нашихъ высшихъ заведеніяхъ, приведу слѣдующій фактъ: я слушалъ въ Берлинѣ латинскія древности у Цумпта, исторію греческой литературы у Бока, а на дому принужденъ былъ зубрить латинскую грамматику и греческую, которыя зналъ плохо. И я былъ не изъ худшихъ кандидатовъ“. Слова о недостаточной подготовкѣ Тургенева нельзя, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что петербургскій университетъ не далъ ему знанія даже грамматики. Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ въ виду основательность изученія, отсутствіе поверхностности, торопливаго всезнайства, столь

1) „Ежемѣсячн. сочин.“ 1891 г., дек. 312.
2) Анненковъ. „Воспом. и крит. очерки“. III, 354.

распространеннаго въ нашемъ обществѣ, что̀ онъ позднѣе и заклеймилъ устами Потугина въ „Дымѣ“: „Статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи — это тоже мы можемъ, а попробовалъ я какъ-то предложить одному такому сочинителю и политико-эконому назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете-ли, что изъ этого вышло? Вышло то̀, что политико-экономъ, съ отчаянія, въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ, наконецъ, Монфермейль, вспомнивъ, вѣроятно, польдекоковскій романъ“. Кромѣ того, признанія Тургенева касаются болѣе всего филологическаго факультета, недостатки котораго замѣчаемы были даже питомцами другихъ факультетовъ того же университета, не побывавшими за границей. Такъ, В. В. Григорьевъ (оріенталистъ), сравнивая результаты научной подготовки филологовъ съ таковыми же у студентовъ восточнаго отдѣленія, высказалъ, въ сущности, ту же мысль Ивана Сергѣевича: „Можно сидѣть за умственною работою съ ранняго утра до поздняго вечера и все-таки не научиться путно ничему, остаться ученикомъ навѣки безъ всякой возможности выйти въ мастера. Стоитъ только для этого, какъ многіе и дѣлаютъ, приняться за работу съ конца, т. е. усвоить себѣ послѣдніе результаты науки, и потомъ „слѣдить за успѣхами ея“, читая тьму журналовъ и обозрѣній. Этимъ способомъ ученость пріобрѣтается очень скоро, и при томъ ученость эффектная, блистательная; жаль только, что она, какъ все фальшивое, непрочна и, какъ все лишенное внутренней жизни, непроизводительна. Мы (студенты восточнаго отдѣленія) работали иначе: насъ заставляли учиться съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходить весь процессъ основательнаго пріобрѣтенія свѣдѣній, со всѣми его трудностями, учили бороться съ ними безъ отдыха и побѣждать. Въ дѣлѣ воспитанія важно не то, чему учить, а какъ учить“ [1]).

Но изъ Тургенева не вышелъ и сухой собиратель знаній. Послѣднія не были для него простымъ балластомъ

1) „В. В. Григорьевъ“ Н. И. Веселовскаго, стр. 12.

памяти. Отъ такой инертности его прежде всего спасало усиленное занятіе философіей Гегеля съ ея широкими обобщеніями, съ ея строго логическими построеніями. Да и поэтическая натура Ивана Сергѣевича никогда не допустила бы такой односторонности. Вотъ почему съ нимъ могъ произойти такой, напримѣръ, характерный случай, записанный Фетомъ. Разъ на охотѣ (въ 1859 г.) Иванъ Сергѣевичъ шутливо потребовалъ отъ него названій пяти португальскихъ городовъ, кромѣ Лиссабона. „Только пяти, „настойчиво прибавлялъ онъ. Назвавъ Опорто и Коимбру, я было сталъ втупикъ“, разсказываетъ Фетъ: „но вдругъ вспомнилъ урокъ изъ Арсеньевской Географіи, и языкъ мой машинально пролепеталъ: Тавиро, Фаро и Лагосъ, портовые города“. — „Ха-ха-ха! вынужденно захохоталъ Тургеневъ, — какой ужасный вздоръ“. — „Очень жаль, что вы ихъ не знаете“, — сказалъ я, надѣясь на своего Арсеньева, какъ на каменную гору. Тургеневъ досталъ памятную книжку и записалъ города. „Хотите пари?“ — „Пожалуй, отвѣчалъ я, на бутылку шампанскаго!“ — „Нѣтъ, фальцетомъ протянулъ Тургеневъ: я хочу пробрать васъ хорошенько, — на дюжину шампанскаго!“ — „Это значило бы пробрать васъ!“ — „Знаемъ мы эти штуки! воскликнулъ Тургеневъ: это незнаніе въ одеждѣ великодушія“. Мы ударили по рукамъ. На другой день Тургеневъ, подходя ко мнѣ въ билліардной со старой книжкой въ рукахъ, сказалъ: „А вѣдь шампанское-то я проигралъ, вѣдь вотъ они въ самомъ дѣлѣ, эти нелѣпые города“ [1]). Иванъ Сергѣевичъ потому и высказалъ столь рѣшительно сомнѣніе въ знакомствѣ Фета съ географіей Португаліи, что ему, конечно, не могло придти въ голову, чтобы дѣйствительныя знанія пріобрѣтались, напримѣръ, запоминаніемъ трехъ незначительныхъ городовъ съ опущеніемъ десятка болѣе крупныхъ и важныхъ.

Насколько прочны были знанія, пріобрѣтенныя Тургеневымъ въ берлинскомъ университетѣ, видно, между прочимъ, изъ того, что Иванъ Сергѣевичъ до конца своей жизни

---

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 308—309.

свободно читалъ и любилъ читать римскихъ авторовъ въ подлинникѣ и могъ писать чуть не цѣлыя посланія друзьямъ на латинскомъ языкѣ; но онъ не былъ, конечно, столь одностороннимъ, чтобы видѣть въ древнихъ языкахъ альфу и омегу всякаго образованія. Вотъ что писалъ онъ впослѣдствіи по этому поводу Фету (6-го авг. 1871 г.): „Я выросъ на классикахъ и жилъ, и умру въ ихъ лагерѣ, но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherei даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другаго. „Fair play“, — говорятъ англичане; равенство и свобода, — говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться одинаковыми правами“ [1]).

Но не древніе языки, повторяемъ, были главнымъ предметомъ занятій Тургенева: философія Гегеля, царившая тогда въ умахъ передовой молодежи русской, преимущественно въ кружкѣ Станкевича — вотъ что поглощало его вниманіе въ Берлинѣ, вотъ что составляло главный предметъ его споровъ съ пріятелями. Герценъ, во всякомъ случаѣ, немного преувеличилъ въ своей извѣстной характеристикѣ увлеченій Гегелемъ, когда писалъ, что „нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и проч. Гегеля, который бы не былъ взятъ нашими философами отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи перехватывающаго духа, принимая за обиды мнѣнія объ абсолютной личности и о ея по себѣ бытіи. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней“. Гегель властвовалъ тогда въ мысляхъ не однихъ только русскихъ, вліяніе его сказывалось и среди нѣмецкихъ ученыхъ настолько сильно, что, по свидѣтельству Пирогова, учившагося въ 30-хъ годахъ

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“. II, 237.

въ Берлинѣ, вредно отзывалось даже на медицинѣ, отвлекая ее отъ чистаго наблюденія и опыта.

Рядомъ съ увлеченіемъ философіей шло увлеченіе нѣмецкой поэзіей, преимущественно „Фаустомъ“ Гете. Недаромъ критическая статья о „Фаустѣ“ и переводъ отрывка изъ этой поэмы были въ числѣ первыхъ литературныхъ трудовъ Ивана Сергѣевича по возвращеніи изъ Берлина на родину. Черезъ 15 лѣтъ Тургеневъ вспоминаетъ свои увлеченія великимъ твореніемъ Гете въ слѣдующихъ строкахъ своего чуднаго разсказа „Фаустъ“: „Я увидѣлъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за границы, между прочимъ, Гетевскаго „Фауста“. Тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, что было время, я зналъ „Фауста“ наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова: я не могъ начитаться имъ. . . Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую, слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурного изданія 1828 года). Я унесъ съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленіе духа земли, его слова: помнишь: „на жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенья“ возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейленъ Клару Штихъ и Зейдельмана въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все и вся“. . .

Вспоминая свои первые восторги „Фаустомъ“, Тургеневъ въ приведенномъ отрывкѣ перенесся воображеніемъ къ театру, къ лучшему въ то время берлинскому артисту Зейдельману и перенесся недаромъ: берлинская сцена, хотя въ общемъ и не бывала выдающейся, уступая не только парижской, но и вѣнской, такъ привлекла къ себѣ вниманіе русской молодежи, что до насъ дошли характеристики почти всѣхъ главныхъ артистовъ того времени въ письмахъ и воспоминаніяхъ друзей Тургенева и его самого. Особенный восторгъ возбуждалъ упомянутый уже Зейдельманъ, отличавшійся въ роляхъ „Натана Мудраго“ въ драмѣ Лессинга, Полонія въ „Гамлетѣ“ и Мефистофеля въ „Фаустѣ“. Игру въ послѣдней роли, такъ прочно оставшейся въ памяти Тургенева, Анненковъ описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ того времени слѣдующимъ образомъ. „Невозможно

болѣе отдѣлиться отъ собственной личности; при томъ же онъ (Зейдельманъ) еще создалъ какія-то особенныя ухватки, свидѣтельствовавшія о его чертовскомъ происхожденіи: такъ, онъ безпрестанно выправлялся, какъ будто испанская куртка помяла его крылья, ходилъ неровно и большими шагами, какъ будто копытцамъ его неловко въ узкихъ башмакахъ, страшная улыбка не сходила съ лица съ начала до конца пьесы, довершая различіе его отъ окружающихъ его людей. Но это только наружная отдѣлка роли; внутренняя еще совершеннѣе. Несмотря на видимую зависимость отъ Фауста, онъ господствовалъ надъ нимъ всею силою своего духа, а когда снизошелъ онъ до волокитства за старой вдовою, иронія была поразительна"[1]). Правда, русскіе студенты довольно скоро подмѣтили въ немъ излишнюю заботливость о внѣшней отдѣлкѣ ролей, но жизнерадостная молодость готова была всему посылать свой восторженный привѣтъ. Такъ привлекали къ себѣ ея вниманіе и двѣ соперничавшія, хотя и вполнѣ заурядныя, пѣвицы: высокая красивая брюнетка Леве, возбуждавшая горячую симпатію Грановскаго, и блондинка Фассманъ, очаровавшая Станкевича. Тургеневъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, не избѣгалъ и фарсовъ Кенигштадтскаго театра, гдѣ отличались два комика: Гернъ и Бекманъ. „Гернъ былъ каррикатуристъ въ родѣ Живокини, у Бекмана было много неподдѣльнаго спокойнаго юмору", такъ отзывался о нихъ Иванъ Сергѣевичъ. Неистовый смѣхъ возбуждали они особенно въ знаменитыхъ въ то время фарсахъ, на которые стекался весь Берлинъ: „Путешествіе на общій счетъ" и „1739, 1839 и 1939 годы".

Тургеневъ не отказывалъ себѣ и въ другихъ удовольствіяхъ: посѣщалъ публичныя гулянья, маскарады, совершалъ прогулки верхомъ, но совершенно не употреблялъ вина и не участвовалъ ни въ студенческихъ кутежахъ, ни въ „коммершахъ", хотя потомъ и описалъ послѣдніе не безъ теплаго чувства во второй главѣ своей „Аси". Заходилъ онъ развѣ въ тотъ погребъ (ресторанъ), гдѣ пьянствовалъ знаменитый романтикъ и ненавистникъ филистеровъ —

---

1) „Анненковъ и его друзья", 131.

шенную въ такія сѣренькія краски. Но прогрессъ нѣмецкой науки и философіи, прогрессъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный для того времени, могъ вызвать сочувственное отношеніе къ германскому міру 30-хъ годовъ; и нигдѣ это сочувствіе не выразилось столь горячо и сильно, какъ у насъ въ Россіи. Журналъ „Московскій Наблюдатель", ставшій въ 1838 году органомъ молодыхъ русскихъ писателей и ученыхъ, стремившихся къ германской наукѣ и германской философіи, такъ выражалъ свои симпатіи къ Пруссіи и ея столицѣ: „Пруссія есть государство протестантское и потому по преимуществу германское, и такъ какъ оно при томъ еще и самое могущественное изъ германскихъ государствъ, слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея правительства наукѣ были также причиною утвержденія въ берлинскомъ университетѣ германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая философія и оттуда осіяла своими свѣтозарными лучами всю Германію". Такъ выражался журналъ, гдѣ сотрудничалъ рядомъ съ Бѣлинскимъ Константинъ Аксаковъ, рядомъ съ Бакунинымъ — Катковъ. Такое почти восторженное отношеніе къ Пруссіи исключало, конечно, возможность вліянія „молодой Германіи" на русское общество, и тотъ же журналъ свысока отнесся къ „этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ" [1]).

Ни въ одной странѣ, повторяемъ, не проявлялось такъ много симпатій къ Пруссіи 30-хъ годовъ, какъ у насъ. Кромѣ общихъ причинъ тутъ дѣйствовала и спеціальная: русское правительство поощряло интересъ въ нашей молодежи къ „умному отечеству" тогдашнихъ нѣмцевъ, особенно къ Берлину. Пруссія была въ то время передовымъ бойцомъ про-

1) „Жизнь и труды Погодина". Н. Барсукова V, 136 и 149

тивъ вѣчно волнующейся, либеральной Франціи, и въ Берлинѣ вплоть до 1848 г. сочинялись проповѣди, выходили ученые трактаты, создавались философіи и искусство для борьбы съ французскимъ „нечестіемъ“. Борьба эта велась и представителями власти, и церковными проповѣдниками, и профессорами, и художниками [1]). Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, освобожденный Россіей отъ цѣпей Наполеона, былъ на положеніи почти вассала императора Николая I. Подъ крылышкомъ прусскаго короля, въ стѣнахъ консервативнѣйшаго изъ университетовъ нечего было бояться ни вліянія „изувѣра Дидерота“, ни системы Сенъ-Симона, ни уже выступавшей на литературномъ горизонтѣ Жоржъ-Зандъ.

Берлинъ конца 30-хъ годовъ, конечно, не представлялъ ничего подобнаго тому, что видимъ теперь въ столицѣ Германской имперіи съ ея полуторамилліоннымъ населеніемъ. Даже въ 1847 г. Тургеневъ характеризовалъ прусскую столицу весьма сдержанно: „что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2 и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ „тиргартена“ и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо „нѣмѣетъ передъ закономъ“. Шутки въ сторону, Берлинъ до сихъ поръ еще не столица, по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40 года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ), но большія внутреннія перемѣны совершились“ [2]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ Берлинъ былъ въ сущности бѣднымъ городомъ, хотя и старался придать себѣ подобіе большой резиденціи и важнаго политическаго центра. Въ научномъ отношеніи онъ, однако, стоялъ высоко, и молодой

1) Анненковъ. „Воспом. и критич. очерки“. III, 58—61.
2) „Современникъ. 1847 г. кн. 3. „Письма изъ Берлина“.

шенную въ такія сѣренькія краски. Но прогрессъ нѣмецкой науки и философіи, прогрессъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательный для того времени, могъ вызвать сочувственное отношеніе къ германскому міру 30-хъ годовъ; и нигдѣ это сочувствіе не выразилось столь горячо и сильно, какъ у насъ въ Россіи. Журналъ „Московскій Наблюдатель“, ставшій въ 1838 году органомъ молодыхъ русскихъ писателей и ученыхъ, стремившихся къ германской наукѣ и германской философіи, такъ выражалъ свои симпатіи къ Пруссіи и ея столицѣ: „Пруссія есть государство протестантское и потому по преимуществу германское, и такъ какъ оно при томъ еще и самое могущественное изъ германскихъ государствъ, слѣдовательно, оно сосредоточиваетъ въ себѣ, такъ сказать, всѣ нравственныя силы Германіи и есть представитель ея народнаго духа. Высокая образованность прусскаго народа, могущая служить образцомъ всей Европѣ, и просвѣщенное покровительство ея правительства наукѣ были также причиною утвержденія въ берлинскомъ университетѣ германскаго просвѣщенія. Лучшимъ этому доказательствомъ можетъ служить то, что въ этотъ университетъ перешла изъ Іены, въ лицѣ великаго Гегеля, новѣйшая философія и оттуда осіяла своими свѣтозарными лучами всю Германію“. Такъ выражался журналъ, гдѣ сотрудничалъ рядомъ съ Бѣлинскимъ Константинъ Аксаковъ, рядомъ съ Бакунинымъ — Катковъ. Такое почти восторженное отношеніе къ Пруссіи исключало, конечно, возможность вліянія „молодой Германіи“ на русское общество, и тотъ же журналъ свысока отнесся къ „этой смѣшной юной Германіи, которая хотѣла передѣлать свое умное отечество по своимъ дѣтскимъ фантазіямъ“ [1]).

Ни въ одной странѣ, повторяемъ, не проявлялось такъ много симпатій къ Пруссіи 30-хъ годовъ, какъ у насъ. Кромѣ общихъ причинъ тутъ дѣйствовала и спеціальная: русское правительство поощряло интересъ въ нашей молодежи къ „умному отечеству“ тогдашнихъ нѣмцевъ, особенно къ Берлину. Пруссія была въ то время передовымъ бойцомъ про-

1) „Жизнь и труды Погодина“. Н. Барсукова V, 136 и 149

тивъ вѣчно волнующейся, либеральной Франціи, и въ Берлинѣ вплоть до 1848 г. сочинялись проповѣди, выходили ученые трактаты, создавались философіи и искусство для борьбы съ французскимъ „нечестіемъ“. Борьба эта велась и представителями власти, и церковными проповѣдниками, и профессорами, и художниками [1]). Король Фридрихъ-Вильгельмъ III, освобожденный Россіей отъ цѣпей Наполеона, былъ на положеніи почти вассала императора Николая I. Подъ крылышкомъ прусскаго короля, въ стѣнахъ консервативнѣйшаго изъ университетовъ нечего было бояться ни вліянія „изувѣра Дидерота“, ни системы Сенъ-Симона, ни уже выступавшей на литературномъ горизонтѣ Жоржъ-Зандъ.

Берлинъ конца 30-хъ годовъ, конечно, не представлялъ ничего подобнаго тому, что видимъ теперь въ столицѣ Германской имперіи съ ея полуторамилліоннымъ населеніемъ. Даже въ 1847 г. Тургеневъ характеризовалъ прусскую столицу весьма сдержанно: „что прикажете сказать о городѣ, гдѣ встаютъ въ 6 часовъ утра, обѣдаютъ въ 2 и ложатся спать гораздо прежде курицъ, о городѣ, гдѣ въ 10 часовъ вечера одни меланхолическіе и нагруженные пивомъ ночные сторожа скитаются по пустымъ улицамъ, да какой-нибудь буйный и подгулявшій нѣмецъ идетъ изъ „тиргартена“ и у Бранденбургскихъ воротъ тщательно гаситъ свою сигарку, ибо „нѣмѣетъ передъ закономъ“. Шутки въ сторону, Берлинъ до сихъ поръ еще не столица, по крайней мѣрѣ, столичной жизни въ этомъ городѣ нѣтъ и слѣда, хотя вы, побывши въ немъ, все-таки чувствуете, что находитесь въ одномъ изъ центровъ или фокусовъ европейскаго движенія. Наружность Берлина не измѣнилась съ 40 года (одинъ Петербургъ растетъ не по днямъ, а по часамъ), но большія внутреннія перемѣны совершились“ [2]).

Въ концѣ 30-хъ годовъ Берлинъ былъ въ сущности бѣднымъ городомъ, хотя и старался придать себѣ подобіе большой резиденціи и важнаго политическаго центра. Въ научномъ отношеніи онъ, однако, стоялъ высоко, и молодой

---

1) Анненковъ. „Воспом. и критич. очерки“. III, 58—61.
2) „Современникъ, 1847 г. кн. 3. „Письма изъ Берлина“.

великимъ германскимъ поэтомъ. Несмотря на то, что Фролова относилась къ ней нѣсколько свысока, а Варнгагенъ любилъ „выводить ее на свѣжую воду", несмотря на то, что горячей поклонницѣ Гете было тогда уже 53 года, и она красила свои волосы, Тургеневъ признавался впослѣдствіи, что вмѣстѣ съ друзьями „воспламенялся отъ Беттины".

Варнгагенъ фонъ-Энзе — выдающійся нѣмецкій критикъ и біографъ первой половины прошлаго столѣтія, хорошо былъ извѣстенъ въ русскомъ образованномъ обществѣ конца 30-хъ годовъ, главнымъ образомъ, благодаря кружку Станкевича, къ которому Варнгагенъ былъ близокъ. Особенно подкупало молодыхъ русскихъ писателей его глубокое уваженіе къ Пушкину. Критическая статья о нашемъ поэтѣ, помѣщенная Варнгагеномъ въ журналѣ (основанномъ Гегелемъ) „Jahrbücher für wissenchaft. Kritik" въ 1838 году вызвала восторженный отзывъ Каткова въ „Отечеств. Запискахъ" за 1839 годъ. Въ берлинскихъ же литературныхъ кружкахъ она произвела своего рода сенсацію. Такъ Невѣровъ писалъ 13 (25) ноября 1838 года кн. В. Ѳ. Одоевскому: „Она (статья о Пушкинѣ) возбудила здѣсь (въ Берлинѣ) живой интересъ какъ содержаніемъ своимъ, такъ въ особенности именемъ Варнгагена, и русская литература на-ряду съ современными политическими вопросами составляла на нѣсколько недѣль предметъ общаго разговора. Забавно, что профессоръ Гансъ, одна изъ остроумнѣйшихъ головъ между тяжеловѣсными нѣмецкими учеными, высказалъ подозрѣніе, что это написано не Варнгагеномъ, а русскимъ, и именно мною, — онъ знаетъ, что я хорошо знакомъ съ Варнгагеномъ, такъ что мнѣ надобно было оправдаться. Главное дѣло въ томъ, что Гансъ на своихъ лекціяхъ, на которыя каждодневно собирается болѣе 400 человѣкъ всѣхъ званій, возрастовъ и націй, жарко нападаетъ на славянскіе народы и старается доказать, что они способны только воспринимать пассивно, ничего не производя, а потому всѣ его послѣдователи никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы русскіе могли имѣть поэта съ европейскимъ значеніемъ, и думали, что статья написана русскимъ. Со всѣмъ тѣмъ она чрезвычайно заинтересовала здѣсь всѣхъ" [1]).

1) „Русск. Стар." 1904 г. VII, 158.

Тургеневъ, равнодушный къ студенческимъ шалостямъ, имѣя довольно ограниченный кругъ товарищей, сдержанный въ спорахъ и бесѣдахъ, находилъ выходъ своимъ молодымъ, юношескимъ потребностямъ въ совершенно дѣтскихъ забавахъ. „Сколько припомню", разсказывалъ онъ впослѣдствіи: „я, несмотря на свои 21—22 года, былъ еще совсѣмъ мальчуганъ. Судите сами: то я читалъ Гегеля и изучалъ философію, то я со своимъ дядькой забавлялся—и чѣмъ бы вы думали?—воспитаніемъ собаки, случайно мнѣ доставшейся. Съ собакой этой возня у меня была пребольшая: притравили мы ее къ крысамъ. Какъ только, бывало, скажутъ намъ, что достали крысу, я сію же минуту бросаю и Гегеля и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами. Впрочемъ, съ дядькой я жилъ полнымъ пріятелемъ и бывало строчилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ любовныя письма къ его возлюбленной" [1]). Грановскій, зайдя разъ къ Тургеневу, засталъ его играющимъ въ карточные солдатики съ этимъ самымъ „полнымъ пріятелемъ". И молодой баринъ, и его крѣпостной слуга пресерьезно опрокидывали другъ у друга карточныя шеренги.

Дядька Ивана Сергѣевича, сопровождавшій его за границу—Порфирій Тимофеевичъ Кудряшовъ, былъ дѣйствительно близкимъ человѣкомъ для него въ берлинскій періодъ; но здѣсь мы должны обратить вниманіе лишь на тѣхъ лицъ, которыя оказали благотворное вліяніе на будущаго романиста. Мы должны остановиться на Невѣровѣ, Грановскомъ, Станкевичѣ и Бакунинѣ; особенно на двухъ послѣднихъ. Переходя къ этимъ замѣчательнымъ личностямъ, прежде всего должны указать на то, что всѣ они были старше Тургенева: Невѣровъ на 8 лѣтъ, Грановскій и Станкевичъ на 5 лѣтъ и Бакунинъ на 4 года.

Невѣровъ, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, началъ службу канцеляристомъ въ уѣздномъ судѣ. По смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи, приготовился, минуя гимназію, къ поступленію въ московскій университетъ, куда и поступилъ въ

---

1) „Русск. Стар." 1883 г., октябрь, 205.

1828 году. Кончивъ курсъ кандидатомъ, онъ съ 1832 по 1836 годъ служилъ въ редакціи „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, а затѣмъ въ маѣ 1837 г. отправился въ берлинскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи до весны 1839 г. Вернувшись въ Россію, Невѣровъ занималъ директорскія мѣста въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а съ 1864 по 1879 г. былъ попечителемъ кавказскаго учебнаго округа. Въ Берлинѣ Невѣровъ жилъ нѣкоторое время въ одномъ домѣ съ Тургеневымъ и не мало содѣйствовалъ сближенію Ивана Сергѣевича съ Грановскимъ и Станкевичемъ. Невѣровъ былъ совсѣмъ не лишнимъ собесѣдникомъ въ кругу молодежи, страстно увлекавшейся философіей Гегеля, такъ какъ не особенно довѣрялъ послѣдней и не жаловалъ вообще неопредѣленныхъ порывовъ, предчувствій, стремленій. Станкевичъ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся „положительнымъ, порядочнымъ направленіемъ, соединеннымъ съ снисхожденіемъ и величайшей добротою“. Иванъ Сергѣевичъ впослѣдствіи встрѣчался съ Невѣровымъ лишь въ мартѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ и никогда не состоялъ съ нимъ въ перепискѣ, но это не мѣшало ему сохранять добрыя воспоминанія о берлинскомъ товарищѣ.

Точно также лишь одну зиму встрѣчался Тургеневъ въ Берлинѣ съ Грановскимъ. Послѣдній одновременно съ Невѣровымъ вернулся въ Россію въ 1839 году. Въ своемъ извѣстномъ некрологѣ, посвященномъ знаменитому профессору, Иванъ Сергѣевичъ признается, что въ Берлинѣ „почти не видался“ съ Грановскимъ, „не сошелся съ нимъ“. „Говоря правду“, продолжаетъ Тургеневъ: „я тогда не стоилъ того, чтобы сойтись съ нимъ“. Всегда замѣчательная скромность Ивана Сергѣевича сказывается въ этихъ словахъ. Онъ не сошелся съ Грановскимъ въ Берлинѣ, т. е. не сдѣлался его другомъ въ настоящемъ значеніи слова, но отношенія между ними за границей не были лишь чисто внѣшними, хотя вполнѣ сердечныя связи между ними завязались позднѣе, по возвращеніи Тургенева на родину. Уже одно письмо Ивана Сергѣевича къ нему о смерти Станкевича указываетъ, что о холодности не можетъ быть и рѣчи; ея не было въ отношеніяхъ Тургенева къ Грановскому и тогда, когда оба

они были еще на студенческой скамьѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, встрѣчались они въ Берлинѣ не очень рѣдко, и къ этимъ встрѣчамъ, а не къ однѣмъ позднѣйшимъ, мы должны отнести слѣдующія слова Тургенева: „Каждое свиданіе оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, онъ внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно-чистымъ, ему было дано (рѣдкое и благодатное свойство) не убѣжденіями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другого; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“, и потому и его не чуждалось ничто человѣческое“.

Но какъ бы благотворно ни было вліяніе Грановскаго на Ивана Сергѣевича въ берлинскій періодъ жизни послѣдняго, оно не можетъ равняться, однако, съ вліяніемъ на него Станкевича. Знакомство Тургенева съ этой замѣчательной личностью, ставшей какъ-бы центромъ того идеализма, которымъ отличались 40-ые годы, цѣликомъ относится именно къ этому пребыванію Ивана Сергѣевича за границей.

Тургеневъ познакомился со Станкевичемъ въ сентябрѣ 1838 года въ Берлинѣ, куда прибылъ Станкевичъ изъ своего путешествія по Рейну и Бельгіи. До этого времени Иванъ Сергѣевичъ мало о немъ слышалъ. „Помню я“, писалъ онъ впослѣдствіи: „что, когда Грановскій упомянулъ о пріѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, я спросилъ его, не „виршеплетъ“-ли это Станкевичъ? И Грановскій, смѣясь, представилъ мнѣ его подъ именемъ „виршеплета“. Въ теченіе зимы (1838—39 гг.) я довольно часто видался со Станкевичемъ (въ кружкѣ Фроловыхъ), но не помню, чтобы мы вмѣстѣ ходили на лекціи: онъ бралъ privatissima у Вердера, а въ университетъ не ходилъ. Станкевичъ не очень меня жаловалъ и гораздо больше знался съ Грановскимъ и Невѣровымъ; я очень скоро почувствовалъ къ нему уваженіе и нѣчто въ родѣ боязни, проистекавшей, впрочемъ, не отъ его обхожденія со мною, которое было весьма ласково, какъ со всѣми,

но отъ внутренняго сознанія „собственной недостойности и лживости". Послѣднія слова воспоминаній опять нуждаются въ оговоркѣ. Идеализмъ и отзывчивость Станкевича порука тому, что „уваженіе" и „нѣчто въ родѣ боязни" со стороны Тургенева не остались безъ отклика. „Недостойность и лживость" Ивана Сергѣевича, конечно, были прежде всего внѣшними недостатками молодости, и самъ Станкевичъ въ письмахъ къ московскимъ друзьямъ своимъ предостерегалъ не судить о Тургеневѣ по его внѣшности. Правда, былъ одинъ поводъ къ нѣкоторой сдержанности отношеній Станкевича къ Тургеневу: — наговоръ на Ивана Сергѣевича со стороны дѣвушки, которой интересовался въ то время Станкевичъ, но это недоразумѣніе скоро разсѣялось. „Во время моего пребыванія въ Берлинѣ", продолжаетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „я не добился довѣренности или расположенія Станкевича, — онъ, кажется, ни разу не былъ у меня; Грановскій былъ всего только́ разъ, и при мнѣ у нихъ не было откровенныхъ разговоровъ. — Я встрѣчалъ его потомъ, въ началѣ 1840 года (мартъ, апрѣль, май), въ Италіи, въ Римѣ. Въ Римѣ я сошелся съ нимъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ въ Берлинѣ—я его видѣлъ каждый день, и онъ ко мнѣ почувствовалъ расположеніе. Въ Римѣ находилось тогда русское семейство Ховриныхъ, къ которому Станкевичъ, я и еще одинъ русскій — А. П. Ефремовъ[1]) ходили безпрестанно. Семейство это состояло изъ мужа (весьма обыкновеннаго человѣка, отставного гусара), жены, извѣстной московской барыни, Марьи Дмитріевны, и двухъ дочерей . . . Мы разъѣзжали по окрестностямъ Рима, вмѣстѣ осматривали памятники и древности. Станкевичъ не отставалъ отъ насъ, хотя часто плохо себя чувствовалъ, но духъ его никогда не падалъ, и все, что онъ ни говорилъ о древнемъ мірѣ, о живописи, ваяніи и т. д., было исполнено возвышенной правды и какой-то свѣжей красоты и молодости". Въ 12 и 13 главѣ своей фантазіи „Призраки" Тургеневъ

---

1) А. П. Ефремовъ (1815—76) питомецъ московскаго университета. Съ 1839 по 1843 г. учился за границей. По возвращеніи въ Россію, нѣкоторое время занималъ каѳедру географіи въ московскомъ университетѣ.

обезсмертилъ одну изъ такихъ поѣздокъ со Станкевичемъ. Самый фактъ, развившійся въ чудную картину этихъ главъ, Иванъ Сергѣевичъ передаетъ такъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Разъ возвращаясь въ открытой колясҡѣ изъ Альбано, поравнялись мы съ высокой развалиной, обросшей плющемъ; мнѣ почему-то вздумалось вдругъ закричать громкимъ голосомъ „Divus Cajus Iulius Caesar!“ Въ развалинѣ эхо отозвалось будто стономъ. Станкевичъ, который до того времени былъ очень разговорчивъ и веселъ, вдругъ поблѣднѣлъ, умолкъ и, погодя немного, проговорилъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: „Зачѣмъ вы это сдѣлали?“

Въ Римѣ Тургеневъ сильно интересовался также музыкой и живописью, послѣдней въ такой степени, что началъ даже брать уроки у нѣмецкаго живописца Рунде. Музыкальный вкусъ Ивана Сергѣевича развивался подъ вліяніемъ піаниста Брыкчинскаго, поляка, друга Листа. Брыкчинскій часто бывалъ у Ховриныхъ и близко сошелся со Станкевичемъ. „У Брыкчинскаго“, писалъ Тургеневъ: „было весьма замѣчательное, энергическое и умное лицо, онъ зналъ, что его болѣзнь (чахотка) безнадежна, а мы всѣ знали, что и Станкевича болѣзнь безнадежна“.

Эстетическія удовольствія, серьезныя бесѣды пріятелей были вполнѣ непринужденны, не имѣли и тѣни напряженности и легко смѣнялись шуткой, веселой шалостью. „Въ Римѣ я одно время рисовалъ каррикатуры“, вспоминалъ впослѣдствіи Тургеневъ: „иногда довольно удачно. Станкевичъ задавалъ мнѣ разные забавные сюжеты и очень этимъ потѣшался. Особенно смѣялся онъ одной каррикатурѣ, въ которой я изобразилъ свадьбу Маркова (живописца, впослѣдствіи профессора)[1]; Марковъ вздыхалъ по Шушу[2], къ которой, грѣшный человѣкъ, и я не былъ совершенно равнодушенъ“. Въ этихъ шуткахъ особенно ярко проявлялась симпатія Станкевича къ Тургеневу, но Иванъ Сергѣевичъ приводитъ и другого рода примѣры искренняго расположенія своего друга: „Станкевичъ нѣсколько разъ осаживалъ меня довольно круто, чего онъ въ Берлинѣ не

1) Марковъ, Ал. Тар,, 1801—1878 г.г.
2) Старшая дочь Ховриныхъ.

дѣлалъ—въ Берлинѣ онъ меня чуждался. Разъ въ катакомбахъ, проходя мимо маленькихъ нишей, въ которыхъ до сихъ поръ сохранились остатки подземнаго богослуженія въ первые вѣка христіанства, я воскликнулъ: „Это были слѣпыя орудія Провидѣнья!" Станкевичъ довольно сурово замѣтилъ, что слѣпыхъ орудій въ исторіи нѣтъ, да и нигдѣ ихъ нѣтъ. Въ другой разъ передъ мраморной статуей св. Циципіи я проговорилъ стихи Жуковскаго: „И прелести явленіемъ, по привычкѣ, любуется, какъ встарь, душа моя".

Станкевичъ замѣтилъ, что плохо тому, кто по привычкѣ любуется прелестью, да еще въ такіе молодые года".

Характеризуя нравственный обликъ своего друга, Тургеневъ писалъ впослѣдствіи: „Станкевичъ оттого такъ дѣйствовалъ на другихъ, что самъ о себѣ не думалъ, истинно интересуясь каждымъ человѣкомъ и, какъ-бы самъ того не замѣчая, увлекалъ его вслѣдъ за собою въ область идеала. Никто такъ гуманно, такъ прекрасно не спорилъ, какъ онъ. Фразы въ немъ и слѣда не было; даже Толстой (Л. Н.) не нашелъ бы ея въ немъ . . . Невозможно передать словами, какое онъ внушалъ къ себѣ уваженіе, почти благоговѣніе" [1]. Намъ понятенъ будетъ послѣ приведенныхъ словъ тотъ порывъ скорбнаго чувства, вызванный извѣстіемъ о смерти Станкевича, который такъ краснорѣчиво выразился въ извѣстномъ письмѣ Тургенева къ Грановскому отъ 4 (16) іюля 1840 г.: „Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждой . . . Я сблизился съ нимъ въ Римѣ; я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, теплое сердце, всю прелесть его души . . . Тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ . . . Мы часто говорили о смерти: онъ признавалъ въ ней границу мысли и, мнѣ казалось, тайно содрогался . . . Ему-ли умереть? Онъ такъ глубоко, такъ искренно признавалъ и любилъ святость жизни, несмотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить, онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи . . . Холодная рука смерти пала

---

1) Воспом. Тургенева о Станкевичѣ въ „Вѣстн. Евр." 1899 г., кн. 1, стр. 14.

на его голову, и цѣлый міръ погибъ. Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи „in ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben“. Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: „Ich fühle es. Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine besten Schüler, meine Jünger sterben, aber ich überlebe sie!“. Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Я оглядываюсь, ищу,—напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто достойный приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой“. Остановимся на этой именно выпискѣ изъ длиннаго письма Ивана Сергѣевича, чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ его: достойнымъ послѣдователемъ Станкевича, не давшимъ погибнуть его вліянію, и былъ прежде всего самъ поставившій этотъ вопросъ—И. С. Тургеневъ.

Объ общемъ облагораживающемъ, возвышающемъ вліяніи Станкевича мы еще скажемъ дальше, а здѣсь отмѣтимъ тѣ черты, характеризующія позднѣйшую дѣятельность Тургенева, на укрѣпленіе и развитіе которыхъ Станкевичъ долженъ былъ оказать рѣшительное и сильное вліяніе.

Послѣ Пушкина одинъ только Тургеневъ обладалъ той полнотой духовной свободы, какая необходима для истиннаго художника. Недаромъ въ защиту знаменитаго сонета Пушкина: „Поэтъ, не дорожи любовію народной“, Тургеневъ писалъ: „Безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—не мыслимъ истинный художникъ: безъ этого воздуха дышать нельзя“. Станкевичъ въ высокой степени обладалъ этимъ качествомъ, и нигдѣ не проявлялось оно въ столь наглядномъ и блестящемъ видѣ, какъ въ Римѣ. Въ то время, какъ иностранные туристы считали своимъ долгомъ восторгаться и восхищаться окружающими красотами природы и искусства по установленнымъ шаблонамъ, повторяя заѣзженные возгласы и замѣчанія, съ книжкой въ рукахъ объѣзжая и обѣгая всѣ закоулки Рима, какъ бы

желая убѣдиться только — все-ли на своемъ мѣстѣ, Станкевичъ сумѣлъ быть и оригинальнымъ, и искреннимъ въ своихъ наблюденіяхъ, какъ это видимъ изъ его переписки. Любуясь Колизеемъ, онъ не повторяетъ затверженныя на школьной скамьѣ разсужденія объ этомъ памятникѣ величія Рима, а говоритъ, что думаетъ и чувствуетъ: „Не знаю, каковъ онъ былъ въ своемъ цвѣту, въ первобытномъ видѣ, но вѣрно не лучше, чѣмъ теперь. Я не думалъ много о его назначеніи . . . Я видѣлъ только огромную гармоническую развалину и темносинее небо, просвѣчивавшее во всѣ ея окна“. Точно также въ замѣчаніяхъ Станкевича и о другихъ памятникахъ Рима не найдемъ ни пустого повторенія ранѣе высказанныхъ мнѣній, ни напрасныхъ усилій проникнуть въ тѣ стороны искусства, которыя не вызывали живого отклика въ его душѣ. Посѣтивъ величественный соборъ Петра, Станкевичъ замѣчаетъ: „Я никогда не могъ ждать отъ архитектуры чего-нибудь охватывающаго душу; душа выше ея, но она довольна, когда находитъ себѣ такое жилище“. Съ полной откровенностью заявляетъ онъ передъ „Моисеемъ“ Микель-Анджело, что художникъ понималъ въ представленіи божественнаго одно только свойство—силу“.

Эта свобода воззрѣній, эта постоянная оригинальность должна была оказать сильное вліяніе на молодого воспріимчиваго Тургенева, не разлучавшагося въ Римѣ со Станкевичемъ. Слѣды впечатлѣнія, произведеннаго тогда на Ивана Сергѣевича этой стороной характера его друга, видимъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ его обличеніи по адресу соотечественниковъ, посѣщающихъ Италію,—обличеніи, вложенномъ въ уста Гамлета Щигровскаго уѣзда: „Цѣлыхъ два года я провелъ еще послѣ того за границей: былъ въ Италіи, постоялъ въ Римѣ передъ Преображеніемъ, и передъ Венерой во Флоренціи постоялъ; внезапно повергался въ преувеличенный восторгъ, словно злость на меня находила . . . Словомъ, и тутъ велъ себя, какъ всѣ. А между тѣмъ, посмотрите, какъ легко быть оригинальнымъ. Я, напримѣръ, ничего не смыслю въ живописи и ваяніи . . . Сказать бы мнѣ это просто вслухъ . . . Нѣтъ, какъ можно! Бери чичерона, бѣги смотрѣть фрески“.

Вся жизнь Станкевича, по выраженію его біографа,

„есть только исторія необыкновенно пытливаго ума, ищущаго гармоническихъ, согласныхъ соотношеній съ необычайно деликатнымъ и любящимъ сердцемъ“. Насколько добросовѣстенъ и искрененъ былъ Станкевичъ въ стремленіи согласовать слово съ дѣломъ, мысль съ нравственной и житейской практикой, видно уже изъ того, что онъ даже отвлеченнѣйшіе выводы гегелевской философіи старался привести въ живую связь съ потребностями сердца, съ образомъ дѣйствій, со всей своей жизнью. Конечно, онъ переставалъ быть отъ этого философомъ на нѣмецкій манеръ, но противорѣчій мысли съ дѣломъ не бывало и слѣда. Всѣмъ извѣстно, сколь многіе изъ прославленныхъ писателей нашихъ далеки были отъ этого идеала, и если Иванъ Сергѣевичъ являлся здѣсь блестящимъ исключеніемъ, то этимъ онъ очень много былъ обязанъ Станкевичу. Ему онъ обязанъ развитіемъ въ себѣ и тѣхъ идеальныхъ отношеній къ женщинѣ, тѣхъ чистыхъ воззрѣній на любовь, какими отличался Тургеневъ передъ всѣми русскими писателями, отличался даже передъ Пушкинымъ съ его чуднымъ типомъ Татьяны. Иванъ Сергѣевичъ нечаянно былъ замѣшанъ въ одну сердечную исторію Станкевича, съ другой стороны Станкевичъ былъ какъ бы посредникомъ въ одной сердечной исторіи Тургенева. Этого вполнѣ достаточно было, чтобы заронить хорошія сѣмена въ душу будущаго творца такихъ типовъ, какъ Лиза въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“, Елена въ „Наканунѣ“ и другихъ. Всѣ эти сердечныя исторіи были, конечно, юношескими увлеченіями, не имѣвшими рѣшающаго значенія въ жизни того и другого, но дѣло отъ этого не мѣняется. Въ Берлинѣ Станкевичъ познакомился съ веселой и умной дѣвушкой, которую всѣ знали подъ именемъ Берты, и которая жила съ дядей, добрымъ ограниченнымъ старикомъ, выдававшимъ себя за барона. Ею-то и увлекся Станкевичъ. „Я разъ поѣхалъ съ ней кататься верхомъ въ Тиргартенъ“, разсказываетъ Тургеневъ: „она очень со мною кокетничала, а вернувшись, увѣрила Станкевича, что я дѣлалъ ей предложеніе, а она просто мнѣ не нравилась“. Этотъ казусъ былъ одно время причиной даже нѣкоторой холодности Станкевича къ Тургеневу. Когда друзья жили въ Римѣ, Иванъ Сергѣевичъ увлекся старшей дочерью Ховриной,

которую звали Шушу; ей тогда только-что минуло 16 лѣтъ, она была очень мила и въ тайнѣ чувствовала симпатію къ Станкевичу. Послѣдній зналъ объ увлеченіи своего друга и подтрунивалъ добродушно надъ Иваномъ Сергѣевичемъ, говоря, что „Шушины глазки растревожили молодца“. Вотъ несложные сердечные эпизоды двухъ молодыхъ людей. Но они не могли пройти безслѣдно для Тургенева, именно вслѣдствіе чрезвычайно совѣстливаго, чистаго, идеальнаго отношенія Станкевича къ подобнымъ вопросамъ. „Потребность любви“, писалъ Станкевичъ одному изъ друзей: „должна быть вызвана не бѣдностью души, которая, чувствуя свою нищету и будучи недовольна собой, ищетъ кругомъ себя помощи; нѣтъ, любовь должна выходить изъ богатства нашего духа, исполненнаго силы и дѣятельности и отыскивающаго въ самой любви только новую, высшую, полнѣйшую жизнь“. „Любовь—вѣдь это родъ религіи, которая должна наполнять каждое мгновенье, каждую точку жизни“,—писалъ онъ въ другой разъ.

Мы не хотимъ преувеличивать значеніе Станкевича въ нравственномъ развитіи Тургенева; Бѣлинскій, съ которымъ вскорѣ по возвращеніи на родину сблизился Иванъ Сергѣевичъ, не менѣе благотворно вліялъ на него, но почва была подготовлена все же Станкевичемъ.

Какъ мы уже говорили, въ началѣ іюля 1840 года Тургеневъ вернулся въ Берлинъ изъ своей поѣздки по Италіи и Швейцаріи. Въ августѣ появился въ прусской столицѣ и столь извѣстный впослѣдствіи Бакунинъ. Онъ близко сошелся съ Иваномъ Сергѣевичемъ, они поселились въ одной квартирѣ и всюду показывались вмѣстѣ.

Бакунинъ явился тогда въ Берлинъ совсѣмъ не тѣмъ революціонеромъ и анархистомъ, какимъ его знали въ 1848 году и позднѣе. Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ въ немъ не „отрицателя всѣхъ извѣстныхъ формъ правленія“, не „врага сложившихся окончательно государствъ, обособившихся національностей, ихъ общественныхъ преданій и вѣрованій“, а человѣка совсѣмъ противоположной окраски. На своихъ современниковъ въ концѣ 30-хъ годовъ Бакунинъ производилъ впечатлѣніе человѣка „глубоко консервативнаго, религіознаго, даже съ мистическимъ оттѣнкомъ, се-

мейно-добродѣтельнаго, нравственнаго, музыкальнаго",—какъ свидѣтельствуетъ Анненковъ. Съ 1838 года въ возобновленномъ „Московскомъ Наблюдателѣ" Бакунинъ, страстный проповѣдникъ философіи Гегеля, на которую натолкнулъ его Станкевичъ, сталъ проповѣдывать ученіе о разумности и святости всего дѣйствительно существующаго, выводя это ученіе изъ разсужденій любимаго философа. Въ названномъ журналѣ онъ доказывалъ, что „въ жизни все прекрасно, все благо и что самыя страданія въ ней необходимы, какъ очищеніе духа". „Примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени", писалъ Бакунинъ: „и Гегель и Гёте, — главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни".

Ученіе о разумности всего существующаго, провозглашенное Бакунинымъ, какъ извѣстно, надѣлало много шуму въ концѣ 30-хъ годовъ и сбило съ толку Бѣлинскаго, который признался въ одномъ письмѣ къ Станкевичу, что для него слово дѣйствительность стало равнозначительно слову Богъ. Но молодые русскіе гегеліанцы скоро убѣдились въ своей односторонности, и уже въ 1842 году Бакунинъ помѣстилъ въ извѣстномъ журналѣ А. Руге — статью свою подъ псевдонимомъ Elizard, которая возбудила вниманіе ученыхъ нѣмецкихъ бюргеровъ своими искусно построенными обвиненіями нѣмецкаго генія въ безплодной способности его переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики и затѣмъ, увидавъ ихъ въ облаченіи и пышныхъ орнаментахъ философской теоріи, успокаиваться и приниматься опять за новыя упражненія въ томъ же родѣ [1]). Какъ бы то ни было, но въ періодъ совмѣстной жизни съ Тургеневымъ Бакунинъ былъ еще безграничнымъ оптимистомъ. Нельзя, конечно, предполагать, что вопросы политики и общественной жизни занимали видное мѣсто въ ихъ бесѣдахъ и спорахъ; Бакунинъ, какъ и всѣ члены кружка Станкевича, интересовались болѣе всего вопросами общими: о нравственности, о цѣли жизни, о бытіи Бога и др. Неда-

1) Анненковъ, „Воспом. и критич. очерки", III, 166.

ромъ Тургеневъ, изобразивъ въ своемъ Рудинѣ характеръ Бакунина, заставилъ героя повѣсти говорить свои вдохновенныя рѣчи на темы о самолюбіи, о просвѣщеніи, о томъ, что придаетъ вѣчное значеніе временной жизни человѣка, о позорѣ малодушія и лѣни, о трагическомъ въ жизни и искусствѣ, о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы.

Относительно вліянія, оказаннаго Бакунинымъ на Тургенева, можно съ увѣренностью сказать, что оно было не глубоко, не проникало въ самыя основы души, какъ вліяніе Станкевича, оно было довольно поверхностно, хотя, можетъ быть, и сильно; затрогивало болѣе умъ, чѣмъ сердце. Бѣлинскій справедливо отзывался о Бакунинѣ 30-хъ годовъ: „Это пророкъ и громовержецъ, но съ румянцемъ на щекахъ и безъ пыла въ организмѣ“. Лучшей оцѣнкой вліянія Бакунина являются замѣчанія Тургенева, вложенныя въ уста Лежнева въ „Рудинѣ“. Эта оцѣнка тѣмъ болѣе важна для насъ, что выводится изъ сравненія Бакунина (Рудина) со Станкевичемъ (Покорскимъ). Характеристику эту мы и должны выписать замѣнивъ псевдонимы настоящими именами, на что̀ даетъ намъ право позднѣйшее признаніе самого Тургенева: „Когда я изображалъ Покорскаго (въ „Рудинѣ“), образъ Станкевича носился предо мною, но все это только блѣдный очеркъ“ [1]). — „Въ основу Рудина положенъ Бакунинъ. Я его хорошо зналъ и прожилъ съ нимъ, будучи студентомъ въ Берлинѣ, цѣлый годъ въ одной комнатѣ“ [2]). Но обратимся къ сравнительной характеристикѣ Станкевича и Бакунина, какими они являлись въ студенческихъ воспоминаніяхъ Тургенева, излагаемыхъ устами Лежнева: „Станкевичъ и Бакунинъ не походили другъ на друга. Въ Бакунинѣ было гораздо больше блеску и треску, больше фразъ и, пожалуй, энтузіазма. Онъ казался гораздо даровитѣе Станкевича, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣднякъ въ сравненіи съ нимъ: Бакунинъ превосходно развивалъ любую мысль, спорилъ мастерски, но мысли его рождались не въ его головѣ: онъ бралъ ихъ у другихъ, особенно у Станкевича. Станкевичъ

1) „Вѣстн. Евр.“ 1899 г, янв., стр. 15.
2) Воспомин. А. Половцева въ календарѣ „Царь-колоколъ“ на 1887 г., стр. 77.

былъ на видъ тихъ и мягокъ, даже слабъ — и любилъ женщинъ до безумія, любилъ покутить и не дался бы никому въ обиду. Бакунинъ казался полнымъ огня, смѣлости, жизни, а въ душѣ былъ холоденъ и чуть-ли не робокъ, пока не задѣвалось его самолюбіе, тутъ онъ на стѣны лѣзъ. Онъ всячески старался покорить себѣ людей, но покорялъ ихъ во имя общихъ началъ и идей и, дѣйствительно, имѣлъ вліяніе сильное на многихъ. Правда, никто его не любилъ, одинъ я, можетъ быть, привязался къ нему. Его иго носили... Станкевичу всѣ отдавались сами собой. Зато Бакунинъ никогда не отказывался толковать и спорить съ первымъ встрѣчнымъ... Онъ не слишкомъ много прочелъ книгъ, но во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ Станкевичъ и чѣмъ всѣ мы; при томъ умъ имѣлъ систематическій, память огромную, а вѣдь это-то и дѣйствуетъ на молодежь! Ей выводы подавай, итоги, хоть невѣрные, да итоги! Совершенно добросовѣстный человѣкъ на это не годится. Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владѣете ею... молодежь васъ и слушать не станетъ. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину вѣрили, что обладаете истиной... Оттого-то Бакунинъ и дѣйствовалъ такъ сильно на нашего брата. Видите-ли, я вамъ сейчасъ сказалъ, что онъ прочелъ немного, но читалъ онъ философскія книги, и голова у него такъ была устроена, что онъ тотчасъ же изъ прочитаннаго извлекалъ все общее, хватался за самый корень дѣла и уже потомъ проводилъ отъ него во всѣ стороны свѣтлыя, правильныя нити мысли, открывалъ духовныя перспективы. Нашъ кружокъ состоялъ тогда, говоря по совѣсти, изъ мальчиковъ — и недоученыхъ мальчиковъ. Философія, искусство, наука, самая жизнь — все это для насъ были одни слова, пожалуй даже понятія, заманчивыя, прекрасныя, но разбросанныя, разъединенныя. Общей связи этихъ понятій, общаго закона мірового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о немъ, силились отдать себѣ въ немъ отчетъ... Слушая Бакунина, намъ впервые показалось, что мы, наконецъ, схватили ее, эту общую связь, что поднялась, наконецъ, завѣса! Положимъ, онъ говорилъ не свое — что за дѣло! Но стройный порядокъ водворялся во всемъ, что мы знали, все разбросанное вдругъ

соединялось, складывалось, выростало передъ нами, точно зданіе, все свѣтлѣло, духъ вѣялъ всюду... Ничего не оставалось безсмысленнымъ, случайнымъ; во всемъ высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значеніе ясное и въ то же время таинственное; каждое отдѣльное явленіе жизни звучало аккордомъ, и мы сами съ какимъ-то священнымъ ужасомъ благоговѣнія, съ сладкимъ сердечнымъ трепетомъ, чувствовали себя какъ-бы живыми сосудами вѣчной истины, орудіями ея, призванными къ чему-то великому... Бакунину мы тогда были обязаны многимъ. Станкевичъ былъ несравненно выше его, безспорно; Станкевичъ вдыхалъ въ насъ всѣхъ огонь и силу; но онъ иногда чувствовалъ себя вялымъ и молчалъ. Человѣкъ онъ былъ нервическій, нездоровый, зато, когда онъ расправлялъ свои крылья, — Боже! куда не залеталъ онъ! въ самую глубь и лазурь неба! А въ Бакунинѣ, въ этомъ красивомъ и статномъ маломъ, было много мелочей; онъ даже сплетничалъ, страсть его была во все вмѣшиваться, все опредѣлять и разъяснять. Его хлопотливая дѣятельность никогда не унималась... политическая натура-съ!“.

Самый придирчивый біографъ не прибавитъ, ни выкинетъ изъ приведенной выписки ни единаго слова. Это лучшая характеристика Бакунина въ первый періодъ его дѣятельности до 1842 года и лучшая оцѣнка его вліянія на Тургенева. Лишь философскій оптимизмъ его, отмѣченный въ подчеркнутыхъ нами словахъ, былъ воспринятъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ очень умѣренной степени. Извѣстное изреченіе Гегеля: „что разумно — то дѣйствительно, что дѣйствительно — то разумно“ Тургеневъ понималъ не въ Бакунинскомъ смыслѣ; онъ твердо помнилъ, что Гегель не все существующее признавалъ за дѣйствительность. Но вліяніе Бакунина на Ивана Сергѣевича имѣло и обратную, темную сторону, чего нельзя сказать про вліяніе Станкевича. „Сколько разъ мнѣ случалось встрѣтить такихъ людей, прежнихъ товарищей“, говоритъ Лежневъ: „кажется, совсѣмъ звѣремъ сталъ человѣкъ, а стоитъ только произнести при немъ имя Станкевича, и всѣ остатки благородства въ немъ зашевелятся, точно ты въ грязной и темной

комнатѣ раскупорилъ забытую стклянку съ духами". Такого отзыва не прочтемъ о Бакунинѣ во всей повѣсти. Что же касается собственно отрицательной стороны вліянія Бакунина, то она сказалась въ нѣкоторомъ влеченіи къ фразѣ и позѣ, которымъ Иванъ Сергѣевичъ сердилъ своихъ знакомыхъ въ первое время по возвращеніи изъ-за границы. Что такой результатъ могъ получаться отъ рѣчей и проповѣдей Бакунина, даже у вполнѣ спокойныхъ натуръ, можемъ видѣть изъ той же повѣсти Тургенева въ разсказѣ Лежнева о своемъ юношескомъ романѣ, въ который вмѣшался Рудинъ со своими толкованіями и разъясненіями. „Я уши развѣсилъ", признается Лежневъ: „слова его подѣйствовали на меня необыкновенно. Уваженіе я къ себѣ вдругъ возымѣлъ удивительное, видъ принялъ серьезный и смѣяться пересталъ". Все это не значитъ, конечно, будто у Бакунина наклонность къ фразѣ и позѣ была сознательнымъ кокетствомъ: онъ еще въ ранней молодости представлялъ себя героемъ, совершающимъ высокіе подвиги, при чемъ часто исчезалъ изъ подъ родительскаго крова, обставляя свои побѣги романтическими подробностями [1]). Нельзя, конечно, увлеченія Тургенева внѣшностью, эффектомъ, оригинальничаньемъ приписывать одному вліянію Бакунина, но въ манерѣ держать себя такого впечатлительнаго юноши, какимъ былъ тогда Иванъ Сергѣевичъ, несомнѣнно, сказывалось воздѣйствіе и его университетскаго товарища.

Въ заключеніе интересно отмѣтить тѣ выводы и впечатлѣнія о нѣмцахъ и нѣмецкой культурѣ, какіе вынесъ Тургеневъ изъ Берлина. Сдѣлаемъ это по наиболѣе подходящей для указанной цѣли критической статьѣ его о „Фаустѣ" Гете. Помѣщенная въ первой книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" за 1845 годъ, а составленная, конечно, раньше, она хотя не передаетъ первыхъ свѣжихъ впечатлѣній, но должна быть отнесена къ періоду особеннаго увлеченія автора германской наукой и философіей.

Не скрывая своего уваженія къ нѣмецкой національности, Иванъ Сергѣевичъ говоритъ о ней, однако, совершенно спокойно, безъ всякаго пристрастія. Искорки увлеченія

1) „Русск. Стар." 1896 г., дек., Біографія Бакунина.

появляются у него, лишь когда онъ переходитъ къ своей родинѣ. „Мы не будемъ безсмысленно преклоняться передъ „Фаустомъ“, пишетъ критикъ: „потому, что мы русскіе; но поймемъ и оцѣнимъ великое твореніе Гете, потому что мы европейцы... Насъ не испугаетъ отсутствіе „примиренія“ (въ „Фаустѣ“), о которомъ мы говорили выше; мы какъ народъ юный и сильный, который вѣритъ и имѣетъ право вѣрить въ свое будущее — не очень-то хлопочемъ объ округленіи и завершеніи нашей жизни и нашего искусства“. Отдавая должное добросовѣстности и трудолюбію нѣмецкихъ ученыхъ и писателей, Тургеневъ въ то же время называетъ типичнаго филистера Вагнера въ трагедіи Гете „нѣмцемъ par excellence“. „Нѣмцамъ пора бы оторваться“, — говоритъ Иванъ Сергѣевичъ въ другомъ мѣстѣ: „отъ слишкомъ исключительнаго поклоненія „Фаусту“, потому что своимъ прошедшимъ, какъ бы оно прекрасно ни было, слишкомъ долго любоваться не слѣдуетъ; пора, давно пора нѣмцу Фаусту выйти изъ своей кельи, въ которой онъ все еще сидитъ о-бокъ съ Вагнеромъ, такъ же какъ и императоръ Фридрихъ, въ народныхъ сказаніяхъ, сидитъ и дремлетъ подъ землей“.

Слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, еще одно характерное мнѣніе Тургенева о тогдашней Германіи: „Нѣмецъ вообще не столько гражданинъ, сколько человѣкъ; у него чисто-человѣческіе вопросы предшествуютъ вопросамъ общественнымъ; эпоха, о который мы говорили выше (конецъ XVIII в.), вполнѣ соотвѣтствовала коренному направленію германскаго народа, и вотъ явился поэтъ, котораго недаромъ упрекали въ совершенномъ отсутствіи всякихъ гражданскихъ убѣжденій и называли язычникомъ“.

Этотъ выводъ объ отсутствіи всякой національной исключительности у нѣмцевъ, впослѣдствіи, конечно, измѣненный Иваномъ Сергѣевичемъ, снимаетъ съ Тургенева всякій упрекъ, будто онъ уваженіе къ нѣмецкой наукѣ и образованности могъ соединять съ сочувствіемъ къ „культуртрегерству“ Германіи, враждебному его родинѣ. Упреки же въ пристрастіи ко всему нѣмецкому раздавались по адресу Ивана Сергѣевича до самой франко-прусской войны, послѣ которой, по позднѣйшему мнѣнію тѣхъ же критиковъ, симпатіи его будто-бы перешли на сторону Франціи. На самомъ дѣлѣ

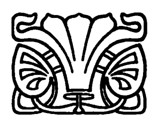
Тургеневъ никогда не отдавалъ предпочтенія нѣмцамъ передъ французами, точно такъ же, какъ никогда не восторгался и послѣдними.

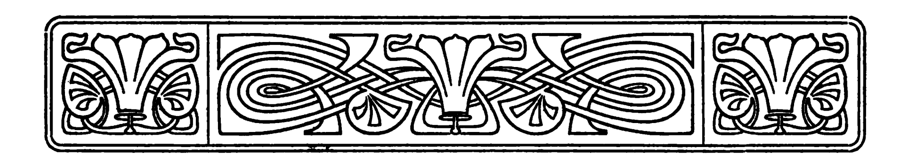
Онъ рѣзко осуждалъ Наполеоновскій цезаризмъ, но не менѣе отрицательно относился въ то же время и къ прусскому юнкерству. Если антипатіи къ Франціи съ наибольшей силой сказывались у него въ письмахъ 50-ыхъ годовъ, то въ тѣ же годы онъ зло подсмѣивался и надъ „благородными германцами". Вспомнимъ, напримѣръ, растрепанную компанію подгулявшихъ нѣмцевъ въ „Наканунѣ", грозившихъ жаловаться на „русскихъ мошенниковъ" самому графу фонъ-Кизерицъ. Обратимъ вниманіе при этомъ на то, что надъ французами Тургеневъ смѣялся въ интимной перепискѣ, а надъ нѣмцами — въ одномъ изъ крупныхъ своихъ произведеній, переведенномъ на европейскіе языки. Съ другой стороны, живя въ 60-ыхъ годахъ почти безвыѣздно въ Германіи (въ Баденѣ), онъ выражалъ болѣе дружескихъ симпатій французамъ: П. Мериме, Флоберу, чѣмъ, напримѣръ, Питчу, Юліану Шмидту, Боденштедту. Принимая у себя въ баденскомъ кабинетѣ нѣмецкихъ коронованныхъ особъ, Иванъ Сергѣевичъ въ этомъ же самомъ кабинетѣ написалъ самый отталкивающій изъ своихъ типовъ — нѣмца Ратча (въ „Несчастной"). Недаромъ Брандесъ такъ выразился по затронутому вопросу: „Отношенія Тургенева къ Германіи и Франціи были совершенно различнаго свойства. Уже въ силу старыхъ русскихъ традицій, онъ стоялъ ближе къ Франціи, нежели къ Германіи. Въ молодости онъ изучалъ философію, физіологію (?) и исторію въ Берлинѣ, поклонялся Гете выше всего, нѣкоторое время въ дни юности беззавѣтно увлекался Гейне (?), всегда поддерживалъ дружескія отношенія съ нѣмецкими поэтами и писателями (Пауль Гейзе, Людвигъ Питчъ), говорилъ по-нѣмецки, какъ нѣмецъ, былъ искреннимъ поклонникомъ величія германской науки, высоко отзывался о знаніяхъ и предпріимчивомъ духѣ нѣмцевъ, — тѣмъ не менѣе, въ его произведеніяхъ, какъ почти во всѣхъ русскихъ романахъ, нѣмцы выведены въ крайне сатирическомъ и мѣстами даже ненавистномъ свѣтѣ. Я нахожу слабостью со стороны нѣмецкой критики то, что она открыто не сознается въ этомъ фактѣ,

бросающемся въ глаза. Безъ сомнѣнія, вообще говоря, каждая нація рисуетъ другую безъ энтузіазма. Напримѣръ, у Виктора Шербюлье или у Пауля Гейзе русская женщина рѣдко играетъ благородную роль. Несмотря на всю симпатію къ отдѣльнымъ нѣмцамъ, въ душѣ Тургенева какъ будто остался осадокъ безсознательной національной ненависти" [1]).

Выводы Брандеса въ свою очередь требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ, но мы считаемъ излишнимъ разбирать подробнѣе, кому больше симпатизировалъ Тургеневъ — французамъ или нѣмцамъ, такъ какъ находимъ вопросъ этотъ слишкомъ второстепеннымъ въ біографіи человѣка, который любилъ только свою родину.

1) „Иностран. критика о Тургеневѣ", стр. 62.

III.

И. С. Тургеневъ въ Москвѣ.

(1841—1842 гг.)

Возвратясь изъ Берлина, Тургеневъ провелъ весну и лѣто 1841 года неразлучно съ матерью сначала въ Москвѣ, потомъ въ Спасскомъ. Осенью Варвара Петровна вновь переѣхала на зиму въ Москву, гдѣ съ 1840 года нанимала домъ Лошаковскаго на Остоженкѣ, противъ Коммерческаго училища. Иванъ Сергѣевичъ занялъ комнаты наверху; въ большомъ же флигелѣ помѣстилась многочисленная дворня помѣщицы [1]). Поселившись въ столицѣ, Тургеневъ повелъ жизнь далеко не замкнутую и особенно часто сталъ появляться въ тѣхъ именно домахъ, „въ которыхъ, по выраженію Герцена, нѣкогда царилъ А. С. Пушкинъ, гдѣ до насъ декабристы давали тонъ, гдѣ смѣялся Грибоѣдовъ, гдѣ М. Ѳ. Орловъ и А. П. Ермоловъ встрѣчали дружескій привѣтъ, потому что они были въ опалѣ; гдѣ, наконецъ, А. С. Хомяковъ спорилъ до четырехъ часовъ утра, начавши въ девять; гдѣ К. Аксаковъ съ мурмолкой въ рукѣ свирѣпствовалъ за Москву, на которую никто не нападалъ, и никогда не бралъ въ руки бокала шампанскаго, чтобъ не сотворить тайно моленіе и тостъ, который всѣ знали; гдѣ Рѣдкинъ выводилъ логически

---

1) „Вѣстн. Евр.“ 1884 г. ноябрь, 94, 95, 112.

личнаго Бога, ad majorem gloriam Hegelij, гдѣ Грановскій являлся съ своей тихой, но твердой рѣчью, гдѣ всѣ помнили Бакунина и Станкевича, гдѣ Чаадаевъ, тщательно одѣтый, съ нѣжнымъ, какъ изъ воску, лицомъ сердилъ оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными; гдѣ молодой старикъ А. И. Тургеневъ мило сплетничалъ обо всѣхъ знаменитостяхъ Европы, отъ Шатобріана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Варнгагенъ; гдѣ Боткинъ и Крюковъ пантеистически наслаждались разсказами М. С. Щепкина, и куда, наконецъ, иногда падалъ, какъ конгревова ракета, Бѣлинскій, выжигая кругомъ все, что попадало[1])". Но часто появляясь въ обществѣ, Иванъ Сергѣевичъ находилъ, однако, достаточно времени, чтобы усиленно готовиться къ магистерскому экзамену по философіи.

Здѣсь необходимо указать, что онъ покинулъ Берлинъ въ то время, когда надъ этимъ центромъ консервативнѣйшей философіи собралась уже гроза въ видѣ „лѣваго" гегеліанства. Въ 1840—1841 гг. появились и заставили о себѣ говорить ученія Штрауса, Бруно Бауера, Штирнера и Фейербаха. Эти радикальные толкователи гегелевой системы занимались тогда еще чисто богословскими вопросами, не затрагивая общественныхъ и политическихъ, или, подобно Бруно Бауеру, оставаясь на строго консервативной почвѣ въ обсужденіи послѣднихъ. Лишь постепенно „лѣвые" гегеліанцы перешли къ политическому радикализму, выдвинувъ изъ своей среды Карла Маркса, рѣзко выступившаго съ новымъ направленіемъ въ концѣ 1842 года. Старое гегеліанство, при появленіи раскола среди послѣдователей великаго философа получившее названіе „праваго", почувствовало свою непрочность. Прусское правительство всегда видѣло въ немъ сильную опору своей монархической и консервативной политикѣ, лучшую школу для выработки надежныхъ гражданъ и чиновниковъ, почему и поспѣшило притти къ нему на помощь. Въ концѣ 1841 года въ бер-

1) Сочиненія Герцена, изд. 1905 г., II, 413.

линскій университетъ былъ вызванъ изъ Мюнхена Шеллингъ съ его „новой“, „второй“ философіей или съ „философіей откровенія“. Шеллингъ не былъ въ ней послѣдователемъ Гегеля, но онъ вполнѣ расходился съ „лѣвымъ“ гегеліанствомъ, а это-то и важно было для прусскаго правительства. Вотъ какого рода явленія складывались въ Германіи, когда Иванъ Сергѣевичъ возвратился на родину и поселился съ осени 1841 года въ Москвѣ. Мы имѣемъ свидѣтельство самого Тургенева, что съ сочиненіями „лѣвыхъ“ гегеліанцевъ онъ сталъ знакомиться еще въ свое пребываніе въ Берлинѣ [1]). Въ Москвѣ же онъ съ особеннымъ усердіемъ занялся изученіемъ „философіи откровенія“ Шеллинга. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ въ 1842 г. А. Н. Попову въ Берлинъ: „Душевно радуюсь, что вы остаетесь въ Берлинѣ; прошу не забывать обѣщанія и посылать намъ выписки изъ лекцій Шеллинга... Недавно оттуда пріѣхавшіе Мельгуновъ и Тургеневъ сказывали, что всѣ порядочные люди приняли сторону Шеллинга, и что Гегель похороненъ“ [2]). Но Иванъ Сергѣевичъ, вопреки столь рѣшительному заявленію Самарина, не сдѣлался, подобно Каткову, восторженнымъ поклонникомъ Шеллинга. Напротивъ, можно замѣтить, что въ то время Тургеневъ сильнѣе увлекался религіознымъ скептицизмомъ „лѣваго“ гегеліанства.

Несмотря на прекрасную подготовку, попытка Ивана Сергѣевича сдать экзаменъ на магистра философіи при московскомъ университетѣ потерпѣла полную неудачу. Вопросъ о причинахъ этой неудачи принадлежитъ къ числу недостаточно освѣщенныхъ до сихъ поръ. Правда, еще въ 1880 году проф. Н. Поповъ далъ въ „Русской Старинѣ“ изложеніе офиціальной переписки, возникшей вслѣдствіе этой попытки Тургенева, но названная замѣтка не уяснила дѣла.

Болѣе опредѣленности вноситъ разсказъ покойнаго академика Ѳ. И. Буслаева, слышанный мною лично отъ него

1) „Современ.“ 1847 г. кн. 3. „Письмо изъ Берлина“.

2) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“. VI, 292. Н. А. Мельгуновъ еще въ 1839 г. помѣстилъ въ „Отечеств. Запискахъ“ (т. III) статью о „новой“ философіи Шеллинга.

въ 1886 г. Но прежде необходимо воспроизвести здѣсь замѣтку проф. Попова.

„Изъ совѣтскаго дѣла, хранящагося въ университетскомъ архивѣ (№ 32 за 1842 годъ) видно, что въ началѣ того года И. С. Тургеневъ, представивъ дипломъ на степень кандидата, данный ему отъ петербургскаго университета, просилъ совѣтъ московскаго допустить его къ испытанію на вышеупомянутую степень (магистра философіи). Ректоръ М. Т. Каченовскій передалъ 17 марта его просьбу въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета, иначе называвшееся отдѣленіемъ словесныхъ наукъ. Деканъ послѣдняго И. И. Давыдовъ донесъ ректору, что отдѣленіе находитъ возможнымъ произвести испытаніе кандидату Тургеневу на искомую имъ степень; но къ этому прибавилъ: „поелику же каѳедра философіи въ университетѣ не открыта и профессора по сему предмету нѣтъ, то отдѣленіе испрашиваетъ разрѣшенія у высшаго начальства на произведеніе испытанія и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ нужнымъ ввести на будущее время преподаваніе философіи“. Донесеніе словеснаго отдѣленія было представлено ректоромъ попечителю московскаго учебнаго округа, который, отъ 28 марта, отвѣтилъ, что допущеніе И. С. Тургенева къ испытанію на степень магистра философіи зависитъ отъ самого университетскаго начальства и не требуетъ разрѣшенія начальства высшаго, а потому желательно имѣть объясненіе: какое именно разрѣшеніе, по мнѣнію 1-го отдѣленія философскаго факультета, нужно въ данномъ случаѣ? На запросъ этотъ, переданный ректоромъ въ словесное отдѣленіе, которое и обсуждало его 1-го апрѣля, отдѣленіе къ прежнему своему отвѣту прибавило, что „оно не принимаетъ на себя отвѣтственности по сему предмету, относя незамѣщеніе каѳедры философіи въ продолженіе 15 лѣтъ въ московскомъ университетѣ, открытой между тѣмъ въ другихъ университетахъ, къ особымъ причинамъ начальства“. На другой день ректоръ и представилъ попечителю это объясненіе отдѣленія. 17 апрѣля, стало быть, за два дня до кончины М. Т. Каченовскаго, попечитель увѣдомилъ ректора, что „отвѣтственность ни въ какомъ случаѣ не можетъ падать на членовъ университета за неоткрытіе той или другой каѳедры, ибо это

принадлежитъ усмотрѣнію и распоряженію высшаго начальства", и снова требовалъ объясненія: „на какой именно предметъ испрашивало 1-е отдѣленіе философскаго факультета разрѣшенія по поводу поданнаго кандидатомъ с.-петербургскаго университета г. Тургеневымъ прошенія о допущеніи его къ испытанію на степень магистра философіи, тогда какъ вопросъ объ экзаменахъ на ученыя степени опредѣленъ положеніемъ 1839 г. апрѣля 28". На такой запросъ И. И. Давыдовъ отвѣчалъ уже прямѣе, говоря, что „1-е отдѣленіе философскаго факультета въ отзывѣ, представленномъ имъ по поводу прошенія кандидата Тургенева о допущеніи его къ экзамену на степень магистра философіи, выразило свое сомнѣніе на счетъ возможности допустить просителя къ испытанію въ наукѣ, которая въ теченіе 15-ти лѣтъ не преподается въ университетѣ. Вслѣдствіе сего отдѣленіе сочло необходимымъ обратиться къ начальству съ просьбой разрѣшить его сомнѣніе и опредѣлить: какъ должно поступать отдѣленіе впредь, когда опять явятся лица, желающія подвергнуть себя испытанію на высшія ученыя степени изъ предметовъ, для которыхъ въ университетѣ не существуетъ каѳедръ". Это объясненіе подписано было деканомъ отдѣленія И. И. Давыдовымъ и секретаремъ Т. Н. Грановскимъ. Такимъ объясненіемъ и закончилось дѣло, возникшее вслѣдствіе намѣренія И. С. Тургенева пріобрѣсти степень магистра философіи въ московскомъ университетѣ".

Неудивительно, если біографическая литература о Тургеневѣ высказывала предположеніе, что университетъ отказалъ Ивану Сергѣевичу въ его просьбѣ за неимѣніемъ лица, могущаго быть экзаменаторомъ. Но высказывалось и такое предположеніе, будто Тургеневъ самъ отказался отъ своего намѣренія, видя безконечную проволочку. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ искалъ научной степени только для того, чтобы занять каѳедру философіи въ университетѣ и потерпѣлъ въ этомъ неудачу, получивъ отказъ не отъ университета, а лично отъ графа Строганова, бывшаго тогда попечителемъ московскаго учебнаго округа. Вотъ какъ разсказывалъ мнѣ объ этомъ Ѳ. И. Буслаевъ: „только два раза я видѣлъ Тургенева, — первый разъ у гр. Строганова. Разъ мнѣ пришлось довольно долго ожидать его выхода

изъ кабинета. Графъ появился наконецъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста и съ длинными, красивыми волосами. По уходѣ послѣдняго, Строгановъ обратился ко мнѣ со словами: „вотъ это — молодой ученый Тургеневъ, недавно возвратившійся изъ за границы. Онъ просилъ меня разрѣшить ему читать философію въ университетѣ, но я отказалъ ему за неимѣніемъ каѳедры философіи". Затѣмъ Строгановъ перемѣнилъ предметъ разговора". — „Я думаю", разсказывалъ дальше Буслаевъ: „что графа остановили также слишкомъ молодые годы Тургенева, которому не было тогда и 25 лѣтъ. Но экзаменовать Тургенева тогда было кому, — вѣдь экзаменовали же меня по философіи въ то же какъ разъ время!"

Въ самомъ дѣлѣ, если тогда уже не было при московскомъ университетѣ многосторонняго ученаго Н. И. Надеждина, читавшаго логику въ 1834—35 гг., если Тургенева не могъ экзаменовать Терновскій-Платоновъ, преподававшій тотъ же предметъ въ 1837—39 гг., то роль экзаменатора всегда могъ взять И. И. Давыдовъ, открывшій было въ 1826 году курсъ философіи по Шеллингу, но поспѣшно переведенный начальствомъ на каѳедру чистой математики, а затѣмъ русской словесности. Недаромъ тотъ же Давыдовъ, какъ мы видѣли, въ качествѣ декана донесъ ректору, „что отдѣленіе находитъ возможнымъ произвести испытаніе кандидату Тургеневу на искомую имъ степень".

Хорошо освѣдомленный съ главнѣйшими теченіями германской философіи, съ ея самыми свѣжими, такъ сказать, выводами, молодой Тургеневъ былъ желаннымъ гостемъ въ тогдашнихъ московскихъ кружкахъ, гдѣ безусловно царила гегелева философія. Споры о ней велись повсемѣстно и ожесточенно. „Одоевскій былъ у меня вчера вечеромъ", писалъ въ маѣ 1842 г. Хомяковъ: „и слышалъ одинъ изъ нашихъ споровъ. Онъ отдаетъ полную справедливость усовершенствованію органовъ слова въ Москвѣ. Всѣ говорили, и всякій могъ бы покрыть цѣлый оркестръ" [1]). Но самъ остривший подобнымъ образомъ А. С. Хомяковъ, если не „покры-

1) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина". VI, 265.

валъ цѣлый оркестръ", то все же былъ „бойцомъ безъ устали и отдыха", по выраженію Герцена. „Онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя, — словомъ, кого за убѣжденіе — убѣжденіе прочь, кого за логику — логика прочь. Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бретёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ — отъ казуистики византійскихъ богослововъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку"[1]). Иванъ Сергѣевичъ вспоминалъ позднѣе въ своей статьѣ о Бѣлинскомъ: „Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія". И дѣйствительно, молодые московскіе гегеліанцы заняты были совсѣмъ не „чистымъ мышленіемъ". К. Аксаковъ стремился оправдать философіей Гегеля свою теорію русской народности, Ю. Самаринъ — православіе, Грановскій и друзья его — необходимость сильнѣйшаго усвоенія Россіей западной культуры. Этой своеобразной особенности въ развитіи русской философской мысли Тургеневъ въ то время еще не замѣчалъ, но отъ его наблюдательности не скрылся фактъ начинавшагося уже распаденія прежде цѣлаго и довольно однороднаго кружка передовой молодежи на два лагеря: западниковъ и славянофиловъ. Дѣло въ томъ, что одновременно съ раздѣленіемъ западнаго гегеліанства произошло раздѣленіе и русскаго гегеліанства, если можно

---

1) Сочиненія Герцена, изд. 1905 г., II, 416—417.

такъ выразиться. Иванъ Сергѣевичъ засталъ начало того и другого процессовъ въ мѣстахъ ихъ зарожденія, ихъ появленія.

Тургеневъ чаще всего появлялся въ кружкахъ Грановскаго и Елагиной, рѣже у М. Ѳ. Орлова и еще рѣже Свербеевыхъ и Павловыхъ. Т. Н. Грановскій со дня своей женитьбы (октябрь 1841 г.) оставилъ прежній непосѣдливый, нервный, хотя и не праздный образъ жизни и обзавелся кружкомъ друзей, собиравшихся у него для живыхъ, серьезныхъ и остроумныхъ бесѣдъ. Въ описываемую зиму, кромѣ Тургенева, часто бывали у него, между прочими — М. С. Щепкинъ и В. П. Боткинъ. Въ февралѣ 1842 г. показывался среди нихъ пріѣхавшій тогда ненадолго въ Москву изъ Одессы оріенталистъ В. В. Григорьевъ. Послѣдній писалъ одному изъ своихъ друзей объ этихъ визитахъ: „Грановскій очень счастливъ съ своей нѣмочкой (женой, урожденной Мюльгаузенъ). У него собираются лучшіе московскіе геніи — люди съ чувствомъ, съ умомъ, но которые мнѣ не нравятся почему-то. Много говорятъ, много пьютъ, мало дѣлаютъ. А есть здѣсь молодежь многообѣщающая; только эгоизмъ развитъ во всѣхъ въ ужасной мѣрѣ. Отечество — пустой звукъ для ихъ ума, не проникающій въ грудь“ [1]) Излишняя рѣзкость подобныхъ нападокъ вызывала и не менѣе рѣзкій отпоръ. Герценъ писалъ, напримѣръ, позднѣе объ эпикурейской обстановкѣ собраній кружка Грановскаго: „Вотъ этотъ характеръ нашихъ сходокъ не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видѣли мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пиръ идетъ къ полнотѣ жизни, люди воздержные бываютъ обыкновенно сухіе, эгоистическіе люди. Мы не были монахи, мы жили во всѣ стороны и, сидя за столомъ, побольше развились и сдѣлали не меньше, чѣмъ эти постные труженики, копающіеся на заднемъ дворѣ науки“ [2]). Кромѣ вопросовъ философскихъ, литературныхъ, научныхъ друзья Грановскаго много обсуждали въ ту зиму ходившіе въ обществѣ слухи о скоромъ будто бы освобожденіи крестьянъ. Слухи эти разрѣшились,

1) „В. В. Григорьевъ“. Веселовскаго, стр. 78.
2) Сочин., изд. 1905 г., II, 382.

какъ извѣстно, указомъ 2 апр. 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Кружокъ А. П. Елагиной (1789—1877) въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ описываемую нами зиму, вызвалъ такую характеристику одного изъ друзей Ивана Сергѣевича — Кавелина: „Все, что было въ Москвѣ интеллигентнаго, просвѣщеннаго и талантливаго, съѣзжалось сюда по воскресеньямъ. Пріѣзжавшія въ Москву знаменитости, русскіе и иностранцы, являлись въ салонъ Елагиныхъ. Въ немъ преобладало славянофильское направленіе, но это не мѣшало постоянно посѣщать вечера Елагиныхъ людямъ самымъ различныхъ воззрѣній до тѣхъ поръ, пока литературныя партіи не раздѣлились на два непріязненныхъ лагеря — славянофиловъ и западниковъ, что случилось въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Блестящіе московскіе салоны и кружки того времени служили выраженіемъ господствовавшихъ въ русской интеллигенціи литературныхъ направленій, научныхъ и философскихъ взглядовъ. Это извѣстно всѣмъ и каждому. Менѣе извѣстны, но не менѣе важны были значеніе и роль этихъ кружковъ и салоновъ въ другомъ отношеніи, — именно, какъ школа для начинающихъ молодыхъ людей: здѣсь они воспитывались и приготовлялись къ послѣдующей литературной и научной дѣятельности. Вводимые въ замѣчательно образованныя семейства добротой и радушіемъ хозяевъ, юноши только что сошедшіе со студенческой скамейки, получали доступъ въ лучшее общество, гдѣ имъ было хорошо и свободно, благодаря удивительной простотѣ и непринужденности, царившей въ домѣ и на вечерахъ. Здѣсь они встрѣчались и знакомились со всѣмъ, что тогда было выдающагося въ русской литературѣ и наукѣ, прислушивались къ спорамъ и мнѣніямъ, сами принимали въ нихъ участіе и мало-по-малу укрѣплялись въ любви къ литературнымъ и научнымъ занятіямъ“ [1]). „Простота и непринужденность“, царившія въ домѣ Елагиныхъ, даже сердила людей болѣе взыскательныхъ. Ф. Ф. Вигель писалъ, напримѣръ, Хомякову: „Я

1) „Вѣстн. Евр.“, 1886 г., іюнь, 451—452.

много уважаю ее (Елагину), но къ ней, оставаясь въ Москвѣ, мнѣ почти невозможно было бы ѣздить. Теперь издали готовъ въ поясъ ей кланяться. Повѣрите ли, что въ послѣдній разъ, что́ я былъ, гостей не было, она ихъ ожидала, но уже на столѣ стояло огромное блюдо съ сигарами; цѣлую дюжину окороковъ можно было бы прокоптить въ ея гостиной. Что за студенщина! Я ужаснулся и бѣжалъ при появленіи первыхъ лицъ"[1]). У Елагиной Иванъ Сергѣевичъ особенно интересовался сыновьями ея отъ перваго брака — Иванъ и Петромъ Васильевичами Кирѣевскими, Константиномъ Аксаковымъ, Кавелинымъ и Хомяковымъ. Послѣдній долженъ былъ останавливать тѣмъ большее вниманіе Тургенева, что былъ единственнымъ человѣкомъ изъ передовыхъ русскихъ людей, не подчинявшійся философіи Гегеля и пытавшійся разоблачить ея слабыя стороны. Главнѣйшимъ аргументомъ Хомякова противъ Гегелевой системы, какъ справедливо замѣчаетъ П. В. Анненковъ, служило положеніе, что изъ разбора свойствъ и явленій одного разума, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, не менѣе важныхъ нравственныхъ силъ человѣка, никакой философіи, заслуживающей этого имени, выведено быть не можетъ.

Встрѣчаясь съ Кавелинымъ, тогда еще совсѣмъ юнымъ магистромъ гражданскаго права, Тургеневъ больше всего бесѣдовалъ съ нимъ о Лермонтовѣ, интересъ къ которому оживился въ 1841 году послѣ трагической кончины поэта[2]). Кстати отмѣтить здѣсь, что какъ бы нарочно и послѣдняя бесѣда Ивана Сергѣевича съ Кавелинымъ, сорокъ лѣтъ спустя, посвящена была тому же Лермонтову. Очевидецъ такъ описываетъ ее: „Тургеневъ преклонялся передъ Пушкинымъ и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія наравнѣ съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ на большую высоту Кавелинъ. Давно ожиданный и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, несравненное и

1) Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина". VI, 293.

2) Воспом. Полонскаго въ „Литер. прилож. къ „Нивѣ" 1898 г. № 12, стр. 662.

неповторяемое наслажденіе... Оба противника остались при своемъ — и разошлись усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ“ [1]).

Раза два встрѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ у Елагиной Гоголя, пріѣзжавшаго на зиму 1841—1842 гг. изъ Рима въ Москву. Эти встрѣчи не произвели однако сильнаго впечатлѣнія на Тургенева, хотя Гоголь былъ уже тогда въ числѣ его любимѣйшихъ писателей и въ Москву онъ явился съ своей великой поэмой. Первый томъ „Мертвыхъ душъ“ вышелъ изъ печати въ маѣ 1842 года, но отдѣльныя главы поэмы читались авторомъ Погодину и Аксаковымъ еще зимою и не могли оставаться тайной и для другихъ поклонниковъ Гоголя.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, домъ котораго также посѣщалъ Иванъ Сергѣевичъ, пользовался славою замѣчательной личности тогдашней аристократической Москвы. Двадцати пяти лѣтъ онъ былъ уже генераломъ и участвовалъ въ Бородинскомъ бою, а въ 1814 году принялъ городскіе ключи Парижа. За дружбу съ декабристами его осудили жить безвыѣздно въ Москвѣ, тогда какъ братъ его, графъ Алексѣй Орловъ, состоялъ близкимъ человѣкомъ къ императору Николаю I. „Вся тогдашняя московская знать“, писалъ про него позднѣе Полонскій, бывшій своимъ человѣкомъ въ домѣ Орлова въ 1841—1842 гг.: „вся московская интеллигенція какъ бы льнула къ изгнаннику Орлову; его обаятельная личность всѣхъ къ себѣ привлекала; когда-то, будучи военнымъ, онъ старался въ полку своемъ уничтожить наказаніе палками. Не даромъ же и Пушкинъ почтилъ его своимъ посланіемъ“ [2]). У него Тургеневъ впервые познакомился съ Полонскимъ и имѣлъ возможность наблюдать прогремѣвшаго въ 1836 году своимъ „философическимъ письмомъ“ оригинальнаго и талантливаго Чаадаева. (М. Ѳ. Орловъ умеръ 14 марта 1842 г.)

У Свербеевыхъ и Павловыхъ Иванъ Сергѣевичъ встрѣ-

---

1) А. Ѳ. Кони. „Памяти Кавелина“, въ „Собр. сочин.“ послѣдняго, т. III, стр. XX.

2) См. „Воспомин. Полонскаго“ въ „Литерат. прилож.“ къ „Нивѣ“, 1898 г., XII, 645.

чался съ столь извѣстнымъ впослѣдствіи Ю. Ѳ. Самаринымъ. Одна изъ записокъ послѣдняго къ К. Аксакову прекрасно характеризуетъ бесѣды, происходившія тогда на вечерахъ у этихъ лицъ: „Вчера“, писалъ Самаринъ: „было много споровъ. Главныя схватки: 1) Шевырева съ Крюковымъ о томъ, можно ли молиться Богу Гегеля? Шевыревъ подрѣзанъ съ ногъ славно. 2) Шевырева съ Рѣдкинымъ о первобытномъ состояніи перваго человѣка. Рѣдкинъ спорилъ прекрасно. Шевыревъ прикрылъ постыдное отступленіе криками и общими мѣстами, но долженъ бы погибнуть совершенно, если-бъ не вмѣшался Дмитріевъ и не отвлекъ Рѣдкина. 3) Споръ Рѣдкина съ Дмитріевымъ о томъ же. Дмитріевъ, мистикъ несносный, вздумалъ въ спорѣ философскомъ приводить тексты, и споръ дошелъ было до колкостей. 4) Наконецъ мой споръ съ Орловымъ (М. Ѳ.), вздумавшимъ излагать мнѣ какую-то свою систему. И удалось мнѣ смиренному Давиду повалить грознаго Голіафа! Нынче или завтра вечеромъ буду у васъ, мнѣ нужно васъ видѣть до воскресной сходки“ [1]).

Отзывъ Кавелина о кружкахъ тогдашней молодежи заканчивается имъ такими словами: „Кто не участвовалъ самъ въ московскихъ кружкахъ того времени, тотъ не можетъ составить себѣ и понятія о томъ, какъ въ нихъ жилось хорошо, несмотря на печальную обстановку извнѣ. Въ этихъ кружкахъ жизнь била полнымъ, радостнымъ ключемъ. Герценъ, характеризуя московскую передовую молодежь того-же времени, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и

---

1) Сочин. Ю. Самарина, томъ V, стр. XXXVIII. Шевыревъ, Крюковъ, Рѣдкинъ — молодые профессора московскаго университета. М. А. Дмитріевъ — по выраженію извѣстнаго остряка Соболевскаго — „камеръ-юнкеръ при дворѣ и камердинеръ на Парнасѣ“.

я по совѣсти долженъ повторить то же самое“ [1]). И Кавелинъ и Герценъ говорили такъ не про одинъ свой кружокъ, а и про людей противнаго имъ лагеря, гдѣ они были, если не своими, то все-же друзьями. „Nos amis les ennemis“ или „nos ennemis les amis“ — такъ называлъ Герценъ славянофиловъ. Еще менѣе исключительности проявлялъ въ отношеніи къ кружкамъ Иванъ Сергѣевичъ.

По свидѣтельству очевидцевъ Тургеневъ уже тогда проявлялъ удивительное для его возраста безпристрастіе, относился одинаково критически и въ то же время съ большой терпимостью и къ своимъ и къ чужимъ. П. В. Анненковъ, вспоминая факты литературной жизни тѣхъ годовъ, имѣлъ въ виду именно это свойство Ивана Сергѣевича, когда писалъ слѣдующее: „Независимость всѣхъ движеній Тургенева, свободные переходы его отъ одного стана къ другому, противоположному, отъ одного круга идей къ другому, ему враждебному, а также и радикальныя (?) перемѣны въ образѣ жизни, въ выборѣ занятій и интересовъ — поочередно приковывавшихъ къ себѣ его вниманіе, были загадкой для строгихъ друзей его и составили ему, въ средѣ ихъ, незаслуженную репутацію легкомыслія и слабохарактерности; но никто еще у насъ такъ часто не обманывалъ пророчествъ и опредѣленій своихъ критиковъ; никто такъ успѣшно не передѣлывалъ общественныхъ приговоровъ въ свою пользу, какъ именно Тургеневъ... Изъ близкихъ и дружелюбныхъ сношеній съ разнородными слоями общества, не исключая и тѣхъ, которые стояли у нашихъ круговъ на index, считались слоями отверженными и недостойными вниманія, возникла у Тургенева та, смѣю выразиться, нужда справедливости по отношенію къ людямъ и — какъ необходимая ея окраска — то благорасположеніе къ нимъ, которыя составили ему другую и уже болѣе вѣрную репутацію — чрезвычайно симпатическаго, доброжелательнаго и много понимающаго человѣка въ нашемъ русскомъ мірѣ“ [2]).

Не удивительно поэтому, если мы встрѣчаемъ у Ивана Сергѣевича на ряду съ глубоко сочувственными отзывами о

1) Сочин., II, 381.
2) „Воспомин. и критич. очерки“, III, 188.

кружкахъ 40-хъ годовъ и отзывы критическіе, вскрывающіе обратную ихъ сторону. Именно эти послѣдніе и приводили въ восхищеніе Бѣлинскаго. „Въ немъ (Тургеневѣ) есть злость, и желчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводитъ ее, что я пьянѣю отъ удовольствія", — писалъ критикъ 31 марта 1843 года В. П. Боткину [1]). Въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда" и въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" мы найдемъ откликъ этихъ „воспроизведеній" Москвы. Описывая споръ Лаврецкаго съ Михалевичемъ (происходившій какъ разъ въ 1842 году), авторъ выражается такимъ образомъ: „Четверть часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди... Не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ, — и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ; голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Леммъ, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣніе и началъ даже чего-то смутно бояться". Такъ характеризовалъ тогдашнія „схватки" Иванъ Сергѣевичъ, самъ горячій спорщикъ въ молодости. Въ „Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда" отрицательная сторона московскихъ кружковъ схвачена еще глубже, хотя и выставлена въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. „Вы, можетъ быть, не знаете, что такое кружокъ?" говоритъ герой разсказа: „Помнится, Шиллеръ сказалъ гдѣ-то:

Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Und schrecklich ist des Tigers Zahn,
Doch das schrecklichste der Schrecken —
Das ist der Mensch in seinem Wahn!

Онъ, увѣряю васъ, онъ не то хотѣлъ сказать: Das ist ein „кружокъ"... in der Stadt Moskau! — Да что-жъ вы находите ужаснаго въ кружкѣ? — спросилъ я.

Мой сосѣдъ схватилъ свой колпакъ и надвинулъ его себѣ на носъ.

---

1) „В. Г. Бѣлинскій" Пыпина. II, 190.

— Что я нахожу ужаснаго? — вскрикнулъ онъ. — А вотъ что: кружокъ — да это гибель всякаго самобытнаго развитія; кружокъ — это безобразная замѣна общества, женщины, жизни; кружокъ . . . о, да постойте; я вамъ скажу, что такое кружокъ! Кружокъ — это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла; кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, пріучаетъ къ безплодной болтовнѣ, отвлекаетъ васъ отъ уединенной, благодатной работы, прививаетъ вамъ литературную чесотку; лишаетъ васъ, наконецъ, свѣжести и дѣвственной крѣпости души. Кружокъ — да это пошлость и скука подъ именемъ братства и дружбы, сцѣпленіе недоразумѣній и притязаній подъ предлогомъ откровенности и участія; въ кружкѣ, благодаря праву каждаго пріятеля — во всякое время и во всякій часъ запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нѣтъ чистаго, нетронутаго мѣста на душѣ; въ кружкѣ поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носятъ на рукахъ стихотворца бездарнаго, но съ „затаенными“ мыслями; въ кружкѣ молодые, семнадцатилѣтніе малые хитро и мудрено толкуютъ о женщинахъ и любви, а передъ женщинами молчатъ, или говорятъ съ ними, словно съ книгой, — да и о чемъ говорятъ! Въ кружкѣ процвѣтаетъ хитростное краснорѣчіе; въ кружкѣ наблюдаютъ другъ за другомъ не хуже полицейскихъ чиновниковъ . . . О, кружокъ! Ты не кружокъ: ты заколдованный кругъ, въ которомъ погибъ не одинъ порядочный человѣкъ! — Ну, это вы преувеличиваете, позвольте вамъ замѣтить, — прервалъ я его.

Мой сосѣдъ молча посмотрѣлъ на меня.

— Можетъ быть, Господь меня знаетъ, можетъ быть“.

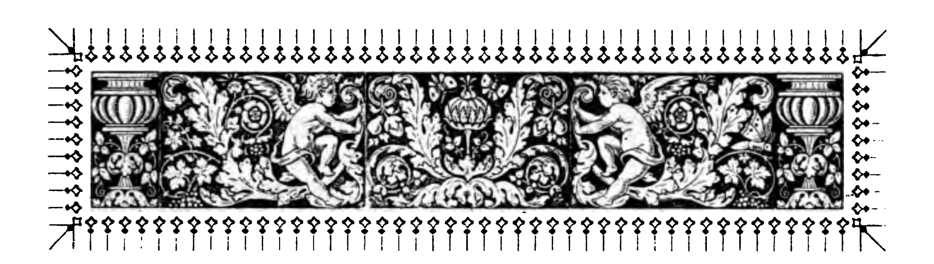
Зимою 1841—1842 гг. Тургеневъ не могъ также не интересоваться московской сценой, гдѣ царили въ то время: комикъ М. С. Щепкинъ, уже вполнѣ связавшій свое имя съ Грибоѣдовымъ и Гоголемъ, П. С. Мочаловъ, „безумный другъ Шекспира“, и гдѣ какъ разъ съ 1841 года началъ обращать на себя вниманіе П. М. Садовскій. Вдохновенная игра Мочалова въ роли Гамлета нашла, между прочимъ, отголосокъ въ „Запискахъ Охотника“. Герой разсказа „П.

П. Каратаевъ", попавъ въ началѣ 40-ыхъ годовъ въ Москву, началъ, что называется, бредить Мочаловымъ и, слушая только его игру, выучилъ почти всю роль Гамлета наизусть. Существуетъ преданіе, будто Иванъ Сергѣевичъ вступилъ въ то время въ такъ называемое „Кавалькадное общество", состоявшее изъ артистовъ и артистокъ московскихъ театровъ. Члены его занимались верховой ѣздой — зимой въ манежѣ, лѣтомъ — за городомъ, причемъ собранія общества славились своимъ весельемъ и непринужденностью, нося въ то же время вполнѣ приличный характеръ. Самъ степенный директоръ московскихъ театровъ М. Н. Загоскинъ, старинный пріятель отца Тургенева, посѣщалъ „Кавалькадное общество" [1]).

Лѣтомъ 1842 года Иванъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ братомъ, долженъ былъ сопровождать Варвару Петровну въ Маріенбадъ. Къ началу осени Тургеневы возвратились на родину, а зима застала Ивана Сергѣевича уже въ сѣверной столицѣ, куда переселился онъ, чтобы поступить „на службу", о чемъ настойчиво просила его Варвара Петровна.

---

1) „Русск. Вѣдом." 1888 г., 31 окт.

IV.

И. С. Тургеневъ во Франціи.

(1847—1850 гг.)

Въ половинѣ февраля[1]) 1847 года И. С. Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ, гдѣ съ 1-го января на сценѣ Королевской оперы пѣла П. Віардо. Въ концѣ апрѣля онъ отправился вслѣдъ за нею въ Дрезденъ. Съ 21-го мая до іюля Иванъ Сергѣевичъ провелъ время вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ и П. В. Анненковымъ, главнымъ образомъ въ Зальцбруннѣ (Силезія). Затѣмъ, заглянувъ не надолго въ Лондонъ, Тургеневъ пріѣхалъ въ имѣніе Віардо, Куртавнель. Съ этого времени и начинается трехлѣтнее безвыѣздное пребываніе его во Франціи, еще мало затронутое біографами Ивана Сергѣевича, несмотря на то, что періодъ этотъ отмѣчается, съ одной стороны, созданіемъ „Записокъ Охотника“, а съ другой — крупными событіями февральской революціи, свидѣтелемъ которыхъ былъ Тургеневъ.

---

1) Всѣ хронологическія данныя въ этой главѣ приведены нами по новому стилю.

Куртавнель (Château de Courtavenel) — „колыбель литературной извѣстности“ Ивана Сергѣевича, по его собственному выраженію, находился въ департаментѣ Сены-и-Марны, въ области Бри (Brie), въ 12 верстахъ отъ городка Розé (Rosay), верстахъ въ 60 къ востоку отъ Парижа. Зàмокъ носилъ на себѣ слѣды глубокой старины: массивныя стѣны пепельно-сѣраго цвѣта, большія окна, поросшая мѣстами мхомъ крыша и наполненные водою рвы, идущіе вокругъ дома, — вотъ чтò прежде всего останавливало вниманіе всякаго пріѣзжаго. Цвѣточныя клумбы между группами каштановъ и тополей расположились, противъ фасада; по другую сторону дома — паркъ, оранжереи, а еще дальше — поля и рощи. Въ перепискѣ Тургенева симпатично обрисовываются и отдѣльные уголки, мѣстечки вблизи и вдали зàмка, которые Иванъ Сергѣевичъ любилъ награждать различными именами собственнаго изобрѣтенія. Такъ, часть каналовъ, идущихъ вдоль дороги, названа была имъ „Великимъ океаномъ“; одинъ изъ мостовъ черезъ ровъ — „Чортовымъ мостомъ“. Въ письмѣ къ П. Віардо изъ Куртавнеля, отъ 14-го іюля 1849 г., онъ пишетъ между прочимъ: „Я забавлялся тѣмъ, что разыскивалъ въ окрестностяхъ деревья, которыя имѣли бы физіономію, — индивидуальность, такъ сказать, — и давалъ имъ имена . . . Каштановое дерево, чтò стоитъ на дворѣ, я прозвалъ „Германомъ“ и подыскиваю ему „Доротею“. Въ Мезонфлёрѣ есть береза, которая очень похожа на „Гретхенъ“; одинъ дубъ окрещенъ „Гомеромъ“, другой — „встревоженною добродѣтелью“, одна ива названа m-me Вандерборстъ“.

Пріѣхавъ въ Куртавнель, въ концѣ іюля 1847 г., Тургеневъ оставался тамъ до октября въ кругу дружественной ему семьи, изрѣдка заглядывая, впрочемъ, въ Парижъ, гдѣ лѣчился (до 23-го сентября) Бѣлинскій, и гдѣ Иванъ Сергѣевичъ встрѣчался также съ Анненковымъ и другими русскими, о которыхъ будемъ говорить дальше. Въ началѣ октября П. Віардо отправилась въ артистическую поѣздку по Германіи, чтобы принять участіе въ оперныхъ спектакляхъ въ Дрезденѣ (до декабря), въ Гамбургѣ (около двухъ недѣль) и наконецъ въ Берлинѣ. Тургеневъ въ томъ же октябрѣ выѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ 9 мѣсяцевъ.

Квартира его въ теченіе зимы находилась недалеко отъ Пале-Рояля, куда Иванъ Сергѣевичъ почти каждый день ходилъ пить кофе и читать газеты. Это зданіе, построенное еще Ришельё, хотя и было въ эпоху іюльской монархіи центромъ модныхъ ресторановъ, но дни его славы уже давно миновали, — „той громкой и особенной славы (по свидѣтельству Тургенева), которая, бывало, влагала въ уста нашимъ ветеранамъ 1814 и 1815 годовъ, при первомъ свиданіи съ человѣкомъ, возвратившимся изъ Парижа, неизмѣнный вопросъ: — а что̀ подѣлываетъ батюшка Пале-Рояль?“ Въ столицѣ Иванъ Сергѣевичъ проводилъ время, правда, не замкнуто, но и не столь шумно, какъ его русскіе друзья и знакомые. Изъ нихъ П. В. Анненковъ (проживавшій въ Парижѣ съ середины 1846 года до сентября 1848) былъ самымъ близкимъ къ нему человѣкомъ. Затѣмъ слѣдуетъ назвать семью А. И. Герцена, М. А. Бакунина и, наконецъ, Н. И. Сазонова. Послѣдній вполнѣ принадлежалъ къ кружку Герцена и пользовался репутаціей оригинальнаго ума, который онъ, однако, растерялъ въ 25-лѣтнее пребываніе за границей, вращаясь между различными партіями, раздѣляя ихъ эксцентрическіе планы и несбыточныя надежды [1]). Въ одномъ изъ писемъ къ П. Віардо (8-го дек. 1847 г.) Тургеневъ такъ описываетъ свое времяпрепровожденіе: „Я веду здѣсь образъ жизни, который мнѣ очень нравится: все утро я работаю, въ два часа выхожу, — отправляюсь къ maman (m-me Гарсіа, мать П. Віардо), гдѣ остаюсь съ полчаса, потомъ читаю газеты, гуляю; послѣ обѣда иду въ театръ, или же возвращаюсь къ maman; по вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ, — а затѣмъ я ложусь спать“. Съ какимъ удовольствіемъ, послѣ долгаго рабочаго утра, Иванъ Сергѣевичъ отдавался иной разъ прогулкѣ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ строкъ письма его къ тому же лицу (14-го дек. 1847 г.): „Два или три дня стоитъ у насъ превосходная погода. Я много гуляю передъ обѣдомъ въ Тюль-

---

1) „Анненковъ и его друзья“. Стр. 21.

ерійскомъ саду, любуясь толпой дѣтей — красивыхъ, какъ амуры, и такъ кокетливо наряженныхъ. Ихъ по-дѣтски важныя ласки, ихъ маленькія пухленькія щечки, слегка подрумяненныя первымъ зимнимъ морозцемъ, добрыя и невозмутимыя лица нянекъ, прекрасное багровое солнце, свѣтящее сквозь развѣсистые каштаны, статуи, безмятежная поверхность водъ, величественная темно-сѣрая масса Тюльери, — все это очень нравится мнѣ, успокаиваетъ, освѣжаетъ меня послѣ работы цѣлаго утра“.

Какъ увидимъ дальше, время пребыванія Ивана Сергѣевича во Франціи было самымъ плодовитымъ во всей его писательской дѣятельности. Но свой богатый досугъ онъ посвящалъ не одному, такъ сказать, самостоятельному творчеству. Насколько въ слѣдующія двѣ зимы онъ много помогалъ Луи Віардо и Просперу Меримé въ ихъ изученіи русской литературы, особенно Пушкина и Гоголя, — настолько въ эту зиму часть своего рабочаго времени Иванъ Сергѣевичъ посвящалъ испанскому языку и литературѣ. Эти занятія вызваны были, очевидно, тѣмъ интересомъ ко всему испанскому, какой преобладалъ въ семьѣ знаменитой артистки. Какъ извѣстно, Полина Віардо была дочерью Мануэля Гарсіа, извѣстнаго въ свое время опернаго пѣвца и композиста, родомъ испанца (родился въ Севильѣ). Мужъ ея, Луи Віардо, много переводилъ съ испанскаго на французскій. Его переводъ „Донъ-Кихота“, напримѣръ, считается во Франціи классическимъ. Не удивительно, что и Тургеневъ былъ увлеченъ всѣми этими интересами. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что начало занятій Ивана Сергѣевича испанской литературой не слѣдуетъ относить къ 1843 году, когда онъ впервые познакомился съ П. Віардо и когда уже написалъ сцены изъ испанской жизни — „Неосторожность“. Какъ давно уже замѣчено критикой, эта пьеса написана подъ вліяніемъ поэзіи Альфреда де-Мюссе (перваго періода его творчества), — поэзіи „плаща и шпаги“, „шелковыхъ лѣстницъ и потаенныхъ ходовъ“, — которою восхищалось русское образованное общество конца тридцатыхъ годовъ настолько, что у насъ раньше французовъ поставлены были драматическія произведенія поэта на сцену. „Неосторожность“ въ рукописи была готова еще за нѣсколько мѣся-

цевъ до первой встрѣчи Тургенева съ П. Віардо. Въ октябрѣ 1847 года Иванъ Сергѣевичъ пригласилъ къ себѣ въ наставники el senor Castelar, который, между прочимъ, заставлялъ Тургенева вести корреспонденцію по-испански. „Я вступилъ въ переписку съ другимъ ученикомъ моего учителя", сообщалъ Иванъ Сергѣевичъ 17-го янв. 1848 г. П. Віардо: „переписку анонимную, которая не имѣетъ другой цѣли, кромѣ нашего усовершенствованія въ изученіи „magnifica lengua castellana". Но посмотрите, какая мнѣ удача! Въ одномъ письмѣ я немного позабавился (не помню только, по какому именно поводу) насчетъ австрійскаго правительства, а мой корреспондентъ оказался крайне патріотичнымъ вѣнскимъ евреемъ! Впрочемъ, мой учитель увѣряетъ меня, что онъ очень добрый и не захотѣлъ принять это въ дурную сторону".

Больше всего времени тратилъ, однако, Тургеневъ на изученіе произведеній испанской литературы, но не современной ему, усердно служившей романтизму. Объ этой послѣдней онъ былъ невысокаго мнѣнія, какъ можно судить по его отзыву, напримѣръ, объ одномъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей новой испанской литературы — Мартинесѣ де-ла-Роза (1789—1862). Прочитавъ его прозаическое произведеніе „Isabel de Salis" (1837—1840), Тургеневъ пишетъ о немъ П. Віардо: „Пусть извинятъ меня ваши соотечественники, если вся ихъ современная литература окажется въ такомъ же родѣ, — все ребячество. Интересны только однѣ выдержки изъ лѣтописей". Иванъ Сергѣевичъ остановился на Кальдеронѣ (1600—1681). „Это величайшій драматургъ изъ католиковъ, какъ Шекспиръ самый гуманнѣйшій, самый анти-христіанскій драматургъ", — такъ отзывался о немъ Тургеневъ въ письмахъ къ П. Віардо. Познакомившись съ одной изъ наиболѣе популярныхъ его драмъ — „Поклоненіе Кресту", въ которой проводится мысль, что вѣра въ силу св. Креста достаточна для спасенія человѣка, какія бы злодѣйства онъ ни совершилъ, Иванъ Сергѣевичъ такъ говоритъ о ней въ тѣхъ же письмахъ: „Devotion de la Cruz" есть шедёвръ. Эта непоколебимая торжествующая вѣра, лишенная даже и тѣни какого-либо сомнѣнія или размышленія, подавляетъ васъ своею мощью и величіемъ,

несмотря на все, что̀ есть въ этой доктринѣ отталкивающаго и жестокаго. Это уничиженіе всего, что̀ составляетъ достоинство человѣка, передъ божественной волей; то равнодушіе ко всему, что мы называемъ добродѣтелью или-порокомъ, и съ которымъ благодать осѣняетъ своего избранника, — является еще новымъ торжествомъ человѣческаго разума, потому что существо, рѣшающееся съ такой отвагой признаваться въ своемъ собственномъ ничтожествѣ, тѣмъ самымъ возвышается до того фантастическаго Божества, игрушкой котораго оно себя считаетъ. И это Божество есть тоже твореніе его руки. Но я все-таки предпочитаю Прометея, сатану, типъ возмущенія и индивидуальности. Пусть я буду атомъ, но я самъ себѣ владыка; я хочу истины, но не спасенія, и ожидаю ее получить отъ разума, а не отъ благодати" [1]).

Философская драма Кальдерона: „Жизнь есть сонъ", доказывающая ничтожность земной жизни въ сравненіи съ реальностью вѣчной, вызвала слѣдующія замѣчанія Ивана Сергѣевича: „Это самая величественная драматическая концепція, какую я когда-либо видѣлъ или читалъ. Въ ней царитъ дикая энергія, глубокое и мрачное презрѣніе къ жизни, удивительная смѣлость мысли рядомъ съ фанатизмомъ непреклоннаго католика. Сигизмундъ Кальдерона (главный герой) — это испанскій Гамлетъ со всею разницею, какая существуетъ между сѣверомъ и югомъ. Гамлетъ болѣе разсудителенъ, утонченъ, болѣе философъ; характеръ Сигизмунда проще, яснѣе и проникаетъ какъ шпага; одинъ не дѣйствуетъ вслѣдствіе своей нерѣшительности, сомнѣній и размышленій; другой дѣйствуетъ, потому что къ тому толкаетъ его южная кровь, но, дѣйствуя, онъ хорошо сознаетъ, что жизнь есть не что̀ иное, какъ сонъ" [2]).

Приступивъ къ „Чудесному волшебнику", котораго называютъ испанскимъ Фаустомъ, но который на самомъ дѣлѣ томится не жаждой постигнуть тайны природы, а жаждой любви, — Тургеневъ пишетъ своему другу: „Теперь

1) „И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо". М. 1900 г., стр. 25 (переводъ съ франц.).
2) Ibid., стр. 28—29.

я принялся читать испанскаго Фауста — El Magico prodigioso, и совсѣмъ „окальдероненъ“. Читая эти прекрасныя произведенія, чувствуешь, что они естественно выросли на плодородной и могучей почвѣ; ихъ вкусъ и благоуханіе просты, литературная подливка здѣсь совсѣмъ не чувствуется. Драма въ Испаніи была послѣднимъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ наивнаго католицизма и общества, созданнаго имъ по своему образу“. Нѣкоторая какъ бы ультра-раціоналистическая нотка, звучащая въ приведенныхъ выпискахъ, не вполнѣ согласная съ послѣдующими взглядами Тургенева, вызвана была отчасти крайностями міровоззрѣнія Кальдерона, какъ религіознаго фанатика и восторженнаго мистика, отчасти же объясняется довольно замѣтнымъ увлеченіемъ со стороны Тургенева въ то время Фейербахомъ, котораго Иванъ Сергѣевичъ называлъ „единственнымъ человѣкомъ, единственнымъ характеромъ и единственнымъ талантомъ“ среди современныхъ ему писателей, произведенія которыхъ, казалось ему, „воняютъ литературой“. Впослѣдствіи Тургеневъ изо всей испанской литературы интересовался болѣе всего „Донъ-Кихотомъ“, которому и посвятилъ столько горячихъ словъ въ своей рѣчи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“ и котораго онъ неоднократно мечталъ перевести на русскій языкъ.

Мирное и дѣятельное времяпрепровожденіе Ивана Сергѣевича, посвященное литературѣ, искусству, друзьямъ, было внезапно прервано февральской революціей. „Незадолго до 24 февраля“, писалъ впослѣдствіи Тургеневъ: „я уѣхалъ въ Бельгію — и вѣсть о государственномъ переворотѣ во Франціи дошла до меня въ Брюсселѣ. Помнится, въ теченіе цѣлаго дня никто не получалъ ни писемъ, ни журналовъ изъ Парижа; жители толпились на улицахъ и на площадяхъ; все замирало въ тревожномъ ожиданіи. 26-го февраля, въ шесть часовъ утра, я еще лежалъ — хотя и не спалъ — въ постели, въ номерѣ гостиницы, — какъ вдругъ наружная дверь растворилась настежь, и кто-то зычно прокричалъ: „Франція стала республикой!“ — Не вѣря ушамъ своимъ, я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ изъ комнаты.

По корридору мчался одинъ изъ гарсоновъ гостиницы и, поочередно раскрывая двери направо и налѣво, бросалъ въ каждый номеръ свое поразительное восклицаніе. Полчаса спустя, я уже былъ одѣтъ, уложилъ свои вещи и въ тотъ же день несся по желѣзной дорогѣ въ Парижъ. На границѣ сняты были рельсы; спутники мои и я — мы съ трудомъ, въ наемныхъ повозкахъ, добрались до Дуэ — и къ вечеру прибыли въ Понтуазъ... Рельсы около Парижа были тоже сняты... Помню, что на одной станціи мимо насъ съ шумомъ и трескомъ пронесся локомотивъ съ однимъ вагономъ перваго класса: въ этомъ экстренномъ поѣздѣ мчался „экстренный комиссаръ“ республики Антоній Турэ; ѣхавшіе съ нимъ люди махали трехцвѣтными флагами, кричали; служащіе на станціи съ нѣмымъ изумленіемъ провожали глазами громадную фигуру комиссара, до половины высунутую изъ окна, съ высоко приподнятой рукой... Годы 1793, 1794 невольно воскресали въ памяти. Помню, что, не доѣзжая до Понтуаза, произошло столкновеніе нашего поѣзда съ другимъ, встрѣчнымъ... Были раненые — но никто не обратилъ даже вниманія на этотъ случай: у каждаго тотчасъ явилась одна и та же мысль: можно ли будетъ дальше ѣхать? И какъ только нашъ поѣздъ снова тронулся, всѣ тотчасъ заговорили съ прежнимъ одушевленіемъ, всѣ, исключая одного сѣдого старичка, который съ самаго Дуэ забился въ уголъ вагона и безпрестанно повторялъ шопотомъ: „все пропало! все пропало“![1]) Столь же сильныя впечатлѣнія испыталъ Тургеневъ и при въѣздѣ въ Парижъ, при видѣ всюду пестрѣвшихъ трехцвѣтныхъ кокардъ, вооруженныхъ блузниковъ, разбиравшихъ камни баррикадъ, и т. п. „Весь первый день моего пребыванія въ Парижѣ прошелъ въ какомъ-то чаду“, — говорилъ онъ. Но впечатлѣнія переворота скоро улеглись въ душѣ Ивана Сергѣевича, и для него вновь наступило время обычныхъ занятій, прогулокъ, посѣщеній театровъ. Если бы не опредѣленная дата 1 мая 1848 г., мы могли бы легко подумать, что слѣдующее письмо къ П. Віардо написано еще до революціи. „Сегодня я вос-

1) Сочин. И. С. Тургенева. Изд. „Нивы“. XII, 122—123.

пользовался хорошей погодой, чтобы отправиться въ Ville d'Avray, небольшую деревушку за Saint Cloud. Я думаю, что найму тамъ комнату. Я болѣе четырехъ часовъ провелъ въ лѣсахъ — печальный, растроганный, внимательный, поглощающій и поглощенный. Впечатлѣніе, которое природа производитъ на одинокаго человѣка, очень своеобразно. Въ этомъ впечатлѣніи есть осадокъ горечи, свѣжей какъ благоуханіе полей, немного ясной меланхоліи, какъ въ пѣніи птицъ... Вы, конечно, понимаете, что̀, я хочу сказать, потому что вы понимаете меня много лучше, чѣмъ я самъ себя. Я не могу видѣть безъ волненія, какъ вѣтка, покрытая молодыми зеленѣющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубомъ небѣ. Почему? Да, почему? По причинѣ ли контраста между этою маленькою вѣткой, живущею, колеблющеюся отъ самаго небольшого дуновенія, которую я могу сломать, и она должна умереть, но которую благодѣтельный сокъ оживляетъ и окрашиваетъ, — и этою вѣчною и пустою безпредѣльностью, этимъ небомъ, которое только благодаря землѣ сине и лучезарно? Ахъ, я не выношу неба! — но жизнь, ея реальность, ея капризы, ея случайности, ея привычки, ея быстро преходящую красоту... все это я обожаю. Я прикрѣпленъ къ землѣ. Я предпочитаю созерцать торопливыя движенія влажной лапки утки, которою она чешетъ себѣ затылокъ на краю лужи, или длинныя и блестящія капли воды, медленно падающія съ морды неподвижной коровы, только-что напившейся воды изъ пруда, куда она вошла по колѣно, — всему, что̀ можно видѣть въ небѣ!..“

Имѣя передъ собою, съ одной стороны, подобныя и совсѣмъ не политическія настроенія и интересы Тургенева въ 1848 г., а съ другой — такіе разсказы, какъ „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“ и „Наши послали“, полные живого пониманія великихъ событій, совершавшихся тогда въ Парижѣ, — мы необходимо должны остановиться подробнѣе на вопросѣ, — насколько, въ самомъ дѣлѣ, интересовался Иванъ Сергѣевичъ политикой, каковы были, въ концѣ концовъ, его взгляды на нее и какую роль сыграла здѣсь февральская революція и вторая республика. Само собою разумѣется, что отвѣчать на этотъ вопросъ одной ссылкой на „западни-

чество“ автора „Дыма“ невозможно. Никто и никогда не сомнѣвался въ западничествѣ Тургенева, но политическимъ взглядамъ его давали очень различную оцѣнку. Одновременно считали ихъ и умѣренно-либеральными, и консервативными, и даже революціонными. Однимъ казался Иванъ Сергѣевичъ „кувыркающимся передъ радикальной молодежью, другимъ же — прирожденнымъ баричемъ-ретроградомъ; третьимъ, наконецъ, — либераломъ въ молодости и консерваторомъ подъ старость. Въ дѣйствительности, основнымъ началомъ западничества у Тургенева служила мысль, а именно, что его отечество составляетъ органическую часть европейскаго цѣлаго, отнюдь не подлежащую какимъ-либо особымъ историческимъ законамъ или историческимъ процессамъ, чуждымъ, будто бы западному міру.

Тургеневъ явился во Францію съ немалой подготовкой къ пониманію столь чуждой въ то время для русскаго среды. Но предварительное ознакомленіе съ послѣдней заключалось менѣе всего въ чисто-политическихъ вопросахъ. Французское искусство, французская исторія — вотъ гдѣ Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя свободнымъ. Даже черезъ десять лѣтъ послѣ революціи 1848 г., въ письмѣ „Изъ-за границы“ [1]), гдѣ онъ такъ горячо ратуетъ за подготовку ко всякому путешествію, предпринимаемому съ образовательной цѣлью, Тургеневъ не требуетъ знакомства съ политическими вопросами предпочтительнѣе или даже наравнѣ съ другими. Но какъ бы ни была скромна подготовка Ивана Сергѣевича въ этомъ отношеніи, на ней все-же слѣдуетъ остановиться. Прежде всего замѣтимъ, что у насъ въ сороковыхъ годахъ политикѣ не придавали такого главенствующаго значенія, какое приписывали ей люди шестидесятыхъ годовъ. Политическіе интересы того десятилѣтія въ кружкѣ Бѣлинскаго очень правильно характеризуются К. Д. Кавелинымъ въ его воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ: „Мы мечтали о лучшемъ будущемъ, не формулируя положительно, какимъ оно должно

1) „Атеней“ 1858 г., кн. 6.

быть, жадно собирали всѣ анекдоты, слухи и разговоры, изъ которыхъ прямо или косвенно слѣдовало... приближеніе иного времени; также жадно и зорко слѣдили за всякимъ проявленіемъ въ словѣ или печати мыслей и стремленій, которыми были преисполнены... Жоржъ-Зандъ и французская литература пользовались великимъ авторитетомъ. За событіями политическими въ Европѣ мы слѣдили внимательно, но нельзя сказать, чтобы съ настоящимъ пониманіемъ... Его (Бѣлинскаго) симпатіи клонились въ сторону Франціи, а не Германіи или Англіи. Его идеалы были нравственно-соціальные болѣе, чѣмъ политическіе. Политической программы ни у кого въ тогдашнихъ кружкахъ не было"[1]). Не у одного Бѣлинскаго, но и у большинства людей его идеалы были „нравственно-соціальные", т.-е. касающіеся общественной нравственности и культуры, „болѣе, чѣмъ политическіе". И попади эти люди въ среду молодыхъ радикаловъ позднѣйшаго времени, они сказали бы вмѣстѣ съ Базаровымъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ", что нечего толковать о парламентаризмѣ, напримѣръ, „когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ; когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ; когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ; когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва-ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ".

Не менѣе крупной особенностью политической мысли сороковыхъ годовъ, какъ справедливо замѣтилъ тотъ же Кавелинъ, является отсутствіе опредѣленной программы не только практическаго, но и теоретическаго значенія. Тогда сознавалась только необходимость разъяснить общіе основные вопросы историческаго развитія, и горячій споръ между западниками и славянофилами не замѣнялъ собою, а какъ разъ подготовлялъ обсужденіе и пониманіе вопросовъ чисто политическихъ, народившихся нѣсколько позднѣе. „Жоржъ-Зандъ и французская литература пользовались великимъ

1) А. Н. Пыпинъ. Біограф. Бѣлинскаго, II. 204, 208—9.

авторитетомъ", — свидѣтельствуетъ Кавелинъ, подразумѣвая подъ французской литературой Пьера Леру, Луи Блана, Фурье, Кабе и иныхъ соціалистовъ. Это же подтверждаютъ и другіе друзья Бѣлинскаго. Но, во-первыхъ, названные писатели до 1848 года тоже занимались болѣе общими, чѣмъ спеціальными практическими вопросами политики и соціализма, а затѣмъ, авторитетъ французскихъ писателе' для кружка Бѣлинскаго не былъ, къ тому же, подавля' щимъ, никогда не господствовалъ до такой степени, к' авторитетъ Гегеля въ концѣ тридцатыхъ годовъ. За' ники, за исключеніемъ развѣ Герцена, а позднѣе — Б нина, не раздѣляли многихъ положеній соціализма, не г' уже о его крайностяхъ. Бѣлинскій даже не прочь доказывать славянофильскую мысль, что Россія сумѣетъ, пожалуй, разрѣшить вопросъ о враждѣ капі собственности съ трудомъ, чѣмъ Европа, хотя и с тогдашнее наше положеніе вполнѣ ненормальнымъ , сторгаясь же статьей Литтре объ успѣхахъ физіо. („Современникъ" 1847 г., кн. 2), Бѣлинскій вмѣнялъ авт въ заслугу, что онъ не принадлежитъ къ соціалистамъ которые уродились, по мнѣнію критика, изъ фантазій генія Руссо. Тургеневъ не менѣе друзей своихъ знакомился съ французской литературой, вмѣстѣ съ ними обсуждалъ ея вопросы и положенія. Подобно всѣмъ западникамъ, въ политикѣ онъ интересовался общими историческими вопросами. Какъ и его единомышленники, люди сороковыхъ годовъ, въ основу своихъ сужденій онъ ставилъ моральныя требованія, считая въ устройствѣ общества рѣшающей силой не тѣ или другія политическія формы или порядки, а нравственное воспитаніе общества и образованіе научное. А къ идеямъ соціализма относился съ полнымъ отрицаніемъ, какъ это видно изъ письма къ Герцену, отъ 3 декабря 1862 года.

Но какъ ни мало въ общемъ увлекался Иванъ Сергѣевичъ политикой у себя дома, гдѣ къ тому же слишкомъ ясно чувствовалась безполезность подобныхъ занятій, —

1) А. Н. Пыпинъ. Біограф. Бѣлинскаго, II, 209.

ступивъ на почву Франціи, переживавшей тогда моменты первостепенной политической важности, онъ былъ невольно охваченъ живымъ и бурнымъ потокомъ совершавшихся вокругъ него событій. Правда, въ сравненіи съ друзьями своими, бывшими одновременно съ нимъ въ Парижѣ, Иванъ Сергѣевичъ можетъ показаться стоящимъ внѣ этихъ движеній. Бакунинъ и Герценъ сдѣлались активными участниками событій; даже П. В. Анненковъ кажется намъ теперь цѣликомъ погруженнымъ въ шумъ и сутолоку европейскихъ треволненій и теорій конца сороковыхъ годовъ. Читая воспоминанія послѣдняго, невольно удивляешься, какъ этотъ человѣкъ близко принималъ къ сердцу столкновенія соціалиста Вейтлинга съ Марксомъ, разногласія Маркса съ Прудономъ и т. д. Свои собственныя русскія дѣла онъ не могъ бы рѣшать съ бо̀льшей обстоятельностью, чѣмъ дѣла французскихъ или нѣмецкихъ соціалистовъ. Не относясь столь горячо къ кипѣвшимъ вокругъ событіямъ, какъ его друзья, Тургеневъ, однако, внимательно слѣдилъ за ними, многое старался наблюдать непосредственно, даже рискуя иногда жизнью. Онъ самъ сознается, что общее волненіе, охватившее Парижъ въ ожиданіи предстоявшихъ въ февралѣ 1848 г. банкетовъ въ пользу реформы, охватило и его. Семнадцатаго марта того же года, онъ наблюдалъ, какъ громадная толпа работниковъ ходила къ ратушѣ протестовать передъ временнымъ правительствомъ противъ манифестаціи такъ-называемыхъ „медвѣжьихъ шапокъ“ (раскассированныхъ гренадеровъ и вольтижеровъ національной гвардіи). Пятнадцатаго мая Тургеневъ былъ очевидцемъ шествія массы народа, направлявшагося мимо церкви Маделены на штурмъ палаты депутатовъ. Тринадцатаго іюня онъ долженъ былъ бѣжать вмѣстѣ съ толпой, которую гнали штыками съ площади Согласія. Черезъ десять дней Иванъ Сергѣевичъ попалъ подъ выстрѣлы инсургентовъ, скрывавшихся въ Жувьенской фабрикѣ, и т. д. Но всѣхъ этихъ наблюденій было бы недостаточно для политической любознательности, если бы они не сопровождались бесѣдами съ людьми, близко стоящими къ текущимъ событіямъ. А въ сношеніяхъ съ такими людьми Тургеневъ былъ довольно счастливъ. Назовемъ хотя бы Бакунина, Герцена, Гервега

и такую замѣчательную личность, какъ monsieur François („Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“), не говоря о французскихъ друзьяхъ и знакомыхъ семьи Віардо.

А. И. Герценъ пріѣхалъ въ Парижъ въ маѣ 1847 г., и прожилъ въ столицѣ до середины 1850 г., т.-е. почти три года, въ теченіе которыхъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ Италіи и Швейцаріи. Въ тѣ мѣсяцы, когда Иванъ Сергѣевичъ находился въ Парижѣ, онъ часто видѣлся съ знаменитымъ эмигрантомъ, особенно въ зиму съ 1848 г. на 1849 г., когда, послѣ отъѣзда Анненкова, Тургеневъ у одного Герцена могъ быть поближе къ родному русскому, въ чемъ всегда такъ нуждался на чужбинѣ. Появившись въ столицѣ Франціи, Герценъ не только быстро вошелъ во всѣ подробности политическихъ движеній, волновавшихъ ее, но сталъ однимъ изъ видныхъ центровъ тогдашнихъ демократическихъ кружковъ, принимая у себя на квартирѣ такихъ лицъ, какъ Прудонъ, Гервегъ, и др... Александръ Ивановичъ прибылъ во Францію горячимъ послѣдователемъ соціализма. Эти симпатіи лишь усилились въ Парижѣ, но, подъ вліяніемъ буржуазнаго склада монархіи Луи-Филиппа и второй республики, онѣ стали получать славянофильскій оттѣнокъ. Не признавая за Европой ни силъ, ни способностей осуществить соціалистическій идеалъ, Герценъ сталъ ожидать именно отъ русскаго народа всеобщаго обновленія на почвѣ соціализма. Этотъ поворотъ въ міровоззрѣніи уже замѣченъ былъ друзьями въ письмахъ его изъ Avenue-Marigny, помѣщенныхъ въ десятомъ нумерѣ „Современника“ за 1847 годъ.

Бакунинъ поселился въ Парижѣ задолго до появленія въ немъ Тургенева и къ 1847 г. составилъ себѣ извѣстность дѣятельнымъ участіемъ въ польской революціонной партіи, къ которой примкнулъ, покинувъ прежнія занятія нѣмецкой философіей. Блестящія діалектическія способности, повергавшія въ изумленіе иностранцевъ, дали возможность Бакунину быть очень крупной силой въ польскомъ дѣлѣ, хотя онъ и не вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ центральнаго революціоннаго комитета. Бакунинъ въ своей пропагандѣ стремился не столько къ возстановленію Польши, сколько къ сближенію славянскихъ народностей на почвѣ политическихъ

протестовъ противъ правительствъ. Будучи неразлучнымъ съ Бакунинымъ въ послѣдній годъ своего берлинскаго студенчества, Тургеневъ охотно возобновилъ дружеское общеніе съ прежнимъ своимъ товарищемъ и въ Парижѣ. Изъ писемъ послѣдняго къ Анненкову видно, что Иванъ Сергѣевичъ былъ въ числѣ немногихъ, съ которыми Бакунинъ дѣлился своими планами и секретами въ 1847 году. Но встрѣчи ихъ были прерваны очень скоро. Послѣ своей зажигательной рѣчи 29 ноября передъ поляками, за которую Гизо обозвалъ Бакунина, при запросѣ въ палатѣ депутатовъ, „une personnalité violente", смѣлый агитаторъ былъ высланъ изъ Парижа и поселился въ Брюсселѣ. Вернувшись обратно послѣ февральскаго переворота, Бакунинъ явился передъ друзьями уже совсѣмъ въ другомъ видѣ. Поселившись въ казармѣ съ работниками, составлявшими охрану революціоннаго префекта полиціи Косидьера, онъ заявилъ себя не горячимъ сторонникомъ полонизма, а страстнымъ проповѣдникомъ соціалистическихъ теорій. Вспоминая позднѣе о своихъ встрѣчахъ съ Бакунинымъ за этотъ второй періодъ его политической дѣятельности въ Парижѣ, Тургеневъ разсказывалъ слѣдующее: „Вліяніе Бакунина на рабочихъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ демократъ по природѣ. Когда онъ входилъ въ кабакъ, то всѣмъ присутствующимъ казалось, что онъ всю жизнь провелъ въ этомъ кабакѣ. Къ тому же онъ былъ необыкновенно доступенъ для всѣхъ и каждаго. Однажды въ Парижѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, встрѣчается съ Бакунинымъ какой-то рабочій, останавливаетъ „гражданина" Бакунина и начинаетъ ему излагать свой проектъ, согласно которому для спасенія человѣчества необходимо разрушить до восьмисотъ лучшихъ зданій Парижа. Всякій другой поспѣшилъ бы отдѣлаться отъ этого полупомѣшаннаго. Бакунинъ же садится тутъ же на какой-то камень и въ теченіе четырехъ часовъ доказываетъ рабочему, что проектъ его не выдерживаетъ критики"! [1]) Въ Парижѣ Бакунинъ и на этотъ разъ прожилъ недолго вмѣстѣ съ Тургеневымъ. Выѣхавъ въ началѣ апрѣля 1848 г.

1) Воспоминанія о Тургеневѣ Ан. Половцова. Календарь „Царь-Колоколъ" 1887 г., стр. 77.

черезъ Брюссель въ Германію, онъ въ началѣ мая организовалъ возстаніе рабочихъ въ Дрезденѣ, получивъ отъ послѣднихъ почти диктаторскія полномочія. Девятаго мая онъ былъ взятъ въ плѣнъ прусскими войсками и приговоренъ къ смертной казни, которая была, однако, замѣнена ему пожизненнымъ заключеніемъ. Позднѣе онъ былъ выданъ Австріи, а этой послѣднею — Россіи и сосланъ въ Сибирь.

Гервегъ (Herwegh) жилъ уже изгнанникомъ въ Парижѣ и былъ тамъ предсѣдателемъ клуба нѣмцевъ-эмигрантовъ, „Democratischer Verein", когда въ столицѣ появился Тургеневъ. Познакомившись съ поэтомъ (у Герцена), Иванъ Сергѣевичъ почувствовалъ къ нему искреннюю симпатію и всегда искалъ съ нимъ встрѣчъ и бесѣдъ, вплоть до выѣзда Гервега въ Швейцарію (послѣдовавшаго въ серединѣ 1849 года). Особенно часты были ихъ встрѣчи въ маѣ и іюнѣ 1848 г., когда Тургеневъ квартировалъ не только въ одномъ домѣ (на углу улицы Мира и Итальянскаго бульвара), но на одной и той же лѣстницѣ съ Гервегомъ. Иванъ Сергѣевичъ безпрестанно заходилъ къ нему „отводить душу" въ виду грозныхъ событій, волновавшихъ въ то время Парижъ. Анненковъ даетъ слѣдующую характеристику Гервега. Онъ былъ, по его мнѣнію, „въ высшей степени развитой, изящной и вмѣстѣ холодной и эгоистически-сластолюбивой личностью". Являлся вдобавокъ еще „двойной германской знаменитостью: онъ прославился лирическими пѣснями, призывавшими народы къ оружію, и радикализмомъ взглядовъ на правительство вообще и на прусское въ особенности. Подъ мягкой, вкрадчивой наружностью, прикрываясь очень многостороннимъ, прозорливымъ умомъ, который всегда былъ насторожѣ, такъ сказать, и опираясь на изумительную способность распознавать малѣйшія душевныя движенія человѣка и къ нимъ поддѣлываться, — чудная личность эта таила въ себѣ сокровища эгоизма, эпикурейскихъ склонностей и потребности лелѣять и удовлетворять свои страсти, чего бы то ни стоило" [1]). Отрицательныя стороны характера Гервега были, однако, въ то время еще совершенно скрыты

1) Воспоминанія и критическіе очерки. III, 179.

отъ русскихъ друзей его и обнаружились позднѣе въ той романтической исторіи, описанной тѣмъ же Анненковымъ въ его воспоминаніяхъ, которая оставила глубокіе слѣды въ семейной жизни Герценовъ. Интересно, какъ отнесся Тургеневъ къ апрѣльской (1848 г.) экспедиціи Гервега въ Баденъ. Подъ вліяніемъ февральской революціи нѣмецкій поэтъ, какъ извѣстно, отправился въ походъ во главѣ отряда вооруженныхъ рабочихъ и съ помощью баденскихъ революціонеровъ проникъ въ городъ, но былъ отбитъ виртембергскими войсками. Узнавъ объ этой неудачѣ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ П. Віардо (30 апрѣля): „Экспедиція моего друга Гервега потерпѣла полное фіаско; эти несчастные рабочіе подверглись ужасному избіенію. Второй начальникъ, Борнштедтъ, былъ убитъ; что касается до Гервега, то онъ, говорятъ, вернулся въ Страсбургъ со своею женой. Если онъ пріѣдетъ сюда, я ему посовѣтую еще разъ прочесть „Короля Лира“, особенно сцену между королемъ, Эдгаромъ и шутомъ въ лѣсу. Бѣдняга! Ему слѣдовало или не начинать дѣла, или дать убить себя, какъ и другихъ“.

Попавъ въ круговоротъ крупныхъ политическихъ событій, сталкиваясь съ людьми, интересы которыхъ сосредоточивались на тѣхъ же событіяхъ, Тургеневъ именно во Франціи 1848—1849 годовъ получилъ свое, такъ сказать, политическое крещеніе, какъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Германіи получилъ культурное, научное крещеніе. Лучшей политической школы, какъ Парижъ конца сороковыхъ годовъ, невозможно было найти въ Европѣ для современниковъ Тургенева, — какъ для того же поколѣнія нельзя было найти и лучшей научной школы, чѣмъ Берлинъ конца тридцатыхъ годовъ. Въ Парижѣ у Ивана Сергѣевича сложились окончательно тѣ взгляды, тѣ выводы, отъ которыхъ онъ уже не отступалъ во всю свою жизнь при обсужденіи какъ своей родной, такъ и западной дѣйствительности, поскольку выражалась она въ политикѣ. Эти выводы не явились у Тургенева внезапно, какъ слѣдствіе переворота въ міровоззрѣніи, — они имѣли извѣстную подготовку въ болѣе раннемъ времени, въ бесѣдахъ кружка Бѣлинскаго и даже на сту-

денческой скамьѣ берлинскаго университета. Но окончательную какъ бы шлифовку получили они все-таки въ Парижѣ 1848—1849 годовъ.

Выяснить политическіе взгляды Ивана Сергѣевича за тѣ годы намъ поможетъ превосходный разсказъ его „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“. Тургеневъ не запомнилъ бы съ изумительной точностью всѣхъ бесѣдъ своихъ съ героемъ воспоминаній — monsieur François, — этотъ послѣдній не являлся бы передъ нами столь художественно правдивымъ и живымъ при всей своей глубокой оригинальности, еслибы многіе взгляды его не совпадали со взглядами молодого Тургенева, вѣрнѣе — еслибы они не помогли уяснить послѣднему смутно сознаваемыя собственныя мысли. Но лучше всего сказанное нами подтверждается сравненіемъ политическихъ сужденій monsieur François съ такими же сужденіями Ивана Сергѣевича. Начать съ того, что ни „Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ“, ни Тургеневъ не вѣрили „въ принципы 89-го года, всеобщее братство, прогрессъ“ и т. п. Первый прямо говорилъ, что эта вѣра хороша для овощныхъ торговцевъ (pour les épiciers). Иванъ же Сергѣевичъ писалъ 20 іюля 1849 г. П. Віардо: „Кто сказалъ, что человѣку суждено быть свободнымъ? Исторія доказываетъ намъ противное. Гёте, конечно, не изъ низкопоклонства написалъ свой знаменитый стихъ:

Der Mensch ist nicht geboren frei zu sein!

Это просто фактъ, истина, высказанная имъ въ качествѣ точнаго наблюдателя дѣйствительности, какимъ онъ былъ“.

Повторивъ, восемнадцать лѣтъ спустя, тотъ же стихъ Гёте въ письмѣ къ Герцену, Тургеневъ дополняетъ его еще слѣдующими словами: „Это вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадается на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.) — и изо всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ“. Послѣднія слова могутъ показаться крайностью, вызванной полемическимъ задоромъ, но основная мысль Тургенева остается ясной. Monsieur François высказывалъ и другія характерныя положенія своему собесѣднику. Особенно тѣсно связывается съ предыдущимъ

указаніе на то стихійное, безразличное состояніе массъ, общества, которое дѣлаетъ людскую толпу способной какъ на высокое увлеченіе идеаломъ, такъ одновременно и на слѣпое слѣдованіе за всякимъ ловкимъ шарлатаномъ. Представляя собою къ тому же матеріалъ и для простыхъ случайностей, чернь, народъ, не можетъ возбуждать ни уваженія, ни презрѣнія, не можетъ носить въ себѣ никакихъ основъ для осуществленія торжества политическихъ идеаловъ. „Народъ — то же, что земля“, — говоритъ monsieur François: „хочу, пашу ее… и она меня кормитъ; хочу, оставляю ее подъ паромъ. Она меня носитъ, а я ее попираю. Правда, она вдругъ возьметъ да встряхнется, какъ мокрый пудель, и повалитъ все, чтò мы на ней настроили — всѣ наши карточные домики. Да вѣдь это, въ сущности, рѣдко случается — эти землетрясенія-то. Съ другой стороны, я очень хорошо знаю, что, въ концѣ концовъ, она меня поглотитъ… И народъ меня поглотитъ тоже. Этому помочь нельзя“. Человѣкъ всегда остается человѣкомъ со всѣми своими недостатками, дѣйствуетъ ли онъ въ одной части свѣта, или въ другой, живетъ ли онъ въ эпоху крайняго развитія индустріи, или во времена языческихъ имперій древности. „Америка — та же Европа — только наизнанку“, — доказывалъ monsieur François: „у американцевъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется зданіе европейскаго государства… а между тѣмъ — выходитъ одно и то же. Все людское — одно и то же. Вы помните наставленіе унтеръ-офицера рекрутамъ: „направо кругомъ — совершенно то же самое, что налѣво кругомъ, только оно совершенно противоположно“. Ну, вотъ, и Америка — та же Европа, только налѣво кругомъ“.

Подобныя же мысли высказывалъ и Тургеневъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, но, конечно, безъ эгоистически-властолюбиваго оттѣнка, характеризующаго рѣчи monsieur François. Съ наибольшею силою изложилъ онъ ихъ въ отрывкѣ „Довольно“, гдѣ мы читаемъ между прочимъ: „Если бы вновь народился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ

въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданія во имя... ну, хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ; тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь — людская толпа; тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды — словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ". Въ одномъ только расходился Тургеневъ съ своимъ случайнымъ собесѣдникомъ въ ротондѣ Пале-Рояля. Иванъ Сергѣевичъ не могъ принимать участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ. Подобно Бѣлинскому, онъ чувствовалъ отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ, скорымъ расправамъ, и трудно придумать болѣе чудовищную клевету, чѣмъ ту, какую старались распустить его заграничные quasi-друзья изъ русскихъ эмигрантовъ, будто на смертномъ одрѣ онъ, авторъ „Казни Тропмана", признавался въ бреду: „а все-таки террористы — великіе люди". Достаточно прочесть мѣсто въ его разсказѣ „Наши послали", гдѣ говорится о разстрѣливаніи инсургентовъ въ іюньскіе дни 1848 г., чтобы представить себѣ весь ужасъ, какой возбуждали въ душѣ Ивана Сергѣевича подобныя мѣры.

Тургеневъ въ своихъ политическихъ, точно такъ же, какъ и въ историческихъ взглядахъ, былъ, однако, не разочарованнымъ, не скептикомъ — иначе онъ не отнесся бы съ полнымъ сочувствіемъ, подчасъ съ восторгомъ, къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ. Его воззрѣнія, поэтому, отнюдь не исключали самой горячей заботы о благѣ того самаго народа, въ которомъ онъ видѣлъ столько чисто стихійныхъ свойствъ. Политическіе взгляды Ивана Сергѣевича являются лишь характерными для строгаго послѣдователя эволюціонной теоріи, если будемъ понимать подъ эволюціей органическій процессъ зарожденія, развитія, роста и умиранія (разложенія). Основы такого міросозерцанія были заложены у Тургенева еще въ берлинскомъ университетѣ, гдѣ сказывалось тогда сильное вліяніе „исторической школы права" Савиньи, отрицавшей рѣшительныя и быстрыя мѣры

въ политической дѣятельности и выдвигавшей на первый планъ преемственность и органическое развитіе учрежденій. Но именно какъ эволюціонистъ, Тургеневъ не могъ быть въ такой степени консервативенъ, какъ Савиньи, и не могъ отрицать вслѣдъ за нимъ, напримѣръ, института присяжныхъ, или защищать смертную казнь и тѣлесныя наказанія. Какъ эволюціонистъ, онъ не впалъ въ славянофильскія крайности, что̀ случилось съ Герценомъ подъ вліяніемъ разочарованій отъ событій 1848—49 годовъ. Какъ эволюціонистъ, наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ былъ чуждъ того политическаго космополитизма, какимъ отличался Бакунинъ. Тургеневъ былъ только тѣмъ, чѣмъ онъ самъ называлъ себя въ извѣстномъ отвѣтѣ „Иногродному обывателю". „Не хвастаясь и не обинуясь", писалъ онъ: „а просто констатируя фактъ, я имѣю право утверждать, что убѣжденія, высказанныя мною и печатно и изустно, не измѣнились ни на іоту въ послѣднія сорокъ лѣтъ (т.-е. со временъ Бѣлинскаго), я не скрывалъ ихъ никогда и ни передъ кѣмъ. Въ глазахъ нашей молодежи, къ какой бы партіи она ни принадлежала — я всегда былъ и до сихъ поръ остался „постепеновцемъ", либераломъ стараго покроя въ англійскомъ, династическомъ смыслѣ, человѣкомъ, ожидающимъ реформъ только свыше, — принципіальнымъ противникомъ революціи, — не говоря уже о безобразіяхъ послѣдняго времени".

Возвращаясь снова къ описанію внѣшнихъ событій жизни Ивана Сергѣевича, мы должны прежде всего повторить, что мирные интересы искусства, литературы, дружескихъ общеній, прерванные февральскими событіями, сдѣлались опять господствующими въ парижской жизни Тургенева почти тотчасъ же послѣ переворота. Воспоминанія Н. А. Тучковой-Огаревой объ Иванѣ Сергѣевичѣ, за время съ марта по іюнь, рисуютъ его такимъ съ достаточной выпуклостью. „Когда мы", разсказываетъ она: „всѣмъ семействомъ, т.-е. мои родители, я съ сестрой и гувернантка наша, m-lle Michel, пріѣхали въ 1848 году изъ Рима въ Парижъ, Александръ Ивановичъ Герценъ писалъ о нашемъ пріѣздѣ Павлу Васильевичу Анненкову, который, какъ и Иванъ Сер-

гѣевичъ Тургеневъ, находился тогда тамъ. Спачала Анненковъ пришелъ къ намъ одинъ; онъ намъ всѣмъ очень понравился: его непринужденность, пріятное и ровное обхожденіе со всѣми, его готовность намъ все показывать въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ какъ дома, приводили насъ въ восторгъ. Его помощь была всего чувствительнѣе въ картинныхъ галлереяхъ: онъ понималъ живопись, много уже видалъ галлерей за границей и любилъ объяснять намъ особенности картинъ, которыя были у насъ передъ глазами, но которыя бы мы, вѣроятно, безъ него не замѣтили, благодаря нашей неопытности. Черезъ нѣсколько дней Анненковъ привелъ къ намъ Ивана Сергѣевича Тургенева. Высокій ростъ Ивана Сергѣевича, прекрасные его глаза, иногда упорная молчаливость, иногда, наоборотъ, горячій разговоръ, безконечные споры съ Анненковымъ на всевозможныя темы, — все это не могло не поразить насъ... Онъ приходилъ къ намъ ежедневно, иногда чтобъ играть въ шахматы съ моимъ отцомъ, иногда исключительно для меня; съ остальными дамами онъ только здоровался, а дамъ было много, особенно съ возвращенія изъ Италіи семейства А. И. Герцена, и всѣ дамы, конечно, замѣчательнѣе меня.

„Жена Герцена, о которой я много говорила въ Запискахъ Т. П. Пассекъ, была поэтическая натура и наружности очень привлекательной; Марья Ѳедоровна Коршъ (сестра Евгенія), не молодая уже дѣвица, умная и очень любезная; красивая и еще не старая мать Александра Ивановича Герцена, Луиза Ивановна, и Марія Каспаровна Эрнъ (нынѣ m-me Рейхель), тогда дѣвушка, очень умная, веселая, образованная; моя мать, тогда еще довольно молодая и тоже красивая; моя сестра Елена, которую за ея необыкновенную грацію Наталья Александровна Герценъ называла „своимъ пажемъ“ и я, дурняшка, которую она называла своей Консуелой или Миньоной Гёте.

„Тургеневъ любилъ читать мнѣ стихотворенія или разсказывать планы своихъ будущихъ сочиненій... Иногда Иванъ Сергѣевичъ приносилъ мнѣ духи „гардени“, его любимый запахъ; говорилъ со мною даже иногда о Віардо, тогда какъ вообще онъ избѣгалъ произносить ея имя — это было для него въ родѣ святотатства... Впослѣдствіи мы

жили въ одномъ домѣ съ А. И. и Н. А. Герценами въ Парижѣ, и потому Тургеневъ часто заставалъ меня съ сестрой у Натальи Александровны. Часто Александра Ивановича не было дома; тогда Тургеневъ читалъ мнѣ что-нибудь; при этомъ, если всѣ сидѣли вмѣстѣ, то у Тургенева являлись удивительныя фантазіи: онъ то просилъ у насъ всѣхъ позволенія кричать какъ пѣтухъ, влѣзалъ на подоконникъ и, дѣйствительно, неподражаемо хорошо кричалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялъ на нас неподвижные глаза; то просилъ позволенія представить сумасшедшаго. Мы обѣ съ сестрой радостно позволяли, но Наталья Александровна Герценъ возражала ему:

„— Вы такіе длинные, Тургеневъ, вы все тутъ переломаете, — говорила она. — да, пожалуй, и напугаете меня.

„Но онъ не обращалъ вниманія на ея возраженія. Попроситъ у нея, бывало, ея бархатную черную мантилью, драпируется въ нее очень странно и начнетъ свое представленіе. Онъ всклокочетъ себѣ волосы и закроетъ ими себѣ весь лобъ и даже верхнюю часть лица; огромные сѣрые глаза его дико выглядываютъ изъ-подъ волосъ. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, прыгалъ на окна, садился съ ногами на нихъ, дѣлалъ видъ, что чего-то боится, потомъ представлялъ страшный гнѣвъ. Мы думали, что будетъ смѣшно, но было какъ-то очень тяжело. Тургеневъ оказался очень хорошимъ актеромъ; слабая Наталья Александровна отвернулась отъ него, и всѣ мы вздохнули свободно, когда онъ кончилъ свое представленіе, а самъ онъ ужасно усталъ. Когда насъ звали съ сестрой наверхъ, Иванъ Сергѣевичъ или уходилъ въ кабинетъ Герцена, смежную съ гостиной комнатку, или ложился на кушетку въ гостиной и говорилъ мнѣ: — Возвращайтесь поскорѣй, а я пока понѣжусь.

„Онъ очень любилъ лежать на кушеткахъ и имѣлъ талантъ свернуться даже на самой маленькой.

„Наталья Александровна или читала, или занималась съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, а на Тургенева не обращала ни малѣйшаго вниманія: онъ былъ, какъ и П. В. Анненковъ, короткій знакомый въ ихъ домѣ. Анненковъ имѣлъ большую симпатію и глубокое уваженіе къ Натальѣ Александровнѣ; Тургеневъ же, напротивъ, не любилъ ее, мало съ ней

говорилъ, какъ будто нехотя; нерѣдко случалось имъ даже говорить другъ другу колкости“ [1])...

Мы прерываемъ выписки изъ воспоминаній Огаревой-Тучковой именно на фактѣ натянутыхъ отношеній между Тургеневымъ и женою Герцена, такъ какъ фактъ этотъ довольно интересенъ въ біографіи Ивана Сергѣевича. Оригинальная и богатая натура Натальи Александровны во всѣхъ лично ее знавшихъ оставляла самое прекрасное впечатлѣніе. При наружномъ спокойствіи и холодности она въ душѣ была женственной и нѣжной въ высшей степени. При недюжинномъ умѣ и сильной волѣ Н. А. Герценъ обладала всѣми лучшими поэтическими качествами героинь Тургенева. Казалось бы, между послѣднимъ и ею должны были возникнуть взаимныя симпатіи и уваженіе. На дѣлѣ, однако, оказывалась лишь какая-то натянутость и неловкость. „Съ пріятелемъ твоимъ Тургеневымъ“, писала Наталья Александровна Огаревой-Тучковой вскорѣ послѣ отъѣзда послѣдней въ Россію (1848 г.): „мы все непріятели; талантливая натура, я слушаю его съ интересомъ, даже люблю его, но мнѣ никогда не бываетъ его нужно, понимаешь ты это; ну, и вѣдь это нисколько не уменьшаетъ его достоинства. Помнишь ты наше прощанье? Тебѣ онъ, можетъ, не мѣшалъ, а мнѣ былъ невыносимъ его любопытный, ироническій взглядъ и насмѣшки. Я сношу его посѣщенія иногда три раза въ день, но не могу выносить его въ хорошія минуты. Мнѣ случалось увлекаться и говорить съ нимъ отъ души — и всякій разъ жалѣла потомъ. Но человѣкъ онъ очень, очень хорошій, интересный и иногда пріятный“. Въ другомъ письмѣ къ той же Тучковой она признавалась: „Странный человѣкъ Тургеневъ. Часто, глядя на него, мнѣ кажется, что я вхожу въ нежилую комнату — сырость на стѣнахъ, и проникаетъ эта сырость тебя насквозь, ни сѣсть, ни дотронуться ни до чего не хочется, хочется выйти поскорѣй на свѣтъ, на тепло. А человѣкъ онъ хорошій“ [2]). Съ своей стороны и Тургеневъ ни въ своихъ воспоминаніяхъ, ни въ

---

1) „Русская Старина“, 1889 г., февр., стр. 337—340.
2) Воспоминанія Т. П. Пассекъ. III, 105, 120.

письмахъ, почти ни разу не обмолвился словомъ сочувствія и симпатіи къ этой все-же замѣчательной женщинѣ. Только въ письмѣ къ Салтыкову отъ 19 (31) января 1876 года онъ высказалъ по поводу трагическихъ моментовъ въ жизни Натальи Александровны слѣдующее: „Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ“ Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это — горитъ и жжетъ. Жаль, что напечатать это невозможно. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ“. Но и приводимыя строки относятся болѣе къ самому Герцену, чѣмъ къ женѣ его. Какъ же понять все это? Описывая въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“ развязное появленіе Ситникова въ гостиной Одинцовой, послѣ неудачнаго объясненія ея съ Базаровымъ, Тургеневъ замѣчаетъ: „Появленіе пошлости бываетъ часто полезно въ жизни: оно ослабляетъ слишкомъ высоко настроенныя струны, отрезвляетъ самоувѣренныя или самозабывчивыя чувства, напоминая имъ свое близкое родство съ ними. Съ прибытіемъ Ситникова все стало какъ-то тупѣе и проще; всѣ даже поужинали плотнѣй и разошлись спать получасомъ раньше обыкновеннаго“. Не „слишкомъ ли высоко настраивались струны“, не являлись ли „самоувѣренныя и самозабывчивыя чувства“ при иныхъ бесѣдахъ и свиданіяхъ Тургенева съ Н. А. Герценъ, особенно въ виду довольно сильной душевной экзальтированности, всегда присущей Натальѣ Александровнѣ?

Послѣ страшныхъ іюньскихъ дней 1848 г., Иванъ Сергѣевичъ покинулъ Парижъ, и весь іюль, августъ и сентябрь провелъ въ Куртавнелѣ. Въ октябрѣ, Тургеневъ совершилъ довольно продолжительную поѣздку по южной Франціи, побывалъ въ Марсели, Тулонѣ, Гіерѣ. Изъ этой экскурсіи онъ посылалъ подробныя письма П. Віардо, изъ которыхъ дошло до насъ только одно, интересное лишь по описаніямъ южной природы. Къ 5-му ноября Иванъ Сергѣевичъ возвратился въ Парижъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ строкъ вышеупомянутаго письма къ П. Віардо: „Я обѣдаю у васъ въ воскресенье 5-го, — желаете ли вы принять это приглашеніе? Итакъ, рѣшено: 5-го, въ вашемъ маленькомъ китайскомъ салонѣ, у васъ будетъ за столомъ

одинъ лишній гость. Я прошу приготовить въ этотъ день „русскій шарлотъ“. Съ ноября до начала іюня 1849 г. Тургеневъ прожилъ въ столицѣ, квартируя въ rue Tronchet № 1. Зиму съ 1848 на 1849 г. провела въ Парижѣ и семья Віардо, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ былъ почти постояннымъ гостемъ. Изъ русскихъ друзей оставался только Герценъ, котораго Тургеневъ посѣщалъ также очень часто. Съ этой именно зимы и начинаются усиленныя литературныя занятія Ивана Сергѣевича.

Приступая теперь къ характеристикѣ послѣднихъ, мы разсмотримъ ихъ за всѣ три года пребыванія Ивана Сергѣевича за границею, считая тутъ и мѣсяцы, проведенные въ Германіи.

Время съ 1847 по 1850 г. есть, прежде всего, эпоха созданія „Записокъ Охотника“. Значеніе этихъ разсказовъ, этихъ „этюдовъ“, какъ ихъ называлъ самъ авторъ, было преувеличиваемо до такой степени, что критика долгое время въ сущности говорила лишь одно: Тургеневъ великъ только какъ творецъ этого сборника, чуть ли не единственнаго и сильнѣйшаго литературнаго протеста противъ крѣпостного права. Все, что не „Записки Охотника“, — даже его крупныя повѣсти — далеко ниже, какъ по общественному, такъ и по художественному своему значенію, въ сравненіи съ этими маленькими разсказами. Критикѣ какъ будто не было дѣла до того, что половина ихъ или совсѣмъ не трогаетъ вопроса крестьянской неволи („Уѣздный лѣкарь“, „Мой сосѣдъ Радиловъ“, „Бѣжинъ лугъ“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна и ея племянникъ“, „Смерть“, „Пѣвцы“, „Свиданіе“, „Гамлетъ Щигровскаго уѣзда“, „Чертопхановъ и Недопюскинъ“, „Лѣсъ и Степь“), или уже явились послѣ 1861 г. — („Конецъ Чертопханова“, „Живыя мощи“, „Стучитъ“). Между тѣмъ на крѣпостное право съ наибольшей силой нападали разсказы не изъ „Записокъ Охотника“, какъ „Муму“, „Постоялый дворъ“, „Собственная господская контора“, напечатанные до изданія манифеста 19 февраля 1861 года. Да и вообще, слѣдовало ли измѣрять значеніе Тургенева только его службой дѣлу крестьянской свободы, какъ

бы ни было велико это дѣло и какъ бы ни была велика эта служба.

Для біографа Ивана Сергѣевича важно также рѣшить прежде всего вопросъ, чѣмъ были вызваны „Записки Охотника“ и какъ отразились на нихъ условія времени и мѣста ихъ созданія. Самъ Тургеневъ указываетъ на тотъ крупный фактъ, что сороковые годы въ литературѣ всѣхъ почти европейскихъ народовъ ознаменовались появленіемъ интереса къ деревнѣ, къ крестьянской жизни. Въ своемъ предисловіи къ роману Ауэрбаха „Дача на Рейнѣ“ онъ пишетъ: „До сихъ поръ (1868 г.) не изгладилось въ Германіи впечатлѣніе, произведенное его (Ауэрбаха) знаменитыми разсказами изъ шварцвальдской деревенской жизни („Schwarzwälder Dorfgeschichten“), появившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ. Обращеніе литературы къ народной жизни замѣчается около того же времени во всѣхъ странахъ Европы (вспомнимъ Жоржъ-Зандъ — la Mare au Diable, la Petite Fadette и т. д., а также и то, что̀ совершалось у насъ, въ Россіи), но честь почина остается за Ауэрбахомъ“... Собственно въ нашей литературѣ интересъ къ крестьянской жизни зародился въ спорахъ между западниками и славянофилами. П. В. Анненковъ, въ своей извѣстной статьѣ „Замѣчательное десятилѣтіе“, очень искусно прослѣдилъ появленіе и развитіе болѣе правильныхъ и гуманныхъ взглядовъ на „мужика“. Онъ показалъ, какъ уже къ 1845 году большая часть западниковъ, подъ вліяніемъ славянской партіи, перестала относиться свысока къ народной массѣ: „Литература и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя“. Такъ характеризовалъ Анненковъ какъ бы презрительное отношеніе къ „мужику“ въ предшествовавшіе годы [1]). Переворотъ во взглядахъ западниковъ на деревню, пробужденіе

1) Воспоминанія и критическіе очерки, III, 123.

особеннаго интереса къ крестьянской жизни встрѣтили у Ивана Сергѣевича самую горячую поддержку. Разбирая вышедшіе въ 1846 г. разсказы В. И. Даля, Тургеневъ ставилъ въ особую заслугу автору „сочувствіе къ народу, родственное къ нему отношеніе“. Тѣ произведенія казака Луганскаго, которыя касаются „мужицкаго быта“, несомнѣнно подготовляли почву и для „Записокъ Охотника“. Но еще болѣе крупную роль сыграла въ этомъ отношеніи повѣсть Григоровича „Деревня“, появившаяся въ послѣдней книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за тотъ же 1846 годъ. Эту повѣсть Иванъ Сергѣевичъ считалъ впослѣдствіи „первой попыткой сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первой изъ нашихъ деревенскихъ исторій — „Dorfgeschichten“. Конечно, къ богатому и разнообразному содержанію „Записокъ Охотника“ этотъ нѣмецкій терминъ не вполнѣ подходитъ; тѣмъ не менѣе, Тургеневъ былъ въ правѣ примѣнить его и къ своимъ разсказамъ, такъ какъ деревня составляетъ все-же ихъ центръ, ихъ какъ бы фокусъ.

Посылая Полонскому для сборника „Складчина“ свои „Живыя мощи“, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему (13/25 янв. 1874 г.): „Не имѣя ничего готоваго, сталъ я рыться въ своихъ старыхъ бумагахъ и отыскалъ прилагаемый отрывокъ изъ „Записокъ Охотника“, который прошу тебя препроводить по принадлежности. Всѣхъ ихъ напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными изъ опасенія, что цензура ихъ не пропуститъ; другіе потому, что показались мнѣ не довольно интересными или неидущими къ дѣлу. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и набросокъ, озаглавленный „Живыя мощи“. Нѣсколько раньше (6 ноября — 25 окт. 1872 г.) Тургеневъ сообщилъ Анненкову еще о четырехъ разсказахъ, не вошедшихъ въ первыя изданія: „Два были начаты — „Русскій нѣмецъ и реформаторъ“ и „Землеѣдъ“; два только набросаны — „Примѣты“ и „Незадача“. Первые два оставлены потому, что я зналъ, что никакая тогдашняя цензура ихъ бы не пропустила, вторые — потому, что были незначительны“. Въ томъ же письмѣ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ и сюжетъ „Землеѣда“: „Въ этомъ разсказѣ я передаю совершившійся у насъ фактъ — какъ крестьяне

уморили своего помѣщика, который ежегодно урѣзывалъ у нихъ землю, и котораго они прозвали за то „землеѣдомъ“, заставивъ его скушать фунтовъ восемь отличнѣйшаго чернозему. Сюжетъ веселенькій, какъ изволите видѣть“ [1]). Позднѣе, Иванъ Сергѣевичъ отыскалъ у себя еще одинъ разсказъ изъ „Записокъ Охотника“ — „Стучитъ“. Напечатанный же послѣ смерти Тургенева (въ „Нивѣ“) „Конецъ“, продиктованный авторомъ П. Віардо по-французски и довольно неудачно переведенный Григоровичемъ, ничего уже общаго съ знаменитой серіей очерковъ не имѣетъ.

Появленіе двадцати двухъ разсказовъ изъ „Записокъ Охотника“ не сразу, а на протяженіи трехъ лѣтъ отразилось и на самомъ характерѣ ихъ. Этюды, напечатанные до 1848 г., проникнуты замѣтной враждой къ крѣпостному праву; написанные же съ 1848 г. носятъ отпечатокъ болѣе тоски по родинѣ, и къ этимъ послѣднимъ, очевидно, относятся слова Тургенева, а именно, что нѣкоторыя изъ „Записокъ Охотника“ были написаны „въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину, или нѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Современникѣ“ 1847 г. появились: „Хорь и Калинычъ“ (кн. 1); „П. П. Каратаевъ“ (кн. 2); „Ермолай и мельничиха“; „Мой сосѣдъ Радиловъ“; „Однодворецъ Овсянниковъ“; „Льговъ“ (кн. 6); „Бурмистръ“; „Контора“ (кн. 10). Съ 1848 года напечатаны всѣ остальные. Изъ нихъ только „Малиновая вода“ и „Два помѣщика“ проникнуты скрытымъ негодованіемъ противъ крестьянской неволи. Протестующій, такъ сказать, характеръ разсказовъ перваго періода обусловленъ былъ въ сильной степени тѣмъ оживленіемъ симпатій къ приниженному народу, которое было вызвано пресловутыми „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями“ Гоголя. Волненіе, поднятое въ кружкѣ Бѣлинскаго этой „смѣсью гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона“, какъ охарактеризовалъ Тургеневъ письма Гоголя, отражалось на всѣхъ бесѣдахъ и спорахъ кружка въ теченіе всего 1847 года. Тѣ изъ „Записокъ Охотника“, которыя появились именно

1) „Русск. Обозрѣніе“ 1898 г., кн. 5, стр. 22.

въ этомъ году, и были защитою человѣческаго достоинства земледѣльческихъ слоевъ русскаго общества, по отношенію къ которымъ Гоголь, по выраженію Бѣлинскаго, являлся „поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристомъ татарскихъ нравовъ“. Мы не хотимъ утверждать, будто протестующій характеръ первой серіи „Записокъ Охотника“ явился только вслѣдствіе обнародованія переписки Гоголя, но, несомнѣнно, послѣдняя оказала на самый духъ и направленіе разсказовъ 1847 года весьма сильное вліяніе. Крѣпостное право оставалось злѣйшимъ врагомъ Тургенева и въ 1848 и въ 1849 г., но написанное въ эти годы носитъ на себѣ печать уже иного направленія: „Записки Охотника“ превращаются въ рядъ воспоминаній о далекой родинѣ; въ нихъ воспроизводится каждая мелкая черточка, всякая милая подробностъ деревенскаго гнѣзда Тургеневыхъ и его окрестностей. Рядъ урочищъ, угодій, овраговъ, рѣчекъ описаны Иваномъ Сергѣевичемъ съ сохраненіемъ ихъ настоящихъ именъ (Бѣжинъ лугъ, Чаплыгинскій лѣсъ, рѣчка Зуша и т. д.); ко второй серіи разсказовъ поэтому и можно только отнести признаніе Тургенева, что онъ, „конечно, не написалъ бы „Записокъ Охотника“, еслибъ остался въ Россіи“.

Крупный успѣхъ, выпавшій на ихъ долю съ появленія перваго очерка, долженъ былъ бы заставить Ивана Сергѣевича заняться творчествомъ именно подобнаго рода. Это тѣмъ болѣе являлось необходимымъ, что Тургеневъ „Записками Охотника“ не только пріобрѣлъ славу выдающагося писателя, но ими онъ вообще вернулся къ литературной дѣятельности, покинутой было подъ вліяніемъ чрезмѣрно строгой критики Бѣлинскаго. На самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ періодъ 1847—1850 гг. Иванъ Сергѣевичъ занимался драматическими вещами съ не мéньшимъ стараніемъ, чѣмъ своей прозой, — такъ что годы пребыванія его во Франціи есть не только эпоха „Записокъ Охотника“, но и эпоха драматическихъ произведеній Тургенева.

Причины влеченія Ивана Сергѣевича къ комедіи въ этотъ именно періодъ отыскать не трудно. Со времени первой постановки „Ревизора“ (1836 г.) начинается полный расцвѣтъ русскаго сценическаго искусства, ставшаго съ этихъ поръ на равную ногу съ западно-европейскимъ. При-

помнимъ, что въ сороковыхъ годахъ къ давно популярнымъ именамъ Щепкина и Мочалова прибавились не менѣе славныя имена Мартынова и Садовскаго. И психологически понятно, какимъ образомъ знакомство со сценой должно пробуждать охоту къ драматическому творчеству сильнѣе, чѣмъ знакомство, такъ сказать, съ книжной драматической литературой. И дѣйствительно, Тургеневъ пишетъ, напримѣръ, „Нахлѣбника“ прежде всего для Щепкина; для него же сочиненъ и „Холостякъ“; „Разговоръ на большой дорогѣ“ написанъ для Садовскаго.

Образцомъ, идеаломъ сценическаго искусства не для одной Россіи — для всей Европы, была въ то время Франція. Письма же Ивана Сергѣевича, сохранившіяся отъ тѣхъ годовъ, свидѣтельствуютъ о самомъ живомъ его интересѣ къ парижской сценѣ. Къ сожалѣнію только, въ нихъ слишкомъ мало находимъ отзывовъ объ игрѣ французскихъ актеровъ. Высоко ставилъ онъ Фервиля въ театрѣ Variétés, какъ артиста „прекраснаго по своей правдивости, благородству и чувству“. Въ письмѣ отъ 8-го декабря 1847 г. Тургеневъ говоритъ П. Віардо по поводу Верне: „Въ сущности, всѣ французскіе актеры — реалисты, но никто изъ нихъ не высказываетъ своего реализма съ такою утонченностью, такъ глубоко, какъ Верне. Онъ одновременно удовлетворяетъ и инстинкту и уму зрителя; онъ даетъ великое наслажденіе знатоку, заставляетъ смѣяться и плакать. Какъ жаль, что онъ начинаетъ старѣть! Вотъ человѣкъ, который умѣетъ создать“! Въ письмѣ отъ 2-го мая 1848 г. находимъ характерный отзывъ о другой парижской знаменитости. „Третьяго дня, вечеромъ, я ходилъ смотрѣть Фредерика Леметра въ „Роберѣ Макэрѣ“. Пьеса сама по себѣ гнусная и плохо скроенная, но Фредерикъ есть наиболѣе могучій актеръ, какого я знаю. Въ этой пьесѣ онъ страшенъ. Роберъ Макэръ — это тотъ же Прометей, но только самый чудовищный изъ всѣхъ. Какая наглость и безстыдная дерзость, какой циническій апломбъ, какой вызовъ и какое презрѣніе ко всему! Публика держитъ себя прекрасно: съ холоднымъ спокойствіемъ и съ достоинствомъ. Даю честное слово, что послѣдній уличный мальчишка артистически наслаждается талантомъ Фредерика, — а самую роль находитъ отвратитель-

ною. Но какая глубокая правда, какое вдохновеніе"! [1]) Вотъ и всѣ отзывы Тургенева о французскомъ театрѣ въ его письмахъ. Отрицательную сторону сценическаго искусства во Франціи конца сороковыхъ годовъ Иванъ Сергѣевичъ яснѣе созналъ уже позднѣе. Подчеркнулъ онъ ее преувеличенно сильно слѣдующими словами monsieur François („Человѣкъ въ сѣрыхъ очкахъ"):

„— Вы, конечно, бываете въ театрахъ? — спросилъ онъ меня. Вѣдь вы всѣ, господа русскіе, до этого большіе охотники.

— Бываю.

— И, вѣроятно, восхищаетесь нашими актерами?

— Да иными... Особенно въ Théâtre Français...

— Всѣхъ нашихъ актеровъ, — перебилъ онъ меня, — губитъ хорошій вкусъ. Эти традиціи тамъ, консерваторіи бѣда! Всѣ они какіе-то выпотрошенные да замороженные. У васъ, въ Россіи, такія рыбы бываютъ на рынкахъ, зимой. Ни одинъ изъ нашихъ актеровъ не скажетъ на сценѣ: „я люблю васъ", не разставивъ ноги въ видѣ циркуля и не закативъ томно глаза. И все ради хорошаго вкуса! Настоящихъ актеровъ можно найти только въ Италіи! Да, всякій итальянецъ — актеръ. У нихъ это въ натурѣ... а мы только толкуемъ о натуральности. У насъ даже въ Палэ-Рояльскомъ театрѣ никто не можетъ потягаться съ любымъ уличнымъ проповѣдникомъ...

— Однако... Рашель, — началъ было я.

— Рашель, — повторилъ онъ. — Да; это сила. Сила и цвѣтъ того жидовства, которое теперь завладѣло всѣми карманами цѣлаго міра и скоро завладѣетъ всѣмъ остальнымъ. Впрочемъ, и Рашель въ послѣднее время попортилась... а все вы, господа иностранцы, виноваты. Въ Италіи есть одна актриса... ее зовутъ Ристори. Она, говорятъ, за какого-то маркиза вышла и сцену покинула. Хороша; только кривляется маленько".

Но и въ позднѣйшихъ отзывахъ Тургеневъ французскую сцену ставилъ высоко, гораздо выше, напримѣръ,

1) И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма, стр. 17—18, 45.

нѣмецкой. Въ „Вешнихъ водахъ“ онъ писалъ про послѣднюю: „Въ 1840 году театръ въ Висбаденѣ былъ и по наружности плохъ, а труппа его, по фразистой и мизерной посредственности, по старательной и пошлой рутинѣ, ни на волосъ не возвышалась надъ тѣмъ уровнемъ, который до сихъ поръ (1870 г.) можно считать нормальнымъ для всѣхъ германскихъ театровъ, и совершенство котораго въ послѣднее время представляла труппа въ Карлсруэ, подъ „знаменитымъ“ управленіемъ г-на Девріента“. Сравненіе же нѣмецкой сцены съ французской Тургеневъ заставляетъ дѣлать умную и наблюдательную героиню разсказа, Марью Николаевну: „Послѣдній французскій актеръ, въ послѣднемъ провинціальномъ городишкѣ, естественнѣе и лучше играетъ, чѣмъ первая нѣмецкая знаменитость“.

Но, можетъ быть, еще сильнѣе охоту, интересъ къ драматическому творчеству возбуждала въ Иванѣ Сергѣевичѣ сама П. Віардо, съ которой онъ былъ такъ друженъ въ то время. Какъ критическая дѣятельность Тургенева довольно неожиданно выдвигалась въ періодъ его дружбы съ Бѣлинскимъ, такъ драматическая — въ періодъ почти непрерывнаго общенія съ Віардо. Только найдя настоящую свою дорогу, Иванъ Сергѣевичъ перестал подчиняться вліянію отдѣльныхъ лицъ, какъ бы талантливы они ни были.

За время своего пребыванія во Франціи, Тургеневъ написалъ: „Гдѣ тонко, тамъ и рвется“ (1847 г. [1]); „Нахлѣбникъ“ (1848 г.); „Холостякъ“ (1849 г. [2]); „Завтракъ у предводителя“ (1849 г.); „Мѣсяцъ въ деревнѣ (1850 г.). Пять наиболѣе крупныхъ комедій изъ десяти, изданныхъ имъ, составляютъ, однако, не половину всего драматическаго текста, напечатаннаго Иваномъ Сергѣевичемъ, а двѣ трети, если судить по числу страницъ. Кромѣ того, въ 1849 году онъ написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи: „Вечеринка“, и началъ пятиактную комедію „Гувернантка“, которую впрочемъ довелъ только до четвертаго дѣйствія и почему-то оставилъ неконченной.

---

1) Напечатано въ одиннадцатой книгѣ „Современника“ за 1848 г.
2) Напечатано въ девятой книгѣ „Отеч. Зап.“ за 1849 г.

Интересно, что прозаическія произведенія Тургенева никогда не подвергались такимъ цензурнымъ мытарствамъ, какъ его комедіи. „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ (первоначальное заглавіе — „Студентъ“) появился въ печати лишь въ 1855 г. („Современникъ“, кн. I), да и то въ передѣланномъ видѣ. „Я поставилъ было себѣ въ этой комедіи довольно сложную психологическую задачу“, писалъ позднѣе Иванъ Сергѣевичъ: „но тогдашняя цензура, принудивъ меня выкинуть мужа и превратить его жену во вдову, — совершенно исказила мои намѣренія“. Въ истинномъ же своемъ видѣ комедія напечатана была лишь въ 1869 году, въ отдѣльномъ изданіи сочиненій Тургенева, т.-е. почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія своего изъ-подъ пера автора. „Нахлѣбникъ“, написанный въ 1848 году, попалъ въ типографскій станокъ только черезъ девять лѣтъ. Въ письмѣ, отъ 19-го января 1849 г., Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ Краевскому: „Предлагаю вамъ слѣдующее: 31 числа января (ст. ст.), т.-е. черезъ 24 дня, будетъ дана въ Москвѣ для бенефиса Щепкина моя комедія въ двухъ актахъ, подъ названіемъ „Нахлѣбникъ“. Хотите вы ее напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“, если она не шлепнется, разумѣется?“ Но цензура не допустила къ постановкѣ „Нахлѣбника“ на сцену. Тѣмъ не менѣе, Краевскій взялся хлопотать о разрѣшеніи напечатать ее въ своемъ журналѣ. По поводу этого Тургеневъ писалъ ему 13-го марта 1849 г.: „Я, ей-же-ей, не понимаю, что̀ могла найти цензура въ „Нахлѣбникѣ“, и съ нетерпѣніемъ ожидаю результата вашей попытки его напечатать. Вся комедія, какъ вы увидите, написана болѣе для одной роли (Щепкина), и вы можете себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно неисполненіе „Нахлѣбника“ въ его бенефисъ. Ну, однако, дѣло сдѣлано, и я желаю только, чтобы въ вашемъ журналѣ ее бы не исказили“. Но комедія Тургенева не была пропущена и въ печать. Иванъ Сергѣевичъ писалъ по этому поводу Краевскому 14-го апрѣля 1849 г.: „Съ недѣлю тому назадъ получилъ я ваше письмо съ извѣстіемъ объ окончательномъ кораблекрушеніи злополучнаго „Нахлѣбника“. Миръ его праху“. Тѣмъ не менѣе, друзья Тургенева только черезъ годъ оставили хлопоты о разрѣшеніи комедіи. Щепкинъ

для этого даже устроилъ чтеніе „Нахлѣбника“ въ одномъ обществѣ, гдѣ были и люди вліятельные въ то время. И несмотря на то, что пьеса всѣмъ очень понравилась, дѣло не пошло на ладъ[1]). Лишь въ 1857 г. комедія Ивана Сергѣевича была пропущена цензурой и появилась въ третьей книгѣ „Современника“ подъ заглавіемъ „Чужой хлѣбъ“. Да и столь позднее изданіе ея было результатомъ особой протекціи. Бурдинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ Островскомъ[2]), разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго писателя П. В. Анненкова, близкаго друга Тургенева, былъ назначенъ временно исправлять должность начальника III-го отдѣленія. Обстоятельствомъ этимъ воспользовался П. В. Анненковъ и попросилъ брата разрѣшить комедію.

„— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ тотъ, — и не только эту, а всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными, только присылай поскорѣе, потому что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго“.

Анненковъ прислалъ ему „Нахлѣбника“ Тургенева, „Воспитанницу“ Островскаго и нѣкоторыя другія. Однако постановка пьесы на сцену произошла еще позднѣе, лишь въ 1861 г., какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ письма Ивана Сергѣевича къ Анненкову (отъ 11-го (23) декабря того же года): „Слышалъ я, что разрѣшили представить „Нахлѣбника“; въ такомъ случаѣ передаю вамъ всѣ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы „Нахлѣбника“ не давали безъ прибавочной сцены во второмъ актѣ, которую я давнымъ-давно выслалъ Щепкину и которую могу выслать вамъ теперь“.

Даже невиннѣйшій „Завтракъ у предводителя“ встрѣтилъ цензурныя возраженія и напечатанъ былъ черезъ семь лѣтъ послѣ появленія его въ рукописи, именно въ 8-ой кн. „Современника“ за 1856 г. По поводу этой комедіи Некрасовъ писалъ Тургеневу 9/21 янв. 1850 г. изъ Петербурга: „Вашъ „Завтракъ“ игранъ и имѣлъ успѣхъ, но онъ

1) См. письма Тургенева къ Краевскому въ Отчетѣ Импер. Публ. Библ. за 1890 годъ.

2) „Вѣстникъ Европы“, 1886 г., кн. 12.

не напечатанъ, ибо одинъ изъ нашихъ цензоровъ заупрямился; онъ не любитъ такихъ сюжетовъ — это его личный капризъ“ [1]). Боязнь цензурныхъ затрудненій заставила Ивана Сергѣевича упомянутую выше „Вечеринку“ оставить уже навсегда подъ спудомъ. Увѣдомляя Краевскаго объ ея окончаніи, Тургеневъ писалъ 25 дек. 1849 г.: „Я не знаю, переписывать ли мнѣ ее, потому что цензура навѣрное ее изуродуетъ“. Черезъ мѣсяцъ же онъ сообщалъ редактору „Отечественныхъ Записокъ“: „Я продолжаю работать надъ моей „Гувернанткой“, но такъ какъ я не буду въ состояніи окончить ее ранѣе шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ, то я намѣренъ просмотрѣть „Вечеринку“ и, выкинувъ изъ нея неудобныя мѣста, тотчасъ перепишу и пошлю къ вамъ, то-есть, если будетъ возможность сохранить ее послѣ операціи... Увидимъ“.

Но „Вечеринкѣ“, какъ и „Гувернанткѣ“ не пришлось попасть въ печать. Содержаніе второй изъ названныхъ комедій остается для насъ неизвѣстнымъ; но именно сюжетъ „Вечеринки“, по всей вѣроятности, и излагаетъ Огарева-Тучкова въ своихъ воспоминаніяхъ: „Помню до сихъ поръ канву одной драмы“, разсказывала она: „которую онъ собирался написать (въ 1848 г.), и не знаю, осуществилась ли его мысль: онъ хотѣлъ представить кружокъ студентовъ, которые, занимаясь и шутя, вздумали для забавы преслѣдовать одного товарища, смѣялись надъ нимъ, преслѣдовали его, дурачили его — онъ выносилъ все съ покорностью, такъ что многіе, въ виду его кротости, стали считать его за дурака. Вдругъ онъ умираетъ: при этомъ извѣстіи сначала раздаются со всѣхъ сторонъ шутки, смѣхъ. Но внезапно является одинъ студентъ, который никогда не принималъ участія въ гоненіяхъ на несчастнаго товарища. При жизни послѣдняго, по его настоянію, онъ молчалъ, но теперь онъ будетъ говорить о немъ. Онъ разсказываетъ съ жаромъ, каковъ, дѣйствительно, былъ покойникъ. Оказывается, что гонимый студентъ былъ не только умный, но и добродѣтельный товарищъ; тогда встаютъ и другіе студенты, и каждый

---

1) „Н. А. Некрасовъ“ Пыпина, 104.

вспоминаетъ какой-нибудь фактъ оказанной имъ помощи, доброты и проч. Шутки умолкаютъ, наступаетъ неловкое, тяжелое молчаніе. Занавѣсъ опускается. Тургеневъ самъ воодушевлялся, представляя съ большимъ жаромъ лица, о которыхъ разсказывалъ" [1]).

Иванъ Сергѣевичъ былъ невысокаго мнѣнія о своемъ драматическомъ талантѣ и неоднократно высказывалъ мысль, что пьесы его, „неудовлетворительныя на сценѣ", могутъ „представить нѣкоторый интересъ" только въ чтеніи. Драматическія его вещи дѣйствительно ниже его прозы, но не слѣдуетъ забывать, что онѣ являются значительнымъ шагомъ впередъ послѣ нашихъ оригинальныхъ пьесъ предшествовавшихъ годовъ, имѣвшихъ лишь водевильный или ходульно-драматическій характеръ. Разбирая наиболѣе видныя изъ „патріотическихъ" драмъ, въ родѣ „Смерти Ляпунова" Гедеонова, „Паткуля" Кукольника, Тургеневъ справедливо высказывалъ (въ 1846 г.), что „у насъ нѣтъ еще драматической литературы и нѣтъ еще драматическихъ писателей". Свое положеніе онъ развилъ подробно въ критической статьѣ о названной выше пьесѣ Гедеонова, гдѣ писалъ между прочимъ: „Драматическое искусство, какъ и вообще всѣ искусства и художества, занесено было въ Россію извнѣ, но, благодаря нашей благодатной почвѣ, принялось и пустило корни. Театръ у насъ уже упрочилъ за собой сочувствіе и любовь народную; потребность созерцанія собственной жизни возбуждена въ русскихъ — отъ высшихъ до низшихъ слоевъ общества; но до сихъ поръ не явилось таланта, который бы сумѣлъ дать нашей сценѣ необходимую ширину и полноту. Мы не станемъ повторять уже не разъ высказанныя на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ" мнѣнія о Фонвизинѣ, Грибоѣдовѣ и Гоголѣ: читатели знаютъ, почему первые два не могли создать у насъ театра; что же касается до Гоголя, то онъ сдѣлалъ все, что̀ возможно сдѣлать первому начинателю, одинокому геніальному дарованію: онъ проложилъ, онъ указалъ дорогу, по которой со временемъ пойдетъ наша драматическая литература; но театръ есть самое непосред-

---

1) „Русская Старина" 1889 г., февр., стр. 338—339.

ственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта, а геніальный человѣкъ все-таки одинъ. Сѣмена, посѣянныя Гоголемъ, — мы въ этомъ увѣрены — безмолвно зрѣютъ теперь во многихъ умахъ, во многихъ дарованіяхъ; придетъ время — и молодой лѣсокъ выростетъ около одинокаго дуба... Десять лѣтъ прошло со времени появленія „Ревизора“; правда, въ теченіе этого времени мы на русской сценѣ не видѣли ни одного произведенія, которое можно было бы причислить къ Гоголевской школѣ (хотя вліяніе Гоголя уже замѣтно во многихъ), но изумительная перемѣна совершилась съ тѣхъ поръ въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ потребностяхъ“.

Если истинная, „реальная“ драматическая литература на Руси должна была выростi именно изъ сѣмянъ, посѣянныхъ Гоголемъ, то Тургеневъ, еще нѣсколько раньше Островскаго, открываетъ новый періодъ въ этой области. Авторъ „Грозы“, правда, заслонилъ собою драматическую дѣятельность Тургенева, но не столько своимъ несомнѣннымъ талантомъ, сколько плодовитостью. Съ другой стороны, запоздалое появленіе и въ печати и на сценѣ чуть не половины пьесъ Ивана Сергѣевича не могло не умалить значенія ихъ въ русской литературѣ. Для читающей же публики великія произведенія Тургенева, какъ романиста, совершенно закрыли его сцены и комедіи.

Литературная дѣятельность Ивана Сергѣевича за годы 1847—1850 не ограничилась „Записками Охотника“ и драматическими произведеніями. Въ Парижѣ, кромѣ того, написаны были разсказы: „Жидъ“, набросанный, по свидѣтельству Дружинина, еще въ 1846 году, „Пѣтушковъ“, „Дневникъ лишняго человѣка“. Въ письмѣ къ Краевскому отъ 4 апр. 1850 г. онъ говоритъ еще о „Перепискѣ“, какъ вещи уже готовой. Изъ названныхъ повѣстей Тургеневъ особенное значеніе придавалъ „Дневнику“. „Я бы желалъ“, писалъ онъ Краевскому 25 дек. 1849 г.: „чтобы „Дневникъ“ вамъ понравился: я его писалъ con amore“... „Я почему-то воображаю, что „Дневникъ“ хорошая вещь, и желалъ бы видѣть его выставленнаго лицомъ, какъ говорится“ — писалъ Иванъ Сергѣевичъ тому же корреспонденту 22 янв. 1850 г., высылая послѣдніе листы своей повѣсти. „Перепискѣ“ и „Пѣтушкову“ онъ не придавалъ особенной цѣны. Ужъ изъ этого

можно заключить, что, вопреки установившемуся мнѣнію, ничего автобіографическаго нѣтъ въ описаніи душевныхъ волненій героевъ двухъ этихъ разсказовъ. Да и смѣшно сравнивать П. Віардо съ глупенькой танцовщицей „Переписки“ и съ еще болѣе ничтожной героиней „Пѣтушкова“. Чувства, возбуждаемыя П. Віардо, могли только возвышать, облагораживать человѣка и „почище“ героя „Переписки“.

Подводя итогъ литературной дѣятельности Тургенева за годы 1847—1850, мы должны отмѣтить, прежде всего, что ни раньше ни позднѣе она не была столь плодовита, какъ тогда. Написанное Иваномъ Сергѣевичемъ за это время составляетъ пятую часть всего вышедшаго изъ-подъ пера его, тогда какъ описываемый періодъ равенъ только одной двѣнадцатой всѣхъ сорока лѣтъ его литературной дѣятельности. Другими словами, Тургеневъ въ годы 1847—1850 работалъ въ два слишкомъ раза больше, чѣмъ работалъ до и послѣ этого времени. Такая усиленная дѣятельность объясняется отчасти и матеріальной нуждой его, вызванной отношеніями къ матери — В. П. Тургеневой.

До февральской революціи Варвара Петровна еще мирилась кое-какъ съ долгимъ пребываніемъ сына за границей, вблизи „проклятой цыганки“, какъ она называла П. Віардо. Но послѣ торжественнаго манифеста императора Николая, 14 марта (стараго стиля) 1848 г., призывавшаго „всякаго русскаго, всякаго вѣрноподданнаго отвѣтить радостно на призывъ своего Государя“ бороться противъ „мятежа и безначалія“, возникшихъ сперва во Франціи и „разливавшихся повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ“, — послѣ этого Варвара Петровна не могла оставаться спокойной и настойчиво стала звать Ивана Сергѣевича домой. Въ надеждѣ уже лѣтомъ 1848 г. увидѣться съ сыномъ, она сдѣлала нѣкоторыя приготовленія къ пріѣзду своего любимца въ Спасское, и даже осыпала милостями тѣхъ изъ дворовыхъ, къ которымъ особенно благоволилъ Иванъ Сергѣевичъ. Но просьбы Варвары Петровны не подѣйствовали, и она немедленно прекратила высылку денегъ въ Парижъ. Впрочемъ, въ

январѣ 1849 г. вызовы сына въ Спасское возобновились, и ему было даже послано 600 руб. Приготовленія къ пріѣзду его, а также и къ пріѣзду изъ Петербурга другого сына, бывшаго тогда тоже подъ материнской опалой — Николая Сергѣевича, были еще обширнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. За̀ново былъ отдѣланъ флигель, цвѣтники передъ домомъ были приведены въ лучшій порядокъ. Варвара Петровна, зная, какъ любилъ фрукты ея Ванечка, велѣла вынести изъ грунтовыхъ сараевъ испанскія вишни и сливы и поставить ихъ ближе къ дому. В. Житова, описывая въ своихъ воспоминаніяхъ всѣ эти приготовленія, разсказываетъ между прочимъ: „Разъ какъ-то, катаясь (этой весною), Варвара Петровна вспомнила мѣсто, гдѣ былъ когда-то прудъ, на которомъ дѣти ея, тогда еще маленькія, имѣли свой ботикъ, доставлявшій имъ немалое удовольствіе; прудъ былъ мелокъ, и имъ позволено было однимъ на немъ кататься. Мѣсто это въ 1849 г. представляло уже большой сухой оврагъ, заросшій травою и окаймленный серебристыми тополями. Немедленно велѣно было расчистить этотъ прудъ и на сторонѣ, обращенной къ большой дорогѣ, приказано было водрузить столбъ, на которомъ доморощенный живописецъ Николай Ѳедосѣевъ, онъ же и маляръ, по приказанію барыни, изобразилъ съ одной стороны руку съ протянутымъ указательнымъ перстомъ, а на другой — надпись, конечно, французскую: „Ils reviendront".

Но Иванъ Сергѣевичъ, разсчитывавшій, согласно прежнимъ обѣщаніямъ Варвары Петровны, получить изъ дому не менѣе 6.000 руб., писалъ матери, что готовъ пріѣхать, если ему вышлютъ еще денегъ на дорогу, потому что полученныхъ имъ отъ нея 600 руб. даже недостало на уплату его долговъ, накопившихся за время, въ теченіе котораго онъ ничего не получалъ изъ дому. Отвѣта долго никакого не было. Иванъ Сергѣевичъ обратился за справками къ брату. Тотъ написалъ ему въ октябрѣ 1849 г., что на денежную помощь изъ родительскаго дома разсчитывать нечего, ни въ ближайшемъ ни въ отдаленномъ будущемъ. Лишь въ началѣ весны слѣдующаго, 1850 г., когда Варвара Петровна серьезно заболѣла, была выслана Ивану Сергѣевичу достаточная сумма денегъ. Въ виду такихъ отношеній къ

матери, Тургеневъ за границею сидѣлъ, въ сущности, безъ копѣйки. Уже въ ноябрѣ 1848 г. онъ писалъ Краевскому о своемъ долгѣ ему. Черезъ годъ Иванъ Сергѣевичъ сообщаетъ тому же издателю „Отечественныхъ Записокъ", что у него „гроша нѣтъ наличнаго", что онъ находится „въ совершенной крайности". Получивъ въ декабрѣ 1849 г. отъ Краевскаго 300 руб., Тургеневъ увѣдомлялъ, что „эти деньги рѣшительно спасли его отъ голодной смерти". Помощь, какую оказывала ему семья Віардо, была недостаточна, и результатомъ стѣсненныхъ матеріальныхъ условій явилась усиленная литературная дѣятельность.

Возвращаемся теперь снова къ внѣшнимъ событіямъ парижской жизни Тургенева. Въ столицѣ, какъ мы уже говорили, оставался онъ безвыѣздно до середины іюня 1849 г., и лишь около 10 января отправился на нѣсколько дней въ Версаль, откуда писалъ П. Віардо о своемъ времяпрепровожденіи тамъ: „Я перевожу, читаю Сенъ-Симона, гуляю, хожу въ кафе читать газеты — и уже постоянные посѣтители, старые, дряхлые буржуа, смотрѣвшіе на меня въ первый день исподлобья и искоса, какъ обыкновенно смотрятъ на охотничьихъ картинахъ загнанные въ безвыходное положеніе дикіе кабаны, — теперь начинаютъ на встрѣчу мнѣ приподнимать свои шляпы".

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ появилась холера, которая въ маѣ зацѣпила и Тургенева. Объ этомъ эпизодѣ читаемъ въ воспоминаніяхъ Пассекъ: „Тургеневъ сбирался ѣхать изъ Парижа, срокъ квартиры его оканчивался; онъ пришелъ переночевать у Герцена. Послѣ обѣда Тургеневъ жаловался на духоту и пошелъ выкупаться. Возвратившись, онъ почувствовалъ себя еще хуже, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и легъ спать. Ночью онъ разбудилъ Герцена и сказалъ:

„— Я пропащій человѣкъ, у меня холера.

„У него, дѣйствительно, были тошнота и спазмы; по счастью, онъ отдѣлался десятью днями болѣзни. Когда занемогъ Тургеневъ, Александръ (Герценъ) отправилъ жену и дѣтей въ Ville d'Avray, гдѣ жила его мать съ меньшимъ

внукомъ Колей и съ Марьей Каспаровной Эрнъ, впослѣдствіи Рейхель; Александръ остался съ нимъ одинъ. Стало Тургеневу лучше, Александръ также переѣхалъ въ Ville d'Avray". Десятаго іюня, Герценъ писалъ о томъ же Н. П. Огареву: „Помнишь холеру въ Москвѣ въ 1831 г., — сколько было благородныхъ усилій, сколько мѣръ: временныя больницы, люди, шедшіе добровольно въ смотрители, и проч. Здѣсь правительство не сдѣлало ничего, общество — ничего; болѣзнь продолжалась два мѣсяца, — вдругъ жары неслыханные (въ тѣни 30—32°), и Парижъ покрылся трупами. Ни мѣстъ въ больницахъ, ни даже дрогъ для труповъ — трупы лежатъ въ домахъ два, три дня... У меня на квартирѣ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ занемогъ холерою, чуть не умеръ, однако отходился" [1]). Вотъ когда Иванъ Сергѣевичъ почувствовалъ впервые тотъ страхъ передъ холерой, который сохранялъ уже въ теченіе всей своей жизни, теряясь и падая духомъ при одномъ извѣстіи о приближеніи болѣзни. Въ 1881 г. Полонскій наблюдалъ въ Спасскомъ, какое дѣйствіе произвело на Тургенева извѣстіе о холерѣ въ Брянскѣ. „Блѣдный, позеленѣлый пришелъ ко мнѣ Тургеневъ и говоритъ:

— Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся, несчастная машина.

— Странный ты человѣкъ, Иванъ, — говорилъ я ему, — вѣдь холера, если она и есть, въ 300-хъ верстахъ отъ насъ.

— Это все равно, — отвѣчалъ онъ, какъ бы разслабленнымъ голосомъ, — хотя бы въ Индіи... Запала въ меня эта мысль, попало это слово на языкъ и — кончено! Первое, что̀ я начинаю чувствовать, это судороги въ икрахъ, точно тамъ кто-нибудь на клавишахъ играетъ... Начинаетъ сосать подъ ложечкой; я ночи не сплю, со мной дѣлаются обмиранія... и затѣмъ разстраивается желудокъ. Мысль, что меня вотъ-вотъ захватитъ холера, ни на минуту не перестаетъ меня сверлить, и что̀ бы я ни думалъ, о чемъ бы ни говорилъ, какъ бы ни казался спокоенъ, — въ мозгу постоянно вертится: холера, холера, холера... Я, какъ сумасшедшій, даже

---

1) Воспомин. Пассекъ. III, 92, 114.

олицетворяю ее: она мнѣ представляется въ видѣ какой-то гнилой, желто-зеленой, вонючей старухи. Когда въ Парижѣ была холера, я чувствовалъ ея запахъ: она пахнетъ какою-то сыростью, грибами и старымъ, давно покинутымъ дурнымъ мѣстомъ. И я боюсь, боюсь, боюсь... И не странное ли дѣло, — я боюсь не смерти, а именно холеры... Я не боюсь никакой другой болѣзни, никакой другой эпидеміи: ни оспы, ни тифа, ни даже чумы... Одолѣть же этотъ холерный страхъ — внѣ моей воли. Тутъ я безсиленъ. Это такъ же странно, какъ странно то, что извѣстный герой кавказскій — Слѣпцовъ — боялся паука; если въ комнатѣ его появлялся паукъ, съ нимъ дѣлалось дурно. Другіе боятся мышей, иные — лягушекъ. Бѣлинскій не могъ видѣть не только змѣи, но ничего извивающагося".

Оправившись отъ холеры, Тургеневъ поспѣшилъ въ Куртавнель, откуда П. Віардо собиралась въ новую артистическую поѣздку, на этотъ разъ въ Лондонъ. Выѣхавъ въ столицу Англіи въ самомъ началѣ іюля, знаменитая пѣвица оставила Ивана Сергѣевича въ своемъ имѣніи совершенно одного. Съ этого момента и начинается то интересное одиночество Тургенева въ деревнѣ Віардо, о которомъ онъ часто любилъ вспоминать впослѣдствіи, и о которомъ друзья его разсказывали почти фантастическія вещи. Такъ, Н. В. Бергъ передаетъ въ своихъ запискахъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ слѣдующее: „Въ 1850 (1849 г.) артистка уѣхала съ мужемъ въ Лондонъ — пѣть передъ самой взыскательной публикой. Тургеневъ остался на это время въ одномъ изъ ея зàмковъ, на границѣ Франціи и Испаніи (!), на горѣ, среди дремучаго сосноваго лѣса (!). Внизу была деревушка, откуда приходила къ Ивану Сергѣевичу, въ извѣстные часы, старушка и приносила обѣдъ и ужинъ. Тургеневъ разсказывалъ однажды, при авторѣ, что ему становилось иногда въ пустомъ зàмкѣ очень жутко. Куда ни поглядишь: горы и темный лѣсъ, тянувшійся на необъятное пространство, — и больше ничего (!). Онъ боялся даже нападенія разбойниковъ. „Если бы пробрался въ зàмокъ одинъ недобрый человѣкъ, я бы, вѣроятно, не струсилъ. Я подсидѣлъ бы его въ одной изъ удобныхъ для этого комнатъ съ оружіемъ въ рукахъ — и принудилъ бы къ сдачѣ. Я

бы ему сказалъ: „вы мнѣ ни на что не нужны: ни убивать васъ ни преслѣдовать полиціей я не думаю. Но... разскажите мнѣ исторію своей жизни — и потомъ ступайте на всѣ четыре стороны!“ Никакой разбойникъ, однако, не доставилъ Ивану Сергѣевичу матеріала для повѣсти и т. д.[1])“.

За полтора мѣсяца своего отшельничества Тургеневъ всего два раза заглянулъ въ Парижъ 11-го и 31-го іюля, оба раза на два дня; да съ 12-го по 17-е того же мѣсяца въ Куртавнелѣ гостилъ дядя П. Віардо, братъ ея матери, г-жи Гарсіа, Ситчесъ и его супруга. Чета эта не представляла собою ничего особеннаго. Онъ — добродушный баловень, она — живая и подвижная женщина. Общество этихъ людей нѣсколько развлекало Ивана Сергѣевича, особенно своими спорами, въ которыхъ донъ-Пабло, какъ называлъ Ситчеса Тургеневъ, обыкновенно нападалъ на свою супругу въ гнѣвныхъ выраженіяхъ: „ну, что̀ ты знаешь“! или: „замолчи, сумасшедшая“! Супруги Ситчесъ уѣхали изъ Куртавнеля 17-го іюля, оставивъ Ивану Сергѣевичу 30 франковъ, изъ которыхъ черезъ недѣлю у него осталось только четыре. Раза три посѣтилъ Тургенева въ его одиночествѣ нѣкто Фужё, случайный знакомый семьи Віардо, человѣкъ матеріально независимый, но „весь пропитанный національными, бонапартистскими, литературными и судебными предразсудками“, по выраженію Ивана Сергѣевича. Постоянно же въ за̀мкѣ вмѣстѣ съ Тургеневымъ жили только три лица: Вероника, старуха-кухарка, вѣчно ворчавшая на старую охотничью собаку Л. Віардо — Султана; Жанъ — бойкій и расторопный лакей хозяина, съ которымъ Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, выдергалъ весь тростникъ изъ канавъ вблизи дома, и, наконецъ, лѣнивѣйшій изъ смертныхъ — садовникъ при за̀мкѣ. Всѣ эти лица внимательно ухаживали за молодымъ анахоретомъ. Про Веронику Тургеневъ писалъ, напримѣръ, П. Віардо. „Ужъ не жениться ли мнѣ на ней, чтобы вознаградить ее за ея услуги, принимая во вниманіе, что всякая другая монета въ настоящее время для меня только одна химера“! Много времени Иванъ Сер-

1) „Историч. Вѣстн.“ 1883 г., XIV, 370.

гѣевичъ посвящалъ чтенію книгъ изъ прекрасной библіотеки Л. Віардо, которую онъ предварительно привелъ въ порядокъ. Собственно литературной работой Иванъ Сергѣевичъ занимался очень мало. „Я все это время провелъ въ деревнѣ, въ совершенномъ уединеніи“, писалъ онъ Герцену 31-го іюля: „а уединеніе производитъ во мнѣ всякій разъ невыразимую лѣнь, которую на поэтическомъ языкѣ называютъ тишиной, погруженіемъ въ тишину и т. д.“. Дѣйствительно, Тургеневъ въ сущности былъ „погруженъ въ тишину“. Въ письмахъ изъ Куртавнеля есть нѣсколько характерныхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи. „Я сижу передъ круглымъ столомъ въ большой гостиной... Глубокое молчаніе царствуетъ въ домѣ, — только слышится жужжаніе горящей лампы“... читаемъ въ письмѣ отъ 20-го іюля. Въ другомъ (отъ 7-го авг.) онъ пишетъ П. Віардо: „Вчера я только-что собирался уйти изъ гостиной, какъ вдругъ услыхалъ два глубокіе, совершенно ясные вздоха, раздавшіеся, или, вѣрнѣе, пронесшіеся какъ дуновеніе въ двухъ шагахъ отъ меня. Султанъ давно спалъ, я былъ совершенно одинъ. Это вызвало во мнѣ легкую дрожь. Проходя по коридору, я вдругъ подумалъ о томъ, что̀ бы я сдѣлалъ, если бы почувствовалъ, что кто-нибудь схватилъ меня за руку, и я долженъ былъ сознаться, что я испустилъ бы крикъ ужаса. Положительно ночью бываешь менѣе храбрымъ, чѣмъ днемъ. Я хотѣлъ бы знать, боятся ли слѣпые привидѣній? — Прежде чѣмъ лечь спать, я каждый вечеръ дѣлаю маленькую прогулку по двору. Вчера я остановился и началъ прислушиваться. Вотъ разные звуки, услышанные мною:

Шумъ крови въ ушахъ и дыханія.

Шорохъ — неумолкаемый лепетъ листьевъ.

Трескъ кузнечиковъ — ихъ было четыре — въ деревьяхъ на дворѣ.

Рыбы производили на поверхности воды легкій шумъ, походившій на звуки поцѣлуя.

Отъ времени до времени падала капля съ легкимъ серебристымъ звукомъ.

Ломалась какая-то вѣтка, — кто сломалъ ее?

Вотъ глухой звукъ... что̀ это шаги по дорогѣ? или шопотъ человѣческаго голоса?

И вдругъ тончайшее сопрано комара, которое раздается надъ вашимъ ухомъ...“

Въ сентябрѣ 1849 г., возвратилась въ Куртавнель семья Віардо, и Тургеневъ провелъ съ друзьями подъ однимъ кровомъ болѣе мѣсяца. Ко дню похоронъ Шопена (30 октября) всѣ уже были въ Парижѣ. Похороны знаменитаго музыканта, на которыхъ присутствовалъ и Тургеневъ, были своего рода артистическимъ торжествомъ, и очень жаль, что Иванъ Сергѣевичъ не оставилъ намъ никакихъ воспоминаній о нихъ. На заупокойной мессѣ былъ исполненъ „Реквіемъ“ Моцарта оркестромъ подъ управленіемъ Мейербера, органомъ и такими солистами, какъ П. Віардо, Кастеляне и Лаблашъ (знаменитый оперный пѣвецъ-басъ). Въ эту зиму 1849—1850 г. слава П. Віардо достигла наибольшей высоты. Она показала себя не только замѣчательной пѣвицей, но и высоко-даровитой драматической актрисой. Послѣднюю сторону ея таланта вызвалъ упомянутый уже Мейерберъ постановкой своей оперы „Пророкъ“ на сценѣ „Grand Opéra“. Давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемая опера эта произвела сильное впечатлѣніе на парижанъ, чему много способствовало именно участіе П. Віардо, по настойчивой просьбѣ композитора, въ партіи Фидесъ. Иванъ Сергѣевичъ въ видѣ письма изъ Парижа, отъ 9 января 1850 г., помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, за подписью: — е —, статью „Нѣсколько словъ объ оперѣ Мейербера — „Пророкъ“ [1]), которую начинаетъ словами: „Завтра даютъ эту оперу въ сороковой разъ, и уже сегодня всѣ мѣста разобраны“. Оцѣнивая ее ниже „Гугенотовъ“ того же Мейербера, Тургеневъ, однако, отзывается о ней съ полнымъ сочувствіемъ: „Я около десяти разъ видѣлъ „Пророка“, и всякій разъ открывалъ въ немъ новыя красоты“, — писалъ онъ. Особенный восторгъ возбуждала въ немъ игра и пѣніе П. Віардо, и тѣ сцены, въ которыхъ выступаетъ знаменитая пѣвица, описаны Иваномъ Сергѣевичемъ съ большими подробностями и съ нескрываемымъ восхищеніемъ.

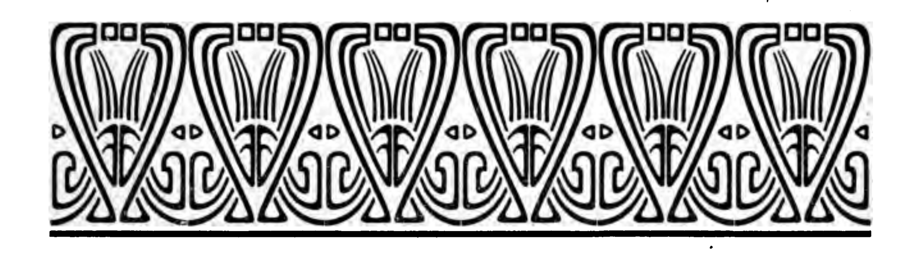
1) Т. LXVIII, Смѣсь, стр. 280—283.

Зимой съ 1849 на 1850 г. Тургеневъ, живя въ Парижѣ, ближе познакомился съ кружкомъ французскихъ писателей и представителями французскаго искусства, собиравшимися въ квартирѣ Віардо. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ назвать Проспера Мерим̀е, образованнѣйшаго изъ писателей своего времени, который чуть ли не первымъ во Франціи оцѣнилъ достоинства нашей литературы и сталъ учиться по-русски, чтобы въ подлинникѣ читать Пушкина и Гоголя. Какъ видно изъ переписки его съ графиней Монтихо (императрицей Евгеніей), Мерим̀е въ концѣ 40-хъ годовъ сталъ усиленно изучать русскую литературу, въ чемъ могъ оказать ему существенную помощь именно Тургеневъ. Результатомъ этихъ занятій явился рядъ переводовъ на французскій языкъ Пушкина и Гоголя (изданныхъ, однако, въ 1852 и 1853 гг.), предпринятыхъ Мерим̀е. Изъ другихъ писателей, встрѣчавшихся съ Иваномъ Сергѣевичемъ, слѣдуетъ назвать еще Шарля Эдмона и Жоржъ-Зандъ. Послѣдняя въ 1848 году оставила политическіе вопросы и обратилась къ разсказамъ изъ сельской жизни. Этотъ поворотъ въ дѣятельности знаменитой писательницы Тургеневъ отмѣтилъ одинъ изъ первыхъ и отмѣтилъ съ полной опредѣленностью. Въ письмѣ его къ П. Віардо отъ 17 января 1848 г. мы читаемъ: „Вашъ мужъ вѣроятно говорилъ вамъ о новомъ романѣ m-me Зандъ, который печатается въ фельетонѣ Journal des Débats „Франсуа ле Шампи“. Онъ написанъ въ ея лучшей манерѣ—просто, правдиво, захватывающе. Можетъ быть, она вставляетъ въ него слишкомъ много крестьянскихъ выраженій; это мѣстами придаетъ ея разсказу нѣкоторую дѣланность. Искусство—не дагерротипъ, и такая великая мастерица, какъ m-me Зандъ, могла бы обойтись и безъ этихъ капризовъ художника съ нѣсколько притупленнымъ вкусомъ. Но очень ясно, что ей выше головы надоѣли всякіе соціалисты, коммунисты, Пьеры Леру и другіе философы, что она ими измучена — и съ наслажденіемъ погружается въ источникъ молодости искусства наивнаго и неотвлекающагося отъ земли. Между прочимъ, въ самомъ началѣ предисловія находится нѣсколько строкъ описанія осенняго дня. Это — удивительно. Эта женщина имѣетъ талантъ передавать самыя тонкія, мимолетныя впечатлѣнія твердо, ясно и понятно; она умѣетъ рисовать все, даже

благоуханія и самые мелкіе звуки“... Хотя въ 1847—1850 гг. Тургеневъ нерѣдко встрѣчался съ Жоржъ-Зандъ у Віардо, хотя энтузіазмъ къ этому кумиру кружка Бѣлинскаго не совсѣмъ еще остылъ у Ивана Сергѣевича, но онъ не сошелся съ французской писательницей, и въ ихъ тогдашнихъ отношеніяхъ ничто еще не говорило о той дружбѣ, которая связывала этихъ людей впослѣдствіи.

Въ началѣ мая 1850 года Тургеневъ заглянулъ на нѣсколько дней въ Брюссель, откуда поѣхалъ въ Куртавнель, проститься съ дорогими ему мѣстами передъ возвращеніемъ въ Россію. П. Віардо была тогда уже въ Германіи, и Иванъ Сергѣевичъ провелъ нѣсколько дней лишь въ обществѣ ея матери, сестры ея мужа и старшей дочери (впослѣдствіи m-me Герритъ). Вскорѣ пріѣхалъ туда и Гуно, только-что приступившій къ работамъ надъ первой своей оперой, „Сафо“. Авторъ „Фауста“ явился въ Куртавнель по приглашенію П. Віардо, чтобы отдохнуть хорошенько отъ тяжелой потери, угнетавшей его—смерти брата. Общество этого композитора было большимъ счастьемъ для Тургенева, который высоко ставилъ его музыку. „Если Гуно не великая музыкальная сила“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ своему другу въ томъ же году: „если у него нѣтъ генія, я отказываюсь отъ всякаго сужденія о людяхъ и талантахъ“. По пріѣздѣ въ деревню Віардо, Тургеневъ писалъ ея хозяйкѣ (16 мая); „Я въ Куртавнелѣ. Скажу откровенно, я счастливъ, какъ ребенокъ, что снова нахожусь здѣсь. Я пошелъ поздороваться со всѣми мѣстами, съ которыми я прощался передъ отъѣздомъ. Россія подождетъ, — эта огромная и мрачная фигура, неподвижная и туманная, какъ сфинксъ Эдипа. Она поглотитъ меня позднѣе. Мнѣ кажется, что я вижу ея тяжелый, неподвижный взглядъ, устремленный на меня съ холоднымъ вниманіемъ, какъ и слѣдуетъ каменнымъ глазамъ. Будь спокоенъ, сфинксъ, я вернусь къ тебѣ, и тогда ты можешь поглотить меня въ свое удовольствіе, если я не разгадаю твоей загадки“!

Двадцать четвертаго іюня Тургеневъ написалъ г-жѣ Віардо прощальное письмо изъ Парижа и въ тотъ же день выѣхалъ оттуда, чтобы черезъ недѣлю сѣсть въ Штеттинѣ на пароходъ, отправлявшійся въ Петербургъ... Эдипъ отправился къ своему Сфинксу, чтобы до конца разгадать трудныя его загадки въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ.

V.

И. С. Тургеневъ и его дочь Полина Брюэръ.

У Варвары Петровны Тургеневой, матери Ивана Сергѣевича, въ числѣ множества крѣпостныхъ мастерицъ, жила, между прочимъ, по вольному найму одна дѣвушка „бѣлошвейка“, по имени Евдокія Ермолаевна Иванова или, какъ обыкновенно называли ее, Авдотья Ермолавна. „Портретъ ея весьма обыкновенный: блондинка, роста два аршина $3^1/_2$ вершка, лицо чистое, правильно-русское, глаза свѣтло-каріе, носъ и ротъ „умѣренные“; но она была женственно скромна, молчалива и симпатична. Эта-то дѣвушка и приглянулась, а затѣмъ и полюбилась барину-юношѣ Ивану Сергѣевичу“ [1]) лѣтомъ 1841 года въ Спасскомъ. Связь эта не могла остаться тайной для Варвары Петровны; молодая мастерица была разсчитана и, какъ московская мѣщанка, уѣхала къ себѣ въ Москву, гдѣ Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ, впрочемъ, съ нею встрѣчаться, переселившись съ матерью на зиму въ столицу. 26 апр. 1842 года у Ивановой родилась дочь Пелагея [2]). Послѣ рожденія ребенка, котораго вскорѣ отвезли въ Спасское, интимныя отношенія между Иваномъ Сергѣевичемъ и

---

1) „Русскій Вѣстникъ“ 1885 г., январь, 355.
2) „Новое Время“ 1906 г., № 10879.

Авдотьей прекратились, но Тургеневъ не забывалъ ее матеріальной поддержкой, выдавая ей пенсію сначала черезъ камердинера своего отца Өедора Лобанова, а потомъ чрезъ управляющаго. Пенсія, получаемая Авдотьей Ермолаевной, была пріостановлена лишь съ выходомъ ея замужъ (не ранѣе 1865 года) за нѣкоего Калугина. Съ начала 1868 года, вѣроятно, овдовѣвшая, Калугина вновь стала получать отъ Ивана Сергѣевича, сначала по сту, а потомъ по 75 рублей въ годъ. Въ каждый свой пріѣздъ въ Москву Тургеневъ видѣлся съ нею. Она являлась къ нему, разсказывала о своемъ житьѣ-бытьѣ и разспрашивала о дочери[1]). Въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ управляющему Кишинскому, переданныхъ въ Императорскую Публичную библіотеку, сохранилось одно письмо Авдотьи Ермолаевны къ Тургеневу отъ 9-го сентября 1872 года. Мы воспроизводимъ здѣсь его (съ сохраненіемъ правописанія) для характеристики отношеній Калугиной къ Тургеневу: „Милостивому моему благодѣтелю Ивану Сергѣевичу. Пожелавъ вамъ добраго здоровья, цѣлую ваши ручки. Желала бы я знать объ вашемъ здоровьи и дочери моей Полиньки съ мужемъ (Брюэромъ). Здѣлайте милость не оставьте меня своею милостью: я въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ получала отъ васъ пенсію 25 рублей въ тредь, а теперь четыре мѣсяца какъ не получаю, а писала къ вашему управителю Н. А. (Никитѣ Алексѣевичу) и не получила отвѣта и это меня заставило сомнѣваться въ вашемъ здоровьи. Когда я васъ видѣла, то просила васъ помѣстить меня въ селѣ (Спасскомъ) за что бы я была вами очень, очень благодарна. Есче разъ пожелавъ вамъ всего хорошаго прошу васъ увѣдомить меня о своемъ здоровьи. Остаюсь уважающая васъ Авдотья Ермолаевна Калугина“.

При жизни Тургенева разсказывали, да и въ настоящее время еще держатся того мнѣнія, будто въ своей „Асѣ“ Иванъ Сергѣевичъ изобразилъ характеръ и отчасти самую судьбу дочери. Какъ увидимъ дальше, ничего общаго между

1) См. письма Тургенева къ Кишинскому отъ 17-го (29-го) апрѣля 1868 г. 16-го (28-го) апрѣля 1871 г. и 7-го (19-го) ноября 1872 г., хранящіяся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

двумя названными дѣвушками не было. Оригиналомъ для „Аси“ на самомъ дѣлѣ послужила побочная дочь его дяди, взятая на воспитаніе Варварой Петровной Тургеневой, дѣвочка, носившая то же имя Анны. Въ письмѣ къ П. Віардо отъ 9-го сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ даетъ интересную характеристику будущей героини своего разсказа, когда она была еще въ дѣтскомъ возрастѣ:

„Помните-ли вы“, — писалъ онъ: — „маленькую, очень необыкновенную пятилѣтнюю дѣвочку, о которой я говорилъ вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ? Я снова увидѣлъ ее и продолжаю находить этого ребенка очень страннымъ маленькимъ существомъ. Представьте себѣ самое хорошенькое маленькое личико, какое только можно найти, черты лица невѣроятной тонкости, прелестная улыбка и глаза, какихъ я никогда не видывалъ, глаза женщины, то кроткіе и ласкающіе, то проницательные и наблюдательные, физіономія, которая ежеминутно мѣняетъ выраженіе, и которой каждое выраженіе изумительно по своей правдивости и оригинальности. Она обладаетъ здравымъ смысломъ, удивительною вѣрностью ощущеній и чувства; она много размышляетъ и никогда не хитритъ; поразительно, съ какою инстинктивною прямотою ея маленькій мозгъ стремится къ истинѣ. Онъ судитъ правильно обо всемъ ее окружающемъ, начиная съ моей матери, — а со всѣмъ тѣмъ это ребенокъ, настоящій ребенокъ. Бываютъ минуты, когда ея взглядъ принимаетъ мечтательный и грустный оттѣнокъ, отъ котораго у васъ сжимается сердце. Но обыкновенно она очень весела и спокойна. Она очень любитъ меня и порою смотритъ на меня такими кроткими и нѣжными глазами, что я бываю совсѣмъ растроганъ.

„Ее зовутъ Аннушкою; она побочная дочь моего дяди, брата моего отца, и одной крестьянки. Моя мать взяла ее къ себѣ и обращалась съ нею, какъ съ куклой. Я обѣщалъ себѣ заняться со временемъ ея воспитаніемъ. У меня будетъ цѣлая семья на рукахъ! Когда ее что-нибудь поражаетъ, она дѣлаетъ движенія головой и бровями, которыя приводятъ меня въ восторгъ. Она какъ будто подвергаетъ своему маленькому сужденію то, что слышитъ, и затѣмъ дѣлаетъ удивительныя замѣчанія. Я сейчасъ разскажу вамъ

одну изъ ея чертъ. Это было въ Москвѣ. Она пробыла около часа въ моей комнатѣ; мать моя наказала ее за это, не подумавъ о томъ, что я самъ увелъ ее, — и въ то же время запретила ей говорить мнѣ, за что она наказана. Я вхожу въ кабинетъ моей матери, вижу, что малютка стоитъ въ углу очень грустная и безмолвная; спрашиваю причину; моя мать разсказываетъ мнѣ цѣлую исторію о непослушаніи и капризѣ; я подхожу къ ней и говорю ей нѣсколько укоризненныхъ словъ. Она, ни слова не говоря, отворачиваетъ голову. Я ухожу изъ дома и возвращаюсь уже довольно поздно. На другой день, очень рано, малютка приходитъ ко мнѣ въ комнату, спокойно садится на мой стулъ, нѣкоторое время молча смотритъ на меня, потомъ сразу обращается ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ:

— Вы вчера повѣрили тому, что сказала вамъ мама обо мнѣ?

— Да.

— Ну, напрасно, — вотъ за что я была наказана... Я обѣщала не говорить этого, и я не сказала бы вамъ, если бы вы не повѣрили мамѣ.

— Ты плакала во время наказанія?

Она съ гордостью подняла свою голову и, прищуривъ глазки, проговорила:

— О, нѣтъ! — Потомъ послѣ минутнаго молчанія, или размышленія, что у нея одно и то же, она прибавила: — Но я заплакала, когда вы подошли ко мнѣ къ кабинетѣ.

— А! такъ ты потому отвернула головку?

— Это вы замѣтили, а не видали, что я плакала?

— Нѣтъ, — долженъ тебѣ въ этомъ признаться.

„Она глубоко вздохнула, поцѣловала меня и ушла.

„Клянусь вамъ, я ни слова не прибавилъ къ тому, что она сказала, — но если бы вы видѣли ея маленькое личико во время всего этого объясненія! На немъ читалась такая работа мысли, такая борьба чувствъ. Она бѣлокурая и очень бѣленькая; глаза у нея сѣро-синіе, отливающіе въ черное; зубки — настоящія маленькія жемчужинки. Она очень любящая и очень чувствительная, — но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея мало или вовсе нѣтъ памяти, такъ что она едва знаетъ азбуку. Увѣряю васъ, это крайне странное

маленькое созданіе, и я съ интересомъ изучаю ее“ [1]). Цвѣтъ волосъ и глазъ бѣлокураго ребенка могъ, конечно, съ годами измѣниться, — „литературная“ Ася, какъ извѣстно, была брюнетка, — но дѣло, разумѣется, не въ этомъ.

Когда Тургеневъ писалъ своей разсказъ (1857 г.), Асѣ было всего 12 лѣтъ, и онъ, конечно, не могъ предвидѣть, какъ прозаически завершится судьба этой дѣвушки: въ 1859 г. она была помолвлена за крѣпостнаго повара Ивана Сергѣевича — Степана. Правда, поваръ этотъ былъ не совсѣмъ обыкновенный и не совсѣмъ обычнымъ способомъ попалъ къ Тургеневу. Однажды явился къ нему еще молодой, неизвѣстный человѣкъ, отрекомендовался поваромъ и просилъ купить его у его помѣщика, съ которымъ, какъ прибавилъ Степанъ: „я долженъ кончить плохо“. Иванъ Сергѣевичъ понялъ положеніе бѣдняка и сталъ хлопотать. Степанъ былъ купленъ, кажется, за 800 рублей. Когда все кончилось, Тургеневъ вручилъ Степану вольную, но тотъ не захотѣлъ получить свободы и твердо заявилъ: „пусть моя вольная лежитъ у васъ, а мнѣ позвольте послужить вамъ“. Дѣйствительно, онъ оказался превосходнымъ поваромъ и съ этихъ поръ не оставлялъ Ивана Сергѣевича, онъ былъ просто влюбленъ въ него. Когда Тургеневъ уѣзжалъ за границу, Степанъ нанимался служить за повара въ лучшихъ клубахъ и отъ времени до времени справлялся то у Колбасиныхъ, то у Некрасова или Анненкова о пріѣздѣ своего барина. Услыхавъ, что онъ пріѣдетъ такого-то числа, Степанъ тотчасъ бросалъ выгодное мѣсто и съ веселымъ видомъ встрѣчалъ Ивана Сергѣевича, вступая въ свои поварскія обязанности. Одинъ разъ Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину, что Степанъ можетъ заключить годовыя кондиціи въ англійскомъ клубѣ, но тотъ отказался, говоря: „а если Иванъ Сергѣевичъ неожиданно пріѣдетъ, тогда какъ будетъ? Помилуйте, я его не промѣняю ни на кого, вѣдь онъ, когда идетъ по Невскому, ей-Богу, цѣлой головой всѣхъ выше“ [2]).

Несмотря на не совсѣмъ заурядную личность Степана,

---

1) Неизданныя письма И. С. Тургенева. М. 1900 г., стр. 112—114.

2) „Первое собр. писемъ“, 53.

несмотря, наконецъ, на сильную склонность и „литературной" Аси сходиться съ людьми низшаго круга, Тургеневъ былъ удивленъ предстоящимъ бракомъ и писалъ 17-го (29-го) мая 1859 г. отцу Аси, а своему дядѣ, Николаю Николаевичу Тургеневу: „Поваръ Степанъ въ Петербургѣ просилъ меня объявить тебѣ, что онъ желаетъ руки... Аси, и говоритъ, что пользуется ея расположеніемъ. Поступи въ этомъ случаѣ, какъ знаешь. Немножко странно, — а Степанъ хорошій мужъ" [1]).

Маленькая Пелагея, вскорѣ послѣ ея рожденія, была взята у матери, оставшейся въ Москвѣ, и привезена въ Спасское. Разлука съ дочерью едва-ли огорчила Авдотью Ермолаевну. Иванова, во-первыхъ, избавлялась отъ тяжелаго, ложнаго положенія, а, во-вторыхъ, надѣялась, что добрый баринъ Иванъ Сергѣевичъ не оставитъ дѣвочку. Но Тургеневъ не могъ быть въ то время вершителемъ судебъ Спасскихъ обитателей, надъ которыми неограниченно и сурово властвовала мать его Варвара Петровна. Послѣдняя же не пожелала даже взять дѣвочку въ свой домъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ Асѣ, и маленькая Пелагея оказалась на рукахъ у одной изъ крѣпостныхъ прачекъ помѣщицы. Продолжительныя отлучки Ивана Сергѣевича изъ подъ родительскаго крова, наконецъ, трехлѣтнее безвыѣздное пребываніе его во Франціи (1847—1850 гг.), возбудившее плохо скрываемое раздраженіе у Варвары Петровны, — все это сдѣлало то, что подроставшая дѣвочка оказалась въ самомъ печальномъ положеніи. Дворня злорадно называла ее „барышней" и заставляла исполнять непосильныя ей работы, въ родѣ тасканья для прачки ведеръ съ водой. По приказанію Варвары Петровны Пелагею, очень похожую лицомъ на отца, одѣвали на минуту въ чистое платье и приводили въ гостиную. „Скажите, на кого эта дѣвочка похожа?" съ притворнымъ недоумѣніемъ спрашивала Тургенева при такихъ свиданьяхъ и отправляла ее назадъ [2]).

1) Тамъ же, 62.

2) См. свидѣтельство Фета („Мои воспоминанія", I, 158), которое необходимо исправить и дополнить данными воспоминаній Ѳ. Б—на („Русск. Вѣст." 1885 г., январь, стр. 355) и письмомъ Тургенева отъ 24-го декабря (ст. ст.) 1864 г. къ Анненкову („Первое собр. писемъ", стр. 117).

Когда въ 1850 году Иванъ Сергѣевичъ вернулся изъ-за границы и узналъ о жалкомъ положеніи дочери, онъ подѣлился своимъ горемъ съ П. Віардо и сообщилъ ей всѣ подробности дѣла. При этомъ Тургеневъ указалъ своему другу на то, что въ Россіи никакое образованіе не въ силахъ вывести дочь его изъ фальшиваго положенія. Разультатомъ письма явилось предложеніе со стороны П. Віардо взять несчастную дѣвочку къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ ея собственными дѣтьми. Девятаго сентября (н. с.) 1850 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ знаменитой артисткѣ: „Относительно маленькой Полины, вы уже знаете, что я рѣшился слѣдовать вашимъ приказаніямъ и думаю лишь о средствахъ исполнить это быстро и хорошо. Изъ Москвы и Петербурга я изо-дня въ день буду писать вамъ, что̀ дѣлаю для нея. Это долгъ, который я исполняю, и я исполняю его съ радостью, разъ вы имъ интересуетесь. Si Dios quiere, она будетъ скоро въ Парижѣ“ [1]). Дѣйствительно, въ томъ же году Тургеневу удалось отправить свою восьмилѣтнюю дочь въ Парижъ, и бѣдная, загнанная дѣвочка, росшая до того въ развращенной атмосферѣ русской крѣпостной дворни, очутилась въ комфортабельной обстановкѣ высоко-интеллигентной французской семьи.

Около шести лѣтъ Иванъ Сергѣевичъ не видалъ послѣ этого своей дочери, получая о ней лишь извѣстія въ письмахъ П. Віардо. Только въ августѣ 1856 года, когда вновь попалъ за границу, онъ встрѣтилъ ее уже четырнадцатилѣтней барышней. Впечатлѣніе отъ свиданія было радостное, и Тургеневъ писалъ гр. Л. Н. Толстому 16-го (28-го) ноября того же года: „Меня удерживаетъ здѣсь (въ Парижѣ) старинная неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка“ [2]). Позднѣе Иванъ Сергѣевичъ разочаровался въ ней, но на первыхъ порахъ его смутило только одно: m-lle Pauline, какъ стали называть ее, совершенно позабыла русскій языкъ, и всѣ старанія ея отца возстановить утраченное не привели ни къ чему.

---

1) Неиздан. письма Тургенева. М. 1900 г., стр. 110.
2) „Перв. собр. пис.“, 28.

Фетъ, посѣтившій Тургенева въ замкѣ Віардо — Куртавнелѣ въ 1857 году, такъ передаетъ впечатлѣніе, какое произвела тогда на него Полина[1]). „Къ вечеру, кромѣ музыки и виста (обратили вниманіе Фета) серебряные голоски дѣвицъ, прочитывающихъ вслухъ роли изъ Мольера, приготовляемаго къ домашнему театру. Съ особенною улыбкой удовольствія Тургеневъ вслушивался въ чтеніе пятнадцатилѣтней дѣвушки, съ которою онъ тотчасъ же познакомилъ меня, какъ со своей дочерью Полиною. Дѣйствительно, она весьма мило читала стихи Мольера; но за то, будучи молодымъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ юбкѣ, не могла предъявлять ни малѣйшей претензіи на миловидность.

— Полина! — спросилъ Тургеневъ дѣвушку, — неужели ты ни слова русскаго не помнишь? Ну, какъ по-русски „вода“?

— Не помню.

— А „хлѣбъ“?

— Не знаю.

— Это удивительно! — восклицалъ Тургеневъ“.

Какъ серьезно смотрѣлъ Тургеневъ на этотъ роковой результатъ новаго воспитанія своей дочери, показываютъ слѣдующія строки письма его изъ Парижа къ гр. Толстому (отъ 8-го (20-го) дек. 1856 г.): „Я познакомился здѣсь со многими русскими и французами, но симпатичныхъ натуръ нашелъ весьма мало. Есть одна княжна Мещерская — совершенная Гётевская Гретхенъ — прелесть — да, къ сожалѣнію, по-русски не понимаетъ ни слова. Она родилась и воспитывалась здѣсь. Не она виновата въ этомъ безобразіи, но всетаки это непріятно. Не можетъ быть, чтобы не было внутренняго, пока еще тайнаго противорѣчья между ея кровью, ея породой — и ея языкомъ и мыслями, — и это противорѣчіе, со временемъ, либо сгладится въ пошлость, либо разовьется въ страданіе“[2]).

Послѣ 1857 года Полина была взята Тургеневымъ изъ семьи Віардо. Въ характерѣ молодой дѣвушки стали обнаруживаться черты тяжелой неуживчивости, и дальнѣйшее

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 157—158.
2) „Перв. собр. писемъ“, 35.

ея пребываніе съ дѣтьми Віардо могло неблагопріятно отозваться на послѣднихъ [1]). Иванъ Сергѣевичъ подыскалъ для дочери пожилую гувернантку изъ англичанокъ г-жу Иннисъ и помѣстилъ обѣихъ въ небольшой квартирѣ противъ Тюильрійскаго сада (rue Rivoli, 210), гдѣ и самъ имѣлъ постоянное пребываніе въ тѣ мѣсяцы 1859—1863 гг., когда проживалъ въ Парижѣ. Полина, поселившись на новой квартирѣ, продолжала однако ежедневно ходить къ П. Віардо брать уроки музыки [2]), что̀ дѣлала до переѣзда семьи артистки въ Баденъ. Г-жа Иннисъ со своей стороны особенное вниманіе обратила на воспитаніе нравственной стороны своей питомицы.

Тургеневъ не могъ нахвалиться гувернанткой, часто говорилъ друзьямъ своимъ объ ея педогогическихъ способностяхъ и вполнѣ одобрялъ ея отрицательное отношеніе къ исключительно французскому воспитанію. Одинъ изъ такихъ разсказовъ въ присутствіи автора „Войны и Мира“ и послужилъ поводомъ къ рѣзкому столкновенію между писателями, едва не вызвавшему дуэли (1861 г.). Иванъ Сергѣевичъ передавалъ гр. Толстому, между прочимъ, что гувернантка „съ англійскою пунктуальностью просила его опредѣлить сумму, которою дочь его можетъ располагать для благотворительныхъ цѣлей. — Теперь, — сказалъ Тургеневъ, — англичанка требуетъ, чтобы моя дочь забирала на руки худую одежду бѣдняковъ и, собственноручно вычинивъ онуй, возвращала по принадлежности.

— И это вы считаете хорошимъ? — спросилъ Толстой.

— Конечно; это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣнахъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискренную, театральную сцену“ [3]). Это ядовитое замѣчаніе человѣка, который самъ былъ готовъ рядиться въ лохмотья, и возмутило Тургенева.

1) Объ этихъ причинахъ сообщено было мнѣ одною изъ близкихъ къ П. Віардо учениць ея, m-lle M.

2) „Русск. Вѣст.“ 1890 г., іюль, 4—5, 7. „Перв. собр. писемъ“, 85.

3) Фетъ „Мои воспоминанія“, I, 370—371; Воспоминанія Е. Гаршина, „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., ноябрь, 389—390.

Наконецъ, для завершенія образованія Иванъ Сергѣевичъ отправилъ Полину въ 1861 году путешествовать по Швейцаріи [1]).

Переселяясь вмѣстѣ съ семьей Віардо изъ Парижа въ Баденъ, Тургеневъ подыскалъ въ 1864 году своей дочери и ея гувернанткѣ другую квартиру, меньшаго размѣра, въ Пасси (10, rue Basse, Passy), гдѣ останавливался и самъ въ свои наѣзды въ Парижъ въ 1864 и 1865 гг. Вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія г-жа Иннисъ уступала обыкновенно Тургеневу свою спальню [2])

Уже съ 1860 года Иванъ Сергѣевичъ сталъ мечтать о выдачѣ своей дочери замужъ, и въ письмахъ къ друзьямъ мы безпрестанно встрѣчаемъ слѣды этого желанія. Ничего эгоистичнаго, тѣмъ болѣе въ матеріальномъ смыслѣ, названное стремленіе, конечно, не представляло, хотя позднѣйшія крупныя затраты (во время ея замужества) явились для него неожиданными. Въ началѣ 1863 года мечты Тургенева едва было не осуществились. В. П. Боткинъ писалъ Фету 16-го (28-го) марта изъ Парижа: „Мы думали было праздновать свадьбу m-lle Pauline, все уже было почти кончено, какъ дѣло разладилось, вслѣдствіе необыкновенной жажды къ деньгамъ, высказанной претендентомъ. Да французы иначе и не понимаютъ бракъ, какъ съ этой точки зрѣнія“. Лишь 2-го (14-го) января 1865 года Тургеневъ могъ сообщить Фету: „Въ концѣ февраля, если ничего не случится, выдаю дочь замужъ, которая на этотъ разъ уже помолвлена за молодаго серьезнаго француза, находящагося во главѣ значительной стеклянной фабрики. Онъ образованъ, хорошей фамиліи, а главное очень понравился моей дочери“ [3]) Сообщая о томъ же Анненкову, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 6-го (18-го) января: „Кажется, насколько можно предвидѣть, человѣкъ ей попался хорошій, добрый и дѣльный... Остальное въ рукахъ судебъ. Я не помню, написалъ-ли я вамъ его имя: его зовутъ Gaston Bruère“ [4]). Свадьба дѣйствительно

1) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр. 494.
2) Фетъ, „Мои воспоминанія“, II, 50.
3) Фетъ, „Мои воспомин.“, II, 58.
4) „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., февр., 462.

произошла въ назначенный срокъ и доставила Тургеневу массу хлопотъ, осложнившихся еще и „незаконнымъ" происхожденіемъ Полины. Потребовался свадебный контрактъ, признаніе (Полины) его дочерью, оглашеніе въ церкви, разрѣшеніе, свидѣтельство объ удостовѣреніи личности, занесеніе въ метрики и т. д. [1])

„Ну, да и вообще во Франціи дѣвушку отдавать замужъ — это цѣлая баталія, — чего только они въ контрактъ не напихали, Боже правый!" — писалъ Иванъ Сергѣевичъ Анненкову. Приданое Полины все заключалось въ денежныхъ суммахъ, а именно въ ста тысячахъ франковъ, выданныхъ единовременно, и въ векселѣ на пятьдесятъ тысячъ франковъ. Послѣдняя сумма должна была уплачиваться по частямъ въ произвольные сроки съ выдачею до уплаты 5% годовыхъ [2]). Конечно, молодой были сдѣланы, сверхъ того, различные подарки, среди которыхъ выдѣлялся рояль отъ отца. Даже братъ послѣдняго Николай Сергѣевичъ, несмотря на всю свою скупость, разорился на серьги и брошь для Поленьки, какъ звали ее между собою братья [3]). Послѣ вѣнчанія Тургеневъ писалъ Анненкову 16-го (28-го) февраля: „Хлопотъ было пропасть, но я вознагражденъ вполнѣ убѣжденіемъ, что дочь моя будетъ счастлива. Я никогда не видалъ болѣе сіяющаго лица, какъ ея во время свадьбы, въ церкви. Зять мой — прекрасный, дѣльный, простой и добрый малый". „Я получаю отъ нея письма, исполненныя самаго искренняго удовольствія" [4]), — сообщалъ онъ ему черезъ мѣсяцъ.

Тотчасъ послѣ свадьбы Полина уѣхала съ мужемъ на его фабрику Ранжемонъ (Rengemont) близъ Клуа (Cloyes), километрахъ въ 120 къ юго-западу отъ Парижа, Иванъ Сергѣевичъ же возвратился въ Баденъ. Каждый годъ, разъ или два, Тургеневъ навѣщалъ свою дочь въ маленькомъ домѣ зятя; первый его пріѣздъ былъ въ концѣ іюля (н. с.)

---

1) „Русск. Стар." 1885 г., авг. 322.

2) „Русск. Стар.", 1885 г., авг., 320, 322—323.

3) „Вѣстн. Евр.", 1887 г., февр., 464; „Русск. Стар." 1885 г., авг. 322.

4) „Вѣстн. Евр.", 1887 г., февр., 465, 467.

1865 года. Кромѣ того онъ изрѣдка встрѣчался съ нею и въ Парижѣ, гдѣ жили родители Брюэра. Свиданія эти не участились замѣтно и со времени окончательнаго переселенія Ивана Сергѣевича въ столицу Франціи послѣ войны 1870 года, хотя Полина и порадовала своего отца рожденіемъ ему внучки (іюль 1872 г.), названной Jeanne, а въ 1875 г. (августъ) и внука, котораго назвали Georges Albert [1]).

Трудно судить по дошедшимъ до насъ намекамъ, были ли дѣйствительно счастливы супруги Брюэръ въ первые годы ихъ брачной жизни. Но въ семидесятыхъ годахъ сравнительное благополучіе ихъ пошатнулось. Уже въ 1871 году Тургеневъ писалъ своему другу И. И. Маслову (22-го мар. с. с.): „Анненковъ прислалъ мнѣ письмо моей дочери, которое все состоитъ изъ одного вопля, если она въ скорости не будетъ имѣть 40 тысячъ франковъ, то она съ мужемъ погибла. И потому я прошу тебя — не дорожиться съ имѣніемъ и, въ случаѣ нужды, уступить двѣ-три тысячи рублей, лишь бы поскорѣе получить деньги“ [2]). Эти деньги дали возможность Брюэру возобновить контрактъ по хрустальной фабрикѣ еще на 16 лѣтъ; но толку изъ этого однако вышло мало. Въ іюнѣ 1877 года Иванъ Сергѣевичъ сообщалъ своему брату: „Зять мой, мужъ моей дочери, до послѣдняго сантима просадилъ приданое моей дочери — и, вѣроятно, въ скоромъ времени принужденъ будетъ объявить себя банкротомъ, такъ что дочь моя и все ея семейство очутятся на моихъ рукахъ и я долженъ буду заботиться объ ихъ пропитаніи. Уже теперь я имъ выдаю пенсіонъ въ 4.000 франковъ“ [3]). Къ сожалѣнію, опасенія Тургенева сбылись, и мы читаемъ въ письмахъ его къ Полонскимъ (изъ Парижа) въ началѣ 1882 года: „На меня свалился кирпичъ въ видѣ окончательнаго разоренія моей дочери, необходимости ея развода съ мужемъ, а также для меня — продажа лошади, каретъ, картинъ и т. д.“ Черезъ мѣсяцъ онъ пишетъ: „Моя дочь, вмѣстѣ со своими двумя дѣтьми, принуждена была

1) „Новь.“, 1886 г., № 23, стр. 193; Русск. Старина“, 1885 г. сент. 499.

2) „Перв. собр. пис.“ 188.

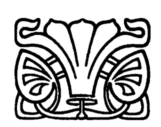
3) „Русск. Стар.“ 1885 г., сент. 502, дек. 619.

убѣжать отъ своего мужа, я долженъ былъ здѣсь ее прятать... Пошла возня съ адвокатами, стряпчими и т. д. Процессъ можетъ длиться годъ и слишкомъ; она съ дѣтьми должна скрываться; все, что она имѣла, пропало безвозвратно — можетъ быть, ей даже придется убѣжать навсегда изъ Франціи. Точно колесо меня схватило и начинаетъ втягивать въ машину. Это тѣмъ тяжеле, что, какъ вамъ извѣстно, особенной привязанности я къ ней никогда не чувствовалъ, и все, что я сдѣлалъ для нея до сихъ поръ и буду впередъ дѣлать, внушено мнѣ единственно чувствомъ долга" [1]). Тяжелое положеніе бѣднаго старика нѣсколько облегчилось лишь тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ дочь его вмѣстѣ съ дѣтьми скрылась юридически неизвѣстно куда, и въ бракоразводномъ процессѣ не представлялось болѣе надобности. Но это не могло избавить Тургенева отъ дальнѣйшихъ матеріальныхъ жертвъ въ пользу бѣглянки. Онѣ прекратились лишь со смертью Ивана Сергѣевича.

Полина не могла пріѣхать проститься съ тѣломъ отца, зато явился мужъ ея, чтобы заявить претензію на наслѣдство, оставшееся послѣ покойника, и попытаться судомъ отнять ту движимость, какую оставилъ Тургеневъ своему единственному и неизмѣнному другу П. Віардо [2]).

---

1) Перв. собр. писемъ 402, 407, 410.
2) „Русск. Стар.", 1885 г., авг. 320, „Перв. собр. пис.", 413.

VI.

И. С. Тургеневъ въ ссылкѣ.

(1852—1853 гг.)

Біографическая литература о Тургеневѣ гораздо охотнѣе говоритъ намъ по поводу ссылки автора „Записокъ Охотника“, чѣмъ о самой ссылкѣ; болѣе останавливается на причинахъ, чѣмъ на слѣдствіяхъ ея; занимается не столько Тургеневымъ, сколько окружавшей его обстановкой. Не удивительно поэтому, если мы не находимъ въ жизнеописаніяхъ Ивана Сергѣевича не только необходимыхъ, характерныхъ подробностей изъ времени, проведеннаго имъ въ изгнаніи, но и очень крупныхъ основныхъ фактовъ. Предлагаемый очеркъ имѣетъ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, при чемъ мы не касаемся здѣсь ни причинъ ссылки, ни обстоятельствъ, способствовавшихъ освобожденію Тургенева, какъ хорошо извѣстныхъ читателямъ.

После окончанія срока своего ареста при полиціи, Тургеневъ долженъ былъ отправиться на родину въ орловское имѣніе и жить тамъ „подъ присмотромъ“. Отъѣздомъ изъ столицы его, однако, не слишкомъ торопили: выпущенный на свободу 16-го мая, онъ только въ началѣ іюня былъ у себя въ Спасскомъ, хотя путь отъ Петербурга до Москвы совершилъ по желѣзной дорогѣ, открытой для публики еще за полгода до его ссылки (1-го ноября 1851 г.). Вотъ почему онъ успѣлъ до выѣзда перебывать у всѣхъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ и даже устроить чтеніе своей повѣсти „Муму“, написанной подъ арестомъ.

Литературный вечеръ состоялся на квартирѣ его дальняго родственника, небезызвѣстнаго въ свое время Александра Михайловича Тургенева, на Милліонной, въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, среди которыхъ было и нѣсколько молодыхъ литераторовъ [1]). Точно такъ же, проѣзжая Москвой, Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ время и тамъ повидаться со многими. Онъ даже совершилъ цѣлую экскурсію по кремлевскимъ древностямъ подъ руководствомъ, тогда еще молодого, начинающаго ученаго И. Е. Забѣлина, очень понравившагося Тургеневу своимъ „свѣтлымъ русскимъ умомъ и живою ясностью взгляда" [2]).

Весьма счастливой случайностью для опальнаго писателя было то обстоятельство, что въ началѣ того же 1852 года всѣ заботы по управленію имѣніями Ивана Сергѣевича взялъ на себя Н. Н. Тютчевъ, переселившійся для этой цѣли изъ Петербурга въ родовое гнѣздо Тургенева вмѣстѣ съ женою Александрой Петровной († 1883 г.), женщиной „умной, развитой и свободной духомъ", какъ характеризовалъ ее Анненковъ, со свояченицей и десятилѣтней, кажется единственной, дочерью, въ Спасскомъ и умершей. Тамъ близъ церкви долго была цѣла могилка съ каменнымъ четырехграннымъ небольшимъ памятникомъ, обнесеннымъ желѣзною рѣшеткой, на которомъ были высѣчены слова: „На семъ мѣстѣ почіетъ Ольга Тютчева" [3]).

Николай Николаевичъ Тютчевъ (род. въ 1815 г., умеръ 15-го декабря 1878 г.) окончилъ курсъ въ юрьевскомъ (тогда дерптскомъ) университетѣ въ 1841 году и поселился въ Петербургѣ, причислившись сначала къ министерству иностранныхъ дѣлъ, а потомъ поступивъ на службу переводчикомъ въ министерство финансовъ. Находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ, Тютчевъ въ началѣ 40-хъ годовъ тѣсно сблизился и съ Тургеневымъ, съ которымъ

---

1) „Русская Старина" 1885 г., кн. 9 (Записки Александра Михайловича Тургенева); Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки", III, 194.

2) „Вѣстн. Евр." 1894 г., январь, стр. 334 (Письма Тургенева къ Аксаковымъ).

3) „Русск. Вѣстн." 1885 г., кн. I, стр. 363 („Воспоминанія о Спасскомъ").

сохранилъ дружбу до самой смерти. Иванъ Сергѣевичъ всегда высоко цѣнилъ совѣты Тютчевыхъ, какъ въ житейскихъ, такъ и въ чисто-литературныхъ вопросахъ. Въ послѣднихъ, правда, они бывали иногда слишкомъ строги: такъ Тютчевы отговаривали печатать такія произведенія какъ „Отцы и дѣти“, „Призраки“, хотя эта требовательность и вытекала больше изъ недовѣрія къ критикѣ и читателямъ. Въ началѣ 1852 года Тютчевъ вышелъ въ отставку и до осени слѣдующаго 1853 года прожилъ въ Спасскомъ. Вернувшись въ столицу, онъ поступилъ на службу въ горный департаментъ; въ мартѣ 1855 года перешелъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства и, наконецъ, въ началѣ 1857 года въ департаментъ удѣловъ, гдѣ и служилъ до самой смерти, пройдя разныя должности до члена совѣта включительно.

Оставилъ по себѣ хорошую память не только, какъ умный образованный и добрый человѣкъ, но и какъ общественный дѣятель. Тютчевъ былъ составителемъ Положенія 5-го апрѣля 1856 года о ратникахъ государственнаго ополченія, считавшагося однимъ изъ провозвѣстниковъ крестьянской реформы; потомъ немало потрудился при составленіи положенія о государственныхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ крестьянахъ. Нѣсколько лѣтъ несъ обязанности казначея въ Литературномъ фондѣ и посвятилъ много заботъ Обществу для пособія слушательницамъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ [1]). Что касается собственно управленія имѣніями И. С. Тургенева, то оно не оставляло желать ничего лучшаго. По свидѣтельству одного изъ бывшихъ дворовыхъ Ивана Сергѣевича, впослѣдствіи ученаго агронома, Тютчевъ „улучшилъ лѣсную часть хозяйства, именно лѣсоохраненіе и лѣсовозращеніе, расширилъ скотоводство, возвысилъ плодородіе пахотныхъ полей и урожая хлѣбовъ, поддерживалъ крестьянъ въ ихъ кровныхъ нуждахъ и самое ихъ хозяйство, надѣливъ неимущія тягла рабочими лошадьми и племеннымъ скотомъ, словомъ, былъ въ отношеніи всѣхъ, какъ и самого себя, строгъ, справедливъ и энергиченъ, такъ

1) Сочинен. Кавелина, II, 1233—1237.

что заставлялъ крестьянъ бояться и уважать его“ [1]). Легко понять, какимъ нравственнымъ подспорьемъ было для изгнанника пребываніе семьи Тютчева въ Спасскомъ за время 1852—1853 г., особенно если принять въ разсчетъ, что въ орловской глуши едва-ли могло и найтись еще такое развитое и умное семейство, и что сосѣди-помѣщики вообще отнеслись къ поднадзорному писателю съ нѣкоторымъ опасеніемъ и недовѣріемъ. „Охъ, напрасно ты заводишь это знакомство“, — говорилъ старикъ Шеншинъ своему сыну-поэту, просившему лошадей въ Спасское къ Тургеневу: „вѣдь ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ подъ надзоромъ полиціи. Куда какъ неприглядно“ [2]).

Вторымъ важнымъ „рессурсомъ“, какъ тогда выражались, была для изгнанника его прекрасная деревенская библіотека, достигшая именно въ 50-хъ годахъ наибольшаго богатства и полноты. Такъ какъ она играла немалую роль не только во время ссылки Тургенева, но также въ общемъ развитіи его и въ литературномъ творчествѣ, то намъ слѣдуетъ сказать о ней нѣсколько словъ. Основаніе библіотекѣ было положено дѣдами Ивана Сергѣевича по женской линіи — Лутовиновыми; пополнялась его матерью и самимъ Тургеневымъ, который присоединилъ къ ней, между прочимъ, купленную имъ библіотеку Бѣлинскаго. Послѣдняя была особенно цѣнна собраніемъ русскихъ журналовъ 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ. Во время своей ссылки Тургеневъ получалъ сверхъ отдѣльныхъ изданій еще „Современникъ“ Некрасова, „Отечественныя Записки“ Краевскаго и „Москвитянинъ“ Погодина, оживленный къ тому времени вступленіемъ въ составъ редакціи Островскаго, Ап. Григорьева, Писемскаго и др. Кромѣ журналовъ видное мѣсто занимали въ библіотекѣ Ивана Сергѣевича философскія знаменитости XVIII и первой половины XIX вѣка: Вольтеръ, Монтескье, Кондильякъ, Даламберъ, Гегель, Шлейермахеръ, Фейербахъ и другія. Очень богатъ былъ отдѣлъ исторіи, гдѣ имѣлись также изданія въ родѣ „Древней вивліоѳики“ Новикова. Не менѣе полны были собранія книгъ по географіи и есте-

1) „Русск. Вѣстн.“ 1885 г., кн. I, стр. 363.
2) Фетъ. „Мои воспом.“, I, 5.

ственной исторіи; въ послѣднемъ была между прочимъ и многотомная „Histoire naturelle“ Бюффона. Но первое мѣсто занимала все же изящная литература почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ [1]).

Разбирая старыя книги своей библіотеки, Тургеневъ изучалъ между прочимъ по нимъ, какое чтеніе интересовало нашихъ предковъ, степныхъ помѣщиковъ XVIII и начала XIX вѣка. Результаты его наблюденій мы безпрестанно находимъ въ его повѣстяхъ. Иванъ Матвѣевичъ Колтовской („Несчастная“), жившій въ Парижѣ до революціи, бывавшій въ Тріанонѣ у Маріи Антуанеты, читалъ до самой смерти исключительно Мабли, Реналя, Гельвеція, мемуары Сенъ-Симона, переписку Вольтера, энциклопедистовъ. Ѳомушка („Новь“), хотя и хранилъ въ завѣтномъ ящикѣ рукописный переводъ Кандида, но съ Ѳимушкой читалъ больше „Пріятное препровожденіе времени“, „Зеркало Свѣта“, „Аонидъ“. Сверстницы Ѳимушки въ молодые дѣвичьи годы читали романы въ родѣ „Похожденій маркиза Глаголя“, „Фанфана и Лолоты“, „Алексиса или Хижины въ лѣсу“ („Три портрета“). Харловъ („Степной король Лиръ“) интересовался между прочимъ „Покоющимся трудолюбцемъ“ 1785 г. и т. д. Рукописный „Кандидъ“, „Алексисъ или Хижина въ лѣсу“ упоминаются вторично въ разсказѣ „Фаустъ“ и въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Всѣ эти книги несомнѣнно имѣлись въ Спасской библіотекѣ, какъ имѣлись въ ней и знаменитые „Символы и эмблемы“ Максимовича-Амбодика, составлявшіе предметъ дѣтской любознательности маленькаго Лаврецкаго („Дворянское гнѣздо“).

Всего насчитывалось въ Тургеневскомъ книгохранилищѣ болѣе пяти тысячъ томовъ. Размѣщены они были въ большихъ шкапахъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ довольно обширной и свѣтлой комнаты, посреди которой стоялъ бильярдъ. Библіотека Ивана Сергѣевича нѣсколько разъ приводилась въ порядокъ; особенно потрудился надъ этимъ въ началѣ 70-хъ годовъ старичекъ-землемѣръ Д. И. Брюхановъ, который производилъ размежевку имѣній Тургенева и затѣмъ

---

1) „Нива“ 1883 г., стр. 1006 (Воспомин. Е. Гаршина); „Истор. Вѣстн.“ 1898 г., сент., стр. 914 (Воспоминан. М. А. Щепкина).

прожилъ у него около пяти лѣтъ. Брюхановымъ же былъ составленъ и обстоятельный каталогъ. Несмотря на то, что Иванъ Сергѣевичъ любилъ, берегъ свою библіотеку и гордился ею, количество книгъ въ ней стало замѣтно убывать съ начала ежегодныхъ продолжительныхъ отлучекъ хозяина за границу, т. е. съ конца 50-хъ годовъ. Немало изданій было похищено, нерѣдко и самъ Иванъ Сергѣевичъ раздавалъ ихъ. Среди похищенныхъ оказывались иногда очень рѣдкія, какъ, напримѣръ, изданіе Овидія XVIII вѣка съ гравюрами. Изъ подаренныхъ встрѣчаемъ указанія на старинную „Книгу о китайскихъ законахъ“, на корректурный экземпляръ „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича съ поправками переводчика, пожертвованные въ Императорскую Публичную библіотеку. Писательницѣ Е. И. Бларамбергъ (Ардовъ) онъ подарилъ, напримѣръ, рѣдкое собраніе сочиненій Жоржъ-Зандъ 1838 года и т. д.[1])

Пріѣхавъ въ началѣ іюня въ Спасское, Тургеневъ поселился во флигелѣ, поставленномъ позади большого дома и состоявшемъ изъ двухъ просторныхъ и трехъ — четырехъ небольшихъ комнатъ. Главный же домъ былъ занятъ семьей Тютчева, куда Иванъ Сергѣевичъ приходилъ обѣдать и коротать время, свободное отъ занятій и охотничьихъ экскурсій. Безъ сомнѣнія, для Тургенева нашлось бы мѣсто и здѣсь, но было одно обстоятельство, не благопріятствовавшее этому. Ко времени ссылки Ивана Сергѣевича относится романическій эпизодъ его съ дворовой дѣвушкой Ѳеоктистой, сближеніе съ которой началось еще въ 1851 году.

Объ этомъ увлеченіи Тургенева мы знаемъ еще менѣе, чѣмъ о связи его съ Ивановой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Калугина. Нѣкоторыя подробности находимъ лишь въ воспоминаніяхъ Берга, къ которымъ, впрочемъ, надо относиться съ осторожностью. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія другихъ свидѣтельствъ, необходимо привести здѣсь его разсказъ: „Въ Москвѣ жилъ въ то время дядя Ивана Сергѣевича, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, когда-то

1) „Нива“ 1884 г., стр. 86; „Сѣверн. Вѣстн.“, 1888 г., № 10, стр. 169; „Русск. Вѣдом.“ 1904 г., № 25.

кирасиръ, человѣкъ уже не молодой, но хорошо сохранившійся. Онъ былъ тоже помѣщикъ Орловской губерніи. Недурное имѣніе давало ему возможность жить довольно открыто и собирать къ себѣ по вечерамъ, въ иные дни, кружокъ знакомыхъ, — болѣе всего видной и хорошо устроенной молодежи. Дѣлалось это для двухъ взрослыхъ дочерей...

На этихъ вечерахъ появлялась временами племянница хозяина, той же фамиліи, Елизавета Алексѣевна Тургенева, очень миловидная блондинка, лѣтъ 15—16, также орловская помѣщица. Будучи сиротой, она самостоятельно управляла своей небольшой деревенькой, которая была для нея все: и средства къ жизни, и костюмы на выѣзды къ дядюшкѣ и куда случится, и приданое. Оттуда же получалась зимою всякая провизія: мука, крупа, свиныя туши, мерзлыя индѣйки, гуси, утки, куры... а равно и необходимая въ домѣ прислуга. Въ числѣ послѣдней находилась дворовая дѣвушка, Ѳеоктиста, которую, по тогдашнимъ обычаямъ, никто не называлъ полнымъ именемъ, начиная отъ ея барыни и кончая ея родней, даже — нѣкоторыми ближайшими знакомыми: для всѣхъ она была Ѳетистка.

Въ первую минуту въ ней не усматривалось ничего ровно: сухощавая, недурная собой брюнетка — и только. Но чѣмъ болѣе на нее глядѣли, тѣмъ болѣе отыскивалось въ чертахъ ея продолговатаго, немного смуглаго личика чего-то невыразимо-привлекательнаго и симпатичнаго. Иногда она такъ взглядывала, что не оторвался бы... Стройности она была поразительной, руки и ноги у нея были маленькія; походка гордая, величественная. Не одинъ изъ гостей Елизаветы Алексѣевны, разсматривая ея горничную, невольно думалъ: откуда въ ней все это взялось?... Ни съ какой стороны не напоминала она дѣвичью и дворню. Прибавимъ къ этому, что ея барыня, сама изящная, съ большимъ вкусомъ и соображеніемъ, умѣла отличать свою Ѳетистку отъ всѣхъ другихъ служанокъ и одѣвала, какъ барышню.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ заглянулъ какъ-то къ кузинѣ, отъ нечего дѣлать. Ѳетистка произвела на него сразу очень сильное впечатлѣніе. Онъ сдѣлалъ, въ скоромъ времени, еще визитъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Ѳетистка еще болѣе

ему понравилась. Онъ сталъ бывать у кузины часто — и влюбился въ ея горничную по уши. Онъ говоритъ въ одномъ своемъ разсказѣ, что „когда одна горничная входила при немъ въ комнату, онъ готовъ былъ броситься къ ея ногамъ и покрыть ея башмаки поцѣлуями“... Немного нужно было думать тогдашнему богатому помѣщику, чтобы додуматься до прозаической мысли: „а что, если я куплю эту дѣвочку?“ Теперь это звучитъ какъ-то странно и дико; тогда — не звучало... никакъ; не казалось дикимъ даже и образованному русскому человѣку, знакомому съ Европой и ея условіями жизни. Не было дико и для изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи; а если и было, то всетаки не до такой степени, чтобы онъ въ тѣ страстныя минуты отказался отъ своихъ правъ. Довольно скоро Иванъ Сергѣевичъ повелъ съ кузиной „прозаическій разговоръ“, котораго она съ часу на часъ ожидала и потому достаточно къ нему приготовилась. Кузенъ услышалъ отъ нея такой кушъ, что, несмотря на свою влюбленность, былъ нѣсколько озадаченъ. Кузина замѣтила при этомъ, что „собственно ей не слѣдовало бы разставаться съ Ѳетисткой; что это такая горничная, какой она уже не найдетъ... но бываютъ въ жизни обстоятельства, когда дѣлаешь многое противъ сердца. При томъ она полагаетъ, даже увѣрена вполнѣ, что Ѳетисткѣ, на новомъ мѣстѣ, хуже не будетъ — и это успокоиваетъ ея совѣсть“. Потолковали еще немного — и дѣло кончилось на семистахъ рубляхъ: цѣна большая, такъ какъ дворовыя дѣвки продавались тогда рублей по 25, 30 и не шли далѣе 50. Послѣдняя цыфра даже считалась „сумашествіемъ“. Деньги были тутъ же отданы, а на другой или на третій день Ѳетистка, обливаясь слезами, перебралась на квартиру Ивана Сергѣевича, который ей признался тутъ же, что „очень ее любитъ и постарается сдѣлать счастливой“. Что онъ ее любитъ — Ѳетистка давно знала, но въ счастье съ нимъ не вѣрила. Ей, какъ рабѣ, надо было примириться поскорѣе со всѣми охлаждающими мыслями и дѣлать то, что прикажетъ „новый баринъ“. А новый баринъ накупилъ ей сейчасъ же всякихъ богатыхъ матерій, одеждъ, украшеній, бѣлья изъ тонкаго полотна, посадилъ ее въ карету и отправилъ въ Спасское; а потомъ пріѣхалъ туда и самъ.

Прошелъ идиллическій годъ... можетъ, и меньше... новый баринъ Ѳетистки началъ сильно скучать. Въ предметѣ его страсти оказались большіе недостатки; прежде всего — страшная неразвитость. Она ничего не знала изъ того, что не худо было бы знать, находясь въ такихъ условіяхъ жизни, въ какія она нечаянно попала. Съ нею не было никакой возможности говорить ни о чемъ другомъ, какъ только о сосѣдскихъ дрязгахъ и сплетняхъ. Она была даже безграмотна! Иванъ Сергѣевичъ пробовалъ было, въ первые медовые мѣсяцы (когда съ нею почти не разставался), поучить ее читать и писать, но увы! это далеко не пошло: ученица его смертельно скучала за уроками, сердилась... Потомъ явились на сцену обыкновенные припадки „замужнихъ женщинъ", а вслѣдъ затѣмъ произошло на свѣтъ прелестное дитя... Мы забѣжимъ впередъ и скажемъ читателямъ, что это была та знаменитая Ася, которая извѣстна всей образованной Россіи". („Истор. Вѣстн." 1883 г., ноябрь, стр. 372).

Въ этомъ нѣсколько развязномъ разсказѣ прежде всего необходимо сдѣлать слѣдующія поправки. Авторъ „Записокъ Охотника" покупалъ людей только для того, чтобы отпустить ихъ на волю, т. е. выкупалъ ихъ. Близкія отношенія Тургенева съ Ѳеоктистой прекратились дѣйствительно скоро, вмѣстѣ съ ссылкой, но Иванъ Сергѣевичъ не забывалъ ея и тогда, когда она впослѣдствіи вышла замужъ за одного чиновника. Дѣтей отъ нея онъ не имѣлъ. Выкупивъ Ѳеоктисту, Тургеневъ увезъ ее сначала съ собою въ Петербургъ, а потомъ уже переѣхалъ съ нею въ Спасское[1].

Романическій эпизодъ, продолжавшійся все время изгнанія Ивана Сергѣевича, оставилъ замѣтные слѣды въ его творчествѣ. Не останавливаясь на бѣгло обрисованномъ образѣ матери Аси, въ разсказѣ того же имени, упорно отказывавшейся выйти замужъ за своего барина, отца своей дочери, вспомнимъ мать Лаврецкаго, эту скромную и умную дворовую дѣвушку, привязавшуюся къ молодому помѣщику „всею силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ

1) Перв. собр. пис., 118—119.

привязываться“, и быстро погибшую въ условіяхъ законной жены своего барина. Съ какимъ сочувствіемъ описано положеніе бѣдной женщины въ новой, совершенно непривычной для нея и неподатливой до суровости обстановкѣ. Какая неподдѣльная грусть слышится въ прощальныхъ словахъ автора надъ могилой Маланьи Сергѣевны: „Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ выхваченное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ“. Вспомнимъ другой типъ въ томъ же „Дворянскомъ гнѣздѣ“ — няню Лизы Калитиной, тоже бывшую возлюбленной своего господина. Не ея покорность и умѣнье переносить испытанія послѣ щегольства въ шелкахъ и бархатѣ, не ея внѣшняя красота и страстность характера привлекаютъ читателя. Нравственная стойкость и душевная чистота, уцѣлѣвшая и даже закалившаяся съ годами — вотъ что примиряетъ съ нею, вызываетъ къ ней дѣйствительное уваженіе. Недаромъ Иванъ Сергѣевичъ ее именно сдѣлалъ воспитательницею единственнаго по своей высотѣ образа Лизы. Вспомнимъ, наконецъ, скромную, тихую, любящую Ѳеничку въ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Обратимъ вниманіе на отношенія къ ней Николая Петровича, сблизившагося съ нею уже во время своего поздняго вдовства, послѣ смерти жены, потерю которой онъ едва перенесъ... Особенно характерно обрисовываются эти отношенія въ той сценѣ романа, гдѣ Николай Петровичъ, весь погруженный въ дорогія воспоминанія, былъ внезапно отвлеченъ отъ нихъ возгласомъ молодой женщины: „Николай Петровичъ, гдѣ вы? Онъ вздрогнулъ. Ему не стало ни больно, ни совѣстно... Онъ не допускалъ даже возможности сравненія между женой и Ѳеничкой, но онъ пожалѣлъ о томъ, что она вздумала его отыскивать. Ея голосъ разомъ напомнилъ ему: его сѣдые волосы, его старость, его настоящее... Волшебный міръ, въ который онъ уже вступалъ, который уже возникалъ изъ туманныхъ волнъ прошедшаго, шевельнулся — и исчезъ. Я здѣсь, — отвѣчалъ онъ: — я приду, ступай. „Вотъ они, слѣды-то барства“, мелькнуло у него въ головѣ“.

Мы не знали бы этихъ типовъ, Тургеневъ не раскрылъ

бы намъ характерныхъ фактовъ въ интимныхъ отношеніяхъ между русскимъ бариномъ съ одной стороны и простой дѣвушкой, обыкновенно ему подневольной — съ другой, русская литература не имѣла бы всѣхъ этихъ удивительныхъ страницъ, если бы не было Ѳеоктисты и увлеченія ею со стороны „образованнаго русскаго человѣка, знакомаго съ Европой“, со стороны „изящнаго поклонника и друга Віардо-Гарсіи“. Юношеская связь Ивана Сергѣевича съ Авдотьей Ермолаевной Ивановой (Калугиной) не могла отразиться замѣтно въ указанной области его творчества, — слишкомъ кратковременнымъ было то увлеченіе и слишкомъ молодъ и несамостоятеленъ былъ тогда самъ Тургеневъ.

Пріѣхавъ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ до октября, т. е. почти четыре мѣсяца, предавался полному отдыху, въ чемъ онъ несомнѣнно нуждался послѣ пережитыхъ волненій. „Я все лѣто рѣшительно не бралъ въ руки ни пера, ни книги“, писалъ онъ 16-го октября К. С. Аксакову. До Петрова дня (29-го іюня), т. е. до начала охоты, Тургеневъ еще перечитывалъ сочиненія Гоголя, косвеннаго виновника своей ссылки, да „Записки ружейнаго охотника“ Аксакова, о которыхъ помѣстилъ коротенькую замѣтку въ майской книгѣ „Современника“, послужившую какъ бы программой для его большой рецензіи на ту же тему. Но, напримѣръ, изъ перваго тома „Московскаго сборника“, изданнаго И. С. Аксаковымъ во время петербургскаго ареста Тургенева, послѣднему удалось прочесть „только стихотворенія“. А вѣдь какъ внимательно слѣдилъ онъ за литературными новостями! Замѣтимъ кстати, что о стихотворномъ отдѣлѣ этого сборника Иванъ Сергѣевичъ далъ слѣдующій любопытный отзывъ въ письмѣ къ Аксаковымъ отъ 6-го іюня: „Пѣсни[1]) удивительны, достойны стать наравнѣ съ пѣснями въ собраніи Кирши Данилова; стихотвореніе Хомякова[2]) — очень звонко, читается ore rotundo, какъ говаривали въ старину — но и

1) Изъ приготовляющагося къ изданію собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго.

2) „Мы родъ избранный—,говорили Сіона дѣти въ старину“ и т. д.

только; не грѣетъ и не язвитъ. Вашъ „Бродяга“, любезный И. С., благородная, славная вещь; жаль только, что напряженность не мысли, а формы, вредитъ иногда впечатлѣнію. Ваши стихи имѣютъ всѣ качества поэзіи, кромѣ того тонкаго, неуловимаго — того запаха, которымъ дышитъ, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья въ наше сухое, трудное и горькое время? Спасибо вамъ и за то, что вы намъ дали“.

Съ наступленіемъ охотничьей поры Иванъ Сергѣевичъ забросилъ не только книги, но и переписку съ друзьями. Семнадцатаго октября онъ сообщаетъ С. Т. Аксакову, что послѣднее письмо къ нему онъ послалъ 7-го іюня. Почти такой же перерывъ произошелъ въ сношеніяхъ и съ другими корреспондентами. Охотничьи экскурсіи всецѣло поглотили Тургенева до 1-го октября. „Я на свое ружье убилъ въ теченіе нынѣшняго года (лѣта) 304 штуки“, — писалъ онъ старику Аксакову: „а именно 69 вальдшнеповъ, 66 бекасовъ, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепеловъ, 16 зайцевъ, 11 коростелей, 8 курочекъ, 4 утки, 1 гаршнепа, 1 кулика. Мои два охотника убили около 500. Эти числа кажутся велики — но, принявъ въ соображеніе, какъ много и какъ далеко я ѣздилъ, нельзя сказать, чтобы я охотился удачно. Я ѣздилъ за тетеревами въ Козельскъ и Жиздру, за болотной дичью — въ Карачевъ и Епифань“. Другими словами — Тургеневъ дѣлалъ поѣздки верстъ на 150 отъ дому въ сосѣднія губерніи. „Конечно, въ старые годы я убивалъ, на свое одноствольное ружье, до 1200 штукъ“, отвѣчалъ ему Аксаковъ: „но это было въ Оренбургской губерніи, и число благородной дичи не превышало 300 штукъ; утки и кулики всѣхъ породъ составляли 600—700 штукъ, а у васъ ихъ почти совсѣмъ нѣтъ“.

Эти охотничьи увлеченія сказались между прочимъ и въ статьѣ Ивана Сергѣевича о „Запискахъ ружейнаго охотника“ Аксакова. Съ перваго слова до послѣдняго она дышитъ свѣжими, не остывшими еще впечатлѣніями пережитыхъ сладкихъ волненій. „Въ теченіе нынѣшняго лѣта“, такъ начинаетъ авторъ ее: „вы не однажды напоминали мнѣ, любезный Николай Алексѣевичъ (Некрасовъ), обѣщаніе мое поговорить подробнѣе въ вашемъ журналѣ о прекрасной

книгѣ С. Аксакова; я до нынѣшняго дня не могъ сдержать своего слова, какъ настоящій охотникъ — охотникъ душою и тѣломъ — я почти все это время не выпускалъ ружья изъ рукъ, а до пера не касался вовсе". Кончаетъ же онъ свою рецензію словами царя Алексѣя Михайловича: „Будете охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія".

Внезапно и круто наступившая зима засыпала снѣгомъ еще свѣжую, неуспѣвшую увянуть зелень березъ и тополей. „Охоту мою она отрубила, какъ топоромъ", жаловался Тургеневъ. Перваго октября еще было множество вальдшнеповъ, а третьяго съ утра поднялась снѣговая вьюга, которая и покрыла прочно землю „рѣзко-бѣлой, мертвой, снѣговой скатертью". Интересно, что эта столь рано наступившая зима была первой и послѣдней, проведенной Иваномъ Сергѣевичемъ въ деревнѣ. И позже и ранѣе онъ проживалъ зимніе мѣсяцы въ столицахъ или въ чужихъ краяхъ. Если бы не ссылка, Тургеневу такъ и не пришлось бы узнать русской деревенской зимы. И замѣчательно, что не въ примѣръ другимъ великимъ нашимъ писателямъ, не въ примѣръ своему учителю Пушкину, Иванъ Сергѣевичъ болѣе чѣмъ равнодушно относился къ своеобразнымъ красотамъ зимы, почти не любилъ ея, отдавая всѣ свои симпатіи веснѣ, лѣту и ранней осени. Эта нелюбовь сказывалась и въ его литературныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ началѣ статьи о „Запискахъ ружейнаго охотника" Аксакова, и въ письмахъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ. Альфонсъ Додэ свидѣтельствуетъ о послѣднемъ: „онъ говорилъ намъ (французскимъ друзьямъ) не о Россіи Наполеоновской зимы, ледяной, исторической, условной, но о Россіи въ лѣтнюю пору, когда спѣлая пшеница и цвѣты смѣняли снѣжныя метели, о Малороссіи, странѣ степей, солнцѣ, травѣ, пчелѣ. И такъ какъ мы всегда приноравливаемъ слышанный нами разсказъ къ какому-нибудь мѣсту, то русская жизнь изъ разсказовъ Тургенева представлялась мнѣ жизнью въ алжирскомъ помѣстьѣ, окруженномъ хижинами" 1). Если нѣкоторые ино-

1) „Иностранная критика о Тургеневѣ", стр. 207.

странцы, какъ, напримѣръ, Абу или Гонкуръ, и вспоминали съ удовольствіемъ описанія зимы, слышанныя отъ Ивана Сергѣевича, такъ этимъ они свидѣтельствовали не о Тургеневскомъ, а о своемъ личномъ интересѣ къ снѣгу, къ сѣверной стужѣ, воображая, напримѣръ, что русскіе мужики подвержены чуть ли не зимней спячкѣ, какъ медвѣди; да Тургеневъ и не умѣлъ разсказывать неинтересно о чемъ бы то ни было.

Всѣ описанія зимней природы въ сочиненіяхъ Ивана Сергѣевича, если не считать его небольшого стихотворенія „Первый снѣгъ“, свободно помѣстятся на одной печатной страницѣ. Изъ нихъ наиболѣе цѣльными, законченными, несмотря на свою краткость, являются описаніе зимней ночи въ „Двухъ пріятеляхъ“ (возвращеніе героевъ разсказа съ перваго визита къ Барсуковымъ) и замѣчательно красивая картина январскаго морознаго дня въ началѣ 28-й главы „Отцовъ и дѣтей“. Охота еще могла бы примирить Тургенева съ снѣжными ландшафтами, возбудить къ нимъ поэтическое сочувствіе, но Иванъ Сергѣевичъ никогда не былъ зимнимъ охотникомъ. Онъ только „для порядку“ въ своемъ этюдѣ „Лѣсъ и степь“ среди картинъ весенней и осенней природы бросилъ нѣсколько строчекъ: „А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ острымъ воздухомъ, невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣтомъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ“!.. На самомъ дѣлѣ ему не приходилось „ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами“. Онъ писалъ 22-го января 1853 года С. Т. Аксакову: „Егеря мои колотятъ множество зайцевъ — я очень зябокъ и на эту охоту не хожу. Кормятся у меня двѣнадцать куропатокъ, въ мартѣ выпущу ихъ на разводъ. На-дняхъ послалъ охотника въ степную деревню съ порученіемъ поймать и привести еще“. И такъ вмѣсто зимней охоты — откармливанье дома куропатокъ.

Но чего Тургеневъ положительно не выносилъ, что наводило на него уныніе и тоску, такъ это осеннія и зимнія бури. „Сегодня здѣсь такая метель“, писалъ онъ въ концѣ октября 1852 года Некрасову: „какой я давно не видывалъ. Какая ярость въ этомъ вихрѣ, этого описать нельзя, кажется,

ему хотѣлось бы сорвать долой все. Въ воздухѣ мутная и безумная кутерьма, завыванье, судорожные порывы... Чортъ знаетъ, что такое! Вотъ тутъ и живи въ деревнѣ". А въ письмѣ къ С. Т. Аксакову изъ своей ссылки онъ такъ жаловался разъ на осеннюю непогоду: „Вѣтеръ такіе выводитъ переливы, что невозможно не воскликнуть иногда невольно: фу! какъ гадко и скучно, и холодно, и непріязненно жить на землѣ! Точно та „волшебница" зима, о которой говорилъ Пушкинъ, выслала впередъ свою злую дворную собаку — и сидитъ она, и воетъ передъ каждымъ домомъ, возвѣщая прибытіе своей хозяйки и злобно скучая о ней. Вотъ — вотъ вишь какъ высоко забираетъ! Надо встряхнуться и думать о другомъ" [1]).

Съ прекращеніемъ охоты Иванъ Сергѣевичъ, „какъ пьяница послѣ запоя (по его выраженію), возвратился опять къ человѣческимъ чувствамъ и понятіямъ" и съ усиленнымъ рвеніемъ предался литературной работѣ. Шесть мѣсяцевъ, съ начала октября до конца марта, онъ почти не отрывался отъ письменнаго стола, почему внѣшняя жизнь его за этотъ періодъ была очень бѣдна, гораздо бѣднѣе и однообразнѣе послѣдующихъ мѣсяцевъ изгнанія. „Я еще не умеръ", шутливо писалъ Тургеневъ Краевскому 15-го ноября: „но глубокое уединеніе, въ которомъ я живу, даетъ мнѣ нѣкоторое понятіе о той тишинѣ, которая насъ ожидаетъ за гробомъ. Впрочемъ, я не жалуюсь. Я ни одного мгновенья до сихъ поръ не чувствовалъ скуки, работаю и читаю". Эта тишина и уединеніе прерывались очень рѣдко. На рождественскихъ праздникахъ его позабавили маскарады, устроенные дворовыми людьми; „а фабричные съ бумажной фабрики брата", писалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову: „пріѣхали за 15 верстъ и представили какую-то ими самими сочиненную разбойничью драму. Уморительнѣе этого ничего невозможно было вообразить; роль главнаго атамана исполнялъ одинъ фабричный, а представителемъ закона и порядка былъ одинъ молодой мужикъ; тутъ былъ и хоръ вродѣ древняго, и женщина, поющая въ теремѣ, и

1) „Русск. Мысль" 1902 г., янв., 116; „Вѣстн. Евр." 1894 г., февраль, 477.

убійства, и все, что хотите; языкъ представлялъ смѣшеніе народныхъ пѣсенъ, фразъ à la Marlinski и даже стиховъ изъ „Дмитрія Донского"! Я когда-нибудь опишу это по подробнѣе. Впрочемъ, эту драму сочинили, какъ я потомъ узналъ, не фабричные; ее занесъ какой-то прохожій солдатъ". Масляницу Тургеневъ пробылъ въ Орлѣ и „насмотрѣлся губернской жизни. Этюдъ не дурной", писалъ онъ 6-го марта Панаеву. Изъ Орла заѣзжалъ къ П. В. Кирѣевскому „и провелъ у него часа три. Это человѣкъ хрустальной чистоты и прозрачности, его нельзя не полюбить", сообщалъ Иванъ Сергѣевичъ С. Т. Аксакову.

Изъ друзей никто не навѣстилъ изгнанника въ эту зиму. Лишь въ началѣ января 1853 года къ Тургеневу въ Спасское заѣзжалъ К. Н. Леонтьевъ (1831—1891), впослѣдствіи авторъ интересныхъ романовъ и повѣстей и видный публицистъ, а тогда двадцати-двухлѣтній студентъ московскаго университета. Тургеневъ познакомился съ нимъ въ Москвѣ въ 1851 году, когда Леонтьевъ обратился къ нему за совѣтомъ и помощью въ своихъ литературныхъ начинаніяхъ и планахъ, возбудившихъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ живой интересъ. Какъ видно изъ писемъ послѣдняго, симпатіи его къ Леонтьеву съ особенной силой проявлялись именно за время ссылки. Съ другой стороны и по признанію будущаго публициста Тургеневъ только въ ту пору имѣлъ на него рѣшительное вліяніе. „Онъ (Тургеневъ) наставилъ и вознесъ меня, — именно вознесъ; меня нужно было тогда вознести хотя бы только для того, чтобы поставить на ноги", писалъ Леонтьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]).

Иванъ Сергѣевичъ въ то время былъ еще увѣренъ, что изъ его молодого друга выработается романистъ-художникъ. „Я считаю васъ очень способнымъ къ роману или повѣсти", писалъ онъ ему изъ своей ссылки 6-го октября 1852 года: „Это ваше настоящее поприще. Вашъ тонкій, граціозный, иногда болѣзненный, но часто вѣрный и сильный анализъ тутъ у мѣста". Замѣченные же Тургеневымъ недостатки въ творчествѣ молодого писателя могли быть,

1) „Русск. Вѣстн." 1888 г., мартъ, стр. 280.

по мнѣнію Ивана Сергѣевича, легко исправленными. Главный, основной изъ нихъ такъ охарактеризованъ Тургеневымъ въ письмѣ отъ 12-го декабря того же 1852 года: „Мнѣ кажется, что вашему таланту, при всей его тонинѣ и ранней выработкѣ недостаетъ, не скажу — здоровья, а силы и той ясности, которая нѣмцами зовется очень удачно: Heiterkeit". „Старайтесь быть какъ можно проще и яснѣе въ дѣлѣ художества", писалъ онъ ему позднѣе: „ваша бѣда — какая-то запутанность, хотя вѣрныхъ, но уже слишкомъ мелкихъ мыслей, какое-то не нужное богатство заднихъ представленій, второстепенныхъ чувствъ и намековъ". Это общее наблюденіе пояснилъ Иванъ Сергѣевичъ на частномъ примѣрѣ, именно на разборѣ повѣсти Леонтьева „Второй бракъ" [1]) (письмо отъ 16-го февраля 1860 г. изъ Петербурга): „Повѣсть ваша не дурна, читается легко, но не болѣе: задумана она умно, съ стремленіемъ къ простотѣ и ясности, лица правдивы, но жизненности, красоты, движенія мало; все это замѣнено какимъ-то авторскимъ игривымъ, часто вычурнымъ хитродушіемъ; авторъ, видимо, рисуетъ, старается и самъ подсмѣивается, а вь результатѣ выходитъ что-то холодное, безкровное и блѣдное. Вашъ умъ много работалъ; вы, видимо, прошли сквозь довольно разнообразный духовный опытъ, вы созрѣли, но художникъ ли вы? На этотъ вопросъ, кладя руку на сердце и взвѣшивая свои слова, не могу отвѣчать ни да, ни нѣтъ. Мнѣ бы очень было жалко, если бы слова мои помѣшали вамъ писать; я бы себѣ этого не простилъ: продолжайте работать; можетъ быть, вы овладѣете, наконецъ, собою, своими силами, ясно поймете свое призваніе; но пока у васъ не будутъ выходить живые образы, никакими тонкостями и умными замѣчаніями и подмѣтками дѣлу не пособить. Почему бы вамъ не попробовать писать критическіе и эстетическіе этюды? На это, я увѣренъ, у васъ есть всѣ данныя". Въ 1860 году Тургеневъ еще колебался произнести окончательный приговоръ относительно художественнаго таланта Леонтьева. Не то видимъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ нему отъ 4-го (16-го) мая 1876 года.

1) Напечатана въ 4-й кн. „Библіотеки для чтенія" 1860 г.

изъ Парижа: „Такъ какъ вамъ угодно знать мое мнѣніе о вашей литературной дѣятельности, то позволю себѣ высказать его вамъ въ двухъ словахъ. Я сожалѣю, что, пользуясь вашимъ положеніемъ на Востокѣ и близкимъ знакомствомъ съ чуждою намъ жизнью, вы не обратили вашихъ замѣчательныхъ способностей на составленіе ученыхъ, этнографическихъ или историческихъ сочиненій, которыя доставили бы вамъ видное и почетное мѣсто въ нашей словесности. Такъ называемая беллетристика, мнѣ кажется, не есть ваше настоящее призваніе; несмотря на вашъ тонкій умъ, начитанность и владѣніе языкомъ, ваши лица являются безжизненными. Я могу ошибаться и первый готовъ рукоплескать тому успѣху вашего романа [1]), о которомъ вы говорите въ своемъ письмѣ. Къ сожалѣнію, я его не прочелъ“ [2]). Что же касается публицистической дѣятельности Леонтьева, то сочувствовать ей Тургеневъ не могъ. Слишкомъ близко подходила она по своимъ тенденціямъ къ крайнему славянофильству. Кромѣ того въ пылу журнальной полемики Леонтьевъ нападалъ въ редактируемомъ имъ „Варшавскомъ Дневникѣ“ на Ивана Сергѣевича при столкновеніяхъ послѣдняго съ Б. Маркевичемъ (иногороднымъ обывателемъ) и съ Катковымъ (на Пушкинскомъ праздникѣ) [3]). Послѣ поѣздки своей въ Спасское къ опальному Тургеневу, Леонтьевъ встрѣтился съ нимъ разъ или два только весною 1861 года въ Петербургѣ [4]). Послѣ же 1876 года между ними прекратилась и переписка.

Насколько въ зимніе мѣсяцы до 20-хъ чиселъ марта 1853 года жизнь Тургенева по внѣшности была тиха, настолько съ этого времени она сдѣлалась тревожной и подвижной. Лишь болѣзненное состояніе, на которое онъ временами жаловался, заставляло его оставаться дома на болѣе

---

1) „Воспоминанія Одиссея Полихроніадеса, загорскаго грека“ („Русск. Вѣстн.“, 1875 г., кн. 6—8; 1876 г, кн. 1—3).

2) См. письма Тургенева къ Леонтьеву въ „Русск. Мысли“, 1886 г., кн. 12 стр. 69, 70, 77 и 87.

3) К. Леонтьевъ: „Востокъ, Россія и славянство“, II, стр. 52 и слѣд., 149 и слѣд.

4) „Русск. Вѣстн.“, 1892 г., кн. 4, стр. 269. „К. Н. Леонтьевъ“, статья А. А. Александрова.

долгій срокъ, чѣмъ онъ того желалъ бы. Кончивъ главную свою литературную работу, о которой скажемъ дальше, Иванъ Сергѣевичъ 22-го марта, запасшись подложнымъ паспортомъ на имя какого-то мѣщанина, покинулъ Спасское и неожиданно явился въ Москвѣ, чѣмъ сильно напугалъ своихъ пріятелей, знавшихъ изъ писемъ самого Тургенева, что въ январѣ ему было отказано министромъ внутреннихъ дѣлъ даже въ просьбѣ посѣтить собственныя свои деревни, лежащія внѣ Орловской губерніи. Само собой разумѣется, что визитъ этотъ сохраненъ былъ въ свое время въ глубокой тайнѣ. Рискованная затѣя Тургенева, вѣроятно, имѣла связь съ артистической поѣздкой П. Віардо въ Россію. Знаменитая пѣвица выступала въ этотъ сезонъ вмѣстѣ съ Маріо, Лаблашемъ, Ронкони и Тамберликомъ въ „Сомнамбулѣ“, „Севильскомъ цирульникѣ“, „Пророкѣ“ и др. пьесахъ. Еще 20-го января Панаевъ писалъ Ивану Сергѣевичу изъ сѣверной столицы: „M-me Viardot производитъ фуроръ въ Петербургѣ — когда она поетъ, — нѣтъ мѣстъ“ [1]). Не трудно представить себѣ, что̀ переживалъ Тургеневъ, получая такія извѣстія отъ своихъ друзей.

Возвратился Иванъ Сергѣевичъ изъ своей поѣздки 1-го апрѣля съ разыгравшейся гастрической лихорадкой. Двадцать третьяго того же мѣсяца онъ писалъ Аксаковымъ: „Здоровье мое все еще неудовлетворительно — желудокъ мой находится въ положеніи довольно скверномъ — однако я въ теченіе послѣднихъ десяти дней поправился и раза три былъ на охотѣ. Вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году у насъ очень было мало; въ болотистыхъ мѣстечкахъ попадались бекасы (болотъ у насъ — вы знаете — нѣтъ); дроздовъ прилетѣло множество — и такіе они жирные, какихъ я отъ роду не видывалъ; съ грачами сдѣлалась какая-нибудь бѣда — совсѣмъ ихъ не встрѣчаешь; ласточки еще не прилетали, хотя время стоитъ теплое, и трава такъ и лѣзетъ изъ земли, и деревья, особенно ракиты, сильно зазеленѣли. Впрочемъ, мнѣ кажется, что къ намъ еще завернутъ холода. Сегодня Егорьевъ день — но скотъ уже съ недѣлю какъ выгоняютъ

1) „Вѣстн. Евр.“, 1903 г., дек. 586.

въ поле; всѣмъ была бы хороша Святая, если бъ къ намъ не прибыла хотя ожидаемая, но непрошенная гостья — холера; уже нѣсколько дней она давала о себѣ знать, а вчерашняго дня открылась и довольно круто. Человѣкъ 5 уже умерло. Что будетъ дальше — не извѣстно; мѣры предосторожности взяты". Впрочемъ, тревоги Ивана Сергѣевича оказались напрасными: 12-го мая онъ писалъ С. Т. Аксакову, что люди умерли въ Спасскомъ совсѣмъ не отъ холеры, а „вѣроятно отъ объяденья". Въ этомъ же письмѣ онъ сообщаетъ: „Я только третьяго дня вернулся съ поѣздки за 150 верстъ отсюда, любезный Сергѣй Тимоѳеевичъ, и нашелъ здѣсь ваше письмо. Я ѣздилъ стрѣлять дупелей въ выводныхъ болотахъ, лежащихъ между лѣсами вдоль береговъ Десны. Я немного опоздалъ — самки уже сѣли на яйца, и самцы уже начали разлетаться, и точкѝ прекратились. Однако мы на три ружья убили въ три поля 105 штукъ красной дичи — на мою долю пришлось 41. Молодая моя собака меня очень радовала — и мѣста великолѣпныя. Къ сожалѣнію, погода намъ не благопріятствовала — холода стояли пренепріятные, а въ послѣдніе дни дождикъ лилъ почти постоянно. На будущую весну, если Богъ дастъ, я заберусь туда гораздо раньше. Теперь до Петрова дня ружье на крючокъ и по мѣрѣ возможности — за перо". Къ сожалѣнію, „возможности" совсѣмъ не оказалось, и 5-го іюня онъ снова жаловался С. Т. Аксакову: „Я про себя долженъ сказать, что я никакъ не могу работать, — желудокъ мой меня мучитъ. Ничего не варитъ и заставляетъ меня проводить безсонныя ночи, которыя меня очень разслабляютъ. Хочу попробовать лѣчиться бѣлой горчицей, которая, говорятъ, многимъ помогаетъ... Валяешься цѣлый день на разныхъ диванахъ, словно кто колесомъ по тебѣ переѣхалъ. Это очень скучно". Хотя въ іюлѣ болѣзнь почти покинула Тургенева, однако за литературную работу онъ такъ и не принимался: съ конца марта до конца ноября, т. е. за 8 мѣсяцевъ, онъ написалъ только разсказъ „Два пріятеля".

Тѣ не совсѣмъ веселые дни, когда ему приходилось сидѣть дома, онъ короталъ за чтеніемъ, музыкой и шахматной игрой. Послѣднимъ двумъ онъ удѣлялъ однако болѣе

времени. „Знаете ли, въ чемъ состоитъ главное мое занятіе“, писалъ Тургеневъ С. Т. Аксакову 29-го іюня 1853 года: „играю въ шахматы съ сосѣдями, или даже одинъ, разбирая шахматныя игры по книгамъ. Отъ упражненія я достигъ нѣкоторой силы. Также много занимаюсь музыкой, то-есть, говоря правильнѣе, занимаюсь тѣмъ, что слушаю музыку. Жена живущаго у насъ Тютчева и сестра ея много играютъ въ четыре руки. Бетховенъ, Моцартъ, Мендельсонъ и Веберъ — наши любимцы“. Музыкѣ онъ предавался съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ, что заинтересовать ею Тютчевыхъ ему удалось не сразу. Такъ Тургеневъ писалъ П. Віардо 1 (13) ноября 1852 года:

„Чего мнѣ здѣсь особенно недостаетъ, такъ это — музыки; вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ я лишенъ этого, и совершенно. M-me Тютчева, кажется, совсѣмъ ее забросила; я долженъ былъ употребить вчера всѣ усилія, чтобы засадить ее за рояль. Я просилъ ее сыграть финалъ изъ „Донъ-Жуана“. Она хорошо разбираетъ ноты и обладаетъ музыкальнымъ слухомъ; но она любитъ запираться въ своей раковинѣ, особенно послѣ смерти дочери. Кромѣ того она слишкомъ любитъ своего мужа и счастлива только около него! Она напоминаетъ мнѣ иногда зеленыхъ попугайчиковъ, по прозванію inséparables, сидящихъ постоянно рядомъ. Къ несчастью, ея мужъ весьма мало любитъ музыку, или, скорѣе, онъ любитъ ее, какъ всѣ, за что-то другое, а не за то, что представляетъ музыка сама по себѣ. Существуютъ, напримѣръ, художники, у которыхъ звуки музыки вызываютъ чувство картинности, гармоніи линій и т. д. Большая часть литераторовъ ищетъ въ музыкѣ только литературныхъ впечатлѣній; это по большей части плохіе слушатели и плохіе судьи. Тютчевъ, у котораго нѣтъ никакой спеціальности, любитъ въ музыкѣ лишь то, что она будитъ въ немъ извѣстныя ощущенія, извѣстныя мысли, говоря проще, онъ любитъ ее мало и могъ бы обойтись безъ нея. Ни у кого здѣсь нѣтъ музыкальнаго голода, который мучитъ меня. Сестра m-me Тютчевой, молодая особа, очень ограниченная, очень сентиментальная и самодовольная, дѣйствуетъ мнѣ на нервы своими восторгами. Они начинаются у нея неизмѣнно съ первой ноты, и она готова расточать

ихъ по всякому поводу. У ея сестры натура болѣе возвышенная и серьезная, но и болѣе сухая... И потомъ, я повторяю, она поглощена мужемъ! Въ результатѣ я остаюсь безъ музыки. Между прочимъ, я разсчитываю на-дняхъ побывать у одного изъ нашихъ сосѣдей (50 верстъ отсюда), у котораго цѣлый оркестръ, управляемый капельмейстеромъ-нѣмцемъ. Но я не могу себѣ представить, что это за оркестръ... купленный, такъ какъ сосѣдъ купилъ музыкантовъ гуртомъ"[1])... О любви Ивана Сергѣевича къ музыкѣ, о рѣдкомъ пониманіи ея красотъ говорить здѣсь нѣтъ надобности. Что же касается шахматной игры, то на его особенное увлеченіе ею именно лѣтомъ 1853 года указать слѣдуетъ, хотя она всегда была слабостью Тургенева. Еще студентомъ онъ изучалъ ее по руководствамъ Аллгайера и сильнѣйшаго (въ 20-хъ годахъ) русскаго шахматнаго игрока А. Д. Петрова, какъ это можно заключить изъ указаній II-й главы повѣсти „Несчастная". О позднѣйшихъ же упражненіяхъ Ивана Сергѣевича на шахматномъ полѣ мы имѣемъ уже довольно много свидѣтельствъ. Для примѣра приведемъ разсказъ К. П. Ободовскаго: „Единственная игра, составлявшая его (Тургенева) слабость, были шахматы. Объ этой игрѣ онъ говорилъ съ увлеченіемъ. Помню разъ, какъ онъ описывалъ игру какого-то корифея шахматной игры: „онъ не играетъ, — восклицалъ Иванъ Сергѣевичъ, — онъ точно узоры рисуетъ, совершенный Рафаэль!" Самъ Иванъ Сергѣевичъ игралъ очень хорошо и даже имѣлъ серебряную медаль за игру, полученную имъ отъ какого-то общества. Какъ-то я пришелъ къ Я. П. Полонскому и засталъ его играющимъ съ Тургеневымъ въ шахматы. По окончаніи партіи, которую Тургеневъ, конечно, выигралъ, такъ какъ Я. П. игралъ, какъ дилетантъ, не претендуя, впрочемъ, никогда на славу хорошаго игрока, Иванъ Сергѣевичъ предложилъ намъ играть противъ него вдвоемъ. Я игралъ, пожалуй, еще хуже Я. П., но шутки ради присоединился къ партіи, и мы вдвоемъ атаковали Тургенева. Послѣдній, видя въ насъ слабыхъ игроковъ, отнесся къ

---

1) „Новое Время" 1906 г., 21 іюня № 10872.

нашей игрѣ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, играя безъ вниманія, началъ дѣлать промахи, которыми мы и воспользовались, взявъ у него задаромъ слона и еще какую-то фигуру. Партія его сразу сдѣлалась гораздо слабѣе нашей, и ему началъ грозить проигрышъ. Надо было видѣть, какое волненіе овладѣло тогда Иваномъ Сергѣевичемъ. Глаза его заискрились, движенія сдѣлались порывисты. Онъ устремилъ все свое вниманіе на игру, которая и привела въ результатѣ, не безъ значительныхъ, однако, усилій со стороны Ивана Сергѣевича, къ нашему пораженію, послѣ чего онъ вздохнулъ съ видимымъ чувствомъ облегченія" [1]).

Съ первыхъ чиселъ іюля 1853 года Иванъ Сергѣевичъ началъ было ѣздить на охоту, но ему пришлось скоро отказаться отъ этихъ экскурсій. „Вотъ въ чемъ дѣло", писалъ онъ 30-го августа С. Т. Аксакову: „Тютчевъ, которому я поручилъ было управленіе моимъ имѣніемъ, отъ меня отходитъ — и теперь это все падаетъ на меня. Я все это время ѣздилъ по деревнямъ, не охотился, и теперь у меня въ головѣ одно хозяйство, разсчеты, счеты и. т. д. Въ настоящемъ пропасть занятій, интересныхъ и любопытныхъ, если хотите, но съ непривычки обременительныхъ". — „Вы уже знаете", писалъ онъ тому же корреспонденту 6-го октября, наканунѣ отъѣзда Тютчева: „я теперь самъ занимаюсь хозяйствомъ. Я въ ужасныхъ былъ хлопотахъ все это время — и теперь едва начинаю привыкать къ новому моему положенію. Стерпится — слюбится. Но пока тяжеленько, особенно при наступившей снова холодной осенней погодѣ — и въ одиночествѣ". Хозяйственныя хлопоты и заботы, однако, брали у Ивана Сергѣевича уже не такъ много времени, какъ можно было бы заключить изъ выписанныхъ строкъ. Въ этомъ же письмѣ отъ 6-го октября онъ говоритъ: „Я стараюсь не упускать никакого случая извлекать изъ провинціальной жизни всевозможную пользу. Я познакомился съ великимъ множествомъ новыхъ лицъ и ближе сталъ къ современному быту и народу". Конечно, такое „извлеченіе пользы" могло отразиться на хозяйствѣ

1) „Историч. Вѣстн.", 1893 г., февр., 365—366.

лишь весьма печальнымъ образомъ, и Тургеневъ въ концѣ концовъ понялъ это хорошо. Четырнадцатаго ноября онъ пишетъ Аксакову: „Что касается до управленія дѣлъ моихъ, то я призвалъ на помощь дядю, брата моего отца, который при покойницѣ-матушкѣ лѣтъ двадцать этимъ занимался. Видно, нашъ братъ щелкоперъ дѣйствительно ни къ какому дѣльному занятію не способенъ. Что дѣлать! Всего не соединишь и не обхватишь — и дай Богъ, чтобы въ своемъ-то, въ собственномъ ремеслѣ не дѣлалъ промаховъ на каждомъ шагу".

Въ заключеніе обзора внѣшнихъ событій послѣднихъ мѣсяцевъ Тургеневской ссылки, слѣдуетъ отмѣтить лишь пріѣздъ въ Спасское, въ началѣ октября, П. В. Кирѣевскаго и 18-го ноября И. С. Аксакова. Какъ ни мимолетны были оба визита, они оставили самое хорошее впечатлѣніе въ душѣ Тургенева: „Что за милый и чистый человѣкъ", говорилъ онъ снова про Кирѣевскаго. „Дорогой гость, о пріѣздѣ котораго вы меня предувѣдомляли", писалъ онъ про И. С. Аксакова его отцу: „былъ у меня третьяго дня и просидѣлъ до вечера. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ ему радъ, и какъ много мы съ нимъ толковали и разговаривали. Это посѣщеніе было для меня истиннымъ праздникомъ".

Обращаясь теперь къ обзору литературной дѣятельности Тургенева за время его изгнанія, мы должны повторить прежде всего, что она обнимаетъ собственно шесть зимнихъ мѣсяцевъ, т. е. только треть полутора-годичнаго періода его ссылки. Съ 3-го по 17-е октября была написана имъ рецензія на „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи" С. Т. Аксакова въ формѣ письма къ издателю „Современника". Появилась она въ 1-й книгѣ журнала за 1853 годъ, съ пропускомъ однако полуторыхъ страницъ, вычеркнутыхъ тогдашней цензурой. Пропущенное мѣсто не попало, къ сожалѣнію, въ исправленный текстъ собранія сочиненій Ивана Сергѣевича и напечаттано лишь въ письмѣ его къ Аксакову отъ 5-го февраля того же года (Вѣстн. Евр.", 1894 г., январь, стр. 343—344). Рецензія очень понрави-

лась старику Аксакову, особенно эстетическими разсужденіями: „Въ вашемъ воззрѣніи на природу“, писалъ онъ Тургеневу: „и на отношенія къ ней писателя, подтвержденномъ образцами великихъ художниковъ, столько истины, что она, я увѣренъ, освѣтитъ, уяснитъ этотъ высокій предметъ, темно понимаемый иными, даже талантливыми описателями природы“. Но статья, по признанію Аксакова, не вполнѣ удовлетворила его лично: „Ваше письмо къ издателю „Современника“, пояснялъ онъ; „не критика на мою книгу, а прекрасная статья по поводу моей книги. Впрочемъ, я очень понимаю, что, удержавъ характеръ критики, статья ваша вышла бы, можетъ быть, не такъ интересна и нѣсколько суха, а главное, что для такого рода разборовъ прошло уже время, и я совершенно согласенъ, что большинство читателей было бы рѣшительно отъ того въ проигрышѣ“ 1). Въ своей рецензіи Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ: „Сколько бы хотѣлось еще сказать вамъ: сообщить собственныя наблюденія, поговорить о такъ называемыхъ охотничьихъ „удачахъ и неудачахъ“, объ охотничьихъ суевѣріяхъ, преданіяхъ и повѣрьяхъ. Но я боюсь утомить и ваше вниманіе и вниманіе читателя. Отложу все это до другого письма, которое вы получите вскорѣ“. Второй статьи однако не было написано Тургеневымъ. Высказанное намѣреніе осуществлено было лишь отчасти и много позднѣе — въ интересной и очень мило обработанной статейкѣ „Пятьдесятъ недостатковъ ружейнаго охотника и пятьдесятъ недостатковъ лягавой собаки“, напечатанной въ „Журналѣ охоты“ 1876 г. (№ 6) и тоже не вошедшей въ собраніе его сочиненій.

Покончивъ съ разборомъ книги Аксакова, Иванъ Сергѣевичъ приступилъ къ большой повѣсти „Постоялый дворъ“, которую и кончилъ къ началу декабря, отославъ затѣмъ рукопись на прочтеніе своимъ друзьямъ. Въ январѣ Тургеневъ имѣлъ уже отзывъ Анненкова, въ февралѣ — В. П. Боткина и въ мартѣ — Аксаковыхъ. Всѣ они напечатаны въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за 1894 г. (№ 9). Мнѣнія другихъ,

1) „Русск. Обозрѣніе“, 1894 г., № 9, стр. 11.

не столь авторитетныхъ цѣнителей, не сохранились. Самый суровый отзывъ данъ былъ Боткинымъ, который писалъ автору: „Читалъ я „Постоялый дворъ“. По мнѣ второстепенныя лица удались гораздо лучше лицъ передняго плана, хотя написанныхъ и сильными красками. Герой такъ преувеличенъ, что сбивается на мелодраматическаго героя, и вообще вся повѣсть болѣе походитъ на эскизъ, нежели на цѣльную картину“. Совсѣмъ другой характеръ носили замѣчанія Анненкова и Аксаковыхъ. Сходясь въ высокихъ похвалахъ автору, мнѣнія ихъ расходились однако въ своихъ основаніяхъ и конечныхъ выводахъ. Анненковъ оцѣнилъ главнымъ образомъ драматическій элементъ въ „Постояломъ дворѣ“, но къ своей похвалѣ прибавлялъ слѣдующую оговорку: „Не должнò обманываться, что родъ жгучести, свойственный этой драмѣ, да и другимъ русскимъ драмамъ, какъ „Антону Горемыкѣ“, „Купцамъ Красильниковымъ“, происходитъ отъ самаго безобразнаго начала, отъ противорѣчій нестерпимыхъ, нечеловѣческихъ. При этомъ автору легко — за него заработаетъ дѣйствительность. Ему не нужно искать обстоятельствъ, жизненныхъ сцѣпленій, разнообразныхъ столкновеній лицъ и характеровъ: одинъ только намекъ — и драма готова. Милліоны драмъ существуютъ въ головѣ, въ воспоминаніяхъ, въ наслышкѣ каждаго“. Семья Аксаковыхъ въ своихъ сужденіяхъ выдвигала впередъ нравственное значеніе повѣсти и особенно радовалась тому, что Иванъ Сергѣевичъ умѣлъ изобразить въ сочувственномъ освѣщеніи высокій душевный подвигъ простого русскаго человѣка. Анненковъ находилъ въ повѣсти укоры русскому политическому и общественному порядку; Константинъ Аксаковъ — нравственному складу западнаго человѣкъ. „Акимъ послѣ попытки пожара“, писалъ послѣдній: „это такое лицо, которое выше несказанно всякаго европейца на его мѣстѣ, который, несмотря на первую неудачу, если бы не струсилъ, влѣпилъ бы пулю въ лобъ или зарѣзалъ своего соперника и не преминулъ бы при сей вѣрной оказіи порисоваться и выкинуть какой-нибудь драматическій эффектъ. Особенность русскаго человѣка, а вмѣстѣ и русской исторіи, именно состоитъ въ отсутствіи всякаго эффекта, всякой фразы. Нѣтъ ничего красиваго; нѣтъ

той неизбѣжной картинки, безъ которой западъ не умѣетъ ни драться, ни пировать, ни любить, ни ненавидѣть". Старикъ Аксаковъ, отчасти и сынъ его Иванъ, стояли какъ бы примирителями этихъ двухъ мнѣній. Они не скрывали дурныхъ порядковъ современной имъ дѣйствительности, но указывала и на то, что русскій человѣкъ, какъ нравственная личность, несмотря на эти порядки, выше западноевропейскаго. Отзывы друзей заставили Тургенева внести позднѣе нѣсколько измѣненій и поправокъ въ „Постоялый дворъ". Теперь нельзя рѣшить, въ чью сторону было сдѣлано больше уступокъ въ окончательной редакціи повѣсти (напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Современника" за 1855 годъ), такъ какъ первая редакція не сохранилась. Боткину и его единомышленникамъ онъ все-таки не угодилъ, но онъ огорчилъ поправками и Аксаковыхъ, какъ это видно изъ письма къ Тургеневу старика отъ 13-го ноября 1855 года.

Покончивъ съ рукописью „Постоялаго двора", Иванъ Сергѣевичъ принялся было за двѣ статьи для „Современника" — „О Андреѣ Шенье и подражателяхъ древнимъ" и „О Меркѣ" (человѣкъ, съ котораго Гёте списалъ своего Мефистофеля), но оставилъ свое намѣреніе и усердно принялся за совершенно новую для себя работу — созданіе большого романа, „всѣ стихіи котораго давно бродили въ немъ" и ждали лишь подходящаго настроенія у автора, чтобы вылиться въ необходимыя формы. Къ серединѣ января 1853 года было уже готово 5 главъ, къ концу мѣсяца онъ написалъ еще двѣ главы. Въ началѣ февраля пишетъ Панаеву, что „погрузился по уши въ свой романъ — и другого ничего не можетъ дѣлать". Черезъ мѣсяцъ пишетъ ему же: „Я заперся, какъ кротъ въ свою нору — и работаю, какъ кротъ, роюсь и вожусь въ нѣдрахъ своего романа". Въ апрѣлѣ вся первая часть (12 главъ) была кончена и переписывалась. Иванъ Сергѣевичъ предварительно со вниманіемъ перечитывалъ и исправлялъ написанныя главы, „безжалостно выкидывая всякое, не идущее къ дѣлу, сочинительское слово". Во второй половинѣ мая переписанный романъ, т. е. первая часть его, отправилась на судъ Анненкова, а затѣмъ и къ другимъ друзьямъ Ивана Сергѣевича. Къ концу лѣта Тургеневъ имѣлъ уже отзывы,

какъ перваго своего цѣнителя, такъ равно и Боткина, Кетчера, Корша, С. Т. и К. С. Аксаковыхъ. На основаніи этихъ отзывовъ мы можемъ возстановить слѣдующее изъ неизданнаго произведенія.

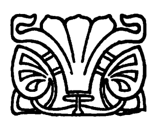
Изъ 12 главъ первой части 11 заключали въ себѣ біографическую и описательную часть. Лишь съ 12 главы начинался собственно романъ, интрига. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, съ подробнаго описанія котораго и начинаетъ авторъ свой романъ. Хозяйка его, Глафира Ивановна, женщина характера тяжелаго, взбалмошная и непослѣдовательная, она производитъ впечатлѣніе чего-то отталкивающаго, патологическаго. Деспотичная и непривыкшая уважать окружающихъ, она оказываетъ особенное довѣріе лишь сосѣду своему Чермаку — одному изъ главныхъ героевъ романа. Въ невеселый домъ ея вливается оживляющая струя съ пріѣздомъ лектрисы, Елизаветы Михайловны, дѣвушки милой и граціозной. При счастливой наружности она отличается твердостью ума и характера, проявляя при этомъ нѣкоторую пугливость къ окружающимъ. Появленіе этого лица въ семьѣ невозможной барыни останавливаетъ всеобщее вниманіе, она на многихъ производитъ сильное впечатлѣніе и прежде всего на 26-ти лѣтняго сына Глафиры Ивановны — Дмитрія Петровича. Послѣдній, воспитанный подъ тяжелой опекой своей матери, является человѣкомъ съ слабымъ, капризнымъ характеромъ. Будучи неиспорченнымъ по натурѣ, онъ не умѣетъ и не можетъ быть прямымъ и естественнымъ. Застѣнчивый по природѣ, онъ часто грубъ и рѣзокъ въ обращеніи. Обладая живымъ нравственнымъ чувствомъ, онъ въ состояніи нерѣдко поступать вопреки ему. Воображая себя озлобленнымъ, онъ въ сущности лишь боится сознаться, что не можетъ уважать себя. Капризно влюбляясь въ Елизавету Михайловну, онъ такъ же капризно, по плану автора, впослѣдствіи и ненавидитъ ее. Кромѣ названныхъ лицъ въ первой части выступаютъ еще: управляющій имѣніемъ Глафиры Ивановны — Василій Васильевичъ, французъ, докторъ, Леонъ (секретарь барыни), бурмистръ Павелъ, какой-то Нилушка и другія. Въ перечисленныхъ лицахъ Тургеневъ прежде всего намѣревался показать современный

быть, „какимъ онъ выродился“ къ тому времени, но романъ остался неконченнымъ. Отъ него сохранился намъ въ печати лишь небольшой отрывокъ „Собственная господская контора“, помѣщенный первоначально въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ за 1859 годъ. Неблагопріятные отзывы были очевидно главной причиной того, что Тургеневъ бросилъ работу, приготовивъ ея не болѣе, какъ на 120—130 печатныхъ страницъ. Въ общемъ друзья Ивана Сергѣевича довольно дружно осудили первый его опытъ большого романа, сойдясь особенно на томъ, что Тургеневу не удалась обрисовка характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Послѣднія вышли какъ бы недодѣланными, не вполнѣ ясными. Такъ писали Ивану Сергѣевичу его пріятели, даже принимая во вниманіе, что романъ еще не конченъ. Всѣ рецензенты были согласны и въ томъ, что произведеніе страдаетъ излишними длиннотами въ описаніяхъ и біографіяхъ. Лишь отдѣльныя сцены романа вызвали искреннія похвалы критиковъ. Особенно понравились описанія уборки барынина кабинета и прогулки ея на ферму. Въ послѣдней сценѣ Глафира Ивановна, по мнѣнію Анненкова, обрисовывается еще болѣе противной, чѣмъ въ напечатанной позднѣе главѣ „Собственная господская контора“. Получивъ такіе отзывы, Тургеневъ пишетъ въ ноябрѣ, что намѣренъ зимою передѣлать первую часть романа и приготовить вторую, но признается также, что „немного охладѣлъ къ нему“. Охлажденіе оказалось на дѣлѣ настолько значительнымъ, что черезъ полтора года, въ началѣ іюня 1855 года, собравшись передѣлать свой романъ „съ основанія“, Иванъ Сергѣевичъ пишетъ нѣчто уже совершенно новое, ничего общаго съ передѣлкой не имѣющее. Изъ подъ пера его съ поразительной быстротой вышелъ „Рудинъ“.

Обыкновенно думаютъ, что ссылка Тургенева имѣла лишь то, правда немаловажное, значеніе въ его литературной дѣятельности, что открыла его творчеству новыя стороны русской жизни. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подтверждаетъ такой выводъ въ своихъ воспоминаніяхъ. „Но все къ лучшему; пребываніе подъ арестомъ, а потомъ въ деревнѣ принесло мнѣ несомнѣнную пользу: оно сблизило меня съ такими сторонами русскаго быта, которыя, при обыкновен-

номъ ходѣ вещей, вѣроятно, ускользнули бы отъ моего вниманія". Но роль описываемаго періода въ развитіи творчества Тургенева гораздо значительнѣе. Именно тогда совершился въ немъ тотъ переломъ, послѣ котораго Иванъ Сергѣевичъ является передъ нами уже не только высокоталантливымъ разсказчикомъ, а первокласснымъ романистомъ. Во время его ссылки произошелъ переходъ отъ „старой манеры" къ новой, хотя вполнѣ осязательные результаты послѣдняго явились лишь два года спустя („Рудинъ").

Четырнадцаго ноября 1853 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Тургеневу пріѣхать въ столицу. Двадцать третьяго Иванъ Сергѣевичъ получилъ увѣдомленіе о томъ отъ графа А. Ѳ. Орлова и передъ Николинымъ днемъ покинулъ Спасское.

VII.

И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ.

И. С. Тургеневъ принадлежалъ къ тѣмъ избранникамъ, которые, по его же словамъ, „говоря намъ о добротѣ и нравственности, о человѣческомъ достоинствѣ и чести, собственною жизнью подтверждали истину своихъ словъ“ [1]). Эта гармонія между проповѣдью и дѣломъ, чувствомъ и его проявленіемъ съ особенной яркостью выступаетъ у Тургенева въ его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ мужику-земледѣльцу.

Еще до первой своей поѣздки за границу (1838 г.) Иванъ Сергѣевичъ вдоволь насмотрѣлся на крутые и жестокіе порядки, царившіе въ имѣніяхъ его матери. Уже тогда, по его признанію, сложилась у него ненависть къ крѣпостному праву. „Она“, писалъ онъ: „между прочимъ была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ, — но до „Записокъ Охотника“ было далеко. Я былъ просто мальчикъ — чуть не дитя“ [2]). Несмотря, однако, на молодость и безпомощность передъ неукротимымъ самовластіемъ своей

---

1) Отзывъ Тургенева о Грановскомъ.
2) Первое собраніе писемъ, стр. 233.

матери Варвары Петровны, которую онъ, къ тому же, любилъ еще непоколебленной дѣтской любовью, Иванъ Сергѣевичъ однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствовалъ на деспотизмъ помѣщицы смягчающимъ образомъ. Очевидецъ разсказываетъ, какъ „доброта его (Тургенева) иногда и безъ всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При немъ она была совсѣмъ иная, и потому въ его присутствіи все отдыхало, все жило. Его рѣдкихъ посѣщеній ждали, какъ блага. При немъ мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кѣмъ-либо, но даже и къ настоящей винѣ относилась снисходительнѣе; она добродушествовала какъ бы ради того, чтобы замѣтить выраженіе удовольствія на лицѣ сына“.

Какъ и когда впервые зародилась у Тургенева мысль о несправедливости окружавшихъ порядковъ, мы можемъ судить по разсказу его „Пунинъ и Бабуринъ“, полному автобіографическихъ подробностей. Сцена прощанія двѣнадцатилѣтняго мальчика съ изгоняемыми „филантропами изъ разночинцевъ“, очевидно, имѣла мѣсто въ дѣйствительности: „Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился, наконецъ, ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: „Урокъ вамъ, молодой господинъ: помните нынѣшнее происшествіе и, когда выростете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя“! Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что обѣщаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно“...

За время своего берлинскаго студенчества (1838—1840) Иванъ Сергѣевичъ осмыслилъ свою вражду къ крѣпостному праву, внесъ въ нее элементъ сознательности. Но значеніе этого факта не слѣдуетъ, однако, преувеличивать. Крестьянскій вопросъ въ Пруссіи въ то время далеко еще не былъ разрѣшенъ маломальски удовлетворительно: вотчинная юстиція и полиція помѣщиковъ оставались неприкосновенными, о какихъ-либо выкупныхъ учрежденіяхъ не было и рѣчи; обезземеленіе крестьянъ шло ускореннымъ ходомъ. Да и вообще всѣми этими вопросами нѣмецкіе образо-

ванные кружки почти не интересовались. Берлинскій университетъ конца тридцатыхъ годовъ стоялъ слишкомъ далеко отъ политической жизни, а если иногда и затрогивалъ ее, то обыкновенно не сходя съ почвы строгаго консерватизма. Ивану Сергѣевичу приходилось поэтому касаться крестьянскаго вопроса лишь въ бесѣдахъ со своими соотечественниками — Невѣровымъ, Станкевичемъ и Грановскимъ, да и то рѣдко. Недаромъ одинъ изъ его товарищей по берлинскому университету, баронъ І. Ф., писалъ позднѣе: „Я не слыхалъ, чтобы онъ (Тургеневъ) когда-либо высказывалъ (въ то время) горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе нынѣ утверждаютъ“ [1]. Несомнѣнно, однако, что изъ Берлина Иванъ Сергѣевичъ вернулся сознательнымъ противникомъ крестьянской неволи, и до „Записокъ Охотника“ было уже недалеко.

Годы (1841—1846), проведенные Тургеневымъ на родинѣ до второй его поѣздки за границу, были временемъ наибольшаго интереса правительства императора Николая I къ судьбѣ земледѣльческаго населенія, были періодомъ „секретныхъ комитетовъ“, обсуждавшихъ положеніе крѣпостныхъ. Изъ шести комитетовъ Николаевскаго царствованія на эти годы пришлось четыре, изъ которыхъ первый и послѣдній (второй и пятый по общему счету) подняли вопросъ о крѣпостномъ правѣ во всемъ его объемѣ. За это время былъ изданъ и рядъ указовъ, смягчавшихъ участь владѣльческихъ крестьянъ: въ 1841 г. воспрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ, а въ 1843 г. — безъ земли. Въ 1842 г. (2 апрѣля) обнародованъ былъ указъ объ „обязанныхъ крестьянахъ“; въ 1844 г. — указъ, облегчавшій отпускъ на волю дворовыхъ. Всѣ эти мѣропріятія, особенно законъ 2 апрѣля 1842 г., волновали не одинъ помѣщичій классъ и обсуждались, хотя и осторожно, въ кружкѣ Бѣлинскаго, члены котораго были, къ тому же, хорошо освѣдомлены о планахъ и толкахъ правительственныхъ лицъ по крестьянскому вопросу, что̀ видно, напримѣръ, изъ декабрьскаго письма Бѣлинскаго къ Анненкову, 1847 г. [2]. Тургеневъ,

1) „Русская Старина“, 1884, кн. 5, стр. 393.
2) „Анненковъ и его друзья“, 599 и слѣд.

разумѣется, не былъ въ сторонѣ отъ подобныхъ дружескихъ бесѣдъ, тѣмъ болѣе, что еще въ концѣ 1842 года, при опредѣленіи своемъ на службу въ особенную канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ, подалъ записку на девятнадцати страницахъ, подъ названіемъ: „Нѣсколько замѣчаній о русскомъ хозяйствѣ и о русскомъ крестьянинѣ“ [1]).

Если до поѣздки своей въ Берлинъ Иванъ Сергѣевичъ относился къ фактамъ крѣпостного права пассивно, хотя тогда еще питалъ къ нимъ враждебность, то, по возвращеніи на родину, онъ выступилъ противъ нихъ уже въ качествѣ активнаго борца. Борьба эта продолжалась вплоть до 1861 года, но въ ней необходимо различать два періода: первый — до смерти матери (1850 г.) и второй — до манифеста 19 февраля; послѣдній — съ значительно лучщими результатами. Въ первый періодъ, онъ, какъ писатель, напалъ на крѣпостное право „Записками Охотника“, а какъ помѣщикъ всякими способами старался сдерживать жестокій деспотизмъ своей матери. Столкновенія съ Варварой Петровной повели лишь къ разрыву между ними. Иванъ Сергѣевичъ не имѣлъ юридическаго права распоряжаться судьбою Тургеневскихъ крестьянъ, такъ какъ помѣстья принадлежали Варварѣ Петровнѣ и перешли къ ней отъ Лутовиновыхъ. „Отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный, — писалъ впослѣдствіи Иванъ Сергѣевичъ, — онъ оставилъ всего 130 душъ, разстроенныхъ и не дававшихъ дохода, а насъ было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніями моей матери, женщины своевольной и властолюбивой, которая одна давала намъ — а иногда и отнимала у насъ — средства къ жизни. Ни ей, ни намъ въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское) — не ея. Я прожилъ три года (1847—1850) за границей, не получая отъ нея ни копѣйки, — и все таки не подумалъ потребовать свое наслѣдство: впрочемъ, это наслѣдство — за выдѣломъ того, что̀ слѣдовало моей матери, какъ вдовѣ,

---

1) Записку эту видѣлъ П. И. Бартеневъ у С. В. Лазаревскаго. Къ сожалѣнію, содержаніе ея остается неизвѣстнымъ. См. „Русскій Архивъ“, 1894, II, 547.

и того, что̀ приходилось на долю братьямъ, — немногимъ бы превысило нуль“ [1]).

Гораздо успѣшнѣе была борьба Тургенева съ крѣпостными порядками на почвѣ литературной. „Записки Охотника“, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были написаны въ 1847 году, не прошли незамѣченными для публики. Однако, желаемое впечатлѣніе эти разсказы произвели только тогда, когда они были изданы отдѣльной книгой; то-есть въ сущности, настоящій успѣхъ и литературнаго протеста Тургенева надо искать во второй изъ указанныхъ періодовъ активной борьбы его съ главнымъ „врагомъ“ своимъ. Впечатлѣніе, произведенное „Записками Охотника“ на всѣ слои образованнаго общества, было значительно, хотя изданіе и раскупалось довольно медленно; графиня Ростопчина сказала Чаадаеву: „Voilà un livre incendiaire“. П. В. Анненковъ сообщаетъ, что онъ зналъ „вельможу очень образованнаго и гуманнаго, не мало способствовавшаго и облегченію узъ нашей печати, который до конца своей жизни думалъ, что успѣхомъ своей книги Тургеневъ обязанъ французской манерѣ возбужденія одного сословія противъ другого“ [2]). И. С. Аксаковъ писалъ въ октябрѣ 1852 г. Ивану Сергѣевичу: „Я самъ перечитываю теперь „Записки Охотника“ (въ отдѣльномъ изданіи), и не понимаю, какимъ образомъ Львовъ рѣшился пропустить ихъ. Это стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта“. Отставка цензора Львова, послѣдовавшая вскорѣ послѣ выхода отдѣльнымъ изданіемъ „Записокъ Охотника“, справедливо объяснялась его снисходительностью къ книгѣ Тургенева [3]). Многіе до сихъ поръ думаютъ, будто отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника“ было даже главной причиной ареста и ссылки Ивана Сергѣевича. Дѣло въ дѣйствительности обстояло иначе. Тургеневъ былъ посаженъ подъ арестъ 16-го апрѣля 1852 года, а 6-го іюня онъ писалъ Аксакову уже изъ мѣста ссылки: „Мои „Записки Охотника“ совсѣмъ готовы, и билетъ на ихъ выпускъ выданъ; однако, мы съ

1) Первое собр. пис., 233—234.
2) „Вѣстникъ Европы“, 1884, кн. 2, стр. 465.
3) См. „Русск. Стар.“ 1903 г., XII, 696—697.

Кетчеромъ рѣшились подождать"[1]) (изданіе было подарено авторомъ нуждавшемуся тогда Кетчеру). Эти строки ясно показываютъ, что ни отдѣльное изданіе, ни первое появленіе разсказовъ на протяженіи трехъ лѣтъ не могли вызвать ареста и ссылки Тургенева. Настоящая причина указана самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ его воспоминаніяхъ о Гоголѣ.

Благотворное вліяніе „Записокъ Охотника" на императора Александра II надо считать несомнѣннымъ, но и здѣсь фактъ передается обыкновенно не совсѣмъ правильно. Съ легкой руки коротенькой выписки „Историческаго Вѣстника" (1883, № 11, стр. 457) изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Листка" Тургеневу приписываютъ слѣдующее свидѣтельство: будто императоръ лично сказалъ Ивану Сергѣевичу, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ, государь, прочелъ „Записки Охотника", его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости". Выписанное мѣсто не вызвало сомнѣній даже у спеціалиста по исторіи крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскаго. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло просто съ неправильной передачей словъ Тургенева. Гонкуръ въ своемъ дневникѣ подъ 2-мъ марта 1872 г. записалъ это свидѣтельство Ивана Сергѣевича въ иной, уже, конечно, болѣе правильной редакціи: „Императоръ Александръ *велѣлъ сказать* мнѣ, что моя книга была *однимъ изъ главныхъ* двигателей его рѣшенія" („L'Empereur Alexandre m'a fait dire que la lecture de mon livre a été un des grands motifs de sa détermination"[2]).

Послѣ выхода отдѣльнаго изданія „Записокъ Охотника" появились разсказы: „Муму", „Постоялый дворъ" и „Собственная господская контора", еще сильнѣе нападавшіе на помѣщичій бытъ. Но эти очерки имѣли менѣе распространенія въ публикѣ, а потому и дѣйствіе ихъ было слабѣе впечатлѣнія отъ „Записокъ Охотника", которыя въ 1859 году вышли вторымъ (отдѣльнымъ) изданіемъ, а въ 1860 году — третьимъ (въ собраніи сочиненій).

---

1) „Вѣстникъ Европы", 1894, янв., стр. 334.
2) „Journal des Goncourt", V, 24.

Насколько успѣшна была борьба съ крѣпостнымъ правомъ въ области художественнаго творчества за десятилѣтіе, предшествовавшее крестьянской реформѣ, настолько же плодотворна она была для Тургенева и на чисто практической почвѣ. Въ 1850 году умерла его мать, и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ значительныхъ земель, доставшихся ему послѣ Варвары Петровны и послѣ раздѣла съ братомъ. „Безъ сомнѣнія“, пишетъ В. И. Семевскій: „не малый матеріалъ для бичеванія съ разныхъ сторонъ крѣпостного права доставило Тургеневу жестокое отношеніе его родителей къ своимъ крѣпостнымъ. Въ концѣ 1850 года эти крѣпостные вздохнули свободнѣе: мать Тургенева, наконецъ, умерла, и Иванъ Сергѣевичъ, вернувшись изъ-за границы въ доставшееся ему вмѣстѣ со старшимъ братомъ Николаемъ родовое имѣніе, немедленно отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ этого крестьянъ. Но все-таки его крестьяне тогда не были освобождены изъ крѣпостного состоянія, какъ то можно было ожидать отъ человѣка, давшаго „аннибаловскую клятву“ противъ крѣпостного права; быть можетъ, Тургеневъ предполагалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаетъ въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ“; но возможно и то, что, желая поскорѣе вновь уѣхать за границу, онъ пугался тѣхъ ужасныхъ проволочекъ, съ которыми совершалось освобожденіе крестьянъ цѣлыми вотчинами, т.-е. переходъ ихъ въ свободные хлѣбопашцы“ [1]). Второе предположеніе В. И. Семевскаго мы должны отвергнуть на основаніи письма Тургенева къ П. Віардо отъ 1-го (13) мая 1852 года. Сообщая ей о своемъ арестѣ и высылкѣ въ деревню, Иванъ Сергѣевичъ писалъ, что теперь ему „надо окончательно проститься со всякой надеждой поѣхать за границу. Впрочемъ“, продолжаетъ онъ: „я никогда не обманывалъ себя на этотъ счетъ: оставляя васъ, я хорошо зналъ, что разстаюсь надолго, если не навсегда“. Первое же дѣйствительно вѣрное предположеніе

1) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи“, II, 292—293.

В. И. Семевскаго можно подтвердить и другими фактами. Тургеневу былъ, напримѣръ, извѣстенъ результатъ освобожденія крестьянъ села Бѣлоомута Н. П. Огаревымъ. Отпустивъ въ сороковыхъ годахъ своихъ крѣпостныхъ на волю, поэтъ-эмигрантъ поставилъ ихъ въ худшее положеніе, чѣмъ они были до того [1]). По справедливому замѣчанію профессора Градовскаго, въ то до-реформенное время благополучіе государственныхъ крестьянъ было ничтожно по сравненію съ участью большинства крѣпостныхъ [2]), и послѣдніе, выигрывая при оставленіи помѣщика зауряднаго, теряли, выходя изъ-подъ власти образованнаго и сердечнаго. „Аннибаловская клятва“ поэтому могла заставить освободить своихъ крестьянъ при убѣжденіи въ безрезультатности этой мѣры въ то время развѣ только формалиста или человѣка, трусливо пасующаго передъ недоброжелательной кличкой. Къ счастью, Тургеневъ заботился болѣе о своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ о пріобрѣтеніи популярности, и его крестьянамъ жилось поэтому лучше, чѣмъ освобожденнымъ по закону 1803 или 1842 годовъ. Даже враждебно настроенный противъ Ивана Сергѣевича его бывшій дворовый, Ѳ. Б—нъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Каткова, такъ свидѣтельствуетъ объ отношеніи крѣпостныхъ къ Тургеневу: „Крестьяне называли его „хорошимъ бариномъ“, „добрымъ бариномъ“, „батюшкой“, выражаясь иногда: „Гуторятъ люди, что нашъ-то слѣпой (Иванъ Сергѣевичъ не разставался съ pince-nez) пріѣхалъ и ужъ ушелъ съ Дьянкой на позаранкѣ“... „Что, вы довольны моимъ управляющимъ?“ — обыкновенно спрашивалъ Иванъ Сергѣевичъ своихъ крестьянъ, когда пріѣзжалъ въ Спасское и созывалъ „сходку“, „міръ“ крестьянъ. „Очень довольны, батюшка ты нашъ, Иванъ Сергѣевичъ“, — отвѣчали каждый разъ мужики... „Вонъ, нашъ батюшка, слѣпой-то, съ ружьемъ и съ Дьянкой по нашему овсу зашагалъ!.. Знать въ Пришній ай на Сѣчки за зайцами тянетъ“. — „Чаво въ

1) См. „Анненковъ и его друзья“, стр. 114—115 и „Крестьянскій вопросъ“ Семевскаго, II, 227—231.

2) „Русское государственное право“, I, 253—254.

Пришній, ихъ и по овсу не мало, только стрѣляй!" — замѣчалъ другой"[1]). А В. П. Боткинъ любилъ разсказывать про него слѣдующій характерный анекдотъ: „Ѣдетъ онъ (Тургеневъ), однажды, въ *своемъ* экипажѣ, на *своихъ* лошадяхъ изъ Спасскаго къ сосѣду и спѣшитъ. На козлахъ у него сидитъ *свой* кучеръ и *свой* лакей, крѣпостные. Ѣхали, ѣхали, долго ли, коротко ли, вдругъ перестали „спѣшить", — стали. Иванъ Сергѣевичъ думаетъ — нужно оправить сбрую: нѣтъ, никто не слѣзаетъ къ лошадямъ, или тамъ по надобности. Подождалъ онъ, подождалъ, смотритъ — играютъ въ карты, да!.. кучеръ и лакей играютъ въ карты... Что же онъ? Прикрикнулъ? Или хоть сказалъ что-нибудь? — Нѣтъ, онъ забился въ уголъ коляски и сидитъ, молчитъ. А тѣ играютъ. Когда кончили, тогда и поѣхали. — Правда, Иванъ Сергѣевичъ? — заключилъ Боткинъ, развеселясь къ концу своего разсказа. — Пошелъ наговоры плести! — защищался Тургеневъ, — самъ выдумалъ, теперь и радъ. — Нѣтъ, *ты*, ты самъ, не мнѣ одному, *признавался*! — опять закипалъ Боткинъ, напирая на каждое слово и каждое слово подчеркивая взмахомъ пенснэ"[2]).

Что же касается враговъ великаго писателя, то мало ли чего не говорили они при жизни Ивана Сергѣевича, пока даже крупные факты его біографіи были извѣстны очень немногимъ. Разсказывали, напримѣръ, что онъ не исполнилъ духовнаго завѣщанія своей матери, по которому всѣ крестьяне, будто бы, отпускались на волю; что онъ одно время держалъ у себя насильно крѣпостную любовницу, въ чемъ г-жа Бичеръ-Стоу публично его изобличила, и т. д. Послѣднюю сплетню Иванъ Сергѣевичъ вложилъ даже въ уста Суханчиковой („Дымъ"): „Я про Тентелеева (Тургенева) еще лучше анекдотъ знаю. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ ужаснѣйшій тиранъ со своими людьми, хотя тоже выдавалъ себя за эманципатора. Вотъ онъ разъ въ Парижѣ сидитъ у знакомыхъ, и вдругъ входитъ мадамъ Бичеръ-Стоу, — ну, вы знаете, Хижина дяди Тома. Тентелеевъ человѣкъ ужасно чванливый, сталъ просить хозяина пред-

1) „Русскій Вѣстникъ", 1885, кн. I, стр. 361—362.
2) „Русскій Вѣстникъ" 1890, VII, 16.

ставить его; но та, какъ только услыхала его фамилію: „Какъ?“ — говоритъ: — „смѣть знакомиться съ авторомъ Дяди Тома?“ Да хлопъ его по щекѣ! — „Вонъ!“ — говоритъ, — „сейчасъ!“ — И что̀ же вы думаете? Тентелеевъ взялъ шляпу, да поджавши хвостъ и улизнулъ. — Ну, это, мнѣ кажется, преувеличено, — замѣтилъ Бамбаевъ. — „Вонъ!“ — она ему точно сказала, это фактъ; но пощечины она ему не дала. — Дала пощечину, дала пощечину! — съ судорожнымъ напряженіемъ повторила Суханчикова: я не стану пустяковъ говорить“.

Будучи убѣжденъ, что серьезныя улучшенія въ крестьянскомъ быту могутъ быть созданы только правительственными реформами, а не усиліями отдѣльныхъ личностей, Тургеневъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытаго почина со стороны верховной власти, чтобы примкнуть къ освободительному движенію, насколько позволятъ обстоятельства. Рескриптъ 20 ноября 1857 года на имя генералъ-губернатора Назимова, съ котораго начинаютъ обыкновенно офиціальную исторію освобожденія крестьянъ, сдѣлался извѣстенъ Ивану Сергѣевичу одновременно съ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 24 ноября объ открытіи губернскихъ комитетовъ и съ рескриптомъ о томъ же петербургскому дворянству 8 декабря 1857 года. Всѣ эти распоряженія дошли до Тургенева въ концѣ того же 1857 года. Иванъ Сергѣевичъ тогда жилъ въ Римѣ, гдѣ въ то время находились и кн. В. А. Черкасскій, В. П. Боткинъ, гр. Н. Я. Ростовцевъ, Смирнова, кн. Д. Оболенскій и другіе. „Первыя вѣсти о намѣреніи правительства освободить крестьянъ застали насъ въ Римѣ“, писалъ позднѣе Тургеневъ: „и мы, подъ вліяніемъ этихъ вѣстей, устроили сходки, на которыхъ обсуждались всѣ стороны жизненнаго вопроса, произносили рѣчи — особеннымъ краснорѣчіемъ отличался кн. Черкасскій“. Проживавшая тогда въ „Вѣчномъ городѣ“ великая княгиня Елена Павловна, при своей общительности и отзывчивости, особенно много содѣйствовала этимъ сходкамъ и преніямъ, тѣмъ болѣе, что она сама занята была въ то время вопросомъ объ освобожденіи и устройствѣ крестьянъ въ

полтавскомъ своемъ имѣніи Карловкѣ. „Великая княгиня — единственный здѣсь источникъ всякихъ журналовъ русскихъ“, писалъ въ январѣ 1858 года изъ Рима кн. Черкасскій: „и я также пользуюсь ея крохами, но все-таки этого мало, газеты нѣтъ ни одной, а о посольствѣ нашемъ и толковать нечего: оно считаетъ излишнимъ получать хоть одну печатную русскую строчку. Присутствіе здѣсь великой княгини полезно еще въ томъ отношеніи, что, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ безпрестанно и скоро получаемыми ею изъ Петербурга извѣстіями политическій отдѣлъ русскихъ газетъ, и вмѣстѣ даетъ возможность судить о томъ, какъ смотрятъ на все теперь совершающееся въ высшихъ офиціальныхъ кругахъ Петербурга. Ко мнѣ она до сихъ поръ любезна до крайности, и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и *притомъ съ землею*“. Въ январѣ 1858 года великой княгинѣ былъ представленъ и Тургеневъ. О своихъ встрѣчахъ съ нею Иванъ Сергѣевичъ такъ писалъ Анненкову ($^{19}/_{31}$ января): „Изъ нихъ (новыхъ знакомствъ) упомяну великую княгиню Елену Павловну, съ которой я уже имѣлъ нѣсколько длинныхъ разговоровъ. Она — женщина умная, очень любопытствующая и умѣющая разспрашивать и не стѣснять; на концѣ каждаго ея слова сидитъ какъ бы штопоръ — и она все пробки изъ васъ таскаетъ: оно лестно, но подъ конецъ немного утомительно“.

Настроеніе русскаго кружка, взволнованнаго радостной вѣстью, особенно ярко отражается въ слѣдующихъ строкахъ письма В. П. Боткина къ Фету изъ Италіи: „Духъ захватываетъ, когда думаешь о томъ, какое великое дѣло дѣлается теперь въ Россіи. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ въ „Nord“ рескриптъ и распоряженіе о комитетахъ, — въ занятіяхъ моихъ произошелъ рѣшительный переломъ, — уже ни о чемъ другомъ не думается и не читается, и постоянно переносишься мыслью въ Россію. Да, и даже вѣчная красота Рима не устояла въ душѣ, когда заговорило въ ней чувство своей родины“. Тургеневъ вполнѣ раздѣлялъ это радостное настроеніе, что̀ однако не заставляло его смотрѣть только на однѣ свѣтлыя стороны начавшагося движенія. Въ письмѣ къ Герцену отъ 7 января (нов. ст.) 1858 г. онъ сообщалъ

между прочимъ: „Въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи. Два рескрипта и третій о томъ же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную, подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство и страхъ и скаредная скупость; но уже теперь назадъ пойти нельзя — le vin est tiré — il faut le boire“. Эта темная струя замѣчалась даже въ маленькомъ кружкѣ русскихъ, собравшихся вокругъ великой княгини. По крайней мѣрѣ, въ январскомъ письмѣ кн. Черкасскаго къ Кошелеву, изъ котораго мы сдѣлали выписку, находимъ и слѣдующія строки: „Вообще же нельзя сказать, чтобы мысль эта (объ освобожденіи крестьянъ *съ землей*) нравилась здѣсь всѣмъ нашимъ соотечественникамъ. На дняхъ О., говорятъ, написалъ большое письмо молодой императрицѣ, гдѣ указываетъ ей на мнимыя опасности начинающагося преобразованія, достаточно, по его мнѣнію, раскрывающіяся изъ радости либеральной партіи! Вотъ какіе у насъ премудрые государственные люди, и какъ они становятся дальновидны, какъ скоро начинаютъ бояться за свои доходы“... Если съ одной стороны такія свѣдѣнія имѣлись о дворянахъ, враждебно настроенныхъ противъ крестьянской реформы, то съ другой стороны не совсѣмъ успокоительныя извѣстія приходили къ Ивану Сергѣевичу и о той части землевладѣльцевъ, которые отнеслись вполнѣ сочувственно къ планамъ правительства. „Несмотря на искреннее желаніе почти всѣхъ порядочныхъ людей, переломъ засталъ насъ совершенно врасплохъ“, писалъ С. Т. Аксаковъ 20 декабря 1857 г. Тургеневу изъ Москвы: „у насъ ничего нѣтъ готоваго: ни мѣстныхъ свѣдѣній, ни статистическихъ описаній, ни экономическихъ плановъ, никакихъ предварительныхъ трудовъ, и что̀ всего хуже — нѣтъ согласія между собою. Корабль тронулся, и у насъ закружилась голова. Мы не только не столковались между собою, но мы еще и не думали о дѣлѣ серьезно. Письменное и еще болѣе изустное слово имѣютъ теперь большое значеніе; теперь надобно говорить направо и налѣво, объяснять трудный и запутанный предметъ и по возможности упрощать его пониманіе“ [1]).

1) „Русское Обозрѣніе“ 1894, № 12, стр. 595.

Выходомъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій представлялось Ивану Сергѣевичу самое широкое гласное обсужденіе поднятаго правительствомъ вопроса. Девятаго января (ст. ст.) Тургеневъ и прочелъ въ русскомъ кружкѣ записку, горячо доказывавшую необходимость основанія особаго журнала, который не менѣе любого учрежденія могъ бы помогать верховной власти въ намѣченныхъ реформахъ. Въ этомъ журналѣ должны быть сосредоточены всѣ указы и распоряженія правительства по крестьянскому вопросу съ одной стороны, а съ другой — свободное обсужденіе всѣхъ сторонъ реформы въ видѣ ли научныхъ статей, или въ видѣ простыхъ справокъ, корреспонденцій и проч. Названіе журнала должно бы быть самое простое, напримѣръ: „Хозяйственный указатель". О судьбѣ своей записки Иванъ Сергѣевичъ передавалъ потомъ: „Если я не ошибаюсь, кн. Черкасскій взялъ ее съ собою съ намѣреніемъ представить ее на разсмотрѣніе предержащихъ властей; но все это найдено было „рановременнымъ", какъ выражались въ ту эпоху". Въ настоящее время можно, однако, сказать съ достовѣрностью, что проектированный журналъ, еслибъ получилъ офиціально-руководящую роль, не поспѣвалъ бы за ходомъ работъ и, конечно, скорѣе затягивалъ бы ихъ, чѣмъ ускорялъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже первая мысль о подобномъ журналѣ повлекла за собою совѣтъ „Записки" отложить созывъ губернскихъ комитетовъ на полгода. Но въ это время русскимъ кружкомъ, ютившимся около великой княгини Елены Павловны, отрицательная сторона проекта не могла быть замѣчена, и онъ одобрилъ записку Тургенева[1]).

Съ выѣздомъ изъ Рима кончились попытки Ивана Сергѣевича повліять непосредственно на ходъ реформы. Въ слѣдующіе годы онъ является передъ нами лишь чуткимъ и интереснымъ наблюдателемъ отдѣльныхъ характерныхъ фактовъ великаго движенія. Въ активной же роли онъ выступаетъ только въ своихъ имѣніяхъ. Изъ Италіи Тургеневъ выѣхалъ въ началѣ марта (ст. ст.), побывалъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ; въ началѣ іюня пріѣхалъ въ Петербургъ,

---

1) Записка Тургенева напечатана въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины" за 1883 годъ.

а недѣли черезъ двѣ — въ Спасское. Во время недолгаго своего пребыванія въ Парижѣ Иванъ Сергѣевичъ несомнѣнно дѣлился своими радостями и тревогами по поводу наступавшей реформы съ Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Послѣдній, такъ долго и такъ нетерпѣливо ожидавшій освобожденія крестьянъ, подъ вліяніемъ правительственныхъ указовъ конца 1857 г., прервалъ свое десятилѣтнее литературное молчаніе и работалъ въ это время надъ брошюрой „Пора!". Въ ней онъ доказывалъ неудобство переходныхъ, подготовительныхъ мѣръ, необходимость и выгодность мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ, невозможность выкупа ни правительствомъ, ни самими крестьянами, и предлагалъ безвозмездную уступку имъ небольшихъ надѣловъ. По вопросу о „переходномъ" времени Иванъ Сергѣевичъ вполнѣ соглашался съ знаменитымъ изгнанникомъ, но въ дѣлѣ крестьянскаго выкупа онъ съ нимъ расходился.

Ко времени пріѣзда Тургенева на родину тамъ уже были открыты почти всѣ губернскіе комитеты. Девятаго іюля 1858 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ кн. Черкасскому: „На другой же день послѣ моего пріѣзда (въ Спасское) я поскакалъ въ Орелъ, въ надеждѣ застать тамъ комитетскіе выборы, но они уже были кончены — весьма скверно, какъ оно и слѣдовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самыхъ озлобленно-отсталыхъ, — и едва-ли не единственнымъ представителемъ прогресса въ орловскомъ комитетѣ, какъ и въ другихъ комитетахъ, будетъ лицо, назначенное правительствомъ, а именно Ржевскій. Въ странное время мы живемъ. Слышанныя мною въ Орлѣ и другихъ мѣстахъ слова и мнѣнія представляютъ мало отраднаго; впрочемъ, qui vivra — verra!" [1]) Но въ это время, какъ и въ слѣдующее, 1859 года, проведенное Тургеневымъ въ Спасскомъ же, онъ наблюдалъ не за одними помѣщиками. Въ равной степени Иванъ Сергѣевичъ интересовался и настроеніемъ крѣпостныхъ наканунѣ реформы. „Крестьяне передъ разлукой съ „господами", — писалъ онъ Аксакову 22 октября 1859 года: „становятся, какъ говорится у насъ,

1) „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", I, кн. 1, стр. 127, прим.

казаками — и тащутъ съ господъ все, что̀ могутъ: хлѣбъ, лѣсъ, скотъ и т. д. Я это вполнѣ понимаю, — но на первое время въ нашихъ мѣстахъ исчезнутъ лѣса̀, которые всѣ продаютъ теперь съ остервенѣніемъ, — ничего: лѣсъ выростетъ — и уже не кое-гдѣ и не кое-какъ, а по указаніямъ науки“ [1]). Въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ свои наблюденія надъ крестьянами и помѣщиками за лѣто 1859 года (время дѣйствія романа) Тургеневъ изобразилъ въ слѣдующей невеселой картинѣ: „А между тѣмъ жизнь не слишкомъ красиво складывалась въ Марьинѣ, и бѣдному Николаю Петровичу приходилось плохо. Хлопоты по фермѣ росли съ каждымъ днемъ — хлопоты безотрадныя, безтолковыя. Возня съ наемными работниками становилась невыносимою. Одни требовали расчета или прибавки, другіе уходили, забравши задатокъ; лошади заболѣвали; сбруя горѣла, какъ на огнѣ; работы исполнялись небрежно; выписанная изъ Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую съ перваго разу испортили; половина скотнаго двора сгорѣла, оттого что слѣпая старуха изъ дворовыхъ въ вѣтряную погоду пошла съ головешкой окуривать свою корову... правда, по увѣренію той же старухи, вся бѣда произошла оттого, что барину вздумалось заводить какіе-то небывалые сыры и молочные скопы. Управляющій вдругъ облѣнился и даже началъ толстѣть, какъ толстѣетъ всякій русскій человѣкъ, попавшій на „вольные хлѣба̀“. Завидя издали Николая Петровича, онъ, чтобы заявить свое рвеніе, бросалъ щепкой въ пробѣгавшаго мимо поросенка или грозился полунагому мальчишкѣ, а впрочемъ больше спалъ. Посаженные на оброкъ мужики не вносили денегъ въ срокъ, крали лѣсъ; почти каждую ночь сторожа ловили, а иногда съ бою забирали крестьянскихъ лошадей на лугахъ „фермы“. Николай Петровичъ опредѣлилъ-было денежный штрафъ за потраву, но дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что, постоявъ день или два на господскомъ кормѣ, лошади возвращались къ своимъ владѣльцамъ. Къ довершенію всего мужики начали между собою ссориться: братья требо-

1) „Новое Время“ 1900, № 8626.

вали раздѣла, жены ихъ не могли ужиться въ одномъ домѣ; внезапно закипала драка, и все вдругъ поднималось на ноги, какъ по командѣ, все сбѣгалось передъ крылечко конторы, лѣзло къ барину, часто съ избитыми рожами, въ пьяномъ видѣ, и требовало суда и расправы; возникалъ шумъ, вопль, бабій хныкающій визгъ вперемежку съ мужской бранью. Нужно было разбирать враждующія стороны, кричать самому до хрипоты, зная напередъ, что къ правильному рѣшенію все-таки придти невозможно. Не хватало рукъ для жатвы: сосѣдній однодворецъ, съ самымъ благообразнымъ лицомъ, порядился доставить жнецовъ по два рубля съ десятины и надулъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; свои бабы заламывали цѣны неслыханныя, а хлѣбъ, между тѣмъ, осыпался, а тутъ съ косьбой не совладѣли, а тутъ Опекунскій Совѣтъ грозится и требуетъ немедленной и безнедоимочной уплаты процентовъ... — Силъ моихъ нѣтъ! — не разъ съ отчаяніемъ восклицалъ Николай Петровичъ. — Самому драться невозможно, посылать за становымъ — не позволяютъ принципы, а безъ страха наказанія ничего не подѣлаешь! — Du calme, du calme, — замѣчалъ на это Павелъ Петровичъ, а самъ мурлыкалъ, хмурился и подергивалъ усы". При оцѣнкѣ этого мѣста романа необходимо, однако, имѣть въ виду, что авторъ до нѣкоторой степени характеризуетъ здѣсь порядки Спасскаго, которое находилось тогда подъ недобросовѣстнымъ управленіемъ дяди его — Николая Николаевича Тургенева. Послѣдній часто старался взваливать собственные грѣшки на крестьянъ, и эти махинаціи дяди-управляющаго сдѣлались ясными племяннику лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Тѣмъ не менѣе, хозяйство въ Спасскомъ носило много чертъ типичныхъ для той переходной эпохи, и эти особенности не скрылись отъ наблюденій Ивана Сергѣевича.

Славный 1861 годъ засталъ Тургенева въ Парижѣ, гдѣ авторъ „Записокъ Охотника" былъ въ тѣсномъ общеніи съ тѣми изъ русскихъ, которые зорко слѣдили за событіями на родинѣ (Н. И. Тургеневъ, кн. Волконскій — декабристъ, кн. Н. И. Трубецкой, графиня де-Сиркуръ и др.). Незамѣнимымъ въ дѣлѣ сообщенія новостей былъ, однако, для Ивана Сергѣевича П. В. Анненковъ, проживавшій тогда въ Петер-

бургѣ. Послѣднему онъ писалъ 15 (27) февраля: „Когда мое письмо къ вамъ дойдетъ, вѣроятно, уже великій указъ, — указъ, ставящій царя на такую высокую и прекрасную ступень, выйдетъ. О, еслибы вы имѣли благую мысль извѣстить меня объ этомъ телеграммой. Но во всякомъ случаѣ я твердо надѣюсь, что вы найдете время описать мнѣ вашимъ энциклопедически-панорамическимъ перомъ состояніе города Питера наканунѣ этого великаго дня и въ самый день. Я ужасно на себя досадую, что я раньше не попросилъ васъ о телеграммѣ. Но я еще утѣшаю себя надеждою, что вы сами догадаетесь". Получивъ отъ Анненкова просимую телеграмму, Иванъ Сергѣевичъ писалъ ему 6 (18) марта: „Спасибо за депешу, отъ которой у насъ у всѣхъ головы кругомъ пошли. Но, къ сожалѣнію, ничего положительно неизвѣстно объ *условіяхъ* новаго Положенія. Толки ходятъ разные. Ради Бога, пишите мнѣ, что̀ и какъ у васъ все это происходитъ. Вѣроятно я теперь раньше вернусь въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ... Сюда прислалъ кто-то напечатанный экземпляръ Положенія, но его никакъ поймать невозможно. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо надѣюсь на вашу дружбу и жду отъ васъ писемъ... Передайте всѣ ваши впечатлѣнія — все это теперь вдвойнѣ дорого. Здѣсь русскіе бѣсятся: хороши представители нашего народа! Дай Богъ здоровья Государю. Судя по тому, что̀ здѣсь говорится, мы бы никогда ничего путнаго не дождались. Бѣшенство безсилья отвратительно, но еще болѣе смѣшно... Не могу ни о чемъ другомъ писать. Я весь превратился въ ожиданіе". Получивъ же подробное описаніе первыхъ дней послѣ объявленія манифеста, въ которомъ Анненковъ особенно подчеркивалъ спокойствіе и тишину, съ которой былъ принятъ манифестъ, отсутствіе бурныхъ восторговъ и патріотическихъ движеній, Тургеневъ писалъ въ отвѣтъ 3 (15) апрѣля): „Съ нѣкоторыхъ поръ народы какъ будто дали себѣ слово удивлять современниковъ и наблюдателей — и русскій народъ, и въ этомъ отношеніи, едва-ли не перещеголялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Да, удивилъ онъ насъ, хотя, подумавъ и приглядѣвшись, — увидишь, что нечему было удивляться; это всегда случается послѣ такъ называемыхъ необыкновенныхъ событій и дока-

зываетъ только нашу близорукость. Сдѣлайте божескую милость, продолжайте извѣщать насъ о состояніи умовъ въ Россіи. Здѣсь господа русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ Положенія рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроенію своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ же году прекратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресенье мы затѣяли благодарственный молебенъ въ здѣшней церкви — и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули. (NB. Много ушло изъ церкви до молебна.) Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ — и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: „нынѣ отпущаеши раба Твоего"... Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). „Дожили до этого великаго дня" — было въ умѣ и на устахъ у каждаго. Сгораю жаждою быть въ Россіи".

Всѣми наблюденіями, всѣми получаемыми новостями по крестьянскому вопросу Тургеневъ спѣшилъ дѣлиться съ Герценомъ, который передавалъ ихъ читателямъ своего журнала. Слѣдующее письмо Ивана Сергѣевича, напримѣръ, вошло почти дословно въ № 94 „Колокола" („15-го марта. Послѣднія извѣстія"): „Вчера получены здѣсь (т.-е. въ Парижѣ) письма отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ (Головнина и др.) объ окончаніи крестьянскаго вопроса. *Главныя основанія* редакціонной коммиссіи приняты; переходное время будетъ продолжаться два года (а не 9 и не 6), надѣлъ остается весь, съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проектъ не либеральный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже отпечатанный экземпляръ Положенія, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выйдетъ въ воскресенье, т.-е. черезъ 9 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9 человѣкъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: Константинъ Николаевичъ, Блудовъ, Ланской, Бахтинъ и Чевкинъ. Выбивается медаль со словомъ: *благодарю* и съ вензелемъ Государя,

которая будетъ раздана отъ имени Государя всѣмъ членамъ коммиссій, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ иные ее примутъ. Плантаторы потому такъ взбеленились, что въ послѣднее время распространились слухи о принятіи Гагаринскаго проекта, т.-е. $^1/_4$ надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчаніи, comme une chose facultative". „Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова", — читаемъ въ другомъ посланіи Тургенева къ Герцену: „писаннаго на другой день великаго дня, т.-е. 6-го марта. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принятъ манифестъ во всей Россіи. Что-то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фраза въ родѣ: „благодѣтельно устроять"... „добрыя патріархальныя условія", которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно".

Къ себѣ въ деревню Тургеневу удалось попасть только 9-го мая. Само собой разумѣется, что здѣсь онъ еще съ большимъ вниманіемъ прислушивался и присматривался къ окружающему, ко всякимъ новымъ теченіямъ и фактамъ. Свои наблюденія Иванъ Сергѣевичъ такъ изложилъ въ письмѣ къ Анненкову отъ 10-го іюля 1861 года: „Это дѣло (крестьянское) ростетъ, ширится, движется во весь просторъ россійской жизни, принимая формы бо̀льшею частію безобразныя. И хотѣть теперь сдѣлать ему какой-нибудь нужный résumé—было бы безуміемъ, даже предвидѣть задолго ничего нельзя. Мы всѣ окружены этими волнами, и онѣ несутъ насъ. Пока можно только сказать, что здѣсь все тихо, волости учреждены, и сельскіе старосты введены, а мужички поняли одно, — что ихъ бить нельзя и что барская власть вообще послаблена, вслѣдствіе чего должно „не забывать себя"; мелкопомѣстные дворяне вопятъ, а исправники стегаютъ ежедневно, но понемногу. Общая картина, при предстоящемъ худомъ урожаѣ, не изъ самыхъ красивыхъ, но бываетъ и хуже. На оброкъ крестьяне не идутъ, и на новыя свои власти смотрятъ странными глазами... но въ работни-

кахъ пока нѣтъ недостатка, а это главное“. Полонскому же онъ писалъ 14-го іюля: „Крестьянскія дѣла ничего себѣ, впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ нейдутъ. Надо вооружиться терпѣніемъ и выжидать. Все-таки это дѣло громадное — и то, что̀ уже сдѣлано и осталось, составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнятъ только наши потомки“. Какъ чувствовали себя въ то время лучшіе изъ помѣщиковъ, Тургеневъ изобразилъ намъ позднѣе въ слѣдующихъ строкахъ своего „Дыма“: „Хозяйничанье въ Россіи невеселое, слишкомъ многимъ извѣстное дѣло; мы не станемъ распространяться о томъ, какъ солоно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со дня на день, соглашаться на всякія уступки — и вещественныя, и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово: „свобода“ носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ снаровки, не безъ хитрости подчасъ“...

Что же касается устройства собственно Тургеневскихъ крестьянъ, то объ этомъ можемъ судить изъ слѣдующихъ мѣстъ его переписки. Восемнадцатаго іюля 1858 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ П. Віардо изъ Спасскаго: „Съ осени я отпускаю ихъ (крестьянъ) на оброкъ, т.-е. уступаю имъ половину земли за ежегодную поземельную подать, а самъ буду нанимать рабочихъ для обработки моей земли. Это будетъ только переходное состояніе, въ ожиданіи рѣшенія коммиссій, такъ какъ пока нельзя еще сдѣлать ничего окончательнаго“. И. С. Аксакову писалъ 22-го окт. 1859 года: „Съ крестьянами я почти вездѣ благополучно размежевался, оставивъ, разумѣется, старое количество земель, переселилъ ихъ — съ ихъ согласія — и съ нынѣшней зимы они всѣ поступаютъ на оброкъ по 3 рубля серебромъ съ десятины“. Переселены были петровскіе и ивановскіе крестьяне частію

въ Голоплеки и Кальну, частію въ слободку Никольскую. Въ 1860 году, несмотря на противодѣйствія дяди-управляющаго, Ивану Сергѣевичу удалось посадить на оброкъ спасскихъ и каленскихъ мужиковъ; крестьяне другихъ имѣній упирались. Дѣло обстояло такъ даже и въ слѣдующемъ, 1861 году. „Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо", — писалъ Тургеневъ Полонскому 21-го мая 1861 года: „потому что я имъ сдѣлалъ всѣ возможныя уступки, — но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ идти на оброкъ, — а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль) — невозможенъ". „Этого факта, что мужики не захотятъ идти съ барщины на оброкъ, никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ онъ повсемѣстный", — писалъ Иванъ Сергѣевичъ 14-го іюня 1861 г. Колбасину. Анненкову онъ тогда же описывалъ эти обстоятельства подробнѣе: „Объясняемся съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благоволеніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и вѣроятно въ деревнѣ узнаете еще лучше), что̀ за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа — безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во-первыхъ, не „обвязаться"; во-вторыхъ, не лишить себя возможности прескверно справлять трехдневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ, что „несогласны-молъ". Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ — нѣтъ. Къ счастію, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ". Не дожидаясь, пока во всѣхъ его помѣстьяхъ совершится переходъ съ барщины на оброкъ, Тургеневъ велъ дѣло дальше въ главномъ своемъ имѣніи, и 5-го марта 1862 года сообщалъ Фету: „Спасскіе крестьяне удостоили, наконецъ, подписать уставную грамоту, въ которой я имъ сдѣлалъ всяческія уступки. Будемъ надѣяться, что и остальные меня, какъ говорится въ старинныхъ челобитняхъ, „пожалуютъ, смилуются"! Въ концѣ концовъ уступки Ивана Сергѣевича выразились въ томъ, что онъ „при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что̀ составляло крупную сумму". Надѣлъ у его крестьянъ явился въ размѣрѣ $3^1/_2$

десятинъ на душу [1]). Мало этого, Тургеневъ рѣдкій годъ не дарилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ десятины лѣса на постройки и ремонтъ избъ. Въ 1880 году онъ пожертвовалъ имъ двѣ десятины. И каково же было огорченіе добраго помѣщика, когда онъ узналъ, что въ этотъ разъ крестьяне лѣсъ продали, а деньги пропили!

Недаромъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича среди спасскихъ мужиковъ долго держалось убѣжденіе, что бывшій ихъ владѣлецъ завѣщалъ имъ весь свой лѣсъ.

Что же касается отпущенныхъ еще въ 1850 г. дворовыхъ, то Тургеневъ и ихъ снабдилъ землей, тогда какъ извѣстно, что они при полученіи свободы (за ничтожнымъ исключеніемъ) не могли требовать участія въ пользованіи полевымъ надѣломъ. Усадьбы ихъ „совсѣмъ иного фасона, не крестьянскія“, выстроились цѣлой улицей сейчасъ же за господскимъ садомъ. Вообще, какъ бы вознаграждая дворовыхъ за обиды, выпавшія на ихъ долю при жизни Варвары Петровны, Иванъ Сергѣевичъ сильно разбаловалъ ихъ. Сознавалъ онъ это не менѣе, чѣмъ его знакомые и друзья; зналъ онъ и то, что бывшіе дворовые въ большинствѣ случаевъ вовсе не являлись хорошими или достойными людьми. „При существовавшихъ во время покойницы матушки и Николая Николаевича (дяди) порядкахъ удержаться вполнѣ честному человѣку было невозможно“, — писалъ Тургеневъ управляющему Кишинскому 9-го (21-го) декабря 1867 г., который часто жаловался Ивану Сергѣевичу на „дворовую язву“ Спасскаго. И все-же, по своему мягкосердечію и добротѣ, Тургеневъ рѣдко отказывалъ въ той или другой просьбѣ бывшимъ своимъ „подданнымъ“, вообще отличавшимся порядочной назойливостью. Досадой на эту послѣднюю, а вовсе не изнѣженностью избалованнаго барина звучатъ просьбы его къ тому же Кишинскому, чтобы его, Ивана Сергѣевича, „пребываніе въ Спасскомъ не было отравлено кувырканіемъ въ ноги, мольбами“ и т. п.

---

1) Перв. собр. пис., 234; Воспоминанія Полонскаго, „Нива“ 1884, стр. 186.

После освобожденія крестьянъ Тургеневъ настойчивѣе, чѣмъ до того, ставилъ идеаломъ для образованнаго класса не крупные перевороты, а неторопливую, постепенную, но упорную работу на пользу меньшей братіи. Эти взгляды высказывалъ онъ и въ письмахъ и въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, — въ „Нови“ преимущественно. „Пора у насъ въ Россіи бросить мысль о „сдвиганіи горъ съ мѣста“, о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ“, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ А. П. Ф—ой въ 1875 г.: „болѣе чѣмъ когда-либо и гдѣ-либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначить себѣ тѣсный кругъ дѣйствій“... „Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго хорового развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники — не вожди, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности“. „Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума, ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску, — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы; я беру слово „жизненный“ въ смыслѣ простоты, безхитростности, terre à terre'а. Чтò можетъ быть, напримѣръ, жизненнѣе учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д.? На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ, — тутъ даже о призваніи говорить нельзя... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова — вотъ все, чтò нужно“ 1).

Такой именно программы заставляетъ Иванъ Сергѣевичъ держаться и своего Соломина въ „Нови“. Припомнимъ разговоръ послѣдняго съ Маріанной: — „Да, позвольте, Маріанна... Какъ же вы себѣ это представляете: *начать*? Не баррикады же строить со знаменемъ наверху — да: ура! за республику! — это же и не женское дѣло. А вотъ вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму на-

---

1) „Перв. собр. пис.“, 242, 243, 254.

учите; и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается, да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; — а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока — ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете, или больному лѣкарство дадите... вотъ вамъ и начало. — Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, Василій Ѳедотычъ! Для чего же мнѣ тогда... все это? — Маріанна указала на себя и вокругъ себя неопредѣленнымъ движеніемъ руки. — Я о другомъ мечтала.

— Вамъ хотѣлось собой пожертвовать?

Глаза у Маріанны заблистали. — Да... да... да!

— А Неждановъ?

Маріанна пожала плечомъ.

— Что̀ Неждановъ! Мы пойдемъ вмѣстѣ... или я пойду одна.

Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете что̀, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую не многіе способны“.

Требованіе громкихъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, особенно въ то время, когда народъ и образованное общество еще не успѣли оглядѣться въ новомъ своемъ положеніи, обнаруживало, по мнѣнію Тургенева, не желаніе дѣйствовать, а наоборотъ — лѣнь, не прогрессирующую мысль, а невѣжество и застой. Устами Паклина Иванъ Сергѣевичъ даетъ въ концѣ концовъ такой отзывъ о Соломинѣ: „Онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ.

— Потому вѣдь мы, русскіе, какой народъ? Мы все ждемъ: вотъ — молъ придетъ что-нибудь или кто-нибудь и разомъ насъ излѣчитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй? — Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война? Что угодно! только, батюшка, рви зубъ!! — Это все лѣность, вялость, недомысліе! — А Соломинъ не такой: нѣтъ, — онъ зубовъ не дергаетъ — онъ молодецъ“!

Е. М. Гаршинъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ между прочимъ пишетъ: „Изъ ближайшихъ

сосѣдей онъ (Тургеневъ) былъ очень расположенъ къ сосѣдкѣ своей Е. М. Я—ной, которую называлъ замѣчательной русской женщиной, и все собирался повезти насъ къ ней, чтобы показать, какія бываютъ настоящія русскія женщины. Впослѣдствіи я познакомился съ г-жю Я. главнымъ образомъ потому, что меня интересовалъ взглядъ Ивана Сергѣевича на женщинъ и женскій вопросъ. Г-жа Я., одинокая женщина средняго состоянія, вотъ уже лѣтъ десять посвящаетъ свои силы самой скромной дѣятельности на пользу своихъ крестьянъ. Ею устроена образцовая школа, организована медицинская помощь, а главное, ея исключительными стараніями, при противодѣйствіи мѣстнаго дворянства, устроено ссудо-сберегательное товарищество, глубоко пустившее свои корни среди мѣстнаго населенія. И вотъ, въ этомъ скромномъ уголкѣ Россіи, на небольшомъ районѣ, „сѣется разумное, доброе, вѣчное", безъ того треска, какимъ пріобрѣли такую печальную извѣстность бароны Корфы[1]). Помѣщица, названная Гаршинымъ одними иниціалами — Елизавета Мардаріевна Якушкина, жившая въ пяти верстахъ отъ Спасскаго по шоссе въ Чернь — неоднократно упоминается въ письмахъ Ивана Сергѣевича и всегда съ самыми сочувственными отзывами. Какъ видно, Е. М. Якушкина вполнѣ отвѣчала идеаламъ Тургенева и героя его „Нови" — Соломина.

Подобную работу на пользу крестьянъ настойчиво стремился производить Тургеневъ и у себя, — до 1861 г. главнымъ образомъ по добротѣ и отзывчивости своей, а послѣ 1861 г. — и въ силу сознанной, какъ бы политической необходимости или гражданскаго долга. Мы остановимся поэтому нѣсколько подробнѣе на заботахъ Тургенева объ устройствѣ медицинской помощи крестьянамъ, о богадѣльнѣ и о школѣ въ Спасскомъ, пользуясь преимущественно неизданными письмами Ивана Сергѣевича къ его управляющему Кишинскому (хранятся въ Императорской Публичной-Библіотекѣ).

Еще въ письмѣ Тургенева къ Аксаковымъ отъ 23 апрѣля

1) „Историч. Вѣстн." 1883, т. XIV, стр. 394.

1853 г. мы читаемъ: „Крестьяне къ счастью получили довѣренность къ моей *больницѣ* — и тотчасъ являются, какъ только дурно себя чувствуютъ“. Бывшаго домашняго врача (изъ дворовыхъ) своей матери П. Т. Кудряшова, сопровождавшаго Ивана Сергѣевича въ Берлинъ, Тургеневъ всячески понуждалъ къ врачебной практикѣ среди крестьянъ. Выписывалъ для него медицинскіе журналы, лекарства и проч. Къ сожалѣнію, Кудряшовъ отличался порядочной лѣнью и не безвыѣздно проживалъ въ Спасскомъ. „Вполнѣ одобряю вашу мысль вывезти изъ Москвы медикаменты для больныхъ крестьянъ и сосѣдей“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ Кишинскому 18-го февраля (2 марта) 1869 года: „только Порфирій (Кудряшовъ) ихъ въ порядкѣ едва ли будетъ содержать — безъ нѣкотораго надзора“. Въ письмѣ отъ 25-го марта (6 апрѣля) 1873 г. Тургеневъ благодаритъ управляющаго „за устройство больницы“ въ Спасскомъ. Е. М. Гаршинъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣдніе годы жизни Ивана Сергѣевича (вѣроятно 1882 и 1883) въ Спасское былъ приглашенъ военный врачъ изъ г. Мценска, который еженедѣльно пріѣзжалъ туда, давалъ совѣты и снабжалъ больныхъ лекарствами изъ нарочно устроенной при богадѣльнѣ аптеки.

Объ учрежденіи богадѣльни Тургеневъ сталъ серьезно заботиться еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ; въ 1872 году она была открыта недалеко отъ церкви, на мѣстѣ бывшей „земской избы“. Къ первоначальнымъ расходамъ Ивану Сергѣевичу удалось привлечь своего брата Николая, который, несмотря на всю свою скупость, пожертвовалъ на это 1.000 рублей. Двѣ вакансіи изъ шести, существовавшихъ въ богадѣльнѣ, замѣщались поэтому Николаемъ Сергѣевичемъ. Кромѣ того Тургеневъ выдавалъ ежемѣсячно содержаніе деньгами или припасами нѣсколькимъ изъ неспособныхъ къ работѣ крестьянъ и дворовыхъ, проживавшимъ внѣ богадѣльни на селѣ. Средній размѣръ ежемѣсячной выдачи равнялся: 2-мъ пудамъ муки, 15 фунт. крупъ, 15 фунт. мяса, 2 фунт. соли и 2 фунтамъ коноплянаго масла на человѣка. Интересная вѣдомость такимъ пенсіонерамъ, утвержденная подписью Ивана Сергѣевича, была напечатана въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ (1897, № 85). Изъ

сравненія ея съ данными писемъ Тургенева къ Кишинскому видно, что эти пенсіонеры были первыми кандидатами на открывавшіяся вакансіи въ богадѣльню. Бѣдняковъ, получавшихъ указанное мѣсячное содержаніе, числилось, какъ до открытія богадѣльни, такъ и послѣ того — отъ 10 до 15 человѣкъ. Сюда не входили, конечно, тѣ пенсіонеры изъ „интеллигентныхъ", которые жили не въ Спасскомъ и получали довольно крупныя денежныя пособія.

Всего болѣе, однако, доставляла заботъ Тургеневу сельская школа. Мать его Варвара Петровна была болѣе чѣмъ равнодушна къ грамотности крестьянъ, но изъ чванства основала у себя училище, въ которомъ обучали, впрочемъ, главнымъ образомъ нотному пѣнію мальчиковъ для церковнаго хора. Школа эта держалась на подневольномъ трудѣ дворовыхъ людей суровой барыни — и немедленно рухнула послѣ ея смерти, вслѣдствіе отпуска дворовыхъ на волю и отвращенія новаго владѣльца ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ. Но основать школу на новыхъ началахъ нескоро удалось Ивану Сергѣевичу. Онъ почти до 1870 года ограничивался лишь отдѣльными попытками придти на помощь тому или другому изъ своихъ крестьянъ, случайно обнаруживавшихъ охоту учиться. Да и въ этихъ случаяхъ онъ встрѣчалъ препятствія со стороны своего дяди управляющаго, который не стѣснялся иной разъ, конечно тайно отъ своего племянника, не платить за ученье, гдѣ это требовалось [1]). Лишь съ перемѣной управленія въ Спасскомъ, гдѣ Николая Николаевича замѣнилъ Кишинскій, осуществилось давнишнее желаніе Ивана Сергѣевича основать у себя школу для крестьянъ. Въ 1869 г. выстроено было новое зданіе училища „иждивеніемъ", какъ сказано въ запискахъ священника Спасской церкви, „коллежскаго секретаря Ив. Тургенева". Въ 1870 г. въ ней было двадцать-семь мальчиковъ и одна дѣвочка изъ Спасскаго и три мальчика изъ другихъ деревень [2]). Заботы о школѣ Тургенева можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ названной уже переписки его съ Кишинскимъ: „Что касается до Спасскаго сельскаго

---

1) См. „Русск. Вѣстн." 1885, кн. 1, стр. 368.
2) „Историч. Вѣстн." 1894, февраль, 422.

училища, за учрежденіе котораго васъ благодарю", писалъ Иванъ Сергѣевичъ 2 (14) февраля 1870 года: „то предоставляю на совершенное ваше благоусмотрѣніе, передать ли это училище или нѣтъ въ вѣдѣніе земства. 150 руб. сер. я въ годъ могу удѣлить на содержаніе, и, конечно, мнѣ было бы весьма желательно, чтобы это заведеніе дѣйствительно процвѣтало, по вашему выраженію, а не лопнуло бы, какъ множество подобныхъ заведеній на Руси". — „То, что̀ вы пишете мнѣ о Спасской школѣ, мало меня радуетъ. Этого нельзя такъ оставить... Я готовъ опредѣлить 200 руб. въ годъ жалованья дѣльному учителю или учительницѣ, если таковая найдется. Поручаю вамъ похлопотать объ этомъ... Невозможно допустить, чтобы въ моемъ имѣніи, въ имѣніи человѣка, который обязанъ всѣмъ своимъ значеніемъ перу — существовала плохая и неудовлетворительная школа. Теперь же такъ много развелось хорошихъ руководствъ, азбукъ и т. д., что придерживаться старинной, столь неудачной и безплодной системы — грѣшно" (17 (29) декабря 1871 г.). — „Одобряю всѣ ваши распоряженія насчетъ школы и разрѣшаю вамъ выписать всѣ нужныя вамъ книги и прочія школьныя потребности. — Повторяю: школа въ Спасскомъ не должна быть только подобіемъ школы, надлежитъ поставить ее на высокую точку. Надѣюсь, что вашъ выборъ окажется хорошъ, хотя я побаиваюсь недоучившихся студентовъ. Познаній у нихъ хватитъ, — но характеръ — вотъ бѣда!" (12-го (24) января 1872 г.). — „Радуюсь тому, что вы нашли порядочнаго преподавателя для школы; дай Богъ, чтобы его не сманили, или чтобы онъ самъ не запилъ!" (15-го (27) октября 1872 г.). — „Что касается школы, то совѣтую съ твердостью продолжать начатое дѣло; если въ ней даже меньше учениковъ — но эти хорошо учатся, то я въ этомъ вижу положительный успѣхъ. Вы можете прибавить жалованья учителю, если вы имъ довольны, и если это удержитъ его на мѣстѣ" (5-го (17) января 1873 г.). — „Жаль мнѣ, что школа потеряла хорошаго учителя; будемъ надѣяться, что новый до нѣкоторой степени его замѣнитъ" (23-го января (4 февраля) 1873 г.). — „Извѣстія, сообщенныя вами о школѣ, меня радуютъ; если от. діаконъ окажется усерднымъ и дѣльнымъ преподавателемъ, то уполно-

мочиваю васъ поощрять его разными льготами и пособіями отъ моего имени“ (20-го декабря (ст. ст.) 1873 г.). — „Вамъ на мѣстѣ лучше судить, слѣдуетъ ли передать нашу школу въ вѣдѣніе земства. Десятину дать не мудрено, — главное, какіе будутъ результаты? Уполномочиваю васъ поступать по вашему благоусмотрѣнію“ (3-го (15) марта 1874 г.). — „Посылаю вамъ доставленное мнѣ, далеко не лестное, описаніе Спасской школы и тамошней методы преподаванія (правда, оно относится къ прошлому году). Появилась эта статья въ журналѣ „Школьная Жизнь“. Примите это къ свѣдѣнію. Мнѣ особенно непріятно узнать, что въ школѣ, находящейся въ моемъ имѣніи, употребляются тѣлесныя наказанія“ [1]) (2-го (14) мая 1874 г.). — „Явитесь къ Салаеву и представьте ему списокъ нужныхъ для школы книгъ. Онъ вамъ ихъ выдастъ и внесетъ это на мой счетъ“ (30-го іюня (ст. ст.) 1874 г.). — „Разрѣшаю вамъ покрыть желѣзомъ крышу школы“ (14-го (26) сентября 1875 г.). — „Что сдѣлалось съ умнымъ мальчикомъ Никитой, котораго я видѣлъ третьяго года въ школѣ и который такіе дѣлалъ успѣхи? Живъ ли онъ и продолжаетъ ли хорошо учиться? И какъ идетъ вообще школа?“ (26-го февраля (ст. ст.) 1876 г.). — „Мнѣ пріятно слышать, что Никита Герасимовъ продолжаетъ хорошо учиться и вести себя: прошу наблюдать за нимъ и оказывать ему всякое вспомоществованіе“ (22-го марта (ст. ст.) 1876 г.).

Своихъ заботъ о спасскомъ училищѣ Иванъ Сергѣевичъ не прекращалъ до самой кончины. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ нашелъ для него хорошую учительницу, въ лицѣ Е. Я. Григорьевой, которой выдавалось ежемѣсячно 35 руб. изъ спасской конторы; кромѣ того, священникъ за преподаваніе Закона Божія получалъ особо 7 руб. въ мѣсяцъ. Въ 1880 году Тургеневъ серьезно задумалъ передать школу духовному вѣдомству, обезпечивъ ее денежнымъ вкладомъ и отрѣзавъ въ пользу ея четыре десятины около Варнавинскаго пруда; осуществленію этой мысли

---

1) Въ „Школьной Жизни“ ни за 1873 г., ни за 1874 г. — ничего нѣтъ о спасскомъ училищѣ. Не ошибочно ли названъ журналъ?

помѣшали, однако, болѣзнь и смерть Ивана Сергѣевича. Но даже мучимый своей тяжкой предсмертной болѣзнью, окончательно приковавшей его къ постели, онъ писалъ своимъ крестьянамъ 4-го сентября 1882 г.: „Жалѣю, что ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время безграмотный человѣкъ — то же, что слѣпой или безрукій“.

Доброта и любовь къ крестьянамъ сказывались у Тургенева не въ однѣхъ заботахъ о ихъ нуждахъ. Онъ не прочь былъ иногда и побаловать ихъ веселымъ праздникомъ. Помня старый русскій помѣщичій обычай, Иванъ Сергѣевичъ любилъ — въ иной пріѣздъ свой въ Спасское — собрать передъ террасой толпу крестьянъ и крестьянокъ, полюбоваться ихъ хороводами, послушать ихъ пѣсни. При этомъ имъ предлагалось угощеніе, крестьянкамъ же сверхъ того — различные подарки: платки, ленты и т. п.

„Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!
Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ, —
Потѣшайся, Мценскій міръ!“

Такъ, напримѣръ, шутливо писалъ Фету Иванъ Сергѣевичъ 8 іюня 1870 года — „Вчера вечеромъ, съ вашимъ письмомъ въ карманѣ“, писалъ Тургеневъ Флоберу изъ Спасскаго 23 іюня 1876 года: „я сидѣлъ на крыльцѣ моей веранды, а передо мной находилось около шестидесяти крестьянокъ; почти всѣ онѣ были одѣты въ красное, и всѣ очень некрасивыя (за исключеніемъ одной, только-что вышедшей замужъ, лѣтъ шестнадцати, — она хворала лихорадкой и была поразительно похожа на Сикстинскую Мадонну въ Дрезденѣ). Онѣ плясали, какъ сурки или медвѣдицы, и пѣли рѣзкими, грубыми, но *вѣрными* голосами. Это былъ маленькій праздникъ, устроить который онѣ меня просили, что̀ было, впрочемъ, очень легко: два ведра водки, пирожки, орѣхи — вотъ и все. Пока онѣ плясали, я смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ было страшно грустно. Маленькую Мадонну

зовутъ Маріей, какъ тому и слѣдуетъ быть". Но всего лучше описалъ подобный праздникъ Я. П. Полонскій, наблюдавшій его лѣтомъ 1881 года, когда гостилъ у Тургенева въ Спасскомъ:

„Черезъ нѣсколько дней состоялся деревенскій праздникъ. Жена моя должна была ѣхать въ Мценскъ для закупки лентъ, бусъ, платковъ, серегъ и т. п. Управляющій поѣхалъ за виномъ, пряниками, орѣхами, леденцами и проч. лакомствами.

„Къ 7 часамъ вечера толпа уже стояла передъ террасой: мужики безъ шапокъ, бабы и дѣвки нарядныя и пестрыя, какъ раскрашенныя картинки, кое-гдѣ позолоченныя сусальнымъ золотомъ. Начались пѣсни и пляски. Въ пѣніи мужики не принимали никакого участія, они поочередно подходили къ ведру или чану съ водкой, черпали ее стеклянной кружечкой и, запрокидывая голову, выпивали. Только одинъ, пришлый мужикъ, въ красной рубашкѣ, и пѣлъ, и плясалъ, и кланялся, и подмигивалъ, и присвистывалъ. Помню — онъ спѣлъ какую-то сатирическую веселую пѣсню на господъ, и очень сожалѣю, что не записалъ ее. На террасѣ гостей было мало, было только семейство арендатора Щепкина и управляющій имѣніемъ сынъ его Н. А. съ супругой.

„Лакомство раздавалось тоже поочердно, — мальчишки подставляли свои шапки, старухи — платки, бабы и дѣвки — фартуки.

„Раздавая картинки и азбуки, закупленныя мною въ Питерѣ, я былъ удивленъ, какъ нашлось много на нихъ охотниковъ, даже дѣвочки полѣзли на террасу съ протянутыми руками.

— А ты будешь учиться грамотѣ? — спросилъ я одну изъ дѣвочекъ — лѣтъ одиннадцати.

— Ни! — она замотала головой, жестомъ давъ мнѣ понять, что ни за что на свѣтѣ! — и отошла. Зачѣмъ же ей была нужна азбука?

„За мужиками къ водкѣ подходили бабы и дѣвки, за ними дѣти, начиная съ 5-лѣтняго возраста, если еще не моложе. Сами матери подводили ихъ.

„Чѣмъ же кончился праздникъ?

„Ропотомъ крестьянъ, что вина было мало — всего

только два чана (сколько въ нихъ было ведеръ — не помню). Они просили послать еще за виномъ. Управляющій сталъ ихъ стыдить и уговаривать. „И радъ бы, — говорилъ онъ, — Иванъ Сергѣевичъ послать за виномъ, да куда? Въ Мценскъ далеко, а кабакъ, сами знаете, сгорѣлъ. Куда же мы за виномъ пошлемъ?

„Къ 10 часамъ вечера все уже было тихо. Нѣсколько пьяныхъ ночевали въ саду, подъ кустами, въ куртинахъ. Тѣмъ все и кончилось.

„Ивана Сергѣевича больше всего занималъ типъ пришлаго мужика въ красной рубашкѣ, черноволосаго, съ живыми, быстрыми маленькими глазами, веселаго прилипалы, плясуна и любезника.

— Ты что̀ думаешь? — говорилъ мнѣ о немъ Тургеневъ: — въ случаѣ какого-нибудь безпорядка, бунта или грабежа, онъ былъ бы всѣхъ безпощаднѣе, былъ бы одинъ изъ первыхъ, даромъ что онъ такъ юлилъ да кланялся. Ему очень хотѣлось, чтобъ ты далъ ему рубль или хоть двугривенный; а между тѣмъ, слышалъ, какую онъ про барскія причуды пѣсню пѣлъ? Это братъ, типъ!

„Я спросилъ Тургенева, зачѣмъ онъ не приказалъ мужикамъ надѣть шапки?

— Нельзя, — сказалъ Тургеневъ. — Вѣрь ты мнѣ, что нельзя! я народъ этотъ знаю, меня же осмѣютъ и осудятъ. Не принято это у нихъ. Другое дѣло, если бы они эти шапки надѣли сами, тогда и я былъ бы радъ. И то уже меня радуетъ, — говорилъ онъ въ другой разъ, сидя съ нами въ коляскѣ, когда мы катались, — что поклонъ мужицкій сталъ уже далеко не тотъ поклонъ, какимъ онъ былъ при моей матери. Сейчасъ видно, что кланяются добровольно — дескать, почтеніе оказываемъ; а тогда отъ каждаго поклона такъ и разило рабскимъ страхомъ и подобострастіемъ. Видно, Ѳедотъ — да не тотъ!“ [1])

Недоброжелатели Тургенева, въ родѣ Фета, готовы были видѣть въ такихъ праздникахъ одно странное удовольствіе „спаивать толпу до положенія скота“. Но гово-

---

1) „Нива“ 1884, стр. 67.

ривщіе такъ умалчивали, конечно, о постоянной борьбѣ Ивана Сергѣевича съ кабакомъ. „Подъ его (Тургенева) вліяніемъ“, пишетъ Е. М. Гаршинъ: „спасскіе крестьяне давно уже составили приговоръ о неимѣніи у себя кабака. Тогда нашелся одинъ предпріимчивый отставной унтеръ-офицеръ, который у сосѣднихъ крестьянъ князя Меньшикова снялъ въ аренду клочокъ земли, подходящей къ самому въѣзду въ село Спасское. Здѣсь, на основаніи приговора Меньшиковскихъ крестьянъ, онъ и выстроилъ свой кабакъ. Тогда была придумана другая комбинація: при въѣздѣ въ Спасское на иждивеніе Ивана Сергѣевича выстроена часовня въ память покойнаго императора Александра II, и по открытіи часовни возбуждено было ходатайство о закрытіи кабака, находящагося на незаконномъ разстояніи отъ часовни“. Послѣ этого предпріимчивый унтеръ-офицеръ долженъ былъ продавать водку уже потихоньку и съ предосторожностями. На постройку часовни Тургеневъ потратилъ 600 руб. и поставилъ въ ней прекрасной работы образъ св. Александра Невскаго, писанный на цинковой доскѣ художникомъ Фартусовымъ, ученикомъ профессора Сорокина. Лампада передъ этой иконой была пожертвована стариннымъ пріятелемъ Ивана Сергѣевича — И. И. Масловымъ.

Крестьянскій бытъ, крестьянская среда никогда не были главнымъ предметомъ наблюденій Ивана Сергѣевича, что нисколько, конечно, не противорѣчило его „аннибаловской клятвѣ“. Особенно незначительную роль въ его творчествѣ сталъ играть послѣ 1861 г. *свободный* крестьянинъ. Представивъ нѣсколько прекрасныхъ типовъ дореформенной мужицкой среды, преимущественно, впрочемъ, дворовыхъ людей, Тургеневъ не далъ намъ ни одного изъ времени позднѣйшаго. Пробѣломъ это обстоятельство могло бы явиться лишь въ „Нови“. Но Иванъ Сергѣевичъ весьма искусно ограничилъ задачи своего романа, чѣмъ и избѣгнулъ риска изобразить то, съ чѣмъ знакомъ былъ, по его признанію, недостаточно хорошо. „Что же касается изображенія крестьянъ (въ „Нови“)“, писалъ онъ Кавелину 17 (29) декабря 1876 года: „то тутъ съ моей стороны была

нѣкоторая преднамѣренность. Такъ какъ мой романъ не могъ захватить и ихъ (по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вышло бы слишкомъ широко, и я бы выпустилъ нити изъ рукъ; во-вторыхъ, я не довольно тѣсно и близко знаю ихъ теперь, чтобы быть въ состояніи уловить то еще неясное и неопредѣленное, которое двигается въ ихъ внутренностяхъ), то мнѣ осталось только представить ту ихъ жесткую и терпкую сторону, которою они соприкасаются съ Неждановыми, Маркеловыми и т. д. Быть можетъ, мнѣ бы слѣдовало рѣзче обозначить фигуру Павла, Соломинскаго фактотума, будущаго дѣятеля, но это слишкомъ крупный типъ — онъ станетъ со временемъ (не подъ моимъ, конечно, перомъ — я для этого слишкомъ старъ и слишкомъ долго живу внѣ Россіи) центральной фигурой новаго романа. Пока я едва назначилъ его контуры“ [1]).

„Жесткую и терпкую сторону“ крестьянства Иванъ Сергѣевичъ хорошо зналъ по себѣ, хотя натыкался на нее, конечно, при другихъ условіяхъ, чѣмъ молодые радикалы „Нови“. Онъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ тульскіе мужики ругали помѣщика Ш—на за то, что онъ у себя на сараяхъ поставилъ остроконечныя, высокія крыши (чтобъ снѣгъ зимой не держался на нихъ, а скатывался). „Бога въ томъ нѣтъ“, ворчали мужики: „кто такія крыши строитъ . . . убить его мало . . . Чортовы эти крыши — вотъ что̀!“

„ — А какъ же, — спросилъ по этому поводу Полонскій Тургенева: — выносятъ они и паровыя молотилки, и вѣялки?

— Они видятъ ихъ несомнѣнную пользу и, главное, приглядѣлись къ нимъ; но за то, — продолжалъ Тургеневъ, — какъ же они и торжествуютъ и радуются, если машина сломается, — радостному говору и толкамъ конца нѣтъ. Напротивъ, если все идетъ хорошо и безъ всякихъ остановокъ — имъ скучно, они хмурятся и какъ бы недовольны“.

Кромѣ того, спасскіе крестьяне слишкомъ часто и слишкомъ грубо злоупотребляли добротой своего барина, чтобы „терпкость и жесткость“ ихъ не давала себя чувствовать Ивану Сергѣевичу. „Однажды“, разсказываетъ Полонскій:

1) „Русск. Мысль“ 1892 г., кн. 10, стр. 8.

„пришли ему сказать, что спасскіе мужики пригнали къ нему въ садъ цѣлый табунъ лошадей (и я видѣлъ самъ, какъ паслись эти лошади на куртинахъ между деревьями). Тургеневу было это не особенно пріятно, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: — Велѣлъ я садовнику и сторожу табунъ этотъ выгнать, и что же, ты думаешь, отвѣчали ему мужики? — Попробуй кто-нибудь выгнать — мы за это и морду свернемъ!

— Вотъ ты тутъ и дѣйствуй! — разставя руки, произнесъ Тургеневъ“.

Но эта крестьянская диковатость представлялась Ивану Сергѣевичу въ соединеніи съ нѣкоторыми своеобразно-гуманными чертами. Вотъ почему многимъ пришлось слышать отъ него шутливую импровизацію, записанную тѣмъ же Полонскимъ: „Помню, какъ въ одно прекрасное утро онъ (Тургеневъ), посмѣиваясь, передалъ мнѣ воображаемую имъ сцену, какая, будто бы, ожидаетъ насъ у него въ деревнѣ: — Будемъ мы, — говорилъ онъ, — сидѣть поутру на балконѣ и преспокойно пить чай, и вдругъ увидимъ, что къ балкону, отъ церкви — по саду приближается толпа спасскихъ мужичковъ. Всѣ, по обыкновенію, снимаютъ шапки, кланяются и на мой вопросъ: ну, братцы, что вамъ нужно?

— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не посѣтуй! — отвѣчаютъ. — Баринъ ты добрый, и оченно мы тобой довольны, а все-таки, хошь не хошь, а придется тебя, да ужъ кстати вотъ и его (указывая на меня) повѣсить. — Какъ?! — Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка! А мы ужъ и веревочку припасли . . . Да ты помолись . . . Что жъ! Мы вѣдь не злодѣи какіе-нибудь . . . тоже, чай, люди-человѣки . . . Можемъ и повременить маленько“ . . .

Не будучи въ состояніи съ достаточной опредѣленностью уловить то, еще неясное и новое, что̀ стало слагаться въ глубинѣ крестьянской жизни послѣ 1861 г., и разъяснить эти явленія другимъ, Тургеневъ не могъ не замѣтить и не могъ не скорбѣть о такихъ крупныхъ фактахъ новой жизни, какъ быстрое развитіе кулачества и среди крестьянъ и среди помѣщиковъ. Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ пріѣздовъ на родину Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ въ Петербургѣ собравшимся его послушать молодымъ русскимъ литера-

торамъ: „Вотъ явленіе, съ которымъ просто необходимо считаться и не оставлять его безъ вниманія. Скоро не будетъ, кажется, деревни безъ кулака. Плодятся они, положительно, какъ грибы, и чортъ знаетъ, что̀ дѣлаютъ. Это какіе-то разбойники. Я думаю написать разсказъ объ одномъ такомъ артистѣ, котораго такъ и назову — „Всемогущій Житкинъ". Это, видите ли, сосѣдъ бывшихъ нашихъ крестьянъ. Онъ не только ихъ эксплуатируетъ, не только беретъ съ нихъ разные поборы и чуть ли не каждый день загоняетъ ихъ скотъ и беретъ штрафы, но захватываетъ даже у нихъ землю, переноситъ межи и переставляетъ столбы. Представьте, какую штуку выкинулъ: жаловались мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ крестьяне, что онъ у нихъ землю захватилъ. Я сказалъ имъ: захватилъ, такъ жалуйтесь суду. — „Да жаловаться-то, — говорятъ, — нельзя: ужъ жаловались, да ничего не выходитъ, потому что по плану-то по его выходитъ. А на са́момъ-то дѣлѣ по нашему должно быть". Что̀, думаю, за чепуха такая? Послалъ въ контору, велѣлъ принести планъ, поѣхалъ съ нимъ на мѣсто и увидѣлъ, что все какъ слѣдуетъ, т.-е. границы въ натурѣ совпадаютъ съ планомъ. Очевидно, крестьяне неправы. Такъ и сказалъ имъ. А они между тѣмъ все свое твердятъ и каждый годъ мнѣ повторяютъ одно и то же: захватилъ да захватилъ. Ну, думаю, это обыкновенная исторія: мужику какъ втемяшется что̀ въ голову, такъ не скоро оттуда выйдетъ. Однако, представьте, что̀ вышло: въ позапрошломъ году разбирали у меня въ кладовыхъ и на чердакахъ всякій хламъ и старыя бумаги, и нашли старый планъ имѣнія, гдѣ обозначены сосѣднія границы и земля, отведенная потомъ крестьянамъ. Сталъ я сличать этотъ планъ съ новымъ и убѣдился, что они не сходятся. Велѣлъ запречь дрожки и поѣхалъ на мѣсто: оказалось, что межа, дѣйствительно, перенесена, и что крестьяне правы. Просто руками развелъ и окончательно сталъ втупикъ, какъ это могло случиться. Ахъ, какая тутъ досада меня взяла! Между тѣмъ, увидѣвъ, что я пріѣхалъ опять съ планомъ и что-то смотрю, пришли и мужики, цѣлая огромная толпа, пришелъ и Житкинъ, и какая-было вышла непріятная исторія: услышавъ, что правда не на его, а на ихъ сторонѣ, они напустились на него и стали самымъ

невозможнымъ образомъ ругаться; онъ сначала попробовалъ-было отругиваться, но потомъ видитъ, — дѣло плохо, видитъ, что негодованіе растетъ и становится все единодушнѣе и единодушнѣе, видитъ, что его окружаютъ . . . Былъ одинъ моментъ, когда и мнѣ показалось, что вотъ еще одно какое-нибудь слово, одна какая-нибудь капля, и всѣ набросятся на него и растерзаютъ въ клочки. Признаться, перетрусилъ я; попаду, думаю, въ кашу, пожалуй еще подстрекателемъ сдѣлаютъ: я вѣдь планъ разыскалъ и пріѣхалъ съ нимъ; я сказалъ, что онъ не правъ, и т. д. Но тутъ меня внезапно осѣнила мысль, которая дала дѣлу совершенно неожиданный оборотъ. Вдругъ я протискался впередъ и просто не своимъ голосомъ закричалъ на Житкина: „Я тебѣ, мерзавецъ, за это задамъ! Въ острогъ засажу, въ каторгу сошлю, въ кандалы закую!“ — Смотрю, всѣ примолкли, возбужденіе въ толпѣ утихаетъ, видятъ, что защита есть, что самъ баринъ, а слѣдовательно и начальство за дѣло берутся. — „Вотъ, погоди, говорятъ, будетъ тебѣ на орѣхи, вражій сынъ, узнаешь кузькину мать!“ — Точно камень у меня съ души свалился: слава Богу, думаю, благополучно все кончилось. И за нихъ вѣдь боялся: случись что-нибудь, отвѣчали бы, не пошутили бы съ ними. Дальше. Пообѣщавъ наказать Житкина, я дѣйствительно думалъ не оставлять этого дѣла такъ и что-нибудь сдѣлать; просилъ всѣхъ, кого только можно было, обратить на это вниманіе; говорилъ при случаѣ даже губернатору, котораго хорошо знаю; всѣ обѣщали, но не тутъ-то было: по крайней мѣрѣ, въ прошломъ году ничего еще не было сдѣлано и все оставалось по старому. Вотъ интересно, что̀ въ нынѣшнемъ году найду. Очень возможно, что и до сихъ поръ ничего не сдѣлано. Просто удивительно, какими путями такіе господа устраиваютъ и обдѣлываютъ свои дѣла: чтобы межу перенести и одинъ планъ замѣнить другимъ, надо похлопотать да похлопотать, и втихомолку вѣдь этого тоже нельзя сдѣлать, объ этомъ, вѣроятно, если не всѣ, то многіе знали или слышали. Затѣмъ тотъ фактъ какъ вамъ нравится, что я, крупный мѣстный землевладѣлецъ, человѣкъ со связями и знакомствами, ничего не могу сдѣлать въ данномъ случаѣ, не могу добиться никакого толку. Увѣренъ вѣдь, что и губернаторъ на моей

сторонѣ и желалъ бы также, чтобы дѣло рѣшилось въ пользу крестьянъ, но и онъ, оказывается, не все можетъ сдѣлать! — Такія дѣла обдѣлываются черезъ всю эту канцелярскую многочисленную уѣздную мелюзгу, а съ нею въ тѣсной связи, конечно, и губернская мелюзга; вотъ и идутъ отписки да переписки, справки да заключенія, а губернаторъ тѣмъ временемъ ждетъ-ждетъ да и забудетъ. Во многихъ случаяхъ только этого и было нужно. Но лучше всѣхъ самъ этотъ Житкинъ: представьте, въ прошломъ году ѣду я по желѣзной дорогѣ, вдругъ онъ на одной изъ станцій откуда-то взялся, влетаетъ въ вагонъ и валится въ ноги: „Сдѣлайте божескую милость, не погубите, вѣкъ буду Бога молить" и т. д. Вы, можетъ быть, подумаете, что онъ отказывается отъ захваченной земли и проситъ только, чтобы наказанья ему никакого не было? Нѣтъ онъ проситъ только, чтобы я отказался отъ дѣла и оставилъ его, какъ оно есть. Понимаете, кланяется, а въ то же время свое дѣло дѣлаетъ, зацѣпилъ зубами, и не можетъ разжать пасть-то" [1]).

„Крѣпостное право", говорилъ Тургеневъ въ другой разъ: „мы побѣдили, т.-е. уничтожили зависимость лица отъ лица, Петра отъ Семена, но крѣпостное право въ другомъ видѣ еще осталось. Крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ кулака, будь то помѣщикъ или мужикъ; онъ дѣлается его вещью. Еслибы я былъ помоложе, я и съ беллетристической стороны напалъ бы на этого врага". Дѣйствительно, „напасть на этого врага" Ивану Сергѣевичу удалось, изображая лишь помѣщичью среду въ „Нови". Блестящій камеръ-юнкеръ Калломѣйцевъ выведенъ авторомъ, именно, какъ типъ барина-ростовщика, который къ тому же „былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ требованіяхъ, что лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ — не допускать же ихъ въ свой раздушенный европейскій кабинетъ! — а вѣдался съ ними черезъ приказчика".

Но если на художественной почвѣ Тургеневъ послѣ 1861 г. затрогивалъ крестьянина рѣже и меньше, чѣмъ до этого времени, то съ теоретической, такъ сказать, стороны

---

1) „Историч. Вѣстн." 1890, февр. 269—271.

ему пришлось заниматься имъ болѣе послѣ манифеста 19 февраля.

Въ 1847 году у насъ былъ вновь поднятъ вопросъ, поставленный еще при Екатеринѣ II (Болтинъ) о крестьянской поземельной общинѣ или „мірѣ“, какъ называли ее крестьяне съ ея передѣлами и круговою порукой. Именно Гакстгаузенъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Россіи выставилъ положеніе, что на Руси нѣтъ и не можетъ быть пролетаріата, пока существуетъ община. Мысль эта подробно развивалась затѣмъ Чернышевскимъ, Кавелинымъ и Герценомъ. Но особенно настойчиво защищали ее славянофилы, которые поставили ее даже въ одно изъ основъ своего міровоззрѣнія. Ю. Самаринъ писалъ, что „общинное начало есть основа, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей“. Хомяковъ связывалъ съ нею и „артель“, какъ общину промышленную.

И. С. Тургеневъ съ самаго начала отнесся ко всему этому довольно сдержанно, впослѣдствіи же сталъ по отношенію къ вопросу объ общинѣ въ ряды ея открытыхъ противниковъ. Въ 1856 году онъ писалъ С. Т. Аксакову: „Съ Константиномъ Сергѣевичемъ (Аксаковымъ), я боюсь, мы никогда не сойдемся. Онъ въ „мірѣ“ видитъ какое-то всеобщее лѣкарство, панацею, альфу и омегу русской жизни; а я, признавая его особенность и свойственность — если можно такъ выразиться — Россіи, всетаки вижу въ немъ одну лишь первоначальную, основную почву — но не болѣе какъ почву, форму, *на* которой строится, а не *въ* которую выливается государство. Дерево безъ корней быть не можетъ; но Константинъ Сергѣевичъ, мнѣ кажется, желалъ бы видѣть корни на вѣтвяхъ. Право личности имъ, что̀ ни говори, уничтожается — а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сражаться до конца“. Въ 1859 году, наканунѣ реформы, онъ писалъ И. С. Аксакову: „О мірѣ, объ общинѣ, о мірской отвѣтственности въ нашихъ околодкахъ никто слышать не хочетъ: я почти убѣждаюсь, что это надо будетъ наложить на крестьянъ въ видѣ административной и финансовой мѣры: само собою они не согласятся, т.-е. они дорожатъ міромъ только съ юридической точки зрѣнія—какъ *самосудствомъ*, если можно такъ выразиться, но никакъ не иначе“.

Послѣ освобожденія крестьянъ, когда общинное владѣніе съ круговой порукой было закрѣплено закономъ, Тургеневъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ порядковъ. „Изъ того факта, что вы хотите заключить контракты только съ міромъ“, писалъ онъ Фету 29 ноября 1869 г.: „а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука — вещи прелестныя... Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука *очень выгодны для помѣщика*, для власти, для другого, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ *субъектовъ?* Вотъ въ чемъ вопросъ! Оказывается, что больно невыгодны, да такъ, что, разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ*“. Черезъ мѣсяцъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ тому же корреспонденту: „Ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ паръ, который, по вашему, такъ необходимъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ; и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь. Община существуетъ у арабовъ (отчего они мерли съ голоду, а кабилы, у которыхъ ея нѣтъ, не мерли). Паръ, круговая порука — все это было и есть въ Англіи, въ Германіи большею частію было, потому что отмѣнено“. Столь же отрицательно отнесся Иванъ Сергѣевичъ и къ „артели“, которую славянофилы такъ тѣсно связывали съ общиной и считали коренной русской особенностью. Въ 1867 году онъ писалъ Герцену по поводу „придуманныхъ господами и навязанныхъ народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родѣ общины и артели“. „Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели, — я никогда не забуду выраженіе лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: „кто артели не знавалъ, не знаетъ петли“. Не дай Богъ, чтобъ безчеловѣчно-эксплуататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда-нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! „Намъ въ артель его не надыть: человѣкъ онъ, хоша не воръ, безденежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ ненадеженъ — на кой его намъ лядъ!“ Эти

слова можно услыхать сплошь да рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи". Вообще, Ивана Сергѣевича сердила и волновала теорія, которая изъ общины и артели желала вывести начала общежитія и нравственности, могущія обновить и русскіе образованные слои, и весь строй европейской жизни. Эта теорія исключительной миссіи русскаго мужика въ дѣлѣ излѣченія человѣчества отъ вѣковыхъ его недостатковъ сердила Ивана Сергѣевича и своей неопредѣленностью, и началами косности, заключающимися въ ней. Она предполагала въ сущности передачу культуры не отъ образованнаго класса крестьянской средѣ, а наоборотъ — требовала, чтобы люди, прошедшіе европейскую школу, обратились за наукой къ мужику, нетронутому цивилизаціей. Свои возраженія на эту теорію Тургеневъ подробно излагалъ въ письмахъ къ Герцену: „Роль образованнаго класса въ Россіи", писалъ онъ 8 октября 1862 года: „быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что̀ ему отвергать или принимать; это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ, хотя ее приводитъ въ дѣйствіе революція[1]), эта роль, по моему, еще не кончена. Вы же, господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы) абстрагируя изъ едва понятой и понятной субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что̀ всего важнѣе, въ сущности отрекаетесь отъ революціи, — потому что народъ, передъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно-набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніемъ ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что̀ далеко оставитъ за собой всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты

1) Слову „революція" Иванъ Сергѣевичъ придаетъ въ письмахъ къ Герцену тотъ же самый смыслъ, какой предоставляетъ ему и въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ (изд. „Нивы", т. XII, стр. 38) — смыслъ „науки, прогресса, гуманности, цивилизаціи", а не *насильственнаго* переворота.

изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить — посмотри на нашихъ купцовъ... Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: „земство, артель и община", или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность — то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ чуть не на одной страницѣ Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ". Черезъ мѣсяцъ Тургеневъ писалъ Герцену по тому же вопросу: „Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ — das Absolute, однимъ словомъ, — то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя, — такъ давай воздвигать алтарь этому новому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего неизвѣстно — и опять можно молиться, и вѣрить, и ждать. Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что̀ вы отъ него ждете, — это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшней властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что̀ вы ненавидите, ненавидитъ то, что̀ вы любите; богъ принимаетъ именно то, что̀ вы за него отвергаете; вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатическимъ экстазомъ, твердите о „весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ и т. д.". Исторія, филологія, статистика — вамъ все ни по чемъ; ни по чемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, „genus Europaeum", и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ уткѣ, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами, какъ рыба".

Отголоски этой горячей отповѣди Тургенева мы находимъ позднѣе въ рѣчахъ Потугина („Дымъ“): „. . . Постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому, что мы, молъ, образованные люди, — дрянь; но народъ . . . о, это великій народъ! Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемте же вѣрить въ армякъ. Ну, а коли армякъ выдастъ? Нѣтъ, онъ не выдастъ, прочтите Кохановскую, и очи въ потолоки! Право, если бъ я былъ живописцемъ, вотъ бы я ка́кую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: „вылечи, молъ, меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти“; а мужикъ, въ свою очередь, низко кланяется образованному человѣку: „научи, молъ, меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты“. Ну, и, разумѣется, оба ни съ мѣста“.

Но для лучшаго воспроизведенія истинныхъ взглядовъ Ивана Сергѣевича по затронутому вопросу необходимо имѣть въ виду слѣдующій горячій споръ (1878 г.) автора „Дыма“, записанный дословно однимъ изъ собесѣдниковъ. „ — Я ненавижу славянофиловъ, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — они всѣхъ губили, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, и Кохановскую, и Гоголя . . . Я ихъ ненавижу за то, что они, въ сущности, вовсе не русскіе люди, а нѣмцы больше самихъ нѣмцевъ . . . во-первыхъ, они систематики, а систематичность чужда русскому человѣку.

— А вотъ они такъ васъ западникомъ ругаютъ, говорятъ, что вы потому и въ „нѣметчинѣ“ живете, что Россію не любите! . .

— Что̀ за вздоръ! Нѣтъ, вы слушайте: славянофилы создали себѣ идею о русскомъ человѣкѣ и подгоняютъ всю русскую жизнь подъ эту идею . . . Для нихъ русскій человѣкъ и западный человѣкъ составляютъ двѣ противоположности . . . А какая въ сущности между нами разница? Мы — вѣтви одного и того же родословнаго индо-европейскаго дерева. Одна вѣтвь выросла въ одну сторону, другая въ другую; а славянофилы считаютъ, что нѣтъ, что мы два разныхъ дерева, и что если въ данномъ случаѣ европеецъ поступитъ такъ, то русскій, только въ силу того, что онъ русскій, долженъ поступать наоборотъ. Кто говоритъ, —

конечно, мы во многомъ отличаемся отъ западно-европейскихъ народовъ... Возьмите хоть то, что̀ вы говорили объ индивидуализмѣ, — я согласенъ съ вами: русскій гораздо меньше индивидуалистъ, чѣмъ западный европеецъ. Сравните даже и грамматическія формы: что̀ можетъ быть индивидуальнѣе французскаго глагола? И что̀ можетъ быть шире и болѣе обще глагола русскаго? И нравственность у насъ другая, у насъ больше общественнаго чувства, развившагося на почвѣ русской общины...

— Ну, она отчасти силой была навязана крестьянству, — перебилъ X. — Смотрите, какъ теперь дѣлается въ Россіи. Все подѣлилось въ крестьянствѣ, все стремится устроиться на почвѣ естественной семьи, т.-е. состоящей изъ мужа, жены и ихъ дѣтей...

— Такъ, такъ, я самъ знаю это, самъ видѣлъ прелюбопытные случаи дѣлежа. Мнѣ разъ посовѣтовали взглянуть на одну семью, гдѣ два брата, имѣвшіе одинъ только жалкій домишко и дворъ съ огородомъ, все это раздѣлили на двѣ части и даже избу перегородили простымъ огороднымъ плетнемъ. Вмѣсто одной печи они поставили двѣ, и это все-таки не мѣшало ругаться невѣсткѣ и свекрови — одинъ братъ былъ вдовъ, и у него хозяйствомъ заправляла мать. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русскій человѣкъ дѣйствительно нравственнѣе западнаго и чувство правды у него сильнѣе. Однажды Меримѐ сказалъ мнѣ вещь, которую я никогда не забуду, — онъ сказалъ, что „русское искусство черезъ правду дойдетъ до красоты“ [1])...

Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Сергѣевичъ не столько отрицалъ тѣ качества русскаго человѣка, на какія ссылалось славянофильство, сколько отвергалъ выводы изъ нихъ, дѣлаемые послѣднимъ. Онъ не столько указывалъ на превосходство западныхъ народовъ, переработанныхъ культурой, сколько настаивалъ на тѣхъ прекрасныхъ результатахъ, которые получатся отъ насажденія образованія среди русскихъ народныхъ массъ. А въ своей полемикѣ съ славянофилами и Герценомъ онъ является передъ нами не столько

---

1) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1887, кн. 3, стр. 53.

человѣкомъ глубоко и всесторонне образованнымъ, какимъ онъ несомнѣнно былъ, сколько патріотомъ, для котораго благополучіе родины дороже личныхъ благъ и собственнаго спокойствія.

Только при такихъ условіяхъ Тургеневъ могъ раскрыть въ русскомъ крестьянинѣ „человѣка“ своими „Записками Охотника“; только при этой любви онъ могъ обезсмертить въ поэтическихъ ȍбразахъ тѣ высокія нравственныя качества простого земледѣльца, какія глубоко насъ трогаютъ въ его стихотвореніяхъ въ прозѣ: „Два богача“ или „Повѣсить его!“

Велико было у Ивана Сергѣевича пониманіе русскаго мужика и его нуждъ, много онъ подмѣтилъ за нимъ характерныхъ особенностей; но и Тургеневъ, этотъ чуткій психологъ, при всемъ своемъ художественномъ дарованіи, нерѣдко останавливался въ недоумѣніи передъ крестьянской жизнью. „Русскій народъ — самый странный и самый удивительный народъ во всемъ мірѣ“, — писалъ онъ въ 1852 году, приготовивъ къ отдѣльному изданію свои „Записки Охотника“. Ту же мысль высказывалъ онъ и на закатѣ своей дѣятельности:

„Изжелта-сѣрый, сверху рыхлый, исподнизу твердый скрипучій песокъ... песокъ безъ конца, куда ни взглянешь! И надъ этой песчаной пустыней, надъ этимъ моремъ мертваго праха, высится громадная голова египетскаго сфинкса.

„Чтȍ хотятъ сказать эти крупныя, выпяченныя губы, эти неподвижно расширенныя, вздернутыя ноздри — и эти глаза, эти длинные полу-сонные, полу-внимательные глаза подъ двойной дугой высокихъ бровей? А что-то хотятъ сказать они! Они даже говорятъ — но одинъ лишь Эдипъ умѣетъ разрѣшить загадку и понять ихъ безмолвную рѣчь.

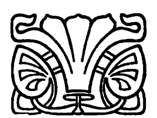
„Ба! Да я узнаю эти черты... въ нихъ уже нѣтъ ничего египетскаго. Бѣлый, низкій лобъ, выдающіяся скулы, носъ короткій и прямой, красивый бѣлозубый ротъ, мягкій усъ и бородка курчавая — и эти широко разставленные небольшіе глаза... а на головѣ шапка волосъ, разсѣченная проборомъ... Да это ты, Карпъ, Сидоръ, Семенъ,

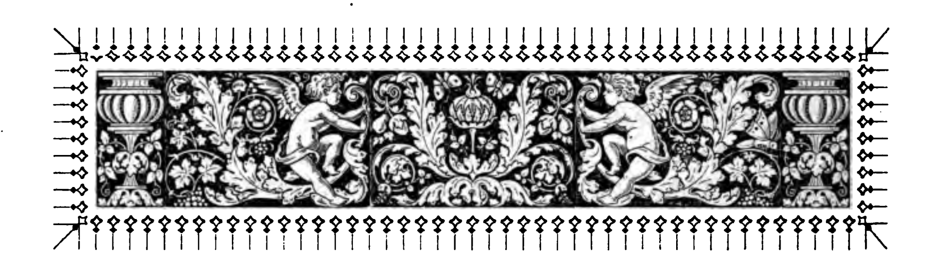
ярославскій, рязанскій мужичокъ, соотчичъ мой, русская косточка! Давно ли попалъ ты въ сфинксы?

„Или ты тоже что-то хочешь сказать? Да; и ты тоже сфинксъ. И глаза твои — эти безцвѣтные, но глубокіе глаза — говорятъ тоже. И такъ же безмолвны и загадочны ихъ рѣчи.

„Только гдѣ твой Эдипъ?

„Увы! не довольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ!“

VIII.

И. С. Тургеневъ и его дядя Н. Н. Тургеневъ.

Жизнь Тургенева въ Баденъ-Баденѣ (1863—1870 гг.), быть можетъ, была самымъ счастливымъ временомъ для Ивана Сергѣевича, но и этотъ періодъ имѣлъ свои тучки. Особенно опечалила его шумная исторія съ дядей Николаемъ Николаевичемъ, управлявшимъ имѣніями Ивана Сергѣевича и проживавшимъ постоянно въ Спасскомъ [1]).

Мать Тургенева не любила держать у себя въ управляющихъ разночинцевъ, а выбирала для этой должности кровныхъ дворянъ. Всѣхъ дольше, лѣтъ около двадцати, занимался хозяйствомъ при ней братъ ея мужа — Николай Николаевичъ. Отставной гвардіи штабъ-ротмистръ, человѣкъ стариннаго закала, весельчакъ и жуиръ, Николай Николаевичъ любилъ вспоминать доброе старое время и часто разсказывалъ, напр., какъ въ 1814 году, только что произведенный въ корнеты, онъ повелъ эскадронъ кавалергардскихъ рекрутъ на молодыхъ лошадяхъ въ Парижъ, и, конечно, за такой долгій походъ эскадронъ пришелъ обученнымъ полевой ѣздѣ. Въ Парижѣ, въ числѣ прочей молодежи, познакомился онъ и съ англичанами, сильно тогда нахлынув-

1) Почти всѣ письма и отдѣльные факты для этой главы взяты нами изъ воспоминаній Фета. Подъ текстомъ отмѣчаются каждый разъ лишь данныя изъ другихъ источниковъ.

шими въ столицу міра. Уже тогда Н. Н. Тургеневъ отличался той физической силой, которую сохранилъ до старости. Посѣщая залъ гимнастики, онъ, въ свою очередь, сталъ вытягивать изъ стѣны машину, указывавшую по градусамъ силу каждаго. Н. Н. Тургеневъ не только вытащилъ машину до послѣдняго градуса, но совсѣмъ вырвалъ ее изъ стѣны. Англичане подхватили его на руки и понесли съ тріумфомъ. Но не только физическою силой, — слабостью къ женщинамъ Николай Николаевичъ отличался до старости. Мать Ивана Сергѣевича при поѣздкахъ въ другія свои имѣнія и въ Москву брала съ собой цѣлый штатъ компаньонокъ и гофмейстеринъ. Изба, предназначавшаяся для ея обѣденнаго стола или ночлега, предварительно завѣшивалась вся свѣжими простынями, разстилались ковры, раскладывался и покрывался походный столъ, и сопровождавшія ее дѣвицы обязательно должны были являться къ обѣду въ вырѣзныхъ платьяхъ съ короткими рукавами. Не мудрено, если Николай Николаевичъ и женился на одной изъ камеристокъ Вар. Пет. Тургеневой (1846 г.), что и послужило поводомъ къ разрыву между послѣдней и ея деверемъ. Семь лѣтъ спустя, собираясь ѣхать изъ ссылки въ Петербургъ, въ ноябрѣ 1853 г. Иванъ Сергѣевичъ обратился къ дядѣ съ предложеніемъ принять на себя вновь труды по управленію имѣніями, хорошо ему знакомыми. Николай Николаевичъ, жившій тогда въ своемъ небольшомъ и малодоходномъ имѣньицѣ Юшковѣ, Карачевскаго уѣзда, охотно принялъ предложеніе племянника.

Всегда сердечно расположенный къ своему дядѣ, Иванъ Сергѣевичъ прекрасно устроилъ его въ Спасскомъ. Старикъ могъ тратить на себя до 2,000 руб. въ годъ, пользоваться всѣми удобствами, какія были и къ услугамъ племянника. Иванъ Сергѣевичъ выписывалъ для него журналы и газеты, подарилъ молодой женѣ Николая Николаевича, годившейся послѣднему въ внучки, піанино и въ высшей степени внимательно относился къ двумъ его малолѣтнимъ дочерямъ. Когда старикъ въ присутствіи племянника начиналъ высказывать опасенія за ихъ будущность, Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ ему: „дядя, ты не безпокойся: твои дѣти — мои дѣти“. Эти добрыя слова не оставались, конечно, неосуще-

ствленными. На случай своей смерти Тургеневъ выдалъ дядѣ вексель въ 20,000 руб. Николай Николаевичъ жилъ въ Спасскомъ далеко не замкнуто, а въ имянины свои (9 мая) и жены Елизаветы Семеновны (5 сентября) задавалъ, по выраженію его близкаго знакомаго Фета (Шеншина) — „пиръ горой“ съ шампанскимъ и фейерверкомъ. Сосѣдніе помѣщики любили Николая Николаевича за его радушіе и веселость, но крѣпостные Ивана Сергѣевича не очень жаловали старика и называли его „лупоглазымъ“. Ближайшіе помощники Николая Николаевича хорошо знали, что старикъ заботился больше о собственномъ обогащеніи, чѣмъ о преуспѣваніи имѣній Ивана Сергѣевича, но не скоро узналъ объ этомъ послѣдній, да и то на первыхъ порахъ Тургеневъ приписывалъ безпорядокъ въ хозяйствѣ старости дяди [1])

Изъ большихъ населенныхъ имѣній Варвары Петровны Тургеневой, расположенныхъ въ губерніяхъ: Курской, Калужской, Орловской, Тульской и Тамбовской, младшему сыну, Ивану Сергѣевичу, послѣ смерти матери досталось 1925 душъ мужского пола [2]), а послѣ освобожденія крестьянъ онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ Спасское, Тапки, Любовшу, Холодово и другія имѣнія, всего 5500 десятинъ хорошей земли. По существовавшимъ въ 60-ыхъ годахъ цѣнамъ на землю и лѣсъ въ Орловской и сосѣднихъ губерніяхъ, стоимость 5500 дес. не могла быть ниже 450,000 рублей. Помѣщики, жившіе по сосѣдству со Спасскимъ, высчитывали доходъ съ земли около шести процентовъ ея стоимости. Такъ считалъ гр. Л. Н. Толстой, такъ считалъ и А. А. Фетъ. Слѣдовательно, имѣнія должны были приносить ему около 27,000, а при заглазномъ управленіи не менѣе 20,000 рублей въ годъ. Братъ Тургенева, Николай Сергѣевичъ, не любившій, по скупости, обнаруживать свои доходы, не могъ, однако, показывать прибыли менѣе 20,000 руб. въ годъ съ равной почти по цѣнности и величинѣ доли наслѣдства. На самомъ же дѣлѣ Иванъ Сергѣевичъ при управленіи своего дяди получалъ съ своей земли въ среднемъ лишь 5.500 руб. въ

1) Воспоминан. о с. Спасскомъ Ѳ. Б-а. „Русск. Вѣст.“ 1885 г., I, 363.

2) „Орловск. Вѣстн.“ 1899 г., № 76.

годъ, причемъ главное имѣніе его — Спасское не только ничего не давало, но приносило до 1000 руб. въ годъ убытку. Вотъ, между прочимъ, разсчетъ самого Тургенева въ письмѣ къ Фету отъ 31 марта 1867 года.

„Въ $11^1/_2$ лѣтъ я получилъ ... 122,000 р. с. Изъ нихъ капитальной суммы ... 62,000 р. с. Доходной суммы 60,000 р. с. Что составляетъ въ годъ ... 5,500 р. с. Я нахожу, что съ имѣнія въ 5,500 десятинъ, изъ коихъ 3,500 совершенно свободны, этотъ доходъ слишкомъ малъ!"

Но получая сверхъ того сравнительно прекрасный литературный заработокъ, не встрѣчая до поры — до времени необходимости въ крупныхъ единовременныхъ затратахъ, Тургеневъ долго не замѣчалъ всѣхъ упущеній въ хозяйствѣ. Онъ до того считалъ свой доходъ съ земли нормальнымъ, что способенъ былъ на очень комичные проекты. Такъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ слѣдующій, совершенно серьезный, разговоръ свой во время одной изъ охотничьихъ экскурсій съ Иваномъ Сергѣевичемъ.

— Да вы дайте мнѣ за всѣ мои имѣнія 70,000 руб., и я сейчасъ же вылѣзу изъ тарантаса и стану у васъ въ пыли у ногъ валяться.

— Иванъ Сергѣевичъ, вамъ не придется валяться въ пыли потому уже, что, пользуясь вашимъ преувеличеніемъ, чтобы не сказать преуменьшеніемъ, я не соглашусь покупать за ничто ваше состояніе.

Мы не заподозримъ серьезность этого разговора, если обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ раздѣльномъ актѣ 1855 года, милліонное наслѣдство, доставшееся двумъ братьямъ Тургеневымъ отъ матери, оцѣнено „по совѣсти" въ 388,000 рублей! [1]).

Но поселившись въ Баденѣ, Иванъ Сергѣевичъ серьезно задумался надъ доходностью своихъ имѣній. Къ этому вынудили его крупные расходы на приданое дочери и на постройку въ Баденѣ прекрасной виллы во вкусѣ Людовика XIII. Кромѣ того, литературный заработокъ Тургенева, вслѣдствіе перерыва въ его дѣятельности послѣ „Отцовъ и дѣтей",

1) „Орловск. Вѣстн." 1899 г. № 76.

былъ ничтоженъ до самаго появленія „Дыма“. Всмотрѣвшись внимательнѣе въ управленіе своими имѣніями, Иванъ Сергѣевичъ легко могъ разсчитать, что доходу съ земли онъ долженъ былъ получать по крайней мѣрѣ раза въ три болѣе. Онъ сталъ усиленно тормошить дядю просьбами о большей высылкѣ ему денегъ. Въ письмахъ, кромѣ просьбъ, появились и настойчивыя требованія. Николай Николаевичъ, не привыкшій къ подобной настойчивости племянника, попробовалъ было отписываться общими фразами, а постороннимъ жаловался на чрезмѣрную требовательность Ивана Сергѣевича, будто бы „обуреваемаго страстью“, намекая этимъ, конечно, на то, что Иванъ, какъ онъ называлъ племянника, требуетъ денегъ подъ вліяніемъ Віардо. Но ссылки на привязанность Тургенева, конечно, не могли быть ни для кого убѣдительными, а Иванъ не только сталъ добиваться и прямо и черезъ одного изъ своихъ близкихъ друзей — Анненкова, болѣе подробныхъ отчетовъ о своихъ дѣлахъ, конечно, со всевозможной деликатностью, но въ самомъ концѣ 1864 г., обратился къ тому же Анненкову съ открытой просьбой подыскать ему управляющаго, „такъ какъ — писалъ Иванъ Сергѣевичъ — дядя старѣетъ и путаетъ мои дѣла“ [1]). Эта просьба сдѣлалась извѣстна друзьямъ Тургенева и, конечно, самому Николаю Николаевичу. Послѣдній перемѣнилъ тонъ и вмѣстѣ со своимъ близкимъ знакомымъ Фетомъ (Шеншинымъ) пустился толковать и жаловаться всѣмъ и каждому на совершенную непрактичность Тургенева, поставившую его, старика, „въ такой ужасный переплетъ“.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что А. А. Фетъ принималъ самое близкое участіе въ „Спасскомъ вопросѣ“, какъ окрестилъ В. Боткинъ размолвку дяди съ племянникомъ, и въ значительной степени обострилъ это непріятное для Ивана Сергѣевича дѣло. Николай Николаевичъ любилъ Фета и его жену, часто съ ними видался, подолгу бесѣдовалъ, помогалъ имъ совѣтами и деньгами въ ихъ хозяйствѣ. Съ своей стороны, и Фетъ чувствовалъ къ старику, повидимому, искреннее расположеніе.

---

1) „Вѣстн. Евр.“ 1887 г. I, 28.

Иванъ Сергѣевичъ, правда, былъ мало практиченъ, но жалобы Николая Николаевича и Фета были бы достаточно убѣдительны, еслибъ управленіе дяди уменьшило доходность имѣній на одну треть, а не въ три раза.

Просьбы объ управляющемъ были возобновлены Тургеневымъ въ январѣ и мартѣ 1865 года. Іюнь мѣсяцъ этого года Иванъ Сергѣевичъ провелъ въ Спасскомъ, гдѣ, конечно, въ своихъ переговорахъ съ дядей, наслушался отъ него іеремiадъ, но не измѣнилъ своего рѣшенія. По своей добротѣ, правда, онъ пытался смягчить участь старика. Его размышленія объ этомъ выразились было въ концѣ концовъ въ слѣдующихъ словахъ письма къ Анненкову отъ 25 марта 1866 года: „мнѣ необходимо нуженъ молодой человѣкъ, честный и дѣльный, который сперва бы помогалъ моему одряхлѣвшему дядѣ, а потомъ замѣнилъ бы его. Я бы предоставилъ дядѣ управленіе и распоряженіе однимъ Спасскимъ; а остальныя всѣ дѣла, состоящія въ отдачѣ оставшихся за надѣломъ земель въ наймы и т. д., поручилъ бы этому молодому человѣку“ 1).

Но это рѣшеніе было вскорѣ же и оставлено, вслѣдствіе того, что Николай Николаевичъ не только не думалъ исправлять погрѣшности въ хозяйствѣ, но даже какъ бы махнулъ рукой на все, что не касалось его собственной прибыли. Съ іюля 1865 года до сентября 1866 г. Иванъ Сергѣевичъ получилъ доходныхъ денегъ со всѣхъ имѣній (пяти тысячъ слишкомъ десятинъ) всего около 2,000 руб. Всѣ остальныя, поступившія отъ дяди деньги происходили отъ выкуповъ и продажи земли. Да и выкупными деньгами старикъ распоряжался такъ: показывалъ въ расходѣ, напр., 4,000 руб., а высылалъ племяннику 3,500 руб. „Трудно — между нами — представить что-нибудь болѣе неправдоподобно — безобразное, чѣмъ управленіе моими имѣніями“, писалъ Тургеневъ Фету 24 августа 1866 года. Той-же осенью 1866 года Иванъ Сергѣевичъ сообщилъ, наконецъ, Борисову, своему близкому сосѣду по имѣнію, человѣку честнѣйшему и преданному Тургеневу отъ всей души, много помогавшему ему

1) „Вѣстн. Евр.“ 1887 г., IV, 475.

въ дѣлѣ съ дядей, что въ самомъ скоромъ времени высылаетъ управляющаго для всѣхъ своихъ имѣній. Въ виду такого шага со стороны племянника, Николай Николаевичъ рѣшился воспользоваться остаткомъ времени своего управленія, чтобы уйти отъ Ивана Сергѣевича по возможности не съ пустыми руками. Онъ обратился къ Фету за совѣтомъ, нельзя-ли ему, Николаю Николаевичу, извлечь что-либо изъ безденежныхъ векселей, выданныхъ ему племянникомъ на случай своей смерти. Фетъ направилъ его къ своему пріятелю С., юристу, жившему въ Мценскѣ. Результатомъ совѣщанія было то, что старикъ 12 октября 1866 года подалъ оффиціальное заявленіе, что И. С. Тургеневъ *не платитъ* по векселямъ, и что слѣдуетъ наложить запрещеніе на его имѣнія. Объ этой просьбѣ Иванъ Сергѣевичъ узналъ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ Фетъ не подумалъ, конечно, предупредить Тургенева, жившаго весь этотъ годъ безвыѣздно въ Баденѣ, о дѣлѣ взысканія, начатомъ при его же дѣятельномъ участіи. Вмѣсто того Фетъ продолжалъ въ письмахъ къ Ивану Сергѣевичу доказывать его непрактичность, родственную безтактность и все это „съ цифрами“, съ цитатами изъ Гете и даже „рукой, положенной на совѣсть“, какъ писалъ Тургеневъ. Въ оправданіе этого поступка и Николай Николаевичъ и Фетъ увѣряли впослѣдствіи, будто самъ Иванъ Сергѣевичъ вынудилъ старика къ такому шагу, такъ какъ Иванъ, будто бы, нарушилъ обѣщанія обезпечить дѣтей своего дяди, удаляя послѣдняго съ мѣста управляющаго. Кромѣ того, векселя, де, были выданы Николаю Николаевичу въ вознагражденіе тѣхъ убытковъ, какіе должны были получиться отъ заглазнаго управленія Юшковымъ (небольшимъ имѣньицемъ), въ которомъ владѣлецъ началъ строить новый флигель, да не достроилъ, прельстившись обѣщаніями племяннника.

Все это было очень трогательно, но ни мало не убѣдительно, тѣмъ болѣе, что въ торопливой погонѣ за обезпеченіемъ, въ виду скораго удаленія своего, Николай Николаевичъ не только подалъ ко взысканію неоплаченные векселя на сумму 16,500 руб., но вексель уже оплаченный деньгами Ивана Сергѣевича въ 4,500 руб., желая получить по немъ вторично, что, впрочемъ, не удалось. Кромѣ того, Фетъ

сталъ искать „третейскаго суда“, какъ онъ выразился, у гр. Л. Н. Толстого, нарочно заѣхавъ для того по первому зимнему пути въ Ясную Поляну и представивъ дѣло такъ, что „Тургеневъ не хочетъ принять отчетовъ отъ дяди, что пріемъ разсчетовъ и имѣнія будетъ сдѣланъ управляющимъ, что такія вещи дѣлаются и по отношенію къ стороннимъ управляющимъ только съ завѣдомо злонамѣренными людьми, въ предупрежденіе новыхъ хищеній, но даже немыслимы по отношенію къ дядѣ, на котораго все время смотришь, какъ на отца“. Графъ Толстой сказалъ: „что всякій распоряжаться своимъ имѣніемъ воленъ, но что отказывать такимъ образомъ дядѣ невозможно, и что Тургеневъ, вѣроятно, и не сдѣлаетъ этого, а приметъ управленіе отъ дяди имѣніемъ прилично и родственно“. Такъ высказался гр. Толстой, но совершенно иное сужденіе по тому же вопросу выслушалъ нѣсколько ранѣе Фетъ отъ своего родственника Борисова, много ему обязаннаго, но знавшаго „гораздо болѣе о практическихъ дѣлахъ Тургенева“, какъ признавался Фетъ, чѣмъ самъ защитникъ Николая Николаевича. Борисовъ сталъ горою за своего друга, Ивана Сергѣевича и, видимо не желая вступать въ пустые разговоры, отвѣчалъ Фету съ раздраженіемъ въ голосѣ. Все это были дѣйствительно пустые разговоры, такъ какъ старикъ на самомъ дѣлѣ отказывался давать Ивану Сергѣевичу отчетъ по многимъ статьямъ управленія, да кромѣ того, Тургеневъ приказалъ новому управляющему принять отъ дяди лишь то, что вздумаетъ сдать самъ Николай Николаевичъ, не требуя отъ послѣдняго отчета и не вступая съ нимъ ни въ какіе споры. Конечно, старикъ въ своихъ жалобахъ пошелъ еще дальше, чѣмъ Фетъ. Николай Николаевичъ, по свидѣтельству Фета, начиналъ „громко рыдать каждый разъ, когда онъ касался въ рѣчахъ грозящей ему сдачи управленія не лично Ивану. А онъ безпрестанно возвращался къ этому вопросу“. Это не помѣшало, однако, дядюшкѣ заняться уже прямымъ расхищеніемъ имѣнія, превращая въ свою собственность скотъ, экипажи, мебель и проч. Но „ничего не желая, какъ только разойтись по всей справедливости, не давая возможности возникновенію слуховъ, могущихъ повредить моему доброму имени, этому единственному достоянію моихъ доче-

рей", какъ выражался Николай Николаевичъ, старикъ въ доказательство своего безкорыстія началъ топить печи вмѣсто дровъ полынью, обильно росшей на копанныхъ чаплыгинскихъ поляхъ[1]).

Но и Фетъ, въ своихъ доказательствахъ честности управленія дядюшки, былъ не менѣе оригиналенъ. Въ семьѣ Николая Николаевича проживала его свояченица, старая дѣвица. Отличаясь нѣкоторыми странностями, она разводила въ своей комнатѣ канареекъ, ручныхъ голубей, галокъ, ужей и т. п. Однажды, погостивъ нѣсколько дней у Фетовъ и возвращаясь домой, она увидала, что въ домѣ вставляютъ стекла. Она выпросила себѣ на картину вырѣзокъ стекла, въ полторы четверти въ квадратѣ и повезла этотъ вырѣзокъ за 75 верстъ на колѣняхъ. „Эта просьба", говоритъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „въ свое время поразила меня, и понынѣ возстаетъ въ моей памяти однимъ изъ доказательствъ безкорыстія Николая Николаевича".

Между тѣмъ, въ самомъ началѣ 1867 года, въ Спасское прибылъ новый управляющій, Н. А. Кишинскій, а вслѣдъ за нимъ, въ виду, вѣроятно, „громкихъ рыданій" дядюшки и „третейскихъ судовъ" Фета, пожелалъ пріѣхать въ Спасское и самъ Иванъ Сергѣевичъ. Болѣзнь, однако, помѣшала выѣхать ему изъ Бадена въ концѣ января, какъ онъ предполагалъ сначала. Лишь 24-го февраля „притащился" Иванъ Сергѣевичъ въ Петербургъ съ больною ногой, и 6 марта былъ въ Москвѣ. Дня черезъ три выѣхалъ въ Спасское, но, схвативъ по дорогѣ сильную простуду, изъ Серпухова возвратился обратно въ столицу. Оправившись нѣсколько, Тургеневъ, въ виду весенней распутицы, не рѣшился вторично отправиться въ деревню (желѣзная дорога шла тогда только до Серпухова) и 31 марта выѣхалъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ Баденъ. Оттуда онъ писалъ 24 апрѣля Анненкову: „Кишинскій довелъ до моего свѣдѣнія фантастическій поступокъ дяди; въ отвѣтъ на эту выходку, я послалъ ему просьбу объ удаленіи его изъ Спасскаго и предоставленіи, наконецъ, мнѣ моей собственности, а Кишинскому отправилъ приказъ

1) „Русск. Вѣстн." 1885 г. I, 373.

дѣйствовать рѣшительно: мнѣ ничего не оставалось болѣе дѣлать, чтобы выкарабкаться, наконецъ, изъ этого хаоса“ [1]).

Конечно и Николай Николаевичъ и Фетъ воспользовались неудачной поѣздкой Тургенева въ деревню, чтобы возобновить свои нападки на Ивана Сергѣевича, будто бы нарочно уклонившагося отъ присутствія при сдачѣ дѣлъ старикомъ.

Зная изъ прежнихъ писемъ В. Боткина, что онъ въ „Спасскомъ вопросѣ“ на сторонѣ племянника, несмотря на свою нелюбовь къ нему, Фетъ, однако, снова изложилъ всѣ свои жалобы и размышленія Боткину, умолчавъ, впрочемъ, и на этотъ разъ объ аферѣ съ векселями. Въ отвѣтъ онъ получилъ слѣдующее (27 апрѣля 1867 г.): „По моему трехдневное присутствіе (Тургенева) въ Спасскомъ нисколько бы положеніе Николая Николаевича не измѣнило относительно общества. Съ дѣловой точки зрѣнія Иванъ Сергѣевичъ, несомнѣнно, правъ: а по родственнымъ отношеніямъ онъ поступаетъ съ Николаемъ Николаевичемъ со всевозможной деликатностью, снисхожденіемъ и добротою. Ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича, но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ... Что дѣла по управленію Николая Николаевича находятся въ величайшемъ безпорядкѣ, это для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не подлежитъ для меня сомнѣнію и то, что Иванъ Сергѣевичъ сдѣлалъ Николаю Николаевичу большое одолженіе, поручивъ ему управленіе своими имѣніями, каковое управленіе Николай Николаевичъ велъ весьма плохо и безпорядочно, потому что онъ старъ, медлителенъ и лѣнивъ, и давно уже не годился на это дѣло. Да еслибы и годился, все-таки, Иванъ Сергѣевичъ имѣлъ несомнѣнное право взять другого управляющаго, который приметъ имѣнія *такъ, какъ* захочетъ ихъ сдать ему Николай Николаевичъ. Что полное снисхожденіе оказывается старику, о томъ не можетъ быть и вопроса“.

Новый „третейскій судъ“, устроенный Фетомъ, вызвалъ письмо Тургенева къ Маслову (отъ 30 апрѣля), въ которомъ

---

1) „Русск. Обозрѣн.“ 1894 г. I, 15.

онъ пишетъ: „Сдѣлай мнѣ величайшую милость, а именно, немедленно вели пропечатать присланное „изъявленіе благодарности“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“: это единственное средство для окончательнаго прекращенія моихъ деревенскихъ дрязгъ, и потому я надѣюсь, что ты безотлагательно исполнишь мою просьбу“ [1]). Получивъ благодарность, Николай Николаевичъ, наконецъ, покинулъ Спасское 20 мая, а въ іюлѣ Иванъ Сергѣевичъ съ изумленіемъ узналъ, что старикъ, которому онъ только что приказалъ выдавать по 1,000 руб. въ годъ пенсіи, не только подалъ ко взысканію векселя, выданные ему для полученія по нимъ послѣ смерти Тургенева, но грозитъ взысканіемъ и процентовъ по нимъ. 21 сентября Иванъ Сергѣевичъ писалъ изъ Бадена Фету. „Вотъ, напр., дядя мой — тотъ настоящій художникъ, жрецъ чистаго искусства, прислалъ сюда черезъ посланника требованіе описать *здѣшнее* мое имущество — 12 листовъ грубѣйшей сѣрой бумаги, за которую пришлось заплатить чуть не 2 руб. вѣсовыхъ и совершенно безполезно! за то прелестно! Посланникъ сдѣлалъ мнѣ офиціальный запросъ: что, молъ, сей сонъ значитъ? Я отвѣчалъ, что ничего не понимаю; и посланникъ согласился, что понять ничего нельзя. А бѣдному Зайчинскому (Кишинскому) тотъ-же дядя и отвѣта не даетъ: „что, молъ, изволите-ли вы драть съ моего довѣрителя проценты? Или удовлетворяетесь капиталомъ?“ „А, говоритъ дядя, сіе въ моей волѣ“. И, какъ истый художникъ, оставляетъ все возведеннымъ въ перлъ созданія. Вотъ, батюшка, съ кого надо брать примѣръ. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ — Николай Николаевичъ Тургеневъ, извольте идти царствовать, извольте получать Холодово, которое стоитъ вдвое больше вашихъ безденежныхъ векселей. „Нѣтъ, отвѣчаетъ Годуновъ XIX вѣка — мои сѣдины обезчещены, а вотъ я все изъ дому у племянника выскребъ да благодарность въ газетахъ выканючилъ, а теперь я вотъ подожду, — не выйдетъ-ли возможность Спасское съ аукціона пріобрѣсти . . . Великій художникъ!“ 16 января слѣдующаго 1868 года Иванъ Сергѣевичъ писалъ брату изъ

1) „Перв. собр. пис.“, 126.

Бадена: „Солоно мнѣ пришлось родственное управленіе; вчера я вынужденъ былъ подписать контрактъ, которымъ я продалъ свой домъ (въ Баденѣ) Віардо; и то я еще долженъ былъ ему въ ножки поклониться, ибо онъ оказалъ мнѣ дѣйствительную услугу, вытащилъ меня изъ бѣды: вѣдь дяденька грозилъ Спасское съ аукціона заставить продать! Вотъ, братъ, какъ дураковъ-то пробираютъ. Молодецъ патріархальный старецъ, обливш̆ій меня слезами и слупившій съ меня до заявленія векселя все, что только могъ — мебелью, лошадьми и т. д.!" [1]) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ высланы были дядѣ 13,000 руб. векселемъ Ротшильда и приказаніе Кишинскому выдать изъ экономической суммы Николаю Николаевичу сверхъ того 3,500 рублей. Безденежные векселя были такимъ образъ выкуплены, и 5 марта Иванъ Сергѣевичъ могъ, наконецъ, написать Анненкову: „Съ дядей я раздѣлался по русской пословицѣ: „наша взяла, а рыло въ крови" [2]). Въ письмѣ же къ Фету отъ 12 апр. читаемъ: „О дѣлѣ съ Николаемъ Николаевичемъ — мы, если только будетъ стоить труда, поговоримъ лично: теперь ограничусь однимъ словомъ, которое, увѣряю Васъ, я бы не рѣшился употребить легкомысленно: онъ поступилъ какъ *безчестный человѣкъ*. Мнѣ жутко говорить такъ о человѣкѣ, котораго я такъ давно и такъ искренно любилъ и уважалъ, но истина вынуждаетъ меня именно такъ выразиться: „Ник. Ник. Тургеневъ — безчестный человѣкъ".

Въ концѣ іюня Иванъ Сергѣевичъ съѣздилъ въ Спасское и такъ описывалъ въ письмѣ къ брату (отъ 16 іюля) свое пребываніе тамъ: „Въ Спасскомъ я пробылъ двѣ недѣли, и могу сказать, какъ Марій, что посидѣлъ на развалинахъ Карѳагена. Въ одинъ годъ „злополучный старецъ" — грабитель деньгами, скотомъ, экипажами, мебелью и вещами — жамкнулъ меня на 36,500 р. сер. (мнѣ пришлось заплатить за него около 5,000 р. долгу) — не говоря уже о томъ, что имѣніе оставлено имъ въ хаотическомъ, омерзительномъ безпорядкѣ, что онъ никого не разсчелъ, всѣхъ надулъ и т. д. Въ теченіе всего времени, проведеннаго мною въ

1) „Русск. Стар." 1885 г., VIII, 326.
2) „Русск. Обозрѣн.", 1894 г., II, 493.

Спасскомъ, я уподоблялся зайцу на угонкахъ; высунуть носа въ садъ не могъ, чтобы на меня изъ-за деревьевъ, изъ-подъ кустовъ, чуть не изъ земли — не бросались, нападали: дворовые, мужики, мѣщане, отставные солдаты, дѣвки, бабы, слѣпые, хромые, сосѣдніе помѣщики и помѣщицы, попы, дьячки — свои и чужіе — и все шершавые отъ голоду, съ разинутыми ртами, какъ галчата, кувыркаясь, въ ноги, сиплымъ голосомъ кричали: „батюшка, Иванъ Сергѣевичъ, спасите, спасите... помираемъ!“ Я долженъ былъ, наконецъ, спастись бѣгствомъ, чтобы самому не остаться безо всего“ [1]).

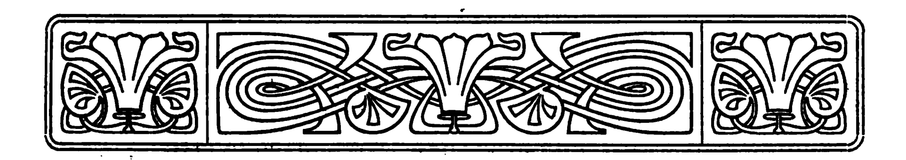
Николаю Николаевичу, однако, не пошли въ прокъ взятыя неправдой деньги, не принесли ему счастья. Еще довольно крѣпкій физически, онъ вскорѣ сталъ впадать въ дѣтство и любимымъ его занятіемъ сдѣлалось разрѣзываніе ножницами бумаги на длинныя ленты [2]).

Въ началѣ 1872 года Николай Сергѣевичъ Тургеневъ сообщилъ брату, что 80-ти лѣтній дядя ихъ ослѣпъ и помѣщенъ въ больницу. Замѣчателенъ отвѣтъ (23 марта 1872 г.) Ивана Сергѣевича на это письмо: „Картина Н. Тургенева — слѣпого въ больницѣ, возбудила во мнѣ жалость... все-таки, я глубоко любилъ его — и не могу я не дорожить этимъ прошедшимъ. Я непремѣнно посѣщу его, да и ты, братъ, могъ бы то же сдѣлать, вспомнивъ, что мы всѣ люди — жалкія, слабыя, на смерть осужденныя существа. Сегодня — тотъ, завтра я, какъ же не сострадать къ своему ближнему — и кто изъ насъ безгрѣшенъ; кто имѣетъ право строго судить другого?“ [3])

Иванъ Сергѣевичъ дѣйствительно посѣтилъ старика, нарочно съѣздивъ въ его Карачевское имѣнье Юшково. Слѣпой былъ чрезвычайно радъ примирительному свиданію, не въ мѣру выпилъ шампанскаго и при этомъ вдался въ выраженія самаго необузданнаго цинизма...

---

1) „Русск. Стар.“, 1885 г., VIII, 330.
2) „Русск. Вѣстн.“, 1885 г., I, 373.
3) „Русск. Стар.“, 1885 г., IX, 497.

IX.

И. С. Тургеневъ и гр. Л. Н. Толстой въ первый періодъ ихъ знакомства.

Въ концѣ мая 1861 года между Тургеневымъ и гр. Толстымъ произошла ссора, чуть было не повлекшая за собой дуэли. Современники Тургенева старались объяснить ее обыкновенною случайностью, почему больше интересовались ссорой, чѣмъ причинами, вызвавшими ее. Желая видѣть между двумя столь популярными писателями взаимную личную любовь и пріязнь, современники видѣли это влеченіе даже тамъ, гдѣ его, въ сущности, совсѣмъ не было. Ссора же между взаимно любящими другъ друга людьми, притомъ людьми нравственно и умственно возвышающимися надъ обыкновеннымъ уровнемъ, конечно должна была быть вызвана случайнымъ недоразумѣніемъ, неосторожностью, и, разумѣется, на этой ссорѣ и долженъ былъ быть сосредоточенъ тогда интересъ. На самомъ дѣлѣ здѣсь, какъ и во всякихъ столкновеніяхъ, на первомъ планѣ для наблюдателя должна быть не самая ссора, а предшествующія ей отношенія.

Знакомство Тургенева съ гр. Толстымъ началось съ возвращенія послѣдняго изъ Севастополя въ ноябрѣ 1855 года. Уже съ этого года ихъ взаимныя отношенія не даютъ возможности рѣшить, что̀ больше преобладало въ нихъ — желаніе ли подружиться, сблизиться, или въ этихъ отношеніяхъ было больше взаимнаго непониманія и раздраженія. Ихъ знакомство было въ сущности рядомъ недоразумѣній,

несмотря на довольно настойчивое желаніе сойтись поближе. Можно даже сказать, ничуть не рискуя погрѣшить противъ истины, что чѣмъ сильнѣе они хотѣли сблизиться, тѣмъ крупнѣе и рѣзче выходили между ними недоразумѣнія.

Иванъ Сергѣевичъ былъ правъ болѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго раза, когда писалъ Анненкову въ объясненіе своей ссоры съ гр. Толстымъ слѣдующее: „Я окончательно разссорился со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ (дѣло, entre nous, на волоскѣ висѣло отъ дуэли . . . и теперь еще этотъ волосокъ не порвался). Виноватъ былъ я, но взрывъ былъ, говоря ученымъ языкомъ, обусловленъ нашею давнишнею непріязнью и антипатіей нашихъ обѣихъ натуръ. Я чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ, и не понималъ, почему онъ нѣтъ-нѣтъ и возвратится ко мнѣ. Я долженъ былъ по прежнему держаться въ отдаленіи, попробовалъ сойтись — и чуть было не сошелся съ нимъ на барьерѣ. И я его не любилъ никогда, — къ чему-же было давнымъ-давно не понять все это? . .“ [1]) Почему Иванъ Сергѣевичъ не понялъ этого „давнымъ-давно“, показываютъ слѣдующія строки письма его къ гр. Толстому въ началѣ ихъ сближенія (1856 г.): „Мнѣ кажется — мы познакомились неловко и въ неладную минуту, и когда мы увидимся опять, дѣло пойдетъ гораздо глаже и легче. — Я чувствую, что люблю васъ какъ человѣка (объ авторѣ и говорить нечего); но многое меня въ васъ коробитъ; — и я нашелъ подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука-объ-руку, — авось удастся лучше; а въ отдаленіи (хотя это звучитъ довольно странно) — сердце мое къ вамъ лежитъ какъ къ брату — и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ — я васъ люблю, это несомнѣнно; авось изъ этого со временемъ выйдетъ все хорошее“ [2]).

Удивляясь поэтическому таланту гр. Толстого, Иванъ Сергѣевичъ очевидно не столько хотѣлъ себя *увѣрить*, что *можетъ* полюбить Толстого, сколько хотѣлъ себя *заставить*

---

1) „Вѣстн. Евр.“ 1885 г., IV, 488.
2) „Перв. собр. пис.“, 27.

полюбить и сблизиться съ этимъ человѣкомъ. Поэтому онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался съ нимъ видѣться — и на родинѣ, и за границей; постоянно интересовался имъ въ письмахъ къ друзьямъ, пересылалъ ему поклоны и неоднократно пытался завязать прочную переписку. Послѣднее, впрочемъ, ему удавалось меньше всего. Но насколько письма Тургенева къ друзьямъ свидѣтельствуютъ о желаніи его сойтись съ гр. Толстымъ, настолько же они свидѣтельствуютъ и о неудачѣ этихъ попытокъ. „Съ Толстымъ я все-таки не могу сблизиться окончательно: слишкомъ мы врозь глядимъ", писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ началѣ 1857 года [1]). Въ письмахъ 1859 года читаемъ: „Я знаю, меня онъ (Толстой) любитъ мало, и его люблю я мало. Слишкомъ въ насъ различны стихіи; но дорогъ на свѣтѣ много: другъ другу мы мѣшать не захотимъ". „Съ Толстымъ мы бесѣдовали мирно и разстались дружелюбно. Кажется, недоразумѣній межъ нами быть не можетъ, потому что мы другъ друга понимаемъ ясно и понимаемъ, что тѣсно сойтись намъ невозможно. Мы изъ разной глины слѣплены"... Въ письмахъ слѣдующаго года Иванъ Сергѣевичъ высказывалъ между прочимъ: „Единственный человѣкъ, котораго я совершенно отказываюсь удовлетворить когда-нибудь — Левъ Толстой. Но что дѣлать! Видно, такъ у меня на роду написано". „О Львѣ (Толстомъ) все ни какого нѣтъ извѣстія; да я, признаться, не слишкомъ интересуюсь знать о человѣкѣ, который самъ не интересуется никѣмъ".

Разъ взаимная непріязнь и раздраженіе происходили отъ противоположности взглядовъ, отъ разности стихій, то прежде всего въ характеристикѣ отношеній двухъ писателей другъ къ другу долженъ быть рѣшенъ вопросъ, въ чемъ состояла эта рознь, эта противоположность.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Фету 1862 года Иванъ Сергѣевичъ выразился между прочимъ, что „Толстого страхъ фразы загналъ въ самую отчаянную фразу" [2]). Въ этомъ

1) „Перв. собр. пис.", 51.
2) Фетъ: „Мои воспоминанія". I, 391.

замѣчаніи, намъ кажется, нужно искать ключъ къ пониманію гр. Толстого, какъ человѣка и писателя. Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою всѣ упражненія и скитанія Толстого, какъ не „самую отчаянную фразу“? Что значитъ его проповѣдь презрѣнія къ матеріальнымъ благамъ и удобствамъ при сознательномъ наживаніи сотенъ тысячъ? Что значитъ его призывъ къ безбрачію при многосемейности? Какъ понять его заявленіе ненависти къ литературной работѣ при несомнѣнной литературной плодовитости? Фраза и фраза, вызванная страхомъ, боязнью фразы.

Въ критическихъ разборахъ его сочиненій съ достаточною ясностью установлено, что теоретическіе взгляды гр. Толстого въ сущности оставались неизмѣнными въ продолженіе всей его литературной дѣятельности. Но очень мало собрано біографическихъ фактовъ относительно автора „Войны и Мира“, указывающихъ, что и образъ жизни его былъ столь же фразистымъ до, такъ называемаго, переворота, происшедшаго съ нимъ, какъ и послѣ него. Однако, фактовъ этихъ можно найти не мало.

Приведемъ для примѣра свидѣтельство брата его гр. Николая Толстого.

Послѣдній пріѣхалъ однажды въ 1858 году въ гости къ Фету (Шеншину) и, на разспросы о Львѣ Николаевичѣ, разсказывалъ о любимомъ братѣ слѣдующее: „Левочка усердно ищетъ сближенія съ сельскимъ бытомъ и хозяйствомъ, съ которыми, какъ и всѣ мы, до сихъ поръ знакомъ поверхностно. Но ужъ не знаю, какое тутъ выйдетъ сближеніе: Левочка желаетъ все захватить разомъ, не упуская ничего, даже гимнастики. И вотъ у него подъ окномъ кабинета устроенъ баръ. Конечно, *если отбросить предразсудки, съ которыми онъ такъ враждуетъ,* онъ правъ: гимнастика хозяйству не помѣшаетъ; но староста смотритъ на дѣло нѣсколько иначе: „придешь, говоритъ, къ барину за приказаньемъ, а баринъ, зацѣпившись одною колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головой внизъ и раскачивается; волосы отвисли и мотаются, лицо кровью налилось; не то приказанія слушать, не то на него дивиться“. Понравилось Левочкѣ, какъ работникъ Юфанъ растопыриваетъ руки при пахотѣ. И вотъ Юфанъ для него эмблема сель-

ской силы, въ родѣ Микулы Селяниновича. Онъ самъ, широко разставляя локти, берется за соху и „юфанствуетъ“ [1]).

Или за годъ передъ этимъ гр. Толстой распустилъ слухъ о томъ, будто онъ предполагаетъ заняться лѣсоразведеніемъ въ южной России. Тургеневъ пишетъ по этому поводу Анненкову: „Удивили вы меня извѣстіемъ о лѣсныхъ затѣяхъ Толстого! Онъ недавно писалъ Боткину письмо, въ которомъ говоритъ: „Я очень радъ, что не послушался Тургенева, не сдѣлался только литераторомъ“. Въ отвѣтъ на это я у него спрашивалъ — что же онъ такое: офицеръ, помѣщикъ и. т. д.? Оказывается, что онъ лѣсоводъ“.

Фраза — не столько противорѣчіе слова съ дѣломъ, сколько хвастливое преувеличеніе дѣла на словахъ; не столько стремленіе прикрыть бѣдноту содержанія красивою внѣшностью, сколько придать формѣ преобладающее значеніе передъ содержаніемъ. Фразу нужно отличать отъ тѣхъ случайностей и той условности, какія необходимо являются во всякомъ культурномъ обществѣ. Чѣмъ образованнѣе, развитѣе послѣднее, тѣмъ болѣе въ немъ этихъ условностей. Условность встрѣчается какъ въ высшихъ вопросахъ человѣческаго общежитія, такъ и въ мелочахъ повседневной жизни. Присяга, если разсматривать ее съ отрицательной стороны, есть условность, а не фраза; точно такъ же различныя мундирныя одежды, визиты и проч. есть тоже не фраза, а условность, иногда случайность. Страхъ фразы совсѣмъ не то, что нелюбовь къ ней. Первый всегда смѣшаетъ фразу съ условностью, вторая — никогда. Боязнь фразы будетъ нападать больше и чаще именно на условность и случайность въ человѣческихъ поступкахъ и характерахъ; нелюбовь же къ фразѣ будетъ бороться только съ послѣднею, относясь безразлично, а иногда и съ уваженіемъ, къ необходимой условности. Испугавшійся человѣкъ бьетъ нерѣдко по своимъ и уже совсѣмъ лишенъ возможности отличать чужое, въ смыслѣ враждебномъ себѣ, отъ чужого въ смыслѣ не своего.

Тургеневъ не боялся, а лишь не любилъ фразы и сумѣлъ

---

1) Фетъ. „Воспом.“ I, 237.

понять и отнестись съ уваженіемъ къ такому типу, какъ „Рудинъ“; гр. Толстой испытывалъ страхъ къ фразѣ и считалъ фразеромъ творца „Рудина“ и долгое время чувствовалъ къ нему „презрѣніе“. Гр. Толстой, пугливо убѣгая фразы и тѣмъ самымъ не умѣя отличать ее отъ условностей культурной жизни, сталъ избѣгать этихъ послѣднихъ, то-есть повернулъ въ сторону подражанія *формамъ* некультурнаго класса. Отсюда его „юфанство“; отсюда, какъ выражались его критики, „игра въ водовозы, въ сапожники“ и т. д. Тургеневъ настолько стремился въ противоположную сторону, что при всякомъ удобномъ случаѣ выставлялъ себя „западникомъ“.

Гр. Толстого часто называли скептикомъ, но скептицизмъ есть порожденіе ума, а не чувства. Скептикъ глубже проникаетъ въ собственные недостатки, чѣмъ въ чужіе. Скептицизмъ же гр. Толстого есть результатъ болѣзненнаго страха фразы; поэтому является болѣе нетерпимостью и высокомѣрнымъ или пренебрежительнымъ недовѣріемъ, даже подозрительностью къ окружающимъ, чѣмъ глубокимъ и безпристрастнымъ анализомъ человѣческихъ поступковъ и стремленій. Отсюда удивительное самомнѣніе гр. Толстого и проповѣдническій тонъ его сочиненій.

Болѣзненный скептицизмъ гр. Толстого поражалъ его литературныхъ пріятелей съ перваго дня знакомства, но особенную оппозицію встрѣчалъ въ Тургеневѣ. Отмѣчая эту странность въ авторѣ „Войны и Мира“, друзья гр. Толстого непремѣнно въ то же время отмѣчали и тѣ стычки, которыя происходили у него съ Тургеневымъ изъ-за этой особенности.

Такъ Фетъ, безусловный поклонникъ Льва Николаевича, разсказывая въ воспоминаніяхъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ нимъ вскорѣ по возвращеніи гр. Толстого изъ Севастополя, пишетъ:

„Съ первой минуты я замѣтилъ въ молодомъ Толстомъ невольную оппозицію всему общепринятому въ области сужденій. Въ это короткое время (пріѣзда въ Петербургъ) я только однажды видѣлъ его у Некрасова вечеромъ въ нашемъ холостомъ литературномъ кругу и былъ свидѣтелемъ того отчаянія, до котораго доходилъ кипятящійся и задыхаю-

щійся отъ спора Тургеневъ на видимо сдержанныя, но тѣмъ болѣе язвительныя возраженія Толстого.

— Я не могу признать, — говорилъ Толстой, — чтобы *высказанное вами было вашими убѣжденіями.* Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ". Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіемъ.

— Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? — задыхаясь и голосомъ переходящимъ въ тонкій фальцетъ, говорилъ Тургеневъ. — Здѣсь не ваше знамя! Ступайте къ княгинѣ Б—й, Б—й!

— Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить! И праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія" [1]).

А вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ же времени Григоровичъ, литераторъ одинаково расположенный къ гр. Толстому и Тургеневу: „Какое-бы мнѣніе ни высказывалось, и чѣмъ авторитетнѣе казался ему (Толстому) собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противоположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ, глубоко запрятанныхъ глазъ, и какъ иронически сжимались его губы, чувствовалось, что онъ какъ-бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника. Такимъ представлялся мнѣ Толстой въ молодости. Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда разъ начался у него споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенною дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, но возбужденіе его настолько было сильно, что стоило не мало трудовъ его успокоить и отвезти домой" [2]). Въ іюнѣ 1856 года Констан-

---

1) Фетъ. „Воспом." I, 106.
2) Сочиненія: Изд. „*Нивы*", XII, 327.

тинъ Аксаковъ писалъ Тургеневу между прочимъ: „Былъ въ Москвѣ гр. Толстой, и я имѣлъ случай замѣтить, что вы вѣрно его очертили. Странный человѣкъ! Молодъ что-ли онъ? Не установился? Иногда идетъ съ нимъ разговоръ ладно; онъ слушаетъ умно и ведетъ рѣчь разумно; а иногда вдругъ упрется, повторяетъ свои слова и какъ будто васъ не понимаетъ. Кажется, въ немъ нѣтъ еще центра".

Если Тургенева „коробилъ" болѣзненный скептицизмъ графа Толстого въ этихъ спорахъ, то гр. Толстой въ мнѣніяхъ Тургенева видѣлъ прежде всего фразу. „Вообще меня всегда удивляетъ въ Тургеневѣ", писалъ онъ Фету за годъ до ссоры своей съ Иваномъ Сергѣевичемъ: „какъ онъ со своимъ умомъ и поэтическимъ чутьемъ не умѣетъ удержаться отъ банальности даже до пріемовъ" (т. е. отъ банальности въ взглядахъ и даже въ пріемахъ). Еще чаще гр. Толстой видѣлъ фразу въ хандрѣ Тургенева и не могъ „смотрѣть на него въ это время, не чувствуя приращенія непріязненныхъ чувствъ" [1]). При такомъ характерѣ скептицизма гр. Толстого, послѣдній насколько всегда готовъ былъ заподозрѣть всякое установившееся мнѣніе въ фальши, настолько склоненъ былъ искать глубокій смыслъ въ словахъ или рѣчахъ мало понятныхъ, или просто неясныхъ. Въ одномъ изъ писемъ 1858 г. Тургенева къ Фету читаемъ: „Полонскій на дняхъ спрашивалъ меня о значеніи слѣдующей фразы Григорьева: „Каждый человѣкъ въ наше время разомъ переживаетъ двѣ формулы". Я увѣренъ, что Толстой будетъ увѣрять, что эта фраза совершенно ясна". Бывали и такіе казусы со Львомъ Николаевичемъ, что, подкапываясь подъ какое-нибудь дѣйствительно ложное мнѣніе, онъ съ преувеличенною серьезностью и настойчивостью высказываетъ мысль самую обыкновенную, давнымъ-давно извѣстную. Про такіе казусы пріятель его В. П. Боткинъ говаривалъ: „Ну, открылъ Левъ Николаевичъ Средиземное море" [2]).

Недаромъ Тургеневъ, получая извѣстія объ эксцентричностяхъ гр. Толстого, писалъ Анненкову въ 1857 г.:

---

1) Фетъ, „Воспомин." I, 231.
2) Фетъ, „Воспомин." II, 209.

„Вотъ человѣкъ! съ отличными ногами непремѣнно хочетъ ходить на головѣ. Боюсь я только, какъ бы онъ этими прыжками не вывихнулъ хребта своему таланту“, или въ 1860 году писалъ Фету: „А Левъ Толстой продолжаетъ чудить. Видно такъ уже написано ему на роду. Когда онъ перекувыркнется въ послѣдній разъ и станетъ на ноги?“

Гр. Толстой, разсматривая явленіе или фактъ, прежде всего старался найти въ немъ недостатки, ложь и фразу и, найдя таковые, испуганно отказывался всматриваться въ хорошія стороны явленія и почти всегда отрицалъ его. Вотъ почему отрицаніе гр. Толстого очень обширно, т. е. касается большого числа предметовъ и явленій, но одностороннне. Отсюда отсутствіе правильнаго міровоззрѣнія у гр. Толстого. Другъ его В. П. Боткинъ писалъ въ 1861 г. Фету по поводу ссоры Льва Николаевича съ Тургеневымъ:

„Къ несчастью, умъ его (Толстого) находится въ какомъ-то хаосѣ представленій, т. е. я хочу сказать, что въ немъ еще не выработалось опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь и дѣла міра сего. Отъ этого такъ мѣняются его убѣжденія, такъ падокъ онъ на крайности. Въ душѣ его кипитъ ненасыщаемая жажда; говорю ненасыщаемая, потому что, что̀ вчера насытило его, нынче разбивается его анализомъ. Но этотъ анализъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ и твердыхъ реагентовъ и отъ этого въ результатѣ своемъ улетучивается ins Blaue hinein“. Не то представлялъ собою Тургеневъ: изучая явленіе, онъ подходилъ къ нему съ противоположной стороны — искалъ прежде всего не недостатковъ и лжи, какъ гр. Толстой, а оправданія его существованію; лишь не найдя такого, рѣшался отрицать явленіе. Поэтому отрицаніе его было менѣе обширно, чѣмъ отрицаніе гр. Толстого, но болѣе глубоко. Гр. Толстой даже отъ отраднаго факта всегда готовъ былъ отнять то, что его краситъ, возвышаетъ. Тургеневъ къ обыкновеннымъ, безразличнымъ вещамъ придаетъ что-нибудь возвышающее.

Гр. Толстой своимъ ученіемъ предупреждаетъ читателей не довѣрять жизни, бояться ея воплощеній, — столкнувшись съ ними, вы вѣдь прежде всего нападете на ложь и на фразу. Тугеневъ говоритъ напротивъ: подходите къ жизни безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, смотрите на нее проще — и она вамъ

дастъ больше, чѣмъ вы думаете. Гр. Толстой писалъ въ 1860 г. Фету: *„Я беру* жизнь, какъ она есть. Какъ только дойдетъ человѣкъ до высшей степени развитія, такъ онъ увидитъ ясно, что *все дичь, обманъ* и что правда, которую все-таки онъ любитъ лучше всего, что эта правда ужасна, что, какъ увидишь ее хорошенько, ясно, такъ очнешься и съ ужасомъ скажешь, какъ братъ (Николай Толстой передъ своею смертью): „да что-жъ это такое?“ Но, разумѣется, покуда есть желаніе знать и говорить правду, стараешься знать и говорить. Это одно, что осталось у меня изъ моральнаго міра, выше чего я не могу стать. Это одно я и буду дѣлать, только не въ формѣ вашего искусства. *Искусство есть ложь, а я уже не могу* любить прекрасную ложь“... А Тургеневъ въ то же время, въ томъ же году высказывалъ въ своей рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ: „Мы сами на своемъ вѣку въ нашихъ странствованіяхъ видали людей умирающихъ за столь же малосуществующую Дульцинею или за грубое и часто грязное нѣчто, въ которомъ они видѣли осуществленіе своего идеала, и превращеніе котораго они также приписывали вліянію злыхъ — мы чуть было не сказали волшебниковъ — злыхъ случайностей и личностей. Мы видѣли ихъ — и, когда переведутся такіе люди, пускай закроется навсегда книга исторіи! въ ней нечего будетъ читать“. Въ другомъ мѣстѣ, резюмирая подобныя же мысли, Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, что „не обманывать себя человѣку — не жить ему“.

Крайности и эксцентричности гр. Толстого обострялись еще вслѣдствіе отсутствія у него систематическаго образованія, вслѣдствіе отсутствія настоящихъ знаній. Это обстоятельство, крайне невыгодно отражаясь на его болѣзненномъ скептицизмѣ, еще болѣе должно было отчуждать гр. Толстого отъ Тургенева, всегда и всѣхъ поражавшаго обширностью и глубиной своего образованія. Тургеневъ знакомился со всѣми болѣе или менѣе замѣчательными мыслями и ученіями своихъ и западныхъ изслѣдователей человѣческой культуры въ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ, часто изъ непосредственнаго, личнаго общенія съ этими изслѣдователями; онъ вѣчно былъ окруженъ книгами, журналами, газетами. Гр. Толстой старался замыкаться отъ литературнаго

міра, иной годъ даже не выписывалъ „ни одного журнала и ни одной газеты“ и находилъ это „очень полезнымъ“ [1]). Да и откуда было взяться образованію, даже стремленію къ образованію у графа Толстого при его недовѣріи, при его скептицизмѣ, при его убѣжденіи, что все, что дѣлаютъ, говорятъ и, особенно, пишутъ люди, есть обманъ, ложь и фраза! Гр. Толстой всю свою литературную дѣятельность стремился подчинить одной цѣли — борьбѣ съ фразой. Тургеневъ не былъ такъ одностороненъ, но, нападая на фразу, билъ ее больнѣе и безпощаднѣе, чѣмъ гр. Толстой.

Ссора у гр. Толстого съ Тургеневымъ и произошла какъ разъ въ то время, когда у послѣдняго надежда на сближеніе особенно ярко вспыхнула. Пріѣхавъ вмѣстѣ въ имѣніе Фета Степановку 27 мая, оба пріятеля весело усѣлись за чайный столъ. Тургеневъ, всецѣло поглощенный тогда заботами о воспитаніи своей дочери, принялся разсказывать о тѣхъ пріемахъ, какіе примѣняетъ къ ней ея гувернантка—англичанка, и которые онъ, Тургеневъ, находитъ вполнѣ разумными. Гр. Толстой не утерпѣлъ, сѣлъ на своего любимаго конька и язвительно замѣтилъ, что видитъ въ этихъ пріемахъ лишь неискренность и театральность. Больно задѣтый, Тургеневъ крикнулъ своему собесѣднику: „Я васъ прошу этого не говорить!“

— „Отчего же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ?“ — отвѣчалъ гр. Толстой. — „Такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ“, — вспылилъ Тургеневъ, блѣдный отъ волненія; но, тотчасъ спохватившись, онъ обратился къ хозяйкѣ съ извиненіемъ, послѣ чего покинулъ Степановку. Въ такомъ видѣ является сцена ссоры подъ перомъ Фета, безусловнаго сторонника графа Толстого.

Другой источникъ [2]) передаетъ фактъ нѣсколько измѣненнымъ въ сторону враждебную гр. Толстому, но намъ нѣтъ надобности отвергать свидѣтельство Фета. Гр. Толстой немедленно, вернувшись къ себѣ, потребовалъ письменно извиненія отъ Ивана Сергѣевича. Послѣдній исполнилъ

---

1) Фетъ. „Воспом.“ II, 211.
2) Гаршинъ. „*Историч. Вѣстн.*“ XIV, 389.

требованіе, но гр. Толстой, не удовольствовавшись имъ, послалъ ему вызовъ, который, однако, взялъ почти тотчасъ же назадъ, объявивъ, что не желаетъ быть сказкой русской публики. Въ сентябрѣ того же 1861 года, проѣздомъ за границу, въ Петербургѣ Иванъ Сергѣевичъ узналъ, будто гр. Толстой распространяетъ въ Москвѣ копіи съ письма своего къ Тургеневу, письма оскорбительнаго для послѣдняго, при чемъ будто бы гр. Толстой называетъ его трусомъ, не желавшимъ съ нимъ драться, и т. д. Тургеневъ, узнавъ объ этомъ, послалъ уже со своей стороны гр. Толстому вызовъ на дуэль изъ Парижа, намѣреваясь драться съ нимъ весной будущаго года въ Тулѣ. Гр. Толстой немедленно отвѣчалъ, что слухъ о распространеніи имъ копіи оскорбительнаго для Ивана Сергѣевича письма есть чистая выдумка, и тутъ же прислалъ письмо, въ которомъ проситъ у него извиненія и вторично отказывается отъ вызова. Тургеневъ со своей стороны просилъ передать гр. Толстому, что послѣ этого тоже отказывается отъ дуэли и считаетъ все дѣло „похороненнымъ на вѣкъ“. Такъ покончено было дѣло о поединкѣ, но помириться противникамъ пришлось лишь черезъ 16 лѣтъ послѣ ссоры.

X.

И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ.

И. С. Тургеневъ познакомился съ Н. А. Некрасовымъ лѣтомъ 1843 года у Бѣлинскаго, въ то именно время, когда — по выраженію Ивана Сергѣевича — критикъ „лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди“ [1]) будущаго издателя „Современника“. Горячее отношеніе Бѣлинскаго къ Николаю Алексѣевичу было достаточнымъ основаніемъ для Тургенева, чтобы скоро сблизиться съ Некрасовымъ.

Эти отношенія смѣнились вполнѣ дружескими, когда Некрасовъ сталъ во главѣ журнала, долженствовавшаго, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, быть первымъ органомъ русской періодической печати. Восьмого ноября 1846 г. Тургеневъ писалъ П. Віардо: „Скажу вамъ еще, что намъ (кружку Бѣлинскаго) удалось организовать свой собственный журналъ, который начнетъ выходить съ новаго года и, повидимому, при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Я участвую въ немъ только въ качествѣ сотрудника“ [2]). Иванъ Сергѣевичъ выразился однако здѣсь съ обычной своей скромностью. Знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла высказывались гораздо рѣшительнѣе о роли автора „Записокъ Охотника“ въ новомъ предпріятіи. „Многіе изъ его (Тургенева) товарищей“, разсказывалъ впослѣдствіи Анненковъ: „видѣвшіе возникновеніе „Современника“ 1847 г.,

---

1) Собр. сочин., т. XII, 49. (Всѣ ссылки на изд. „Нивы“ 1898 г.).
2) Письма къ П. Віардо, изд. 1900 г., стр. 9.

должны еще помнить, какъ хлопоталъ Тургеневъ объ основанiи этого органа, сколько потратилъ онъ труда, помощи совѣтомъ и дѣломъ на его распространенiе и укрѣпленiе. Первые номера „Современника" содержатъ, кромѣ начала „Записокъ Охотника", еще нѣсколько историческихъ и критическихъ замѣтокъ Тургенева, не попавшихъ въ полное собранiе его „Сочиненiй" [1]). Своихъ горячихъ заботъ о журналѣ Иванъ Сергѣевичъ не оставлялъ и въ послѣдующiе годы до самаго выхода своего изъ „Современника". Такъ онъ писалъ, напримѣръ, въ 1856 г. изъ Францiи соиздателю Николая Алексѣевича — И. И. Панаеву: „Обѣщаю тебѣ, что употреблю всѣ усилiя, чтобы поддержать „Современникъ" и собственными трудами и сообщенiемъ разныхъ новостей, извѣстiй, названiй книгъ для переводовъ и т. д.".

„Напиши Григоровичу, что я ему кланяюсь и жму руку и также прошу сдѣлать что-нибудь къ XI нумеру", писалъ Иванъ Сергѣевичъ тому же прiятелю въ другой разъ.

„Благодарю тебя за твое хорошее мнѣнiе о моей дѣятельности и любви къ „Современнику", читаемъ въ третьемъ письмѣ: „могу тебя увѣрить, что я — какъ говорится — при добрыхъ пристяжныхъ постромки не опущу ни на минуту, только вы со своей стороны тяните дружно" [2]).

Тѣ же слѣды безпрерывныхъ заботъ о журналѣ встрѣчаемъ въ каждомъ письмѣ Тургенева къ Некрасову. „Гончаровъ прочелъ намъ съ Боткинымъ своего оконченнаго „Обломова", — есть длинноты, но вещь капитальная, и весьма было бы хорошо, если бы можно было прiобрѣсти ее для „Современника" . . . . Не упускай его изъ виду, а я ужъ запустилъ нѣсколько словъ, все дѣло будетъ въ деньгахъ", писалъ Иванъ Сергѣевичъ главному издателю журнала 9-го сент. 1857 г. „Жду высылки „Современника" сюда, если только это возможно. Хотѣлось бы видѣть „очима своима", будутъ ли въ немъ приведены въ исполненiе тѣ усовершенствованiя, о которыхъ мы толковали", читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22-го ноября [3]) и т. д. Значительное

---

1) „Воспом. и критическ. очерки" III, 193.
2) Собранiе сочин. И. И. Панаева, VI, 402, 403, 404.
3) „Русск. Мысль", 1902 г., кн. I, стр. 122, 123.

большинство своихъ произведеній въ 50-хъ годахъ Тургеневъ напечаталъ въ „Современникѣ“ и между ними такія капитальныя вещи, какъ „Записки Охотника“, „Муму“, „Постоялый дворъ“, „Рудинъ“, „Фаустъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ“. Въ 1856 году редакція журнала даже сдѣлала извѣщеніе, что съ 1857 г. четыре первоклассныхъ литератора (Тургеневъ, Григоровичъ, Л. Толстой и Островскій), во избѣжаніе неудобствъ конкуренціи, согласились печатать свои произведенія исключительно въ журналѣ „Современникъ“ [1]). Недаромъ въ іюлѣ 1862 г., т. е. уже послѣ своей размолвки съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову по поводу временной пріостановки журнала: „Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи „Современника“. Вспомнилось его основаніе, Бѣлинскій и многое“ [2]).

Къ числу фактовъ, сильно привлекавшихъ къ Некрасову всегда чуткаго и отзывчиваго Тургенева, надо отнести и разсказы Николая Алексѣевича о матеріальныхъ невзгодахъ своей студенческой жизни, неизмѣнно начинавшіеся словами: „Ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ“. Разсказы эти вообще сослужили великую службу Некрасову, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти. Упрекнутъ ли его въ черствости, нравственной нечистоплотности, — сейчасъ на выручку: „Ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ“. Являлась ли необходимость тяжелыя послѣдствія ненормальной жизни издателя „Современника“ объяснить болѣе возвышенными причинами — поможетъ все тотъ же спасительный разсказъ о голодовкѣ, и т. д. Разсказъ этотъ въ біографіяхъ Некрасова составляетъ чуть ли не центральный пунктъ всѣхъ восхваленій по адресу Николая Алексѣевича. И всѣ біографы, приводя его, тутъ же сообщаютъ, что пресловутое голоданье Некрасова началось въ 1839 году и кончилось въ 1840 г., при чемъ, по ихъ же словамъ, въ 1839 году у него передъ началомъ голодовки было въ карманѣ 150 р., т. е. рублей 300 по теперешнимъ

---

1) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г. мартъ, стр. 7.
2) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., январь, стр. 8.

условіямъ жизни, да если прибавить къ этому „грошовые уроки“ и „черный трудъ журналиста“, то выйдетъ матеріальное положеніе, которому позавидовала бы значительная часть нынѣшняго студенчества [1]). Неудивительно поэтому, что въ 1840 году Некрасовъ могъ издать на собственный счетъ книжку своихъ стихотвореній.

Крайнее преувеличеніе своихъ матеріальныхъ невзгодъ, далеко не достигавшихъ такихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, бѣдствія Бѣлинскаго, было замѣчено Тургеневымъ и было одной изъ причинъ охлажденія его къ Николаю Алексѣевичу. Недаромъ въ своихъ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ, Иванъ Сергѣевичъ помѣстилъ слѣдующія строки: „Онъ (Бѣлинскій) вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его, онъ словно стыдился, словно не понималъ, что за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ. Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напр., онъ разсказалъ мнѣ, какъ, будучи удаленъ изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ надѣлалъ промаховъ. Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впослѣдствіи не услаждался ея расписываньемъ и размазываньемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжелую школу“ [2]). Пріятеля же своего, Полонскаго, Тургеневъ впослѣдствіи не разъ предупреждалъ не довѣряться „элегическому плачу“ Некрасова и „держать камень за пазухой“ [3]). Но такого рода недостатки Иванъ Сергѣевичъ легко прощалъ Николаю Алексѣевичу.

---

1) См., напр., Скабичевскаго „Истор. нов. русск. литер.“, изд. 1897 г., стр. 426—428; Венгерова, — статья въ энциклопедич. словар. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 40, стр. 858. Энгельгардта — „Истор. русск. литер.“, изд. 1902 г., стр. 593.

2) Сочинен. Тургенева, XII, 51.

3) „Первое собр. писемъ“, 216.

Точно также безъ серьезныхъ послѣдствій для ихъ дружескаго общенія осталось и разочарованіе Бѣлинскаго въ Некрасовѣ, явившееся на почвѣ заботъ по изданію „Современника“. „Исторія основанія этого журнала представляетъ много поучительнаго“,—писалъ позднѣе Тургеневъ: „довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіе цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для большого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для „Современника“ разорвалъ связь съ „Отечественными Записками“, а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ, вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ то же мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ“ [1]).

Исторія эта началась на глазахъ Тургенева и закончилась во время его отсутствія за границею. Бѣлинскій писалъ о ней Ивану Сергѣевичу 19-го февраля 1847 г. между прочимъ слѣдующее: „При объясненіи со мною онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ, — и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки, — видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ преувеличеніи. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости, я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова; и тѣмъ не менѣе онъ

1) Сочин., XII, 47.

въ моихъ глазахъ человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ — а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ" [1]).

Гораздо сильнѣе повліяли на Тургенева сужденія о Некрасовѣ А. И. Герцена. Послѣдній имѣлъ еще болѣе серьезныя основанія быть дурного мнѣнія объ издателѣ „Современника", впутавшемся въ денежныя тяжбы Н. П. Огарева. Дѣло заключалось въ томъ, что Огаревъ, разойдясь со своей женой, женщиной весьма сомнительной нравственности, „предоставилъ ей часть доходовъ съ единственнаго оставшагося у него еще имѣнія въ 500 душъ (въ Пензенской губерніи) и обѣщалъ даже, на первыхъ порахъ, составить ей капиталъ по продажѣ имѣнія. Когда, около 1848 года, конечное разореніе Огарева и запутанность всѣхъ его дѣлъ остановили правильную выдачу пенсіона, котораго никогда не было и достаточно для ненасытныхъ аппетитовъ почтенной дамы, то она впала въ нищету посреди такъ знакомаго и такъ любимаго ею Парижа. Тогда одна пріятельница ея и почти ея двойникъ по вкусамъ и характеру [2]) внушила ей мысль, что она имѣетъ право на имѣніе Огарева, и заставила ее формальнымъ актомъ передать себѣ всѣ эти права, а сама снабдила бѣднаго еще поэта Некрасова довѣренностью на веденіе всего дѣла, и онъ горячо принялся за него, обольщенный мыслью сдѣлаться довольно крупнымъ землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ капиталистомъ по милости одной только счастливой аферы. Приманка была слишкомъ сильна, и, благодаря ей, Некрасовъ очутился въ распрѣ и въ неблаговидномъ столкновеніи съ друзьями Огарева, возмущенными всею этой затѣей. Когда, въ 1849 г., при содѣйствіи Грановскаго, Н. А. Тучкова и другихъ, предпринята была ликвидація дѣлъ Огарева и уплата его долговъ, спорное имѣніе отошло къ Н. М. Сатину, взявшему на себя и уплату всѣхъ обязательствъ, на немъ лежавшихъ. Некрасовъ выказалъ много печальной изворотливости, настойчивости и изобрѣтательности, чтобы добиться

---

1) Сочинен., XII, 56.

2) А. Я. Головачева-Панаева (См. „Русск. Мысль" 1902 г., XII, 173).

своей цѣли — дарового захвата имѣнія, и разъ сказалъ въ глаза Грановскому: „Вы пріобрѣли такую репутацію честности, что можете безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости“. Несмотря однакожъ на все развитіе адвокатскаго таланта у Некрасова, дѣло не имѣло за себя не только легальнаго основанія, но и приличнаго повода, а потому и сорвалось, окончательно замаравъ доброе имя поэта и, вѣроятно, наполнивъ его душу угрызеніями совѣсти“ [1]). Герценъ послѣ этого часто корилъ Тургенева его „близостью съ такимъ шулеромъ и воромъ, какъ Некрасовъ“ [2]). А въ № 83 „Колокола“ (15-го октября 1860 г.) посвятилъ издателю „Современника“ слѣдующія строки: „Мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью . . . Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!“ Предостерженія и укоризны издателя „Колокола“ стали оказывать свое воздѣйствіе уже въ 1857 г. Въ письмѣ къ Герцену отъ 10-го іюля, сообщая объ одной не совсѣмъ чистой денежной операціи Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ выражается, напримѣръ, такъ по адресу Николая Алексѣевича: „Нѣтъ, рѣшительно, безъ честности нельзя, какъ безъ хлѣба“. Но только черезъ два года появились вполнѣ зловѣщіе признаки приближающейся бури. Отъ 1859 года мы имѣемъ первое письмо Тургенева, съ рѣзкими отзывами о Некрасовѣ. Для пониманія его необходимо, впрочемъ, привести слѣдующія строки воспоминаній Фета: „Изъ подлинныхъ писемъ Тургенева можно было видѣть его привычку пародировать иногда очень забавно не нравящіеся ему стихи. Такъ между прочимъ, во время чтенія въ

---

1) „Анненковъ и его друзья“, 115—116.

2) Письмо Герцена къ Тургеневу отъ 10-го апрѣля (новаго стиля) 1864 г. въ изд. Драгоманова.

пріятельскомъ кругу моего перевода „Юлія Цезаря“ Тургеневъ, пародируя нѣкоторые стихи, придумалъ:

„Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ
Стать имъ, коль нѣтъ и въ меньшемъ безъ препонъ“.

Конечно, такія пародіи предназначались для пріятельскаго круга, а никакъ не для публики, чего конечно не могъ не понимать Некрасовъ, а между тѣмъ въ разборѣ моего „Цезаря“ онъ напечаталъ эту пародію, нимало не стѣсняясь“ [1]). Узнавъ объ этомъ отъ Фета, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ему 1-го августа 1859 года: „Я не читалъ статьи о вашемъ „Цезарѣ“, но фактъ допушенія въ статьѣ, подписанной незнакомымъ именемъ, пріятельскихъ шутокъ, въ родѣ „Брыкни“ и т. д. достоинъ господина Некрасова и его вонючаго цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мнѣ, ни вамъ (въ особенности мнѣ) это не могло быть пріятно. Да и наконецъ, какое имѣютъ эти господа право покушаться на частныя дѣла? Да вѣдь этому злобно зѣвающему барину, сидящему въ грязи, все равно . . . „Она умерла . . .“ Но мнѣ это очень досадно“. Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ намекъ на другую выходку Николая Алексѣевича, разсердившую Тургенева. Громко зѣвая надъ корректурой длинной повѣсти одного своего пріятеля, Некрасовъ вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни словомъ автора, подписалъ: „она умерла“ и сдалъ въ печать [2]).

Въ сентябрѣ того же 1859 года, остановившись на нѣсколько дней въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ-за границы, Иванъ Сергѣевичъ далъ уже ясно понять издателю „Современника“ о желаніи своемъ оставить журналъ. Про это свое пребываніе въ сѣверной столицѣ Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ Анненкову (23-го октября) слѣдующее: „во время проѣзда черезъ Петербургъ, Некрасовъ явился ко мнѣ и, сказавъ, что знаетъ, что моя повѣсть [3]) будетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, просилъ хоть чего-нибудь

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 307.
2) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 308, 306.
3) „Наканунѣ“.

и позволенія напечатать, что я имъ дамъ что-нибудь: новое какое-нибудь произведеніе. Къ этому онъ прибавилъ мѣстоименіе: свое, и вышло, что я имъ даю свое новое произведеніе. Но кромѣ этихъ трехъ словъ они отъ меня ничего не получатъ" [1]). Но Некрасовъ не могъ, конечно, этимъ ограничиться. При Островскомъ и Е. Колбасинѣ онъ предложилъ Ивану Сергѣевичу 8,000 р. за повѣсть, запроданную „Русскому Вѣстнику". Тургеневъ и въ этотъ разъ отринулъ предложеніе, прибавивъ, что повѣсть уже обѣщана другому, и онъ самъ не имѣлъ на нее никакихъ правъ. „Наканунѣ" появилась въ первой книжкѣ „Русскаго Вѣстника" слѣдующаго 1860 г. Но, чтобы рѣшительнѣе освободиться отъ просьбъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ потребовалъ въ конторѣ „Современника" полнаго разсчета за все старое время. Надо замѣтить, что съ года основанія журнала (1847 г.) и даже прежде существовали между ними счеты дружескаго характера, которые потомъ возрасли и запутались до того, что Тургеневъ уже и не зналъ, подъ бременемъ какого долга онъ состоитъ у Некрасова или журнала. Въ теченіе 12—13 лѣтъ онъ бралъ у нихъ деньги, выплачивая то своими сочиненіями, то наличными суммами, и не справляясь о равновѣсіи уплатъ съ займами [2]).

Въ отвѣтъ на рѣшительныя мѣры Тургенева „Современникъ" открылъ литературный походъ противъ своего прежняго сотрудника. Въ январѣ 1860 года была напечатана въ этомъ журналѣ рѣчь Тургенева „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ", а уже въ апрѣльской книжкѣ „Современника" находимъ насмѣшливыя замѣчанія по поводу успѣха новаго разсказа Ивана Сергѣевича „Первая любовь" [3]). За ними въ слѣдующихъ номерахъ журнала явились довольно многочисленные уколы и шпильки. Они относились и къ почитателямъ таланта Тургенева, о которыхъ „Современникъ" иронически говорилъ, что они желаютъ прилагать къ твореніямъ Ивана Сергѣевича непремѣнно „шекспировскую или дантовскую

1) „Вѣстникъ Европы" 1885 г., мартъ, стр. 33.
2) „Вѣстникъ Европы" 1885 г., мартъ, стр. 32—33; 1887 г. янв., стр. 9.
3) „Современникъ" 1860 г., апрѣль, стр. 376—377.

мѣрку“ [1]), и относились къ самой личности писателя. На одну изъ выходокъ послѣдняго рода ссылается въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Тургенева Анненковъ, который указываетъ на то мѣсто „Свистка“, образовавшагося при журналѣ, гдѣ говорилось о модномъ писателѣ, слѣдующемъ въ хвостѣ странствующей пѣвицы и устраивающемъ ей оваціи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей [2]). Вылазки такого сорта должны были особенно возмущать Ивана Сергѣевича, такъ какъ онъ, насколько это можно прослѣдить въ настоящее время, одному Некрасову высказывался болѣе откровенно о своихъ отношеніяхъ къ П. Віардо. Только въ письмахъ Тургенева къ нему встрѣчаются такія строки. „Ты видишь, что я здѣсь (въ Куртавнелѣ у Віардо), т. е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня . . . Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краюшкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ — ну и не надо никакого!“ [3]).

Но Некрасовъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы въ своихъ нападеніяхъ дѣйствовать мелкимъ оружіемъ и безъ опредѣленнаго плана. Читая опубликованныя письма В. П. Боткина къ Фету за 60-ые годы, невольно останавливаешься на фактѣ двойной игры издателя „Современника“ съ лицами, призванными такъ или иначе служить карьерѣ Николая Алексѣевича. „Сегодня былъ у меня Некрасовъ и просидѣлъ три часа“, писалъ Боткинъ 20-го марта 1865 года: „дѣло въ томъ, что его вонючая лавочка „Современника“ дѣлается самому ему гадкою“. „Некрасовъ началъ похаживать ко мнѣ“, читаемъ въ другомъ письмѣ Боткина отъ 1-го февраля 1866 года: „и протестуетъ противъ гадкихъ тенденцій своего журнала“ [4]). То же самое находимъ и въ воспоминаніяхъ Анненкова: „Однажды возвращаясь поздно ночью отъ кого-то,

1) 1860 г., іюль, стр. 41 отдѣла „Русской литературы“.
2) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, стр. 37.
3) „Русская Мысль“ 1902 г., январь, стр. 121.
4) Фетъ. „Мои воспоминанія“, II, 62, 82.

онъ (Некрасовъ) мнѣ неожиданно сказалъ: „я васъ уважаю особенно за то, что вы не сердитесь, какъ другіе, за выходки „Свистка“ противъ нашихъ литераторовъ. Могу васъ увѣрить, что я серьезно думаю положить имъ конецъ“. „Но „Свистокъ“, замѣчаетъ дальше Анненковъ: „процвѣталъ и послѣ того еще пуще, кажется, чѣмъ прежде“ [1]).

Манера Николая Алексѣевича прятаться за другихъ, сваливать на нихъ вину свою, прикидываясь въ то же время невиннымъ и безпомощнымъ младенцемъ, — хорошо была извѣстна Тургеневу. Отвѣчая однажды Полонскому на его жалобу по поводу какой-то продѣлки съ нимъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 22-го февраля 1868 г.: „Штука, которую выкинулъ съ тобой Некрасовъ, нимало не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю. У этого м . . . . есть между прочимъ привычка взваливать все непріятное на кого-нибудь изъ сотрудниковъ . . . Я — молъ бы радъ, да вотъ такой-то (тебѣ онъ говоритъ — Елисѣевъ, мнѣ говоритъ — Антоновичъ) несогласенъ. Великая д . . . этотъ господинъ“ [2]). Вотъ этотъ-то ловкій пріемъ, только въ обширныхъ размѣрахъ, и примѣнилъ издатель „Современника“ въ своемъ позорномъ походѣ противъ прежняго сотрудника и друга.

Въ виду слишкомъ крупной извѣстности и большого авторитета Тургенева, Некрасову необходимо было спрятаться за самаго популярнаго представителя молодой литературы — Добролюбова, пользовавшагося къ тому же такой репутаціей честности, „что онъ могъ бы безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости“. Ссора Тургенева съ Добролюбовымъ легко, конечно, уронила бы престижъ Ивана Сергѣевича въ глазахъ молодежи и развязала бы руки „Современнику“ въ нападкахъ на автора „Дворянскаго гнѣзда“, но Добролюбовъ, какъ нѣкогда Грановскій, не былъ способенъ „на три, четыре подлости“, и планъ былъ проведенъ нѣсколько иначе. Въ іюньской книжкѣ „Современника“ 1860 г. въ отдѣлѣ „Русской литературы“ появился разборъ сочиненія американскаго писателя Готорна „Собраніе чудесъ,

---

1) Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 38.

2) „Первое собраніе писемъ“, 133—134.

повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи. Изданіе для дѣтей". Критикъ отличаетъ два существенныхъ недостатка въ разбираемомъ сочиненіи: 1) щепетильное желаніе Готорна очистить переработываемый матеріалъ даже отъ малѣйшихъ намековъ на физическую любовь, и 2) излишнюю болтливость въ описаніяхъ въ погонѣ за художественной отдѣлкой. Первая особенность является недостаткомъ потому, что дѣти по природѣ своей достаточно чисты, чтобы пропустить безъ вниманія даже случай значительной откровенности миѳологическихъ разсказовъ. Такъ какъ по собственному признанію рецензента, онъ „взялся за книжку Готорна, чтобы побесѣдовать съ нашими лучшими беллетристами", а не ради самой книжки, то на стр. 239—240 онъ и продолжаетъ такъ: „Иные люди могутъ имѣть свой разсчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты, какъ Готорнъ искажаетъ греческіе миѳы; но какая надобность можетъ заставлять художника искажать психологическую истину въ своихъ произведеніяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одинъ примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, героемъ которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало писавшему по-русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмевавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія, — человѣку, не безславными чертами вписавшему свое имя въ исторію, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человѣкъ могъ быть изображенъ, какъ человѣкъ серьезный. Авторъ повѣсти, кажется, и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ ему вздумалось: „а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большого наслѣдства? Человѣкъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родового имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ — нѣтъ,

такой человѣкъ не можетъ считаться серьезнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ“. И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живого человѣка рисовать каррикатуру, — какъ будто левъ годится для каррикатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человѣкомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высокій трагическій характеръ, посерьезнѣе Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышелъ винигретъ сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей“.

Въ приведенной выпискѣ даже средній читатель того времени могъ узнать подъ „историческимъ дѣятелемъ“, разстроившимъ свои семейныя отношенія, мало писавшимъ по-русски, отличавшимся блестящимъ краснорѣчіемъ—знаменитаго Бакунина. А въ „каррикатурѣ на льва“ — легко увидали отзывъ о „Рудинѣ“ Тургенева, такъ какъ послѣдній не скрывалъ, что для Рудина онъ много взялъ изъ характера своего университетскаго товарища Бакунина. Читатели поняли намеки, поняли ихъ и „благоразумные совѣтники“, понялъ ихъ и Иванъ Сергѣевичъ. Выходка эта была дѣломъ пера Чернышевскаго, который однако не подписалъ своего слишкомъ запоздалаго разбора Рудина. „Современникъ“ же пустилъ слухъ, что авторъ этой статьи не кто иной, какъ Добролюбовъ. Слухъ этотъ, равно, какъ и названная статья дошли до Тургенева, находившагося тогда въ Парижѣ, и послѣдній 1-го октября написалъ Анненкову: „Сообщите прилагаемую записку Ивану Ивановичу Панаеву. Еслибъ онъ хотѣлъ узнать настоящую причину моего нежеланія быть болѣе сотрудникомъ „Современника“, — попросите его прочесть въ іюньской книжкѣ нынѣшняго года въ „Современномъ Обозрѣніи“ стр. 240, 3 стр. сверху, пассажъ, гдѣ г. Добролюбовъ обвиняетъ меня, что я преднамѣренно изъ „Рудина“ сдѣлалъ каррикатуру для того, чтобы понравиться моимъ богатымъ литературнымъ друзьямъ, въ глазахъ которыхъ всякій бѣднякъ мерзавецъ. Это ужъ слишкомъ — и быть участникомъ въ подобномъ журналѣ уже не приходится порядочному человѣку“.

Записка Панаеву была слѣдующаго содержанія: 1-го (13-го) октября 1860 г. — Любезный Иванъ Ивановичъ! Хотя сколько я помню, вы уже перестали объявлять въ „Современникѣ“ о своихъ сотрудникахъ, и хотя, по вашимъ отзывамъ обо мнѣ, я долженъ предполагать, что я вамъ больше не нуженъ, однако, для вѣрности, прошу тебя не помѣщать моего имени въ числѣ вашихъ сотрудниковъ тѣмъ болѣе, что у меня ничего готоваго нѣтъ, и что большая вещь, за которую я только-что принялся теперь и которую не окончу раньше будущаго мая, уже назначена въ „Русскій Вѣстникъ“. Я, какъ ты знаешь, поселился въ Парижѣ на зиму. Надѣюсь, что ты здоровъ и веселъ, и жму тебѣ руку. Преданный тебѣ Иванъ Тургеневъ. Парижъ „Rue de Rivoli“ [1]).

Анненковъ не передалъ этой записки, соображая, что при разгоравшейся ссорѣ не слѣдуетъ подкладывать еще дровъ и раздувать пламя, но отъ этого вышло лишь хуже. Въ письмѣ къ Герцену отъ 9-го января 1861 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: „Съ „Современникомъ“ и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что̀, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ: я велѣлъ имъ сказать, чтобы они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли и помѣстили его въ самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ. Что тутъ дѣлать?“ Некрасовъ помѣстилъ Тургенева въ числѣ своихъ сотрудниковъ все еще въ надеждѣ вернуть его къ „Современнику“, особенно въ виду слуховъ о новомъ крупномъ произведеніи, приготовляемомъ Иваномъ Сергѣевичемъ („Отцы и дѣти“). Чтобы примириться съ Тургеневымъ, Некрасовъ однажды въ началѣ того же 1861 г. пріѣхалъ утромъ къ лучшему другу Ивана Сергѣевича Анненкову и цѣлый часъ говорилъ въ кабинетѣ его о постоянномъ присутствіи образа Тургенева передъ глазами его днемъ и особенно ночью, во снѣ, о томъ, что воспоминанія прошлаго не даютъ ему, Некрасову, покоя, и что пора кому-нибудь взяться за ихъ примиреніе и тѣмъ покончить эту безобразную (такъ онъ выразился) ссору. Въ такомъ же родѣ, съ прибавленіемъ лишь выгодныхъ для

1) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 36—37.

Тургенева условій сотрудничества, написалъ влѣдъ затѣмъ Некрасовъ и самому Ивану Сергѣевичу. Но всѣ эти попытки были уже слишкомъ запоздалыми. Когда Анненковъ передалъ Тургеневу въ письмѣ весь происходившій у него съ Некрасовымъ разговоръ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ссылкой на новую выходку противъ него въ „Современникѣ“ и болѣе не заикался о предметѣ; Некрасову же Тургеневъ отвѣтилъ положительнымъ отказомъ, сообщивъ ему, что не намѣренъ участвовать болѣе въ „Современникѣ“ [1]).

Между тѣмъ публика успѣла обратить вниманіе на перемѣну въ отношеніи популярнаго журнала къ популярному романисту. Въ 1-й книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1861 годъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи“ было сказано про журналы, подобные издаваемому Некрасовымъ и Панаевымъ, что въ нихъ „современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнялся тонъ отзывовъ съ прекращеніемъ разсчетовъ на сотрудничество“, при этомъ „Русскій Вѣстникъ“ сослался на отношенія „Современника“ къ Тургеневу. Въ іюньской книжкѣ послѣдняго журнала за тотъ же годъ Чернышевскій помѣстилъ возраженіе на эти строки (стр. 452—456 отдѣла „Современнаго Обозрѣнія“), гдѣ увѣдомлялъ, что нападки на Тургенева явились слѣдствіемъ выяснившейся разности убѣжденій, а не вслѣдствіе отказа Тургенева сотрудничать въ „Современникѣ“. „Намъ стало казаться“, писалъ Чернышевскій: „что послѣднія повѣсти Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого Тургенева“. Такое заявленіе очень разсердило Ивана Сергѣевича, имѣвшаго въ рукахъ всѣ доказательства против-

1) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., мартъ, стр. 38.

наго и отлично знавшаго, что для „Современника“ никогда не было тайной разногласіе Тургенева съ редакціей по многимъ вопросамъ, что эта „разность убѣжденій“ не мѣшала Ивану Сергѣевичу сотрудничать въ журналѣ. Третьяго октября 1861 года Тургеневъ писалъ Ѳ. М. Достоевскому: „Современникъ“ плюется и сознательно лжетъ, но вѣдь это не въ первый разъ; у меня есть письмо отъ Некрасова, писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ мнѣ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія. Я ему отвѣтилъ, что сотрудникомъ „Современника“ болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали“ [1]).

Въ это время, какъ уже мы сказали, Иванъ Сергѣевичъ былъ въ Парижѣ, гдѣ у него, кромѣ друзей, собирались иногда и молодые люди, такъ или иначе связанные съ редакціей „Современника“. Среди оживленныхъ разговоровъ, касавшихся и вылазокъ журнала Некрасова противъ Тургенева, послѣдній естественно высказывался не стѣсняясь, перемѣшивая серьезныя замѣчанія съ веселой шуткой. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ, попавшихъ въ дословныя записи интересныхъ воспоминаній Щербаня [2]), Иванъ Сергѣевичъ полусердито, полушутливо назвалъ Чернышевскаго зміемъ, Добролюбова — очковой змѣей, а Писарева, какъ возвѣщающаго о своемъ приближеніи, — гремучей. Эти замѣчанія были немедленно переданы въ Петербургъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ тогда еще только приготовленнаго къ печати романа „Отцы и дѣти“, съ которымъ Тургеневъ знакомилъ своихъ парижскихъ пріятелей по рукописи. Сообщенныя въ „Современникъ“ свѣдѣнія были немедленно пущены въ дѣло для лучшаго выполненія все того же плана кампаніи: представить въ концѣ концовъ читателямъ нападки журнала, лишь какъ защиту несправедливо обижаемаго Добролюбова. Тою же осенью въ некрологѣ Добролюбова были прибавлены слѣдующія строки: „Мы, — или, что все равно, нѣкоторые изъ насъ (т. е. современники Бѣлинскаго), — рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой дѣйствительно замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе сухое,

1) „Первое собр. пис.“, 96.
2) „Русск. Вѣстн.“, 1890 г., кн. VII и VIII.

холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину — въ нигилизмъ! . . . Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеймить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то, по крайней мѣрѣ, увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ" [1]). Такимъ образомъ въ печати первый разъ были произнесены слова: нигилисты и нигилизмъ въ этой крайне грубо льстившей молодому поколѣнію статьѣ Панаева (новаго поэта) „По поводу похоронъ Добролюбова". А въ февральскомъ номерѣ слѣдующаго 1862 года появилась статья: „Въ изъявленіе признательности" (по поводу отношеній Чернышевскаго къ Добролюбову). Въ ней авторъ между прочимъ писалъ, что въ началѣ 1860 года на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу „общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ" произошелъ слѣдующій случай между нимъ и Тургеневымъ: „Члены комитета этого общества и лица, участвовавшія въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться троимъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: „васъ я могу еще переносить, но Добролюбова не могу". „Это оттого", сказалъ я: „что Добролюбовъ умнѣе, а взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже". „Да", отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ: „да, вы — простая змѣя, а Добролюбовъ — очковая змѣя" [2]). Для правдоподобности тутъ введены Чернышевскимъ и галлереи Пассажа, и „добродушная шутливость", и „трое или четверо" — не одинъ, молъ, я съ нимъ былъ.

Въ мартовской же книжкѣ журнала за тотъ же годъ напечатанъ былъ пресловутый критическій разборъ „Отцовъ и дѣтей" подъ вызывающимъ заголовкомъ „Асмодей нашего времени" того самаго Антоновича, котораго Чернышевскій передъ этимъ рекомендовалъ читателямъ, какъ критика болѣе передового и свѣжаго, чѣмъ онъ самъ, Чернышевскій.

---

1) „Соврем." 1861 г., ноябрь, стр. 75—76 „Соврем. Обозр.".
2) Стр. 393.

и относительно котораго впослѣдствіи Некрасовъ, поссорившись съ этимъ „первымъ критикомъ“, высказался, такъ, что, молъ, „Современникъ“ смотрѣлъ на Антоновича лишь какъ на простую полезность [1]). Въ названной критической статьѣ авторъ доказываетъ, что Тургеневъ, котораго онъ иронически называлъ „нашимъ художественнымъ Несторомъ, нашимъ поэтическимъ корифеемъ“, въ своемъ романѣ преслѣдовалъ „другія цѣли, чуждыя искусству“. Онъ хотѣлъ высказать въ художественной формѣ свой взглядъ на современное молодое поколѣніе и разъяснить свои отношенія къ нему. Каковы же эти отношенія? Онъ питаетъ къ представителямъ молодого поколѣнія, „какую-то личную ненависить и неріязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно скрываемымъ злорадствомъ и только для того, чтобы унизить героя въ глазахъ читателей: „посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники“ . . . „Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму“. Тургеневъ, по мнѣнію Антоновича, въ „дѣтяхъ“ каррикатурно изображаетъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Героя же романа собственно Иванъ Сергѣевичъ старается выставить „мелкимъ хвастунишкой и пьянчужкой“ и хочетъ увѣрить читателей, что Базаровъ „систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, и оканчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ безпощадной жестокостью“. „Авторъ дотого золъ на своего героя, что не хочетъ простить его и примириться съ нимъ даже передъ его смертью“. „У автора поворачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни послѣ того, какъ его самого

1) Венгеровъ. „Критико-біографич. словарь“ I, 681.

эта любовь и мысль о безконечной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія со своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видомъ ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть“.

Въ заключеніе своей статьи критикъ обращается съ слѣдующими словами къ автору разбираемаго романа: „Извините, г. Тургеневъ, вы не умѣли опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между „отцами“ и „дѣтьми“, вы написали панегирикъ „отцамъ“ и обличеніе „дѣтямъ“, да и „дѣтей“ вы не поняли, и вмѣсто обличенія у васъ вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ вы хотѣли представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро, — однимъ словомъ асмодеями. Попытка эта не первая и повторяется весьма часто“. Въ другомъ мѣстѣ своей статьи Антоновичъ пишетъ: „На основаніи послѣдняго романа г. Тургенева можно положительно сказать, что критика ошибалась въ объясненіи прежнихъ его произведеній“. Романъ Тургенева „хорошъ въ томъ отношеніи, что въ немъ г. Тургеневъ обнаружилъ себя ясно и вполнѣ и тѣмъ раскрылъ намъ истинный смыслъ своихъ прежнихъ произведеній, сказалъ безъ околичностей и напрямки то свое послѣднее слово, которое въ прежнихъ его произведеніяхъ было смягчено и затушевано разными поэтическими прикрасами и эффектами, скрывавшими его истинное значеніе“. На этой статьѣ Антоновича мы оставляемъ выходки „Современника“ противъ Тургенева, хотя онѣ не прекращались и дальше. Въ слѣдующемъ же томѣ журнала появилась, напримѣръ, статья „по поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ“, гдѣ критикъ, подписавшійся буквами А. О., старается развѣнчать женскіе типы Тургенева, подобные Еленѣ въ „Наканунѣ“, Маріи Павловнѣ въ „Затишьѣ“, Софьѣ въ „Яковѣ Пасынковѣ“.

Некрасовъ ловко выигралъ кампанію и долго торжествовалъ побѣду. И самъ Тургеневъ нѣсколько лѣтъ спустя съ недоумѣніемъ еще писалъ по поводу „Отцовъ и дѣтей“: „Мои критики называли мою повѣсть „памфлетомъ“, упоминали о „раздраженномъ“, „уязвленномъ“ самолюбіи: но съ

какой стати сталъ бы я писать памфлетъ — на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи — я, все-таки, считалъ и считаю сочиненіе памфлета, „пасквиля" ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до „уязвленнаго" самолюбія — то замѣчу только, что статья Добролюбова о послѣднемъ моемъ произведеніи передъ „Отцами и дѣтьми" — о „Наканунѣ" (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія), что эта статья, явившаяся въ 1861 г., исполнена самыхъ горячихъ — говоря по совѣсти — самыхъ незаслуженныхъ похвалъ. Но господамъ критикамъ нужно было представить меня оскорбленнымъ памфлетистомъ: „leur siège était fait" и еще въ нынѣшнемъ (1869) году я могъ прочесть въ Приложеніи № 1-й къ „Космосу" (стр. 96) слѣдующія строки: „Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что пьедесталъ, на которомъ стоялъ г. Тургеневъ, былъ разрушенъ главнымъ образомъ Добролюбовымъ", а далѣе (стр. 98) говорится о моемъ „ожесточеніи", которое г. критикъ, впрочемъ, понимаетъ и „пожалуй, даже извиняетъ" [1]). Ларчикъ просто открывался: Некрасову необходимо было популярное имя Добролюбова для прикрытія своихъ собственныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ.

Въ томъ же 1862 г. договорился до послѣдняго слова и Иванъ Сергѣевичъ.

Въ № 334 „Сѣверной Пчелы" появилось слѣдующее письмо къ издателю: „М. Г. Въ фельетонѣ вашей газеты отъ 22 ноября (№ 316), подписанномъ буквами А. Ю., находится слѣдующая фраза: „Пусть Некрасовъ жертвуетъ г. Тургеневымъ, Дружининымъ, Писемскимъ, Гончаровымъ и Авдѣевымъ и издаетъ „Современникъ!" Мнѣніе, выраженное г. А. Ю., встрѣчалось мною въ печати не разъ. Оно проникло даже въ программу журнала, издаваемаго г. Некрасовымъ. Я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на подобныя „заявленія"; но такъ какъ изъ словъ г. А. Ю. я долженъ по неволѣ убѣдиться, что молчаніе,

1) Собран. сочин. XII, 93—94.

особенно продолжительное, дѣйствительно почитается знакомъ согласія, то позвольте мнѣ изложить передъ вами въ короткихъ словахъ, какъ совершилось на самомъ дѣлѣ собственное мое отчужденіе отъ „Современника". Я не стану входить въ подробности о томъ, когда и почему оно началось, но въ январѣ 1860 года „Современникъ" еще печаталъ мою статью („Гамлетъ и Донъ-Кихотъ"), и г. Некрасовъ предлагалъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, весьма значительную сумму за повѣсть, запроданную „Русскому Вѣстнику", а весною 1861 года, тотъ же Некрасовъ писалъ мнѣ въ Парижъ письмо, въ которомъ съ чувствомъ, жалуясь на мое охлажденіе, возобновлялъ свои лестныя предложенія и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ. Я тогда же отвѣчалъ г. Некрасову положительнымъ отказомъ, сообщая ему мое твердое рѣшеніе не участвовать болѣе въ „Современникѣ", и тутъ же прибавилъ, что „отнынѣ этому журналу не для чего стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ". И журналъ г. Некрасова немедленно пересталъ стѣсняться. Недоброжелательные намеки явились тотчасъ же и съ свойственной всякому русскому прогрессу быстротой перешли въ явныя нападенія. Все это было въ порядкѣ вещей, и я, вѣроятно, заслуживалъ эти нападенія, но предоставляю вашимъ читателямъ самимъ судить теперь, насколько справедливо мнѣніе г. А. Ю. Увы! г. Некрасовъ не принесъ меня въ жертву своимъ убѣжденіямъ и, вспоминая имена другихъ его жертвъ, перечисленныхъ г. А. Ю., я готовъ почти пенять на г. издателя „Современника" за подобное исключеніе. Но, впрочемъ, точно ли г. г. Дружининъ, Писемскій, Гончаровъ и Авдѣевъ пали подъ жертвеннымъ его ножемъ? Мнѣ сдается, что въ теченіе своей карьеры г. Некрасовъ былъ гораздо менѣе жрецомъ, чѣмъ предполагаетъ г. А. Ю.

„Примите и пр. Иванъ Тургеневъ".

10-го декабря н. с. 1862 г. Парижъ.

Тургеневъ называлъ впослѣдствіи свою ссору съ „Современникомъ" — „бурей въ стаканѣ воды" [1]). Онъ былъ бы,

1) Собр. сочин. XII, 99.

пожалуй, правъ, если бы эта исторія касалась только его и Некрасова. Къ сожалѣнію, она имѣла серьезныя послѣдствія, сказывающіяся даже теперь, через 25 лѣтъ послѣ смерти великаго писателя. Прежде всего слѣдуетъ указать, что та рознь между поколѣніями 40-хъ и 60-хъ годовъ, которую отмѣтилъ Тургеневъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“, была усилена именно злобнымъ походомъ „Современника“. Иванъ Сергѣевичъ справедливо считался и тогда и позднѣе — лучшимъ представителемъ 40-хъ годовъ, журналъ Некрасова —наиболѣе яркимъ представителемъ 60-хъ годовъ. Къ нападкамъ „Современника“ присоединилась значительная часть тогдашней молодежи; среди нея и зародилось настолько презрительное и несправедливое отношеніе къ поколѣнію Тургенева, что она готова была даже приписать себѣ подготовку и проведеніе на практикѣ великихъ реформъ царствованія императора Александра II-го, которыя отъ начала до конца были именно результатомъ дѣятельности людей 40-хъ годовъ.

Въ статьѣ своей по поводу „Отцовъ и дѣтей“ Тургеневъ кается, между прочимъ, въ двухъ своихъ мнимыхъ грѣхахъ: „Вся причина недоразумѣній“, пишетъ онъ: „вся, какъ говорится, „бѣда“ состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, чрезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось — какъ на долю Онѣгина или Печорина — эпоха идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія н о в а г о человѣка — Базарова — авторъ отнесся къ нему критически... объективно. Это многихъ сбило съ толку — и кто знаетъ! въ этомъ была — быть можетъ — если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы“ [1]). „Съ другой стороны“, говоритъ Иванъ Сергѣевичъ дальше: „я понимаю причины гнѣва, возбужденнаго моей книгой въ извѣстной партіи. Онѣ не лишены основанія, и я принимаю — безъ ложнаго смиренія — часть падающихъ на меня упрековъ. Выпущеннымъ мною словомъ

1) Собр. сочин. XII, 96.

„нигилистъ“ воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося — историческаго — факта; оно было превращено въ орудіе доноса, безповоротнаго осужденія — почти въ клеймо́ позора“ [1]). Если для тогдашняго средняго читателя необходима была извѣстная идеализація Базаровскаго типа, то какого рода услугу публикѣ оказалъ „Современникъ“ своимъ великолѣпнымъ разборомъ „Отцовъ и дѣтей“, разборомъ, впечатлѣніе отъ котораго не въ состояніи былъ ослабить даже такой кумиръ тогдашней молодежи, какъ Писаревъ! Далѣе: мы видѣли, кто именно впервые придалъ дурной оттѣнокъ слову „нигилистъ“. Передъ самымъ появленіемъ романа Ивана Сергѣевича „Современникъ“ пустилъ въ оборотъ это слово и пустилъ его именно, какъ „орудіе доноса, безповоротнаго осужденія, почти какъ клеймо позора“.

Обратимся, наконецъ, къ третьему послѣдствію „бури въ стаканѣ воды“. Эта „буря“ въ значительной степени породила ту печальную и, къ несчастью, довольно распространенную теорію, по которой служеніе литературѣ не требуетъ чистыхъ рукъ и возвышеннаго характера. „Замѣтьте, какая у насъ опять странность“, говоритъ Тургеневъ устами Потугина въ „Дымѣ“: „иной, напримѣръ, сочинитель что-ли, весь свой вѣкъ и стихами и прозой бранилъ пьянство, откупъ, укорялъ... да вдругъ, самъ взялъ да два винные завода купилъ и снялъ сотню кабаковъ, — и ничего! Другого бы съ лица земли стерли, а его даже не упрекаютъ“ [2]). Само собою разумѣется, что именно отъ послѣдователей этой теоріи и раздавались обвиненія въ сторону Ивана Сергѣевича, будто у него, болѣе чѣмъ у другихъ писателей, слово расходилось съ дѣломъ. Насколько же подобныя обвиненія подтверждаются отношеніями его къ Некрасову, показываетъ трогательное стихотвореніе въ прозѣ, написанное Тургеневымъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о

---

1) Тамъ же, 98—99.
2) Тамъ же, III, 30.

смерти Николая Алексѣевича[3]). „Мы были когда-то короткими, близкими друзьями . . . Но настал недобрый мигъ— и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ — и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату . . . Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ! Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ . . . Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ — привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало . . . Я сѣлъ на стулъ возлѣ него — и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы . . . Эта женщина соединила наши руки . . . Она навсегда примирила насъ. Да . . . Смерть насъ примирила“ . . .

Въ заключеніе нашей статьи изложимъ вгляды Тургенева на литературное творчество издателя „Современника“.

Съ самаго начала своего знакомства съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ, не отказывая его стихотвореніямъ въ извѣстномъ общественномъ значеніи, не признавалъ ихъ однако за поэтическія произведенія. „Я всегда былъ одного мнѣнія о его (Некрасова) сочиненіяхъ, и онъ это знаетъ“, писалъ Тургеневъ Полонскому 29-го января 1870 года: „даже когда мы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ рѣдко читалъ мнѣ свои стихи, а когда читалъ ихъ, то всегда

3) „Послѣднее свиданье“. Собран. сочин. IX, 89.

съ оговоркой: „я — молъ — знаю, что ты ихъ не любишь". Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія: ихъ arrière gout — не знаю какъ сказать по-русски — особенно противенъ: отъ нихъ отзываетъ тиной, какъ отъ леща или карпа" [1]). Дѣйствительно, въ письмахъ къ Некрасову (1852—1858 гг.), напечатанныхъ въ январской книгѣ „Русской Мысли" за 1902 г., Тургеневъ только разъ отозвался на одно стихотвореніе Николая Алексѣевича. „Скажу тебѣ, что твои стихи хороши (какіе?), хотя не встрѣчается въ нихъ того энергическаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; при томъ конецъ кажется пришитымъ" [2]). Но открыто или печатно до своей размолвки съ Некрасовымъ Тургеневъ избѣгалъ высказывать порицаніе или похвалы произведеніямъ Николая Алексѣевича. Только весною 1854 года, когда Иванъ Сергѣевичъ носился съ мыслью привлечь въ сотрудники „Современника" С. Т. Аксакова и дѣлалъ автору „Семейной хроники" соотвѣтствующія письменныя предложенія, Тургеневъ измѣнилъ себѣ. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева, онъ, хотя и ставилъ послѣдняго „рѣшительно выше" Некрасова, не давая Николаю Алексѣевичу при томъ никакихъ преимуществъ даже передъ Майковымъ и Фетомъ, однако высказался въ своемъ бѣгломъ замѣчаніи о творчествѣ Некрасова довольно сочувственно. Аксакову же Иванъ Сергѣевичъ писалъ (31-го мая): „Некрасовъ, котораго вы такъ не любите, написалъ нѣсколько хорошихъ стихотвореній, особенно одно — плачъ старушки-крестьянки объ умершемъ сынѣ" [3]). Но, повторяемъ, Тургеневу въ то время очень хотѣлось привлечь Аксакова въ „Современникъ", т. е. прежде всего побороть антипатію Сергѣя Тимоѳеевича къ издателю журнала, а отзывъ о Некрасовѣ въ рецензіи на стихотворенія Тютчева былъ помѣщенъ въ журналѣ того же Николая Алексѣевича (кн. 4).

Послѣ своего разрыва съ „Современникомъ" Тургеневъ высказывался въ письмахъ уже вполнѣ откровенно, осо-

---

1) Письма. 170.
2) Стр. 118.
3) См. „Вѣстн. Европы" 1894 г., февраль, 485 и 486.

бенно въ перепискѣ съ Полонскимъ: „г-нъ Некрасовъ — поэтъ съ натугой и штучками; пробовалъ я на-дняхъ перечесть его собраніе стихотвореній . . . нѣтъ! Поэзія и не ночевала тутъ — и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки“ (письмо отъ 13-го января 1868 года). „Поэзіи-то я въ Некрасовѣ не признаю, — а увлекать массу, дѣйствовать на своихъ современниковъ можно и другими вещами — либерализмомъ и т. д.“ (письмо отъ 29-го января 1870 года). „Его (Некрасова) поэма „княгиня Волконская“, по-моему, противнѣйшая, слащаво-либеральная“ . . . „Кому на свѣтѣ (Руси) жить хорошо“ — лучше; но и тутъ все избитыя темы, въ двадцать разъ лучше обработанныя другими“ (письмо отъ 22-го марта 1873 г.). Когда послѣ смерти издателя „Современника“ надъ свѣжей его могилой вспыхнулъ странный споръ о томъ, кто выше: Некрасовъ или Пушкинъ, Тургеневъ такъ высказался по поводу этого въ письмѣ къ тому же Полонскому (11-го января 1878 г.): „Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, тѣ струны, которыя его поэзія (если только можно такъ выразиться) заставляетъ звенѣть — струны хорошія. — Но, когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той же молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова выше Пушкина и Лермонтова — и говоритъ это „не обинуясь“, я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

„Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht“ [1])

Откровенное мнѣніе о Некрасовѣ Ивану Сергѣевичу приходилось высказывать и печатно послѣ выхода своего изъ „Современника“. Въ рецензіи на произведенія Полонскаго онъ писалъ между прочимъ: „Я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова

1) „Первое собр. писемъ“, 180, 171, 215, 327.

покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно-высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной“ музы г. Некрасова — ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ, какъ нѣтъ ея, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ всѣми уважаемаго и почтеннаго А. С. Хомякова, съ которымъ, спѣшу прибавить, г. Некрасовъ не имѣетъ ничего общаго“ [1]). Намъ нечего, конечно, придавать односторонній смыслъ выраженію „любители русской словесности“, такъ какъ мы знаемъ, какое видное мѣсто отводилъ Тургеневъ въ народной жизни поэзіи и искусству: „Дикарь каменнаго періода, начертившій концомъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже перестаетъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческою силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи — онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи“, — такъ выразился Иванъ Сергѣевичъ въ своей прекрасной рѣчи на Пушкинскихъ празднествахъ 1880 года [2]). Въ этой же рѣчи онъ разъ навсегда опредѣляетъ и положеніе, какое заняло творчество Некрасова въ ходѣ нашего литературнаго развитія. Муза „мести и печали“ знаменовала собою во всякомъ случаѣ болѣзненный, переходный періодъ въ прогрессѣ русскаго искусства, который необходимо было пережить съ благоразумной твердостью и спокойствіемъ, такъ какъ появленіе переходной полосы въ литературѣ оправдывалось возникновеніемъ новыхъ, вполнѣ законныхъ и неотразимыхъ потребностей и вопросовъ. „Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь . . . но на алтарѣ — и сожигалъ . . . одинъ ѳиміамъ — люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла . . . и метла нашлась“ [3]).

---

1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1870 г. № 8-й.
2) Соч. Тургенева, XII, 334.
3) Тамъ же, 338.

смерти Николая Алексѣевича[3]). „Мы были когда-то короткими, близкими друзьями . . . Но настаꙖлъ недобрый мигъ — и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ — и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату . . . Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ! Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ . . . Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ — привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли — кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась — и на съёженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало . . . Я сѣлъ на стулъ возлѣ него — и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы . . . Эта женщина соединила наши руки . . . Она навсегда примирила насъ. Да . . . Смерть насъ примирила“ . . .

Въ заключеніе нашей статьи изложимъ вгляды Тургенева на литературное творчество издателя „Современника“.

Съ самаго начала своего знакомства съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ, не отказывая его стихотвореніямъ въ извѣстномъ общественномъ значеніи, не признавалъ ихъ однако за поэтическія произведенія. „Я всегда былъ одного мнѣнія о его (Некрасова) сочиненіяхъ, и онъ это знаетъ“, писалъ Тургеневъ Полонскому 29-го января 1870 года: „даже когда мы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ рѣдко читалъ мнѣ свои стихи, а когда читалъ ихъ, то всегда

---

3) „Послѣднее свиданье“. Собран. сочин. IX, 89.

съ оговоркой: „я — молъ — знаю, что ты ихъ не любишь“. Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія: ихъ arrière gout — не знаю какъ сказать по-русски — особенно противенъ: отъ нихъ отзываетъ тиной, какъ отъ леща или карпа“ [1]). Дѣйствительно, въ письмахъ къ Некрасову (1852—1858 гг.), напечатанныхъ въ январской книгѣ „Русской Мысли“ за 1902 г., Тургеневъ только разъ отозвался на одно стихотвореніе Николая Алексѣевича. „Скажу тебѣ, что твои стихи хороши (какіе?), хотя не встрѣчается въ нихъ того энергическаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; при томъ конецъ кажется пришитымъ“ [2]). Но открыто или печатно до своей размолвки съ Некрасовымъ Тургеневъ избѣгалъ высказывать порицаніе или похвалы произведеніямъ Николая Алексѣевича. Только весною 1854 года, когда Иванъ Сергѣевичъ носился съ мыслью привлечь въ сотрудники „Современника“ С. Т. Аксакова и дѣлалъ автору „Семейной хроники“ соотвѣтствующія письменныя предложенія, Тургеневъ измѣнилъ себѣ. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева, онъ, хотя и ставилъ послѣдняго „рѣшительно выше“ Некрасова, не давая Николаю Алексѣевичу при томъ никакихъ преимуществъ даже передъ Майковымъ и Фетомъ, однако высказался въ своемъ бѣгломъ замѣчаніи о творчествѣ Некрасова довольно сочувственно. Аксакову же Иванъ Сергѣевичъ писалъ (31-го мая): „Некрасовъ, котораго вы такъ не любите, написалъ нѣсколько хорошихъ стихотвореній, особенно одно — плачъ старушки-крестьянки объ умершемъ сынѣ“ [3]). Но, повторяемъ, Тургеневу въ то время очень хотѣлось привлечь Аксакова въ „Современникъ“, т. е. прежде всего побороть антипатію Сергѣя Тимоѳеевича къ издателю журнала, а отзывъ о Некрасовѣ въ рецензіи на стихотворенія Тютчева былъ помѣщенъ въ журналѣ того же Николая Алексѣевича (кн. 4).

Послѣ своего разрыва съ „Современникомъ“ Тургеневъ высказывался въ письмахъ уже вполнѣ откровенно, осо-

---

1) Письма. 170.
2) Стр. 118.
3) См. „Вѣстн. Европы“ 1894 г., февраль, 485 и 486.

бенно въ перепискѣ съ Полонскимъ: „г-нъ Некрасовъ — поэтъ съ натугой и штучками; пробовалъ я на-дняхъ перечесть его собраніе стихотвореній . . . нѣтъ! Поэзія и не ночевала тутъ — и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки“ (письмо отъ 13-го января 1868 года). „Поэзіи-то я въ Некрасовѣ не признаю, — а увлекать массу, дѣйствовать на своихъ современниковъ можно и другими вещами — либерализмомъ и т. д.“ (письмо отъ 29-го января 1870 года). „Его (Некрасова) поэма „княгиня Волконская“, по-моему, противнѣйшая, слащаво-либеральная“ . . . „Кому на свѣтѣ (Руси) жить хорошо“ — лучше; но и тутъ все избитыя темы, въ двадцать разъ лучше обработанныя другими“ (письмо отъ 22-го марта 1873 г.). Когда послѣ смерти издателя „Современника“ надъ свѣжей его могилой вспыхнулъ странный споръ о томъ, кто выше: Некрасовъ или Пушкинъ, Тургеневъ такъ высказался по поводу этого въ письмѣ къ тому же Полонскому (11-го января 1878 г.): „Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, тѣ струны, которыя его поэзія (если только можно такъ выразиться) заставляетъ звенѣть — струны хорошія. — Но, когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той же молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова выше Пушкина и Лермонтова — и говоритъ это „не обинуясь“, я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

„Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht“ [1])

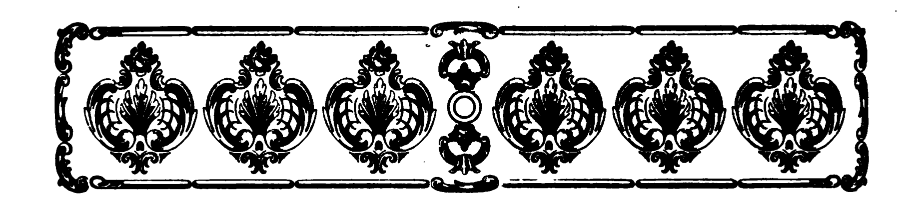
Откровенное мнѣніе о Некрасовѣ Ивану Сергѣевичу приходилось высказывать и печатно послѣ выхода своего изъ „Современника“. Въ рецензіи на произведенія Полонскаго онъ писалъ между прочимъ: „Я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова

1) „Первое собр. писемъ“, 180, 171, 215, 327.

покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно-высиженныхъ измышленіяхъ „скорбной“ музы г. Некрасова — ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ, какъ нѣтъ ея, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ всѣми уважаемаго и почтеннаго А. С. Хомякова, съ которымъ, спѣшу прибавить, г. Некрасовъ не имѣетъ ничего общаго“ [1]). Намъ нечего, конечно, придавать односторонній смыслъ выраженію „любители русской словесности“, такъ какъ мы знаемъ, какое видное мѣсто отводилъ Тургеневъ въ народной жизни поэзіи и искусству: „Дикарь каменнаго періода, начертившій концомъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже перестаетъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческою силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи — онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи“, — такъ выразился Иванъ Сергѣевичъ въ своей прекрасной рѣчи на Пушкинскихъ празднествахъ 1880 года [2]). Въ этой же рѣчи онъ разъ навсегда опредѣляетъ и положеніе, какое заняло творчество Некрасова въ ходѣ нашего литературнаго развитія. Муза „мести и печали“ знаменовала собою во всякомъ случаѣ болѣзненный, переходный періодъ въ прогрессѣ русскаго искусства, который необходимо было пережить съ благоразумной твердостью и спокойствіемъ, такъ какъ появленіе переходной полосы въ литературѣ оправдывалось возникновеніемъ новыхъ, вполнѣ законныхъ и неотразимыхъ потребностей и вопросовъ. „Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь . . . но на алтарѣ — и сожигалъ . . . одинъ ѳиміамъ — люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла . . . и метла нашлась“ [3]).

---

1) „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 1870 г. № 8-й.
2) Соч. Тургенева, XII, 334.
3) Тамъ же, 338.

XI.

Къ характеристикѣ міровоззрѣнія И. С. Тургенева.

(По поводу типа Базарова.)

О главномъ героѣ „Отцовъ и дѣтей“ и объ отношеніи къ нему автора романа существуетъ цѣлая литература. Въ конечномъ итогѣ многочисленныхъ статей, посвященныхъ этому вопросу, только одно поставлено внѣ всякихъ сомнѣній — сочувствіе и уваженіе Тургенева къ Базарову, признаніе въ немъ человѣка исключительнаго ума и очень сильной воли. И вмѣстѣ съ тѣмъ только одинъ вопросъ какъ-бы умышленно не былъ затронутъ критикой, хотя онъ и является тѣсно связаннымъ съ предыдущимъ — вопросъ о солидарности автора во взглядахъ со своимъ героемъ.

Въ своей статьѣ по поводу „Отцовъ и дѣтей“ Тургеневъ пишетъ: „Вѣроятно, многіе изъ моихъ читателей удивятся, если я скажу имъ, что, за исключеніемъ воззрѣній на художества, — я раздѣляю почти всѣ его (Базарова) убѣжденія“. Извѣстный переводчикъ Кетчеръ, державшій корректуру четвертаго изданія „Сочиненій И. С. Тургенева“, гдѣ впервые появилась названная статья, испугался столь откровеннаго заявленія и вычеркнулъ слово „всѣ“. Получилась фраза: „я раздѣляю почти его убѣжденія“, которую Иванъ Сергѣевичъ рѣзко опротестовалъ въ письмѣ къ Аннен-

кову отъ $^4/_{16}$ декабря 1869 года, настаивая на своей первоначальной редакціи [1]).

Однако видимъ ли мы Базарова съ одними и тѣми же убѣжденіями въ началѣ и въ концѣ романа? Остается ли онъ до послѣдняго момента тѣмъ одностороннимъ раціоналистомъ, отвергающимъ значеніе и силу чувства, какимъ выступаетъ онъ въ первыхъ сценахъ романа? Вотъ вопросы, безъ которыхъ нельзя приступить къ провѣркѣ справедливости заявленія Тургенева. Несомнѣнно авторъ изображаетъ Базарова въ эпоху переходную для послѣдняго, въ тотъ періодъ, когда въ немъ совершался переломъ подъ вліяніемъ любви къ Одинцовой, подъ давленіемъ тревожныхъ размышленій, мучительныхъ порывовъ и усилій, вызванныхъ неудачной для него встрѣчей съ красивой и умной женщиной. Если до этого Базаровъ признавалъ силу только за здравымъ смысломъ и волей, то позднѣе не меньшее значеніе получило въ глазахъ его и чувство. При первомъ пріѣздѣ Евгенія къ отцу Тургеневъ могъ бы еще предупредить старика, какъ онъ предупредилъ Фета относительно сына своего близкаго пріятеля Борисова: „Что онъ еще не однажды чхнетъ вамъ на самую голову, это въ порядкѣ вещей. Молодой эгоизмъ и молодое самолюбіе не могутъ не взять своего. Но такъ какъ онъ теперь уже уменъ и *будетъ* знающъ, то изъ опытовъ жизни онъ почерпнетъ необходимые уроки, и выйдетъ изъ него толкъ [2])". Во второй пріѣздъ Базарова послѣ потрясеній и думъ, вызванныхъ въ немъ чувствомъ къ Одинцовой, отчасти дуэлью съ Павломъ Кирсановымъ, въ такомъ предупрежденіи не явилось бы надобности. Та пропасть, которая отдѣляла до того базаровское міровоззрѣніе отъ тургеневскаго, теперь исчезла, и если Евгеній Васильевичъ не сдѣлался послѣ этого ближе къ области эстетической, художественной, то уже до признанія имъ универсальности чувства религіознаго и самой религіи оставался одинъ шагъ. Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ и могъ выразиться: за исключеніемъ *воззрѣній на художества*, я раз-

---

1) Фетъ. „Мои воспоминанія", II, 306; „Русское Обозрѣніе", 1894 г., кн. 3, стр. 30.

2) Фетъ. „Мои воспоминанія", II, 279.

дѣляю почти всѣ его убѣжденія". Тургеневъ не оговорилъ вопросовъ вѣры не потому, что онъ будто бы былъ атеистомъ, какъ это нѣкоторые думаютъ, а потому, что душевная драма Базарова, вызванная все тѣми же волненіями, не допускаетъ этой оговорки.

Въ біографической литературѣ объ Иванѣ Сергѣевичѣ мнѣніе о его будто бы невѣріи основывается обыкновенно на признаніяхъ самого Тургенева, что онъ „ко всему сверхъестественному относится равнодушно, ни въ какіе абсолюты и системы не вѣритъ [1])". Дѣйствительно, это чисто базаровская формулировка религіозно-философскихъ взглядовъ, какую мы и слышимъ въ разговорахъ умирающаго Евгенія со старикомъ отцемъ. Но „абсолюты и системы" не признавались Тургеневымъ, какъ продукты именно *разсудочной* дѣятельности. „Однимъ умомъ не поймешь ничего живого", говорилъ онъ еще въ своей статьѣ о „Фаустѣ" (1844 г.). „Всякая система — въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ этого слова — не русская вещь", писалъ онъ К. С. Аксакову въ 1853 году. „Систематичность чужда русскому человѣку", повторялъ онъ подъ старость по поводу теорій славянофиловъ. Что же касается „равнодушія къ сверхъестественному", то, во-первыхъ, оно еще не есть отрицательное отношеніе, а во-вторыхъ, это заявленіе Ивана Сергѣевича необходимо сопоставить со слѣдующимъ свидѣтельствомъ кн. К. Цертелева: „Когда возникалъ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли смертью, разрушающею тѣло, разрушается и человѣческая индивидуальность, онъ (Тургеневъ) утверждалъ, что ему дѣла нѣтъ до той индивидуальности, которая остается, можетъ быть, безъ этого тѣла. Какое дѣло мнѣ до какой-то души безъ рукъ, безъ ногъ, безъ ушей, безъ носа? — говорилъ онъ" [2]). Эту же мысль вложилъ Иванъ Сергѣевичъ въ уста Маріи Николаевны Полозовой („Вешнія воды"). „У меня есть поговорка: „cela ne tire pas à conséquence" — не знаю, какъ это сказать по-русски", признавалась она Санину. — „Да и точно: что́ tire à conséquence? — Вѣдь отъ меня

1) „Перв. собр. пис.", 252.
2) „Московск. Вѣдом.", 1900 г., № 55.

отчета не потребують *здѣсь* на сей земли; а тамъ — (она подняла палецъ кверху) — ну, тамъ пусть распоряжаются, какъ знаютъ. Когда меня будутъ *тамъ* судить, *то я* не я буду!“ Но *вѣрующая* Полозова здѣсь дальше отъ религіи, чѣмъ Тургеневъ, такъ какъ первая оправдывала этимъ свой эгоизмъ, а второй лишь протестовалъ *живымъ* чувствомъ противъ *отвлеченной* формулировки вѣры въ безсмертіе души. „Молиться Всемірному Духу, Высшему Существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному безобразному Богу — невозможно и немыслимо“ — говоритъ Иванъ Сергѣевичъ въ своемъ стихотвореніи въ прозѣ „Молитва“. Когда же критика хотѣла возражать на высокое религіозное чувство и пониманіе, сказавшееся у Тургенева при созданіи типа Лизы („Дворянское гнѣздо“) или великолѣпнаго заключительнаго аккорда послѣдней страницы романа „Отцы и дѣти“, то говорила обыкновенно: да, только это — поэтическое проникновеніе, ничего общаго съ прозаическимъ Тургеневымъ не имѣющее. Но сначала надо еще ухитриться доказать, что художественная проповѣдь Ивана Сергѣевича когда-нибудь и въ чемъ-нибудь могла противорѣчить его повседневной практикѣ, а потомъ — мы имѣемъ положительное свидѣтельство и въ интимной перепискѣ Тургенева, рѣшающее вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Герценъ, прочитавъ конецъ „Отцовъ и дѣтей“, усмотрѣлъ въ немъ не только религіозную вѣру, но даже мистицизмъ автора, что и высказалъ послѣднему. Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ему на это (28 апрѣля н. с. 1862 года): „Въ мистицизмъ я не ударился и не ударюсь; въ отношеніи къ Богу я придерживаюсь мнѣнія Фауста:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub' ihn nicht!

Впрочемъ, это чувство во мнѣ никогда не было тайной для тебя“.

Тургеневъ не оговорилъ также по отношенію къ себѣ

скептическихъ взглядовъ Базарова и на философію. Но Иванъ Сергѣевичъ, когда-то усердный ученикъ нѣмецкихъ философовъ-гегеліанцевъ, и не имѣлъ права этого сдѣлать. Въ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ онъ откровенно признается: „Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ . . . Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія". Въ разговорахъ же съ пріятелями онъ выражался про свою нелюбовь къ отвлеченнымъ разсужденіямъ иногда съ базаровской прямотой и рѣзкостью. Онъ съ веселымъ смѣхомъ вспоминалъ, какъ въ Берлинѣ, когда на лекціяхъ слышалъ слово „склонность", ему каждый разъ представлялась покатая поверхность. Полонскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Хотя онъ (Тургеневъ) и былъ въ юности поклонникомъ Гегеля, отвлеченныя понятія, философскіе термины давно уже были ему не по сердцу. Онъ терпѣть не могъ допытываться до такихъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, были непостижимы. — „Да и есть ли еще на свѣтѣ непостижимыя истины?" — Такъ, напримѣръ, онъ любилъ слово „природа" и часто употреблялъ его, и терпѣть не могъ слова „матерія"; просто не хотѣлъ признавать въ немъ никакого особеннаго содержанія или особеннаго оттѣнка того же понятія о природѣ.

— Я не видалъ, — спорилъ онъ, — и ты не видалъ матеріи — на кой же лядъ я буду задумываться надъ этимъ словомъ.

И такъ какъ въ этомъ не сходились наши воззрѣнія, я отстаивалъ слова: „матерія", „сущность", „абсолютная истина" и проч., и проч." [1]).

Базаровъ въ этомъ спорѣ, конечно, былъ бы на сторонѣ Ивана Сергѣевича, какъ и Тургеневъ оказался на сторонѣ своего героя, когда послѣдній въ разговорѣ съ Кирсановымъ коснулся „принциповъ".

— „Принциповъ вообще нѣтъ, — говорилъ Евгеній

1) „Нива", 1884 г., стр. 62.

Аркадію, — ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ! а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Напримѣръ, я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія — въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста. Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? — тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что-жъ, и честность ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгеній! — началъ печальнымъ голосомъ Аркадій.

— А? Что? Не по вкусу? — перебилъ Базаровъ. — Нѣтъ, братъ! Рѣшился все косить — валяй и себя по ногамъ!"

„Что касается до моей нелюбви къ славянофильству, — писалъ Тургеневъ 13 сентября 1873 года Фету, — то какъ ни совѣстно, а приходится цитировать самого себя: все дѣло въ ощущеніи, — говорилъ Базаровъ. — Вы не любите принциповъ 92 года, интернаціоналку, Испанію, поповичей, вамъ все это претитъ; а мнѣ претитъ Катковъ, баденскіе генералы, военщина и т. д. Объ этомъ, какъ о запахахъ и вкусахъ, спорить нельзя" [1]). Само собою разумѣется, что ни Тургеневъ, ни Базаровъ не понимали тутъ „ощущенія" въ первичномъ, физіологическомъ смыслѣ этого слова. Та же нелюбовь къ отвлеченностямъ, мѣшающимъ, по мнѣнію Тургенева и Базарова, правильному пониманію *живой* дѣйствительности, и заставила высказать послѣдняго: „что такое наука — наука вообще? Есть науки, какъ есть ремесла, знанія, а наука вообще не существуетъ вовсе".

Правда, у Базарова всѣ подобные афоризмы имѣли окраску рѣзкаго отрицанія авторитетовъ. Но это отрицаніе было у него, какъ и у Тургенева, „духовной свободой", „свободой воззрѣній". „Да зачѣмъ я стану ихъ (авторитеты) признавать? Мнѣ скажутъ дѣло, я соглашаюсь — вотъ и все", — возражалъ Евгеній Павлу Кирсанову на его защиту

1) Фетъ: „Мои воспоминанія", II, 280.

общепризнанныхъ мнѣній. Что же касается самаго тона его рѣчей, то и у Ивана Сергѣевича онъ бывалъ иной разъ не мягче. Вотъ, напримѣръ, какъ выражался Тургеневъ въ письмѣ къ Стасову отъ 15 (27) января 1875 года: „Я могу ошибаться въ моихъ сужденіяхъ и вы имѣете полное право упрекать мое невѣжество или непониманіе, но почему вы воображаете, что я говорю такъ не въ силу собственнаго убѣжденія или чувства, а потому, что преклоняюсь передъ чужими авторитетами? Съ какого дьявола я, уже старый человѣкъ, который всю жизнь свою ничѣмъ такъ не дорожилъ, какъ своею собственною независимостью, буду преклоняться или заискивать??! Если не чего другого, то хоть самолюбія предположите во мнѣ настолько, насколько его нужно для того, чтобы совершенно равнодушно относиться ко всяческому „qu'en dira-t-on?“ Я, навѣрное, на своемъ вѣку посылалъ не меньше вашего авторитетныхъ знаменитостей въ „желтыя ворота“, — только имена ихъ другія, — столько же, если не болѣе громкія, чѣмъ цитированныя вами. Но то же самое чувство внутренней свободы, которое я постоянно сознаю въ себѣ — „каждый мигъ минуты“ — не позволяетъ мнѣ признавать прекраснымъ то, что мнѣ не по сердцу“ [1]).

Въ характерѣ, въ тонѣ споровъ Ивана Сергѣевича рѣзкость не переходила лишь въ базаровскую самоувѣренность, обусловленную прежде всего молодостью героя „Отцовъ и дѣтей“. Впрочемъ, безцеремонность эта ни въ какомъ случаѣ не принимала у Базарова оттѣнка неуваженія къ трудовой дѣятельности человѣка. „Порядочный химикъ въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта“, — говорилъ онъ, возражая Павлу Петровичу на его нѣсколько презрительную оцѣнку темныхъ научныхъ тружениковъ. — „Человѣкъ имѣетъ право стоять на своихъ ногахъ даже передъ полубогомъ“, — говорилъ Тургеневъ, защищая право сравнивать Сервантеса съ Шекспиромъ въ своей рѣчи о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ.

Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ къ русскимъ студентамъ гейдельбергскаго университета назвалъ Базарова „револю-

1) „Сѣверн. Вѣстн.“ 1888 г., № 10, стр. 172.

ціонеромъ“ [1]). Катковъ называлъ его „радикаломъ“. Неужели въ воззрѣніяхъ Тургенева былъ политическій радикализмъ и сочувствіе революціонерамъ? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, Иванъ Сергѣевичъ употребилъ слово „революціонеръ“ умышленно, лишь какъ противовѣсъ слишкомъ низкому мнѣнію гейдельбергскихъ студентовъ объ *активной* силѣ Базарова, а во-вторыхъ, этому разрушительному термину Тургеневъ придавалъ обыкновенно культурное, а не политическое значеніе [2]). Но хорошъ же радикалъ и Базаровъ! „Плетка — дѣло доброе“, — преспокойно говорилъ онъ по поводу сопоставленія новѣйшихъ воззрѣній на женскій вопросъ съ правилами „Домостроя“, въ бесѣдѣ за шампанскимъ у Кукшиной. „Очень хорошо сдѣлалъ“, — сказалъ тотъ же Базаровъ, узнавъ, что отецъ его велѣлъ высѣчь своего оброчнаго мужика за воровство и пьянство, и сказалъ это наканунѣ крестьянской реформы, къ которой онъ относился, кстати сказать, очень сдержанно. „Заговоривъ однажды, по поводу близкаго освобожденія крестьянъ, о прогрессѣ, онъ (старикъ Базаровъ) надѣялся возбудить сочувствіе своего сына, но тотъ равнодушно промолвилъ:

— Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здѣшніе крестьянскіе мальчики, вмѣсто какой-нибудь старой пѣсни, горланятъ: *„Время вѣрное приходитъ, сердце чувствуетъ любовь . . .“* вотъ тебѣ прогрессъ“.

Дѣло, однако, не въ этомъ. У Базарова, какъ и у Тургенева, не было главнаго признака радикализма, — вѣры въ преобладающее значеніе политическихъ формъ передъ значеніемъ нравственной личности въ устройствѣ общества. Базаровъ говорилъ однажды: „при правильномъ устройствѣ общества совершенно будетъ все равно, глупъ ли человѣкъ или уменъ, золъ или добръ“, т. е. какъ будто приглашалъ этимъ работать, прежде всего, не надъ воспитаніемъ, не надъ вопросами умственной и нравственной зрѣлости отдѣльныхъ членовъ общества, а призывалъ обсуждать задачи политики по преимуществу. На самомъ дѣлѣ Базаровъ не

1) „Перв. собр. пис.“, 105.
2) См. ниже, стр. 200.

думалъ такъ. „Мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ". Вотъ что высказывалъ онъ даже въ первыхъ сценахъ романа. Общій же переломъ, совершившійся послѣ того въ душѣ Базарова, развилъ этотъ противорадикальный образъ мыслей еще больше: „А что касается до времени (т. е. вліяній времени, среды), отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня", — гордо заявилъ онъ своему пріятелю, которому черезъ мѣсяцъ послѣ дуэли долженъ былъ признаться въ противоположномъ: „Да, братъ, вотъ что значитъ съ феодалами пожить. Самъ въ феодалы попадешь и въ рыцарскихъ турнирахъ участвовать будешь". Ничего страннаго, никакого противорѣчія тутъ нѣтъ, такъ какъ, повторяемъ, Тургеневъ рисуетъ намъ своего героя въ переходномъ состояніи, на рубежѣ молодости и зрѣлыхъ лѣтъ. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ вопросомъ о поединкѣ, Базаровъ высказывается такъ: „Съ теоретической точки зрѣнія дуэль нелѣпость, ну, а съ практической точки зрѣнія — это дѣло другое". Тотъ же переходъ отъ „теоріи" къ „практикѣ", отъ раціонализма къ житейской мудрости мы видимъ у него и въ вопросѣ о бракѣ. „Ты придаешь еще значеніе браку; я этого отъ тебя не ожидалъ", — говорилъ онъ Аркадію въ началѣ романа. Позднѣе, переживъ рядъ „романтическихъ" чувствъ и тревогъ, Базаровъ высказывался иначе. Глубокой искренностью звучатъ слова его при послѣднемъ свиданіи съ молодымъ Кирсановымъ.

— „Такъ ты задумалъ гнѣздо себѣ свить? — говорилъ онъ въ тотъ же день Аркадію, укладывая на корточкахъ свой чемоданъ. — Что-жъ? Дѣло хорошее. Только напрасно ты лукавилъ. Я ждалъ отъ тебя совсѣмъ другой дирекціи. Или, можетъ быть, это тебя самого огорошило?

— Я, точно, этого не ожидалъ, когда разставался съ тобою, — отвѣтилъ Аркадій: — но зачѣмъ ты самъ лукавишь и говоришь: „дѣло хорошее", точно мнѣ неизвѣстно твое мнѣніе о бракѣ?

— Эхъ, другъ любезный, — проговорилъ Базаровъ: — какъ ты выражаешься! Видишь, что я дѣлаю: въ чемоданѣ оказалось пустое мѣсто, и я кладу туда сѣно; такъ и въ жизненномъ нашемъ чемоданѣ; чѣмъ бы его ни набили, лишь бы пустоты не было. Не обижайся, пожалуйста, ты вѣдь, вѣроятно, помнишь, какого я всегда былъ мнѣнія о Катеринѣ Сергѣевнѣ. Иная барышня только отъ того и слыветъ умною, что умно вздыхаетъ; а твоя за себя постоитъ, да и такъ постоитъ, что и тебя въ руки заберетъ, — ну, да это такъ и слѣдуетъ."

Придавая рѣшающее значеніе въ вопросахъ общежитія не политическимъ формамъ и учрежденіямъ, а повседневной, будничной дѣятельности отдѣльныхъ личностей, Базаровъ и готовилъ себя къ „горькой, терпкой, бобыльной жизни", для каковой не созданы были „отцы" и тѣ „дѣти", у которыхъ „демократизмъ" былъ лишь однимъ изъ параграфовъ либеральной программы, какъ, напримѣръ, Аркадій. „Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, — говорилъ онъ Кирсанову, — а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія дойти не можетъ, а это пустяки. Вы, напримѣръ, не деретесь — и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ. Да что! Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ, да ты и не доросъ до насъ, ты невольно любуешься собою, тебѣ пріятно самого себя бранить; а намъ это скучно — намъ другихъ подавай! намъ другихъ ломать надо! Ты славный малый; но ты всетаки мякенькій, либеральный баричъ, — *э волату*, какъ выражается мой родитель".

Практическая дѣятельность, не въ американскомъ смыслѣ, а въ смыслѣ *черной* жизненной работы, — вотъ тотъ идеалъ, какой ставилъ себѣ Базаровъ. Медленная, постепенная, но упорная борьба прежде всего за чужое благополучіе, борьба, требующая не барскихъ рукъ, какъ бы честны онѣ ни были,

а мозолистыхъ и крѣпкихъ рукъ темнаго, невиднаго труженика, — вотъ что надо требовать, по мнѣнію Базарова, отъ всякаго желающаго дѣйствительной пользы своей родинѣ. Горька и неблагодарна эта работа, и не разъ вызоветъ она злую вспышку, жесткій укоръ у взявшагося за нее. „Ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа, — она такая славная, бѣлая, — признавался Базаровъ Аркадію, — вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать . . . А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ . . . да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; ну, а дальше?“

Сниманіе пѣнокъ съ новыхъ теченій, рекламированіе послѣднихъ, стремленіе къ вершинамъ безъ упорной работы надъ мелочами дѣла, надъ собственной личностью, этотъ своего рода аристократизмъ, составляющій завѣтную мечту Ситниковыхъ, Кукшиныхъ, отчасти даже молодыхъ Кирсановыхъ, далекъ отъ черной работы, но этотъ аристократизмъ молодыхъ прогрессистовъ и есть то „обжиганіе горшковъ“, т. е. занятіе, недостойное избранниковъ, по поводу котораго Базаровъ сказалъ Аркадію въ отвѣтъ на его возгласъ: „На какого чорта этотъ глупецъ Ситниковъ пожаловалъ?“ — „Ты, братъ, глупъ еще, я вижу. Ситниковы намъ необходимы. Мнѣ, пойми ты это — мнѣ нужны подобные олухи. Не богамъ же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигать!“

Въ семидесятыхъ годахъ Тургеневъ неоднократно высказывалъ мысль, что для предстоявшей тогда общественной дѣятельности, идеаломъ которой онъ по прежнему неизмѣнно ставилъ все ту же черную, мелкую, безхитростную работу, достаточны были не крупныя, выдающіяся личности, но средніе, честные, не глупые люди въ родѣ Соломина (въ „Нови“). А почему именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Соломины не могли замѣнить Базаровыхъ въ общественной дѣятельности, — Иванъ Сергѣевичъ этого не объясняетъ: онъ просто говоритъ: „времена перемѣнились, теперь (т. е.

въ 70-хъ годахъ) Базаровы не нужны [1]". Однако, что ясно было для автора „Отцовъ и дѣтей", что не требовало объясненій для вдумчивыхъ и наблюдательныхъ современниковъ Тургенева, то нуждается теперь хотя бы въ небольшой исторической справкѣ.

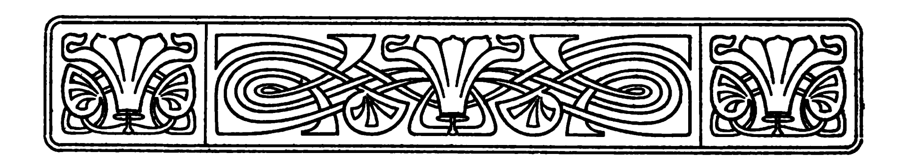
Базаровъ появляется въ самый моментъ взрыва, разрушившаго старый порядокъ, Соломинъ — въ то время, когда отъ этого порядка остались одни осколки. Надо было быть „крупной личностью", чтобы не свалиться съ ногъ въ первомъ случаѣ, и достаточно было имѣть одни глаза, чтобы не спотыкаться объ осколки — во второмъ случаѣ. Лишь молодые дѣятели съ дѣйствительно трезвымъ взглядомъ и сильной волей могли уберечься отъ крайностей и увлеченій, столь естественныхъ для эпохи преобразованій. Поздно выведенная изъ культурныхъ сумерекъ на свѣтъ, молодежь шестидесятыхъ годовъ увидала не самую работу, а одни результаты замѣчательной дѣятельности старшаго поколѣнія, людей сороковыхъ годовъ, и поэтому не только вообразила, что можетъ сдѣлать еще большее, но даже все созданное, начиная съ крестьянской реформы, стала приписывать себѣ.

Чтобы сохранить равновѣсіе, чтобы иной разъ не обратиться въ „олуха", обжигающаго горшки, необходимо было въ то горячее время быть не Соломинымъ, а Базаровымъ.

---

1) Письм., № 192.

XII.

И. С. Тургеневъ и польскій вопросъ.

Интересъ къ польскому вопросу впервые зародился у Тургенева, несомнѣнно, при чтеніи Пушкина, который былъ для Ивана Сергѣевича, какъ и для большинства его юныхъ сверстниковъ, „чѣмъ-то въ родѣ полубога“. Взгляды любимаго поэта были усвоены, конечно, безъ колебаній и безъ оговорокъ. Но, приходя въ юношескій восторгъ отъ оды „Клеветникамъ Россіи“, Тургеневъ по свойствамъ своего характера долженъ былъ чаще вспоминать другіе стихи Пушкина, касавшіеся Польши, именно извѣстную строфу изъ „Бородинской годовщины“:

„Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица;
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца“,

Но „споръ славянъ между собою“ все-же очень мало занималъ Ивана Сергѣевича въ годы его русскаго и заграничнаго студенчества. Лишь попавъ въ кружокъ Бѣлин-

скаго съ его разносторонними интересами, Тургеневъ вновь долженъ былъ задуматься и надъ польскимъ вопросомъ. По свидѣтельству Кавелина, „Бѣлинскій (въ 1843 г. и позднѣе) не любилъ поляковъ и съ необыкновеннымъ своимъ чутьемъ, далеко опережавшимъ время, прозрѣвалъ въ нихъ узкихъ провинціаловъ. Ему особенно не нравилось въ полякахъ то, что они считаютъ Варшаву наравнѣ съ Парижемъ, Мицкевича наравнѣ съ Гёте, что послушать ихъ — ихъ политики, поэты, художники, философы за поясъ заткнутъ европейскія свѣтила . . . Бѣлинскій вмѣнялъ русскимъ въ особенное достоинство, что они трезвы умомъ, не таращатся, относятся къ себѣ отрицательно“ . . . Эта нелюбовь,— добавляетъ отъ себя біографъ великаго критика, — усложнялась еще другими мотивами: Бѣлинскій враждебно смотрѣлъ на польскій шляхетскій гоноръ, подложенный презрѣніемъ къ народу, и на католическій узкій фанатизмъ. Но все это, однако, не мѣшало критику сочувствовать скорби Мицкевича о его погибшей родинѣ [1]). Тургеневъ, судя по его произведеніямъ, не могъ быть лучшаго мнѣнія о полякахъ. Типы послѣднихъ въ образѣ фата и сомнительнаго игрока Стельчинскаго въ „Затишьѣ“ или графа Малевскаго, чуть не выброшеннаго въ окно за анонимный доносъ, въ „Первой любви“ — достаточно говорятъ за это. Конечно, презрительнаго или враждебнаго отношенія къ цѣлой польской національности мы напрасно стали бы искать въ сочиненіяхъ и письмахъ Ивана Сергѣевича.

Съ политической стороной польскаго вопроса Тургеневу пришлось познакомиться серьезно не ранѣе перваго пребыванія его въ Парижѣ. Столица Франціи была центромъ польской эмиграціи, и послѣдняя именно къ 1848 г. со всею силой и откровенностью развернула свою политическую программу. Иванъ Сергѣевичъ, не сходясь близко ни съ кѣмъ изъ поляковъ, достаточно все же знакомился съ ихъ стремленіями, съ ихъ дѣятельностью черезъ тогдашнихъ друзей своихъ — Анненкова, Герцена, Бакунина, Гервега, постоянно сходившихся для бесѣдъ и совѣщаній съ эмигрантами, а

1) „В. Г. Бѣлинскій“, Пыпина. II, 77; 209—210; 225.

иногда и прямо становившихся въ ряды ихъ. Одни изъ друзей Тургенева рѣшали польскій вопросъ самымъ радикальнымъ способомъ, мѣрами революціонными, какъ Бакунинъ, другіе, какъ Анненковъ — путемъ мирныхъ соглашеній. И тѣ и другіе, по словамъ очевидца, „выказывали передъ политическими врагами своими образцовое великодушіе, дѣлали всевозможныя уступки польскому патріотическому чувству, вѣрили ихъ обвиненіямъ и укорамъ“. Но даже наиболѣе горячихъ приверженцевъ польскихъ идеаловъ охлаждали крайнія требованія и нетерпимость поляковъ, желавшихъ ни болѣе ни менѣе, какъ культурнаго и политическаго руководительства русскимъ народомъ и пробалтывавшихся соотвѣтствующими любезностями по адресу Россіи. Такъ знаменитый Лелевель пустилъ въ кружокъ своихъ русскихъ благожелателей собственноручное письмецо, въ которомъ доказывалъ, будто бы въ нашемъ языкѣ „не существуетъ словъ для выраженія понятій о личной чести и добродѣтели — honneur, vertu. Существующее слово честь въ русскомъ языкѣ выражаетъ будто-бы одно понятіе о родовомъ или служебномъ отличіи, и въ этомъ смыслѣ оно только понималось у насъ искони, а добродѣтель есть составное слово, придуманное нами по нуждѣ, для обозначенія психическаго качества, котораго оно, однако, нисколько не передаетъ“ [1]. Тѣмъ не менѣе даже самые консервативные изъ русскихъ, къ каковымъ принадлежали Анненковъ и Тургеневъ, не оспаривали тогда притязаній поляковъ на политическую автономію въ этнографическихъ границахъ не только коренной Польши, но и Литвы; лишь земли Кіева и Смоленска оставались за русскими [2].

Съ начала царствованія императора Александра II интересъ къ польскимъ дѣламъ, ослабѣвшій было за предшествующіе годы, вновь оживился у Ивана Сергѣевича. Тургеневъ съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія принялся слѣдить за либеральными и гуманными мѣропріятіями въ Польшѣ. И намъ станетъ поэтому понятнымъ извѣстное

---

1) Анненковъ: „Воспомин. и критич. очерки“. III, 165—170.

2) См. письмо Анненкова къ Тургеневу отъ 2-го (14-го) окт. 1872 г. „Русск. Обозрѣн.“, 1898 г., кн. 5.

заступничество его въ то время за польскаго литератора. Въ 1859 году чиновникъ министерства финансовъ, издававшій въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ газету Słowo, полякъ Огрызко, былъ посаженъ на мѣсяцъ въ крѣпость, а газета его запрещена за нарушеніе цензурныхъ требованій. Тургеневъ препроводилъ государю письмо, въ которомъ защищалъ арестованнаго журналиста. Не зная сущности дѣла, Иванъ Сергѣевичъ просилъ не о снисхожденіи къ виноватому, а о возстановленіи его во всѣхъ его правахъ. Письмо, между прочимъ, говорило, что арестованіемъ издателя польской газеты и упраздненіемъ ея самой нарушаются великіе принципы царствованія, что эта мѣра потрясаетъ надежды и довѣріе, возлагаемыя на него русскимъ обществомъ; что онъ, проситель, считаетъ своимъ долгомъ высказаться откровенно, исполняя тѣмъ, во-первыхъ, прямую обязанность вѣрноподданнаго, а во-вторыхъ, выражая своимъ поступкомъ глубокую признательность за защиту, которую государю угодно было однажды оказать самому составителю письма. Письмо, конечно, не имѣло никакихъ послѣдствій для Тургенева и оставлено было безъ отвѣта. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ только потомъ, что, встрѣтившись съ государемъ на улицѣ и поклонившись ему, онъ могъ примѣтить строгое выраженіе на его лицѣ, а въ глазахъ прочесть какъ бы упрекъ: „не мѣшайся въ дѣло, котораго не разумѣешь“ [1]). Чтобы лучше понять этотъ поступокъ Тургенева, нужно помнить, что Огрызко тогда еще не обнаружилъ своего полонизма, за каковой впослѣдствіи поплатился каторгой; онъ состоялъ къ тому же на государственной службѣ и имѣлъ достаточно сильныя связи въ Петербургѣ, чтобы не возбудить подозрѣнія такого въ сущности довѣрчиваго человѣка, какимъ былъ Тургеневъ. Да и сближаясь съ немногими изъ выдающихся польскихъ писателей, Иванъ Сергѣевичъ искалъ въ нихъ прежде всего литературныхъ, а не политическихъ дѣятелей. Познакомившись въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ съ Крашевскимъ, Тургеневъ во время двукратной съ нимъ бесѣды совсѣмъ не касался политики. Говорили

1) „Вѣстн. Евр.“ 1885 г., апрѣль, 472.

о литературѣ и тогдашнихъ ея теченіяхъ, да и то Крашевскому его собесѣдникъ показался нѣсколько холоднымъ и неразговорчивымъ. Польскій писатель, впрочемъ, больше заботился тогда о томъ, чтобы ему, какъ дворянину, не ударить лицомъ въ грязь передъ „человѣкомъ самаго лучшаго общества“ [1]).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневъ интересовался, конечно, не однимъ польскимъ вопросомъ, но слѣдующій фактъ показываетъ, какъ внимательно онъ слѣдилъ за нимъ и во время явныхъ и тайныхъ демонстрацій и интригъ поляковъ 1860—1862 гг. и въ періодъ открытаго мятежа ихъ и дипломатическаго похода западной Европы на насъ въ 1863 году, насколько пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вникнуть въ суть дѣла и въ его подробности. Когда, въ концѣ 1862 г., наканунѣ возстанія, Велепольскій надумалъ предупредить революціонный взрывъ рекрутскимъ наборомъ, обращеннымъ прежде всего на горячія головы, Иванъ Сергѣевичъ писалъ по этому поводу Н. В. Ханыкову: „Я вчера имѣлъ долгій разговоръ съ вашимъ историкомъ, тѣмъ же княземъ Н. А. Орловымъ [2]), вслѣдствіе котораго я не могу измѣнить свое мнѣніе насчетъ набора въ Польшѣ и вотъ почему:

1) Что лица выбираемы не полиціей, а рекрутскимъ присутствіемъ, это ничего не значитъ, потому что явная, нескрываемая цѣль Велепольскаго и слѣдовательно правительства — забрить всѣхъ такъ называемыхъ революціонеровъ, и цѣль эта достигается вполнѣ и непремѣнно по указаніямъ полиціи.

2) Лицъ, дѣйствительно, берутъ отъ 19 до 23 лѣтъ, т. е. въ самый опасный для правительства возрастъ.

3) Способъ набора, о которомъ вы пишете, и который дѣйствительно существовалъ 30 лѣтъ въ Польшѣ, — былъ формально и на вѣчныя времена отмѣненъ закономъ 1859 года и теперь возстановленъ иллегально.

---

1) См. воспоминанія Крашевскаго въ „Иностран. критикѣ о Тургеневѣ“, стр. 215—219.

2) Кн. Ник. Алексѣев. Орловъ, дипломатъ и писатель. Въ то время посланникъ въ Брюсселѣ.

Иллегальность эта страшно увеличивается еще тѣмъ, что нынѣшній наборъ, по числу своему, долженъ былъ падать на всѣ сословія, а его концентрировали на одномъ, т. е. не сказали: мы легальныхъ 3,000 возьмемъ съ горожанъ, а 3,000 будемъ считать недоимочныхъ съ крестьянъ, или совсѣмъ простимъ ихъ; но объявили, что всѣ 6,000 пойдутъ съ горожанъ. Въ этомъ и въ отсутствіи очереди состоитъ вопіющая, безобразная несправедливость, которая не становится отъ того менѣе безобразной, что въ Прагѣ совершается нѣчто подобное. Впрочемъ, всѣ эти факты буквально сообщу Ланфрею [1], и пусть онъ судитъ о нихъ какъ знаетъ" [2]).

Сомнѣнія Ивана Сергѣевича, высказанныя въ этомъ письмѣ, оправдались полной неудачей предпріятія Велепольскаго, послужившаго только поводомъ къ общему возстанію.

Тургеневъ, внимательно слѣдя за польскими событіями, довѣрялъ иностраннымъ сообщеніямъ до 1862 года гораздо болѣе, чѣмъ они того заслуживали. Такъ, напримѣръ, залпъ роты солдатъ въ отвѣтъ на градъ камней, сыпавшихся на нихъ со стороны скопищъ варшавской черни (15-го февраля 1861 г.) и послѣдовавшій за тѣмъ приказъ растерявшагося князя Горчакова исполнить рядъ нелѣпыхъ требованій революціонной партіи, — событія эти, переданныя въ заграничныхъ газетахъ въ самомъ враждебномъ для Россіи видѣ, вызвали такія замѣчанія Ивана Сергѣевича въ письмѣ къ Герцену отъ 9-го марта (н. с.): „Въ Варшавѣ хотятъ попробовать мѣры кротости (brutalité была слишкомъ велика даже для русской администраціи, даже ей стало стыдно), но попробуй поляки завести рѣчь о конституціи, и увидятъ они, какіе выставятся кулаки". Элементарное требованіе самообороны превратилось подъ перомъ западныхъ публицистовъ въ скотскую ярость („brutalité"), полная растерянность намѣстника — въ „мѣры кротости"; когда же послѣ указанныхъ событій поляки дѣйствительно завели рѣчь о конституціи, никакихъ кулаковъ не выставилось.

---

1) Ланфрей (Lanfrey) — французскій публицистъ и авторъ извѣстной исторіи Наполеона I; страстный противникъ второй имперіи.

2) „Ежемѣсячн. сочин." 1901 г., VI, 297—298. Письмо неправильно отнесено издателемъ къ 1866 году.

Но въ 1862 году Иванъ Сергѣевичъ разобралъ, какой мутный источникъ представляютъ собою западные журналы и газеты, а въ слѣдующемъ году они уже возбуждали его негодованіе. Когда сотрудникъ „Le Nord"'а — Щербань попытался раскрыть въ заграничной печати подложность высочайшаго повелѣнія, распространяемаго парижской прессой, которымъ будто-бы предписывалось, „укрѣпивъ духъ водкой", отправиться „на резь" католиковъ, за что обѣщалось пожалованіе въ „члены и россійскіе дворяне", Тургеневъ писалъ Щербаню 1-го (13-го) іюня 1863 г.: „Я сейчасъ прочелъ статью вашу въ „Nord"'ѣ о подложной „Секретной царской волѣ" и рукоплескалъ вамъ. Нѣтъ такой грязной клеветы, которую бы на насъ не возводили, и спасибо тѣмъ, которые протестуютъ" [1]). Такому отрезвленію способствовали особенно Н. А. Милютинъ, Н. И. Тургеневъ и В. П. Боткинъ. Съ ними Иванъ Сергѣевичъ часто и помногу бесѣдовалъ въ зиму съ 1862 на 1863 г., въ Парижѣ.

Застрѣльщикомъ въ этихъ разсужденіяхъ и спорахъ выступалъ обыкновенно Боткинъ, нападавшій на Ивана Сергѣевича иногда съ непріятной для него рѣзкостью. „Я, я, я" — горячился онъ, пуча глаза и заикаясь отъ волненія: — „я, по-твоему скупецъ, Гарпагонъ, — я все состояніе отдалъ бы, чтобъ самаго вопроса не было; но разъ онъ есть —уступочки? Европа? Много она понимаетъ, твоя Европа! И не ея дѣло. Брысь" ....

„Они (поляки) насъ сонныхъ рѣжутъ, съ того и начали", говорилъ онъ другой разъ: „а Иванъ Сергѣевичъ хочетъ прыскать на нихъ одеколономъ" [2]).

Но гораздо убѣдительнѣе для Тургенева были взгляды Н. А. Милютина, котораго Иванъ Сергѣевичъ искренно любилъ и высоко ставилъ, какъ государственнаго дѣятеля. Николай Алексѣевичъ велъ обширную переписку съ людьми, стоявшими въ курсѣ нашихъ политическихъ вопросовъ, особенно съ братомъ Дмитріемъ — военнымъ министромъ [3]). Кромѣ того въ маѣ 1862 г. провелъ нѣсколько дней въ

---

1) „Русск. Вѣстн." 1890 г., авг., 5—6.
2) „Русск. Вѣстн." 1890 г., іюль, 26; авг., 9.
3) Нынѣ графомъ и фельдмаршаломъ.

С. Петербургѣ, вызванный государемъ изъ Парижа по польскому дѣлу, и привезъ съ собою въ столицу Франціи не мало интересныхъ и важныхъ свѣдѣній. Осенью слѣдующаго года, приступая уже къ реформамъ въ Царствѣ Польскомъ, Милютинъ подробно разъяснялъ свои планы Тургеневу. Иванъ Сергѣевичъ даже составилъ записку по поводу этихъ бесѣдъ и долго хранилъ рукопись у себя, прочитывая ее нѣкоторымъ изъ интересовавшихся дѣятельностью Николая Алексѣевича [1]). Взгляды же послѣдняго на тогдашнее положеніе польскаго вопроса сводились, какъ извѣстно, къ слѣдующему. Ни объ автономіи, ни о широкомъ самоуправленіи съ поляками невозможно толковать, такъ какъ съ этими сторонами вопроса они непремѣнно связываютъ распространеніе власти Польши на русскія земли, на территорію въ границахъ 1772 года. Необходимо подавить мятежъ возможно быстрѣе и энергичнѣе, а затѣмъ умиротворить край: крестьянской реформой въ духѣ положенія 19-го февраля 1861 года, устраненіемъ на будущее время изъ народнаго образованія и церковнаго управленія враждебныхъ Россіи учрежденій и порядковъ и, наконецъ, охраненіемъ отъ ополячиванія населенія не польскаго. Проекты Милютина имѣли, такимъ образомъ, чисто оборонительный характеръ и преслѣдовали, въ концѣ концовъ, не обрусительныя, а примирительныя цѣли [2]). Что же касается вмѣшательства Западной Европы въ польскія дѣла, то здѣсь Николай Алексѣевичъ считалъ всякую уступчивость съ нашей стороны несомнѣннымъ униженіемъ. „Добрые“ же совѣты старыхъ государствъ менѣе культурной Россіи скрываютъ — по его мнѣнію — за собою ненависть и желаніе лишить насъ той именно цивилизаціи, во имя которой они наружно такъ горячо ратуютъ [3]).

Что касается взглядовъ Н. И. Тургенева, то знамени-

---

1) „Русск. Старина“, 1884 г., май, 396. Эта интересная рукопись очевидно не сохранилась.

2) См. статьи Щебальскаго о Милютинѣ въ „Русск. Вѣстн.“ 1882 г., кн. 10—12.

3) „Русскій Вѣстникъ“, 1882 г., ноябрь, стр. 321; 1890 г., іюль, 25—26.

тый изгнанникъ съ 1848 года немолчно указывалъ въ своихъ сочиненіяхъ на ту опасность, какою грозятъ славянамъ германизаторскія стремленія нашихъ ближайшихъ сосѣдей, стремленія настойчивыя, изворотливыя, которыя уже дали удивительные результаты и у западныхъ славянъ, и въ Польшѣ, и въ Прибалтійскомъ краѣ. Вотъ почему полякамъ необходимо искать опоры и единенія съ великой и сильной славянской имперіей, а не отбиваться отъ нея. Съ другой стороны, для успѣшнаго рѣшенія польскаго вопроса и Россіи необходимо кое-что сдѣлать и прежде всего ввести у себя возможно либеральныя реформы. Этимъ будетъ облегчено взаимное пониманіе русскихъ и поляковъ, послѣдніе охотнѣе будутъ подчиняться либеральному общеимперскому правительству, да и Россія отъ подобныхъ реформъ выиграетъ, какъ держава-руководительница славянскаго міра. При такомъ взглядѣ на польскій вопросъ Н. И. Тургеневъ отнесся съ довѣріемъ и полнымъ сочувствіемъ къ дѣятельности Милютина въ Привислянскомъ краѣ [1]).

Какъ ни авторитетно было въ глазахъ Ивана Сергѣевича политическое пониманіе Милютина и Николая Тургенева, но собственный его взглядъ на польскія дѣла не совпалъ вполнѣ ни съ однимъ изъ изложенныхъ мнѣній. По открытому признанію Ивана Сергѣевича (въ серединѣ 1863 г.) его воззрѣнія оказались въ согласіи лишь со статьями Аксаковскаго „Дня". А журналъ этотъ рекомендовалъ тогда такое рѣшеніе рокового вопроса: подавивъ мятежъ и водворивъ спокойствіе, устранить совершенно изъ-подъ польскаго вліянія Сѣверо-Западный и Юго-Западный края, какъ земли искони русскія. Въ коренной же Польшѣ добиться — съ помощью ли всесословнаго польскаго сейма, или инымъ равносильнымъ способомъ, истиннаго мнѣнія всего народа, желаетъ ли послѣдній внутренней автономіи въ духѣ конституціи 1815 года подъ верховенствомъ Россіи, или онъ выскажется за полную политическую независимость и самостоятельность Польши. И то и другое рѣшеніе необходимо утвердить русскому правительству,

---

1) См. „Польскій вопросъ" А. Н. Пыпина. „Вѣстн. Европы" 1880 г., окт., 699—711.

предупредивъ самымъ серьезнымъ образомъ о неизбѣжной германизаціи царства и вооруженномъ его захватѣ со стороны Пруссіи, коль скоро Россія выведетъ изъ него войска для защиты уже своихъ неоспоримыхъ земель въ границахъ 1807 года[1]). Такое рѣшеніе польскаго вопроса, при всей его не малой опасности для спокойствія Россіи, является результатомъ глубоко благожелательнаго отношенія русскаго народа къ польскому, а не слѣдствіемъ угрозъ Запада, на которыя Иванъ Сергѣевичъ желалъ бы отвѣчать войной. Великій писатель вполнѣ раздѣлялъ мнѣнія Милютина, Николая Тургенева, Аксакова и вообще всѣхъ лучшихъ русскихъ людей о вмѣшательствѣ Запада въ нашу домашнюю распрю съ Польшей, но считалъ унизительнымъ для Россіи не только какія-либо уступки, но самую попытку западныхъ государствъ склонить насъ на таковыя путемъ прямыхъ или косвенныхъ угрозъ. „А войны намъ не миновать“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ 1-го (13-го) іюня 1863 г. Щербаню: „особенно теперь послѣ взятія Пуэблы[2]). Да и признаться сказать, я начинаю желать войны: одинъ конецъ — такъ или этакъ мы выйдемъ изъ безобразнаго болота, въ которомъ сидимъ по горло“ [3]).

Послѣ усмиренія мятежа взгляды Тургенева на польскій вопросъ измѣнились развѣ въ томъ только смыслѣ, что предполагаемое рѣшеніе его онъ пересталъ считать осуществимымъ въ ближайшемъ будущемъ. По крайней мѣрѣ дѣятельность Н. А. Милютина въ Польшѣ не только не вызвала его осужденія, но Иванъ Сергѣевичъ готовъ былъ признать ее „необходимостью“, хотя и „печальной“. Дѣятельность же эта ознаменована была не только такими мѣрами, какъ закрытіе ряда монастырей, изъятіе крестьянскаго управленія изъ польскихъ рукъ, но и сближеніемъ Милютина со страшнымъ для Тургенева Муравьевымъ. Въ 1882 году бывшій товарищъ Ивана Сергѣевича по берлинскому университету баронъ І. Ф. возмутился статьями Леруа-Болье о

1) Сочиненія И. С. Аксакова. III, 2—106.

2) Городъ въ Мексикѣ, взятый французами въ маѣ 1863 г. во время Мексиканской экспедиціи Наполеона III

3) „Русскій Вѣстн.“ 1890 г., авг. 6.

Милютинѣ[1]), которыя возвеличивали русскаго государственнаго дѣятеля, да еще работавшаго на окраинѣ въ разрѣзъ съ остзейскими традиціями, и предложилъ между прочимъ Тургеневу сдѣлать возраженія автору статей, хотя бы по отношенію къ польскому вопросу. Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ барону, что политика Милютина въ Польшѣ, правда, требуетъ многихъ оговорокъ, но онъ самъ видѣлъ въ ней печальную необходимость. Милютина же называлъ однимъ изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей („je salue en lui un de nos grands — et rares — homme d'état“ [2]).

Въ началѣ возстанія Тургеневъ писалъ Анненкову: „Извѣстіе изъ Польши горестно отразилось и здѣсь. Опять кровь, опять ужасы . . . Когда же это все прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней?! Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія этого безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши“.

„Не въ состояніи вамъ передать, до какой степени меня мучаютъ польскія дѣла“ . . . писалъ онъ Фету въ апрѣлѣ 1863 г. Подобнымъ образомъ выражались всѣ серьезные люди въ то время, но съ однимъ Тургеневымъ могло произойти слѣдующее недоразумѣніе. Въ № 22 Аксаковскаго „Дня“ появилась за подписью г. X. корреспонденція, въ которой разсказывалось, какія небылицы о звѣрствѣ русскихъ солдатъ надъ поляками печатаются во французскихъ газетахъ, и прибавлялось, что по прочтеніи одного изъ такихъ извѣстій Тургеневъ вздумалъ было написать на нихъ каррикатурную пародію, именно, какъ одинъ казачій полковникъ поссорился со своимъ есауломъ за то, что тотъ жареныхъ польскихъ дѣтей ѣстъ съ французской, а не англійской горчицей. „Вы бы меня весьма обязали“, писалъ по поводу этого Иванъ Сергѣевичъ редактору: „еслибъ напечатали въ ближайшемъ нумерѣ вашего журнала, что въ этомъ анекдотѣ нѣтъ ни слова правды. Я вполнѣ раздѣ-

1) Leroy-Beaulieu: „Un homme d'état russe“ (Revue des deux Mondes. 1880—1881 г.

2) „Русск. Стар.“ 1884 г., май, 397—398.

ляю ваше воззрѣніе на польскій вопросъ, но мнѣ противно думать, что въ такое печальное, трудное, грозное время я выставленъ передъ читателемъ кривлякою и шутомъ. Видно, какъ ни прячь свою жизнь, какъ упорно ни замыкайся въ самомъ себѣ, досужаго корреспондента не убережешься. Мнѣ это тѣмъ болѣе досадно, что это появилось въ „Днѣ", журналѣ, который уважаю и хотѣлъ бы видѣть чаще. Повторяю, вы сдѣлаете мнѣ истинное удовольствія, если скажете объ этомъ нѣсколько словъ. Я убѣжденъ, что мы должны бороться съ поляками, но не должны ни оскорблять ихъ, ни смѣяться надъ ними". Аксаковъ не вполнѣ понялъ чувство, какимъ руководился Тургеневъ при посылкѣ приведенныхъ строкъ и, помѣстивъ это письмо въ № 29 „Дня" (отъ 20-го іюля 1863 г.), присоединилъ къ нему свое объясненіе, въ которомъ говорилъ между прочимъ: „Охотно исполняемъ желаніе многоуважаемаго нами писателя и извиняемся передъ нимъ и передъ публикой, что помѣстили такое невѣрное свѣдѣніе. Намъ это очень прискорбно потому, что оно такъ непріятно г. Тургеневу. Но, право, мы и теперь думаемъ, что отвѣчать на польскія баснословныя клеветы невозможно иначе, какъ смѣхомъ" [1]). Въ № 167 „Колокола" была отмѣчена корреспонденція № 22 „Дня", при чемъ редакціей выражено было рѣшительное сомнѣніе въ истинности передаваемаго „Днемъ". Иванъ Сергѣевичъ 10-го (22-го) іюня писалъ Герцену въ отвѣтъ на его замѣтку: „Сейчалъ прочелъ я № „Колокола", гдѣ упоминается о „французской и англійской горчицѣ". Спасибо тебѣ, что ты не повѣрилъ этому пошлому анекдоту . . . Ни одного ни обиднаго, ни насмѣшливаго слова не вышло изъ моихъ устъ на счетъ поляковъ, хотя бы уже потому, что я еще не потерялъ всякое пониманіе „трагическаго": теперь никому не до смѣха . . . Я былъ бы тебѣ обязанъ, если бы ты въ слѣдующемъ № „Колокола" напечаталъ, что „мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г. И. Тургеневу, чистая выдумка". Я нынче же пишу И. С. Аксакову. Меня глубоко оскорбляетъ эта грязь, которой

---

1) См. „Русское Обозрѣніе" 1894 г., № 12, стр. 600.

брызнуло въ мою уединенную, почти подъ землею скрытую жизнь“. И Герценъ не понялъ Ивана Сергѣевича, и не понималъ того „трагизма“ — неизбѣжнаго спутника исторіи народовъ, о которомъ Тургеневъ, какъ нарочно, толковалъ еще въ предыдущихъ своихъ письмахъ къ нему. Издатель „Колокола“ объяснялъ свое недовѣріе къ корреспонденціи „Дня“ тѣмъ, что „было бы безнравственно жартовать надъ поляками, когда надъ нами тѣшутся такіе милые забавники, какъ Муравьевъ и вся палачующая братія“. Тургеневъ не былъ поклонникомъ Муравьева, но послѣдній въ данномъ случаѣ ни при чемъ. Это видно уже изъ того, что вскорѣ имя Ивана Сергѣевича явилось въ числѣ подписчиковъ въ пользу пострадавшихъ отъ польскаго мятежа, что̀ показалось Герцену равносильнымъ сочувствію тому же Муравьеву. Лондонскій эмигрантъ выразилъ это такъ въ письмѣ своемъ отъ 10-го апр. (н. с.) 1864 года къ Тругеневу: „Не только дать два золотыхъ, но двѣсти — не грѣхъ, но дать имя на демонстрацію въ то время, когда ясно обозначился періодъ Каткова и Муравьева — не изъ самыхъ цивилическихъ поступковъ, особенно когда это идетъ отъ человѣка, никогда не мѣшавшагося въ политику. Я понимаю, что поврежденный Аксаковъ наивно затесался въ кровавую грязь по горло — у него это послѣдовательно. Ну, а ты съ чего сѣлъ въ ту же канаву?“

Тургеневъ оставилъ это нападеніе безъ отвѣта.

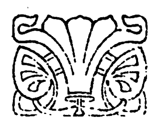
Національные и политическіе счеты наши съ Польшей не отодвигали у Тургенева интереса къ польской литературѣ на задній планъ. Но, съ другой стороны, интересы эти не были и значительны. Мы находимъ слишкомъ мало слѣдовъ ихъ въ его перепискѣ, а также въ различныхъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Съ Мицкевичемъ онъ едва-ли встрѣчался, съ Крашевскимъ бесѣдовалъ только два раза; часто сходился Тургеневъ (въ Парижѣ) лишь съ Антономъ Совой (Желиговскимъ), которому много посодѣйствовалъ даже въ его свадьбѣ въ 1861 г. Но не для однихъ перечисленныхъ писателей Иванъ Сергѣевичъ изучилъ въ 1852 г. польскій языкъ, усвоенный имъ, очевидно, съ

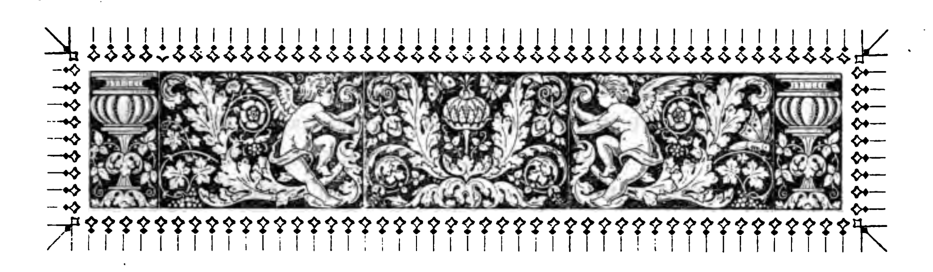
достаточнымъ успѣхомъ [1]). Въ сентябрѣ 1879 года Ивана Сергѣевича ожидали въ Краковъ на юбилей Крашевскаго. Но онъ тамъ не показался. Спрошенный въ письмѣ Н. Бергомъ, „почему онъ не поѣхалъ, будучи свободенъ и независимъ ни отъ какихъ министерствъ, ни отъ какого начальства", Тургеневъ отвѣчалъ: „Я не поѣхалъ въ Краковъ по домашнимъ обстоятельствамъ; да и кромѣ того я полагаю, что поступилъ благоразумно. Мое положеніе въ Краковѣ было бы самое фальшивое — молчать было бы странно, а говорить пришлось бы либо неосторожно, либо противно убѣжденіямъ" [2]). Тѣмъ не менѣе Иванъ Сергѣевичъ прислалъ тогда слѣдующее письмо на имя Спасовича: „Къ искреннему сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства помѣшали моему намѣренію присутствовать на знаменательномъ торжествѣ, устраиваемомъ въ Краковѣ въ честь славнаго ветерана польской литературы. Мнѣ остается просить васъ передать почтенному юбиляру выраженіе моихъ горячихъ поздравленій и пожеланій; съ увѣренностью могу прибавить, что въ лицѣ моемъ громадное большинство русской интеллигентой публики привѣтствуетъ Крашевскаго и братски жметъ его руку. Пускай же онъ приметъ этотъ привѣтъ какъ залогъ сближенія между двумя племенами, столь долго разрозненными прошедшею исторіею и вступающими, наконецъ, въ новую и плодотворную эру свободнаго, дружнаго и мирнаго развитія. Въ виду благъ, которыя сулитъ близкое будущее, русскій писатель, ученикъ Пушкина, заочно поднимаетъ заздравный кубокъ въ честь польскаго поэта, сподвижника Мицкевича [3])".

Мы исчерпали наиболѣе крупные изъ дошедшихъ до насъ фактовъ, характеризующихъ взглядъ Тургенева на польскій вопросъ вообще и на польскую литературу въ частности. Какъ ни скуденъ количествомъ этотъ матеріалъ, качественное его значеніе достаточно, чтобы установить, съ

1) См. письмо къ Віардо отъ 1-го (13-го) мая 1852 г., въ сборникѣ неиздан. писемъ Тургенева. М. 1900 г.
2) „Историч. Вѣстн." 1883 г., ноябрь, 376.
3) „Перв. собр. писемъ", 346.

одной стороны, безспорно патріотическое отношеніе Ивана Сергѣевича къ нашимъ счетамъ съ Польшей, а съ другой — его глубокую благожелательность къ полякамъ, которая, вмѣстѣ со скорбной думой надъ трагической стороной человѣческой исторіи, лишь подымала этотъ патріотизмъ на ту высоту, на какой онъ только можетъ стоять у представителя великаго и европейско-христіанскаго народа.

XIII.

И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ.

Взаимныя отношенія И. С. Тургенева и В. П. Боткина мало обращали на себя вниманія біографической литературы объ Иванѣ Сергѣевичѣ, почему, можетъ быть, каждый разъ при обсужденіи ихъ дѣлались или неправильные выводы или совсѣмъ невѣрныя ссылки. Правда, матеріалъ для характеристики дружескихъ связей этихъ выдающихся людей сороковыхъ годовъ, т. е. ихъ переписка, за ничтожнымъ исключеніемъ, до сихъ поръ остается неопубликованною. Тѣмъ не менѣе накопился достаточный запасъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ. Насколько немаловажнымъ является Боткинъ въ біографіи Тургенева, можно судить по продолжительности ихъ дружбы.

В. П. Боткинъ (1810—1869 гг.), происходя изъ зажиточной московской купеческой семьи, т. е. изъ той среды, которая до половины XIX вѣка совсѣмъ не отличалась культурными стремленіями, былъ самъ себѣ обязанъ обширнымъ и разностороннимъ образованіемъ. „Воспитанія у меня никакого не было“, писалъ онъ впослѣдствіи: „вышедши изъ пансіона (весьма плохого), я ровно ни о чемъ не имѣлъ понятія“. Стремленіемъ къ наукѣ и къ знанію онъ отличался

до послѣднихъ дней своей жизни. Боткинъ какъ бы вѣчно искалъ пробѣловъ въ своемъ образованіи и, наткнувшись на таковые, тотчасъ же съ поразительнымъ рвеніемъ принимался за пополненіе ихъ. На пятидесятомъ году своей жизни онъ пишетъ, напримѣръ: „Я началъ Гиббона, котораго, къ стыду моему, еще не читалъ. Теперь начинаемъ уже пятый томъ. Книга умная и необходимая, въ особенности для знакомства въ Византійскою исторіею“ [1]). „Исторія Индіи составляетъ мой пробѣлъ“, говорилъ онъ два года спустя, указывая на томы мелкой печати: „и мнѣ необходимо его восполнить“. Такъ занимался Боткинъ подъ старость, утративъ наполовину зрѣніе; какова же была его энергія въ молодости! Правда, у Тургенева, какъ у человѣка, получившаго систематическое образованіе, не могло случиться, чтобы онъ прочелъ Гиббона и англійскія книги по исторіи Индіи, не познакомившись съ Исторіей Россіи Соловьева, какъ это случилось съ Боткинымъ, но, несмотря на это, у Василія Петровича не замѣтно отрицательныхъ сторонъ самоучки: онъ не „открывалъ Средиземнаго моря“, не отличался самомнѣніемъ и чувствовалъ себя совершенно свободно среди самыхъ образованныхъ людей.

Любимымъ однако занятіемъ В. П. Боткина было изученіе искусствъ, особенно живописи и музыки. Наиболѣе крупная его литературная работа „Письма объ Испаніи“ имѣла большой успѣхъ въ свое время, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что эстетическій интересъ былъ въ ней на первомъ планѣ. Другое сравнительно крупное его сочиненіе о Шекспирѣ, широко задуманное, но не оконченное, свидѣтельствуетъ о его горячей любви къ театру. До послѣднихъ дней занимала его мысль написать книгу по исторіи искусствъ, и онъ раза два серьезно приступалъ къ задуманному [2]).

В. П. Боткинъ былъ по преимуществу эстетикъ, но онъ не чуждался и другихъ интересовъ, какіе поглощали его современниковъ, людей сороковыхъ годовъ, особенно кружокъ Бѣлинскаго, къ которому онъ принадлежалъ.

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 375.
2) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578—579.

Недаромъ, прочтя письма великаго критика, напечатанные Панаевымъ въ его воспоминаніяхъ (1860 г.), Боткинъ писалъ: „Они произвели на меня такое впечатлѣніе, что я цѣлый вечеръ проходилъ словно во снѣ, забылъ идти на одинъ званый вечеръ и до перваго часа ночи бродилъ по Парижу, совершенно погруженный въ прошлое“ [1]). Какъ и лучшіе люди того прошлаго, о которомъ такъ горячо вспоминалъ онъ, Боткинъ не только увлекался философіей Гегеля, но и былъ въ этомъ случаѣ однимъ изъ наставниковъ Бѣлинскаго. Послѣднему Василій Петровичъ помогалъ даже личнымъ трудомъ. Друзья критика свидѣтельствуютъ напримѣръ, что страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ [2]). Василій Петровичъ раздѣлялъ вполнѣ и политическіе взгляды своихъ друзей. Онъ даже просилъ разъ Тургенева (1858 г.) передать Герцену, что симпатизируетъ его дѣятельности и что по его, Боткина, мнѣнію „Колоколъ“ „составляетъ эпоху въ жизни Россіи“. „Назвавшись европейскимъ государствомъ, надо идти сообразно съ европейскимъ духомъ, или потерялъ всякое значеніе“, писалъ онъ въ 1859 году, характеризуя современную ему русскую жизнь [3]).

Но лишь до 60-ыхъ годовъ Боткинъ шелъ нога въ ногу со своими друзьями, до этой поры переживалъ вмѣстѣ съ ними нѣмецкій идеализмъ, потомъ французскій политическій либерализмъ, позднѣе — обширные проекты и планы отечественныхъ реформъ. Когда же его знаменитые сверстники приступили уже къ самой преобразовательной работѣ, Боткинъ внезапно оказался не только въ сторонѣ, но и въ лагерѣ противниковъ реформъ.

Дѣло въ томъ, что, на-ряду съ дѣйствительно замѣчательными качествами ума и образованія, у Василія Петровича развивался одинъ недостатокъ — эпикуреизмъ, подъ конецъ жизни совсѣмъ извратившій и изломавшій его богатоодаренную и оригинальную натуру. Неудачная женитьба, сдѣлавшая его одинокимъ человѣкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ

---

1) Фетъ, I, 319.
2) „Анненковъ и его друзья“, стр. 578.
3) Фетъ, I, 298.

свадьбы, усиливавшаяся съ годами болѣзненность довели этотъ эпикуреизмъ до крайнихъ, отталкивающихъ формъ. Фетъ, принадлежавшій къ самымъ горячимъ панегиристамъ Боткина, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ высказывалось съ такой беззавѣтной откровенностью, какъ у Боткина. Но нигдѣ стремленіе это не проявлялось въ такой полнотѣ, какъ въ клубѣ передъ превосходною закускою. „Вѣдь это все прекрасно — восклицалъ Боткинъ съ сверкающими глазами — вѣдь это все надо ѣсть!“ Послѣдніе дни жизни Василія Петровича были достойнымъ концомъ такого сибарита. Занявъ одну изъ лучшихъ квартиръ Петербурга, обставивъ ее со всевозможной роскошью, онъ устроилъ себѣ прекрасный квартетъ изъ мастерскихъ исполнителей и нанялъ повара изъ кухни цесаревича. Не будучи въ силахъ по болѣзненному состоянію отдаваться удовольствію ѣды, онъ заказывалъ всетаки лукулловскіе обѣды, чтобы, созвавъ на нихъ гостей, хоть посмотрѣть, какъ они ѣдятъ, настойчиво рекомендуя блюда, казавшіяся ему особенно удачными. „Митя, — говорилъ онъ брату, — вотъ меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, какъ я обставилъ свою жизнь передъ концомъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени мнѣ это пріятно. Райскія птицы поютъ у меня на душѣ“ [1]. И это говорилъ человѣкъ на краю могилы, со сведенными жестокимъ ревматизмомъ руками и ногами, котораго приходилось переносить на особыхъ носилкахъ изъ одной роскошно убранной залы въ другую . . .

Общественная и политическая жизнь въ Россіи съ 60-ыхъ годовъ сдѣлалась гораздо сложнѣе, чѣмъ была въ предыдущія десятилѣтія; она крѣпче захватила всѣ слои общества, заставивъ больно почувствовать и обратную сторону великаго преобразовательнаго движенія, каковую мало предвидѣло поколѣніе, создавшее эти реформы, т. е. люди сороковыхъ годовъ. Особенно тяжело отразилось все это на впечатлительномъ и раздражительномъ Боткинѣ, успѣвшемъ

---

1) Фетъ, II, 202.

къ тому времени выработать цѣлый культъ тонкихъ наслажденій. „Увы! мы дошли до такого времени, когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики, — писалъ онъ 10 мар. 1866 г., — подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду, для объективнаго взгляда не осталось ни одного мѣста. Несмотря на то, что я представляю изъ себя олицетвореніе басни „Муха и Дорожные", тѣмъ не менѣе кипячусь и волнуюсь, и рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать, и чувствую величайшую потребность въ душевномъ спокойствіи. А какъ и гдѣ найти его?" „Я думаю, эта проклятая политика нисколько васъ не интересуетъ. Да и я ее терпѣть не могу: она мѣшаетъ жить", восклицаетъ Боткинъ черезъ три мѣсяца въ письмѣ къ тому же Фету [1]). Не видя возможности избавиться, уйти отъ „проклятой политики", Боткинъ началъ искать выхода изъ своего мучительнаго положенія въ томъ политическомъ лагерѣ, который могъ дать ему большее спокойствіе. Такимъ лагеремъ оказалась крайняя консервативная партія, во главѣ которой сталъ къ тому времени Катковъ.

Была еще одна причина, заставившая Боткина примкнуть къ этому теченію — его непониманіе тѣхъ фактовъ литературнаго движенія 60-ыхъ годовъ, которые носили рѣзкій, невѣжественный и грубый характеръ. И Тургеневъ и Герценъ не менѣе его негодовали на „поганое, тупое, самодовольное глумленіе и зубоскальство" [2]), установившееся въ нѣкоторыхъ органахъ нашей журналистики 60-ыхъ годовъ послѣ смерти Добролюбова (17-го ноября 1861 г.); но Тургеневъ, равно какъ и Герценъ, видѣли въ этихъ крайностяхъ новые факты только по формѣ, Боткинъ же — новые — по самой сущности. Герценъ писалъ о молодежи 60-ыхъ годовъ: „Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость николаевской офицерщины и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ — внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ

---

1) Фетъ. „Мои воспоминанія", II, 62, 83, 87, 90.

2) Выраженіе письма Тургенева къ Анненкову. отъ 25 мар. (с. с.) 1866 года.

домѣ дѣдушки, хотѣвшаго „дать фельдфебеля въ Вольтеры?“ Тургеневъ устами Потугина въ „Дымѣ“ сдѣлалъ еще болѣе рѣшительное обобщеніе: „Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрились; не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ; бариномъ этимъ бываетъ, большею частію, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ называемое направленіе надъ нами власть возымѣетъ . . . теперь, напримѣръ, мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались . . . Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное; такая ужъ, видно, наша натура. Но, главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ; это значитъ нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народился — стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ происходили у насъ продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупитъ-то онъ по господскому приказу“.

Боткинъ въ тѣ же годы по поводу запрещенія „Современника“ и „Русскаго Слова“ высказался такимъ образомъ: „Все, что бунтующій пролетаріатъ и самая дикая демагогія выработали въ себѣ разлагающаго для неопытныхъ и слабоумныхъ головъ — все это проповѣдывалось въ нихъ (т. е. въ названныхъ журналахъ) за высочайшую истину“ [1]). Вотъ почему онъ хватался прежде всего за полицейскія мѣры, тогда какъ Тургеневъ выдвигалъ на первый планъ образованіе. „Возьмите науку, цивилизацію и лѣчите этой гомеопатіей мало-по-малу“, писалъ Иванъ Сергѣевичъ Герцену въ декабрѣ 1867 года, по поводу крайностей, въ которыя впадаетъ русскій человѣкъ, „самому себѣ предоставленный“. Боткинъ, подъ конецъ жизни чуждый

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“, II, 92

въ сущности литературѣ, по собственному его признанію, „пользовался знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараясь поддержать ихъ въ ихъ энергіи“ относительно репрессивныхъ мѣръ противъ печати [1]). Тургеневъ, лично и неоднократно задѣваемый недружелюбными и несправедливыми нападками „Современника“, пишетъ черезъ два года послѣ своего выхода изъ журнала по поводу его пріостановки: „Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи „Современника“ . . . Мнѣ кажется, Головнинъ поторопился“ [2]).

Тонкій и вѣрный вкусъ В. П. Боткина сказался въ оцѣнкѣ произведеній Тургенева съ самаго начала литературной дѣятельности Ивана Сергѣевича. Замѣчательно, что Василій Петровичъ до конца жизни былъ въ числѣ очень немногихъ изъ друзей Тургенева, сумѣвшихъ сдѣлать надлежащую и разностороннюю оцѣнку его наиболѣе крупныхъ произведеній. Только Анненковъ и Боткинъ стали въ этомъ отношеніи выше современниковъ и отнеслись безъ предвзятыхъ взглядовъ къ его, такъ сказать, боевымъ романамъ, несмотря на то, что Василій Петровичъ, напримѣръ, судилъ ихъ прежде всего съ эстетической точки зрѣнія. „Какая прелесть „Записки Охотника“, — писалъ Боткинъ Анненкову 12-го окт. 1847 г.: „Пѣночкинъ“ (т. е. разсказъ „Бурмистръ“) и „Контора“, помѣщенныя въ 10-мъ номерѣ „Современника“. Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ, бывало, разсматривалъ золотыя работы Челлини“ [3]). Въ февралѣ 1848 года онъ писалъ тому же Анненкову: „Записки Охотника“ Тургенева доставили мнѣ истинное наслажденіе, и въ этомъ отношеніи я совершенно расхожусь съ мнѣніемъ Бѣлинскаго. Каждый изъ разсказовъ прекрасенъ по-своему, и я въ затрудненіи, которому изъ нихъ отдать преимущество. Больше

1) Фетъ. „Мои воспоминанія“, II, 82.

2) „Вѣстникъ Европы“ 1887 г., янв., стр. 8. А. В. Головнинъ министръ народнаго просвѣщенія, главный начальникъ цензуры.

3) Челлини (1500—1571 г.) — знаменитый итальянскій золотыхъ дѣлъ мастеръ эпохи возрожденія; пользуется славой первоклассмаго художника.

всего восхищаетъ меня въ нихъ артистичность рисунка, поэтическое чувство природы и, что̀ важно, русской природы и тонкая наблюдательность". Сдержаннѣе отзывы Боткина о драматическихъ произведеніяхъ Ивана Сергѣевича: „Нахлѣбникъ" Тургенева очень хорошъ, хотя основной мотивъ и не совсѣмъ идетъ къ русской жизни. На сценѣ эта пьеса произвела бы фуроръ, и Щепкинъ былъ бы превосходенъ", писалъ онъ 10-го марта 1849 г. О „Провинціалкѣ" отзывался Василій Петровичъ, какъ о вещицѣ „недурной и граціозной" [1]. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Тургеневу (1852 г.), онъ, сообщивъ Ивану Сергѣевичу слова Гоголя, высказанныя за два мѣсяца до смерти послѣдняго, что „во всей теперешней литературѣ больше всѣхъ таланта у Тургенева", прибавляетъ: „Меня этотъ отзывъ такъ обрадовалъ, что я не могу тотчасъ же не сообщить его тебѣ. Я совершенно согласенъ съ этимъ. Только ты больно лѣнивъ и неусидчивъ у меня — вотъ что плохо. Я знаю, что „Свои люди" Островскаго великолѣпная вещь, а все-таки сочности и таланта, поэтическаго таланта, въ тебѣ больше. Только, можетъ быть, не для театра" [2]. Черезъ годъ, въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу отъ 18-го іюля (1853 г.), онъ, между прочимъ, такъ характеризуетъ манеру творчества своего друга: ея „отличительную черту составляетъ тонкій артистическій юморъ, который безпрестанно задѣваетъ читателя то оригинальною метафорой, то неожиданнымъ сравненіемъ, то поэтическимъ, быстро мелькающимъ взглядомъ (и тѣмъ оно дороже!) и постоянно держитъ умъ его en éveil" [3].

Но на-ряду съ похвалами творчеству Тургенева въ отзывахъ Василія Петровича около половины 50-хъ годовъ начинаетъ встрѣчаться и нѣкоторое недовольство: онъ сталъ считать талантъ Ивана Сергѣевича способнымъ дать больше, чѣмъ онъ давалъ до сихъ поръ. Незадолго до появленія „Рудина" Боткинъ писалъ Дружинину (4-го сент. 1855 г.): „Это правда, что Тургенева сбилъ съ толку Гоголь, и мнѣ всегда казалось, что направленіе, избранное Тургеневымъ,

---

1) „Анненковъ и его друзья", стр. 553, 554, 556 и 565.
2) „Перв. собр. пис.", 19.
3) „Русск. Обозрѣн.", 1894 г., № 10-й, стр. 494.

не соотвѣтствуетъ вовсе его таланту. Въ томъ-то и бѣда, что Тургеневу не достаетъ пока самости и смѣлости — этихъ всегдашнихъ признаковъ большихъ талантовъ. Самъ онъ несравненно выше и лучше всего, что до сихъ поръ онъ написалъ". Двадцать четвертаго того же сентября Василій Петровичъ сообщалъ Дружинину изъ Москвы: „Съ нетерпѣніемъ жду сюда Тургенева и его повѣсть (рѣчь идетъ о „Рудинѣ", законченномъ вчернѣ 24-го іюля), въ которой, я почему-то надѣюсь, онъ гораздо болѣе приблизится къ самому себѣ, нежели въ прежнихъ своихъ повѣстяхъ" [1]). Надежда не обманула Боткина. Появленіе серіи романовъ Ивана Сергѣевича, открывшихъ новый періодъ въ его творчествѣ, окончательно поставило Тургенева въ глазахъ его друга на первое мѣсто среди современныхъ писателей. Къ сожалѣнію, пока еще неизвѣстны подробные отзывы Василія Петровича о „Рудинѣ" и „Дворянскомъ гнѣздѣ", но „Наканунѣ" вызвало такія строки въ письмѣ Боткина къ Фету отъ 20-го марта 1860 года: „Несмотря на всѣ недоразумѣнія, „Наканунѣ" я прочелъ съ наслажденіемъ. Я не знаю, есть-ли въ какой повѣсти Тургенева столько поэтическихъ подробностей, сколько ихъ разсыпано въ этой. Словно онъ самъ чувствовалъ небрежность основныхъ линій зданія и, чтобы скрыть эту небрежность, а можетъ быть и неопредѣленность фундаментальныхъ линій, онъ обогатилъ ихъ превосходнѣйшими деталями, какъ иногда дѣлали строители готическихъ церквей. Для меня эти поэтическія, истинно художественныя подробности заставляютъ забывать о неясности цѣлаго. Какіе озаряющіе предметы эпитеты, да, солнечные эпитеты, неожиданные, вдругъ раскрывающіе внутреннія перспективы предметовъ. Правда, что несчастный болгаръ рѣшительно не удался: всепоглощающая любовь его къ родинѣ такъ слабо очерчена, что не возбуждаетъ ни малѣйшаго участія, а вслѣдствіе этого и любовь къ нему Елены болѣе удивляетъ, нежели трогаетъ. Успѣха въ публикѣ эта повѣсть имѣть не можетъ, ибо публика вообще читаетъ по-утиному и любитъ глотать

---

1) „XXV лѣтъ". „Сборникъ Общества для пособія нуждающ. литер. и учен.".

цѣликомъ. Но я думаю, едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ съ поэтическимъ чувствомъ, который не проститъ повѣсти всѣ ея математическіе недостатки, за тѣ сладкія ощущенія, которыя пробудятъ въ душѣ его ея нѣжныя, тонкія и граціозныя детали. Да, я заранѣе согласенъ со всѣмъ, что можно сказать о недостаткахъ этой повѣсти, и, все-таки, я считаю ее прелестною. Правда, что она не тронетъ, не заставитъ задуматься, но она повѣетъ ароматомъ лучшихъ цвѣтовъ жизни"[1]).

Судя по воспоминаніямъ Щербаня[2]), одного изъ сотрудниковъ Каткова и посредника между послѣднимъ и Тургеневымъ въ дѣлѣ печатанія „Отцовъ и дѣтей", Боткинъ былъ въ положительномъ восхищеніи отъ этого романа. Самъ Тургеневъ писалъ К. К. Случевскому $^{14}/_{26}$-го апрѣля 1862 года: „До сихъ поръ Базарова совершенно поняли, то-есть поняли мои намѣренія, только два лица: Достоевскій и Боткинъ"[3]). Василій Петровичъ боялся лишь одного, слѣдя за окончательной отдѣлкой „Отцовъ и дѣтей" — излишней какъ-бы придирчивости Тургенева къ частностямъ романа, выражавшейся въ безконечныхъ, по его мнѣнію, поправкахъ.

— „Залижешь, Иванъ Сергѣевичъ, — говорилъ онъ, — залижешь!

— Нѣтъ, такъ лучше, — доказывалъ Тургеневъ, — ты пойми: Базаровъ въ бреду. Не просто „собаки" могутъ ему мерещиться, а именно „красныя", потому что мозгъ у него воспаленъ приливомъ крови".

Впрочемъ, боязнь Боткина была слишкомъ преувеличена. При внимательномъ чтеніи романа, мы замѣтимъ лишь два пятнышка, которыя могли произойти отъ поправокъ, посланныхъ, такъ-сказать, въ догонку сданному уже въ печать произведенію и потому не согласованныхъ по торопливости съ другими частностями романа. Описывая первый визитъ Базарова къ Одинцовой (гл. XV), Тургеневъ говоритъ, между прочимъ, о „свѣтѣ весенняго солнца", тогда какъ свиданіе это происходило во второй половинѣ

1) Фетъ. „Мои воспомин.", I, 323.
2) „Русск. Вѣстн.", 1890 г., кн. VII.
3) „Перв. собр. пис.", 107.

іюня. Катѣ, сестрѣ Одинцовой, въ XVI гл., авторъ указываетъ 18-ть лѣтъ, а изъ данныхъ, приводимыхъ имъ раньше, ей долженъ былъ тогда идти 21-й годъ[1]). У Шекспира встрѣчаются нерѣдко гораздо болѣе грубые промахи въ этомъ родѣ, и, конечно, художникамъ, ищущимъ психологической правды, нельзя ставить въ вину нѣкоторыя фактическія несообразности. Но Тургеневъ былъ въ высокой степени требователенъ къ себѣ въ этомъ отношеніи, почему указанные недочеты могутъ быть объяснены у него лишь обиліемъ поправокъ, отъ которыхъ старался удерживать его Боткинъ.

Наконецъ, послѣднее крупное произведеніе Тургенева, появившееся при жизни Василія Петровича — „Дымъ", вызвало такой отзывъ со стороны Боткина: „Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть. Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на „Призраки" или „Собаку". Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками" [2]).

Какъ извѣстно, послѣ выхода въ свѣтъ „Отцовъ и дѣтей", въ творчествѣ Ивана Сергѣевича наступилъ долгій перерывъ. „Призраки", „Довольно" и разсказъ „Собака" на протяженіи четырехъ лѣтъ очень мало, конечно, заполняютъ этотъ пробѣлъ въ дѣятельности Тургенева, тѣмъ болѣе, что первыя два произведенія были начаты еще раньше появленія „Отцовъ и дѣтей". Боткинъ не могъ не обратить вниманія на продолжительное молчаніе и объяснялъ его тѣмъ, что Тургеневъ „не пришелъ еще ни къ какому опредѣленному міровоззрѣнію (т. е. послѣ бури, поднятой знаменитымъ романомъ) и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодого поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?" [3]). Это вѣрно, что шумный и враждебный походъ на Тургенева, предпринятый молодымъ поколѣніемъ 60-хъ годовъ съ „Со-

---

1) См. стр. 76, 80 и 85 тома II-го, по изданію „Нивы".
2) Письмо къ Фету отъ 14-го марта 1867 г. „Мои воспом." II, 115.
3) Письмо къ Фету отъ 9-го іюня 1866 г. „Мои воспомин.", II, 91.

временникомъ“ во главѣ, заставилъ замолкнуть на нѣкоторое время Ивана Сергѣевича; правда и то, что авторъ „Отцовъ и дѣтей“ былъ огорченъ въ тѣ годы потерей вниманія со стороны молодежи. Но Боткинъ не могъ понять того, что Тургеневъ дорожилъ мнѣніемъ молодыхъ читателей не ради сохраненія или исканія популярности, а ради торжества тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ неизмѣнно служилъ. Онъ по самой натурѣ своей не могъ отнестись съ презрѣніемъ даже къ той аудиторіи, въ средѣ которой громче, чѣмъ слѣдуетъ, раздавался „судъ глупца и смѣхъ толпы холодной“. Вотъ почему Иванъ Сергѣевичъ высказывался, что „мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить“, и на закатѣ дней своихъ съ искренней радостью признался въ знаменитомъ письмѣ къ Иногородному Обывателю: „Тѣ оваціи (молодежи), о которыхъ упоминаетъ г. Иногородный Обыватель, мнѣ были пріятны и дороги именно потому, что не я шелъ къ молодому поколѣнію, нерасположеніе котораго я весьма философически переносилъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ (со времени появленія „Отцовъ и дѣтей“), но потому, что оно шло ко мнѣ, онѣ были мнѣ дороги, эти оваціи, какъ доказательство проявившагося сочувствія къ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ я всегда былъ вѣренъ и которыя громко высказывалъ въ самыхъ рѣчахъ моихъ, обращенныхъ къ людямъ, которымъ угодно было меня чествовать“.

Что касается личныхъ отношеній между Тургеневымъ и Боткинымъ, то таковыя завязались еще въ кружкѣ Бѣлинскаго, память о которомъ была одинаково священна для нихъ обоихъ, и быстро приняли характеръ весьма дружескій. Только съ начала 60-хъ годовъ наступаетъ замѣтное охлажденіе между пріятелями, и они постепенно начинаютъ даже избѣгать другъ друга. Не то было въ предшествующее десятилѣтіе. Такъ, почти весь май 1855 года Боткинъ провелъ у Тургенева въ Спасскомъ, цѣлую зиму 1857—58 гг. проводятъ они неразлучно въ Италіи, а зиму 1861—62 гг. въ Парижѣ. Щербань, часто встрѣчавшій ихъ тогда вмѣстѣ, говоритъ, что Боткинъ относился къ малопрактичному Тургеневу совсѣмъ какъ нянюшка, простирая заботы свои о немъ до мелочей. Самъ Иванъ Сергѣевичъ оставилъ намъ не мало свидѣтельствъ тому; такъ, въ письмѣ изъ Парижа,

отъ 22-го мая 1860 года, Тургеневъ пишетъ, напр., Анненкову: „Боткинъ, зайдя ко мнѣ, чуть не прибилъ моего портного за то, что онъ хочетъ мнѣ сдѣлать пиджакъ съ тальею; портной трепетно извинялся, а Василій Петровичъ with a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur (вѣдь это низость, государь мой)“ [1]). Еще раньше Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ такой эпизодъ: „Сошлись мы съ нимъ (Боткинымъ) за обѣдомъ въ большомъ Берлинскомъ отелѣ (1858 г.). Заговоривши съ сидѣвшимъ противъ меня гостемъ, я упомянулъ о необычайномъ приростѣ городского населенія и замѣтилъ, что давно-ли мы учили по географіи, что въ Берлинѣ 400,000, а вотъ ихъ уже 700 тысячъ. Это нѣсколько преувеличено, — сказалъ мой собесѣдникъ, — такъ какъ ихъ всего неполныхъ 600,000. При этомъ возражающій ссылался на то, что ему, какъ здѣшнему жителю, это должно быть хорошо извѣстно. Я не уступалъ, и завязалось пари на два золотыхъ, которое нѣмецъ взялся немедля разрѣшить, сходивши въ своей номеръ за гидомъ. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, Боткинъ, сидѣвшій рядомъ со мною, излилъ на меня всю желчь, вѣроятно, возбужденную въ немъ необычнымъ эпизодомъ во время методическаго трапезованія.

— Вотъ это чисто русское, растрепанное многознайство! Вотъ такъ-то мы по всему свѣту развозимъ свое невѣжество! Мнѣ стыдно подлѣ тебя сидѣть. Нашелъ, съ кѣмъ спорить! Съ туземцемъ! Я очень радъ, что онъ тебя оштрафуетъ за твое позорное русское хвастовство.

Я уткнулся носомъ въ тарелку и замеръ подъ его безпощадными упреками. Вдругъ чувствую руку на своемъ правомъ плечѣ, и споришій со мною нѣмецъ, шепнувши мнѣ на ухо: „извините, я проигралъ“, положилъ около моей тарелки два наполеона.

— Кельнеръ, — сказалъ я, — бутылку шампанскаго!

Надо было видѣть сладчайшій медъ, которымъ мгновенно засіяло лицо Боткина.

---

1) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр., 467.

— Молодецъ, молодецъ! — воскликнулъ онъ, гладя меня по правому рукаву" [1]).

Тургеневъ, впрочемъ, не сердился на непрошенную опеку и часто надъ ней подтрунивалъ. „Что ты мнѣ за дядька дался!" говаривалъ онъ Василію Петровичу, когда тотъ слишкомъ выказывалъ свою заботливость. Боткину, котораго Иванъ Сергѣевичъ любилъ величать въ шутку то „дономъ Базиліемъ", то „старцемъ Василіемъ", или „нововявленнымъ исповѣдникомъ", больно, однако, доставалось отъ Тургенева за его эпикуреизмъ, раздражительность и капризность. Еще въ 50-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ напалъ на эти его недостатки въ одной эпиграммѣ, — пародіи на Пушкинскаго „Анчара", заканчивавшейся слѣдующимъ куплетомъ:

„Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Панаевъ сдуру набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится" [2]).

Къ сожалѣнію, эпикуреизмъ Боткина съ годами лишь развивался, и прежнія, добродушныя насмѣшки Ивана Сергѣевича надъ его аппетитомъ, надъ тѣмъ, что онъ „ѣстъ гигантски", что Василій Петровичъ заставляетъ его, Тургенева, „объѣдаться до глупости", эти шутливыя замѣчанія постепенно стали вытѣсняться другими. Уже изъ совмѣстной поѣздки въ Римъ (1857 г.) Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову: „Боткинъ здоровъ, я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность — эпикуреецъ въ немъ то и дѣло пищитъ и киснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ" [3]). А въ февралѣ 1861 года изъ Парижа онъ сообщаетъ тому же Анненкову: „Боткину немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но если

1) Фетъ. „Мои воспомин.", I, 250.
2) Воспом. Полонскаго. „Нива", 1884 г., стр. 87.
3) „Вѣстн. Евр." 1885 г., мартъ, стр. 11.

бы вы знали, какъ безобразно грубо выступилъ въ немъ эгоистъ, это даже поразительно! Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, укрощаемый одною только любовью“ 1). „Коли Боткина не будетъ въ Петербургѣ“, пишетъ Тургеневъ упомянутому корреспонденту $^{13}/_{25}$-го апрѣля 1868 года: „я на его квартирѣ остановлюсь, а то ужъ въ прошломъ году отзывало отъ него трупомъ, да еще ядовитымъ“ 2). Если дѣло не дошло до полнаго разрыва между прежними друзьями, то причиной этого была не столько давность связей между ними, сколько снисходительность Ивана Сергѣевича къ Боткину, какъ къ неудачнику. Одинъ Тургеневъ видѣлъ въ немъ въ сущности горемыку, что̀ и высказалъ, между прочимъ, въ одномъ изъ писемъ къ Анненкову изъ Бадена (2-го іюня (ст. ст.) 1864 г.): „Боткинъ здѣсь замиралъ и таялъ отъ нѣги, что̀ не помѣшало ему съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовъ отправиться къ Фету, у котораго онъ выстроилъ флигель, стоившій ему 1,500 рублей сер.! Вотъ человѣкъ — осудилъ себя на добровольное мученичество! А впрочемъ, я думаю, его тоска гложетъ и гонитъ съ мѣста на мѣсто“ 3).

Узнавъ о смерти Василія Петровича, Тургеневъ такъ высказался въ письмѣ къ Анненкову: „Давно не исчезало съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью; это былъ своего рода талантъ; но неумолимая судьба не щадитъ и талантовъ. Товарищемъ меньше! Съ братьями своими и пр. онъ поступилъ хорошо, но наше бѣдное общество 4) осталось въ его глазахъ недостойнымъ козлищемъ. Удивительно ретроградные инстинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ московскомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любого прусскаго junker'а или николаевскаго генерала . . . Литература для него все-таки отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта. Миръ его

1) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., апр., 479.
2) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., февраль, стр. 495.
3) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., янв., стр. 25.
4) Литературный фондъ.

праху!“ [1]). Нѣсколько мягче отозвался о немъ Иванъ Сергѣевичъ въ письмѣ къ Фету: „Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ, а хоть и говорятъ, что „l'esprit court les rues“, но только не у насъ въ Россіи... Да, у насъ и улицъ мало“ [2])...

1) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., янв., стр. 28.
2) Фетъ. „Мои воспомин.“, II, 206.

XIV.

И. С. Тургеневъ и А. А. Фетъ.

Ни одно изъ близкихъ знакомствъ И. С. Тургенева, за исключеніемъ отношеній его къ гр. Л. Н. Толстому, не возбуждаетъ столько вопросовъ, какъ долголѣтняя его дружба съ А. А. Фетомъ (Шеншинымъ).

Жрецъ чистой поэзіи, враждебный всякому сознательному творчеству въ дѣлѣ искусства, съ одной стороны,— и глубокій наблюдатель общественной жизни, ея, такъ сказать, психологіи — съ другой; человѣкъ, сомнительно и недовѣрчиво относившійся къ либеральнымъ реформамъ царствованія императора Александра II, и — въ противоположность ему — писатель, горячо „способствовавшій высокимъ предначертаніямъ“ своего государя, какъ выразился Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Царю-Освободителю. Что̀, казалось бы, могло соединять ихъ? Откуда взяться дружескимъ отношеніямъ между людьми, изъ которыхъ одинъ готовъ былъ радоваться, что своей настоящей родовой фамиліей (Шеншинъ) онъ не причастенъ литературѣ, а фигурируетъ въ ней лишь своей случайной фамиліей — Фетъ; другой же — такъ высоко ставилъ званіе литератора, что искренно скорбѣлъ о правительственныхъ карахъ, падавшихъ на органы печати, даже враждебно къ нему настроенные?

Какъ, наконецъ, объяснить взаимныя симпатіи двухъ нравственныхъ личностей, изъ которыхъ одна — полна безкорыстія самаго трогательнаго, а другая относилась къ

матеріальнымъ интересамъ — практически? Такіе вопросы невольно возникаютъ обыкновенно въ читателѣ при поверхностномъ, бѣгломъ знакомствѣ съ литературой воспоминаній и писемъ, относящихся къ знаменитому русскому романисту. Эти вопросы остаются не вполнѣ разрѣшенными и съ установленіемъ того факта, что Иванъ Сергѣевичъ впослѣдствіи все-таки разошелся съ Фетомъ. До разрыва съ Фетомъ дружба ихъ продолжалась 20 лѣтъ, съ 1853 по 1874 годъ.

Въ предисловіи къ своимъ „Воспоминаніямъ“ Фетъ спрашивалъ себя: „Когда послѣдняя грань такъ недалека, то при извѣстномъ духовномъ настроеніи самымъ главнымъ и настойчивымъ вопросомъ является: „что̀ же значитъ эта долголѣтняя жизнь?“ — и по отношенію къ себѣ даетъ такой отвѣтъ: „Только озирая обѣ половины моей жизни, можно убѣдиться, что въ первой судьба съ каждымъ шагомъ лишала меня послѣдовательно всего, что̀ казалось моимъ неотъемлемымъ достояніемъ. Въ воспроизводимой мною въ настоящее время половинѣ, излагаются, напротивъ, тѣ сокровенные пути, которыми судьбѣ угодно было самымъ настойчивымъ и неожиданнымъ образомъ привести меня не только къ обладанію утраченнымъ *именемъ*, но и связаннымъ съ нимъ *достояніемъ* до самыхъ изумительныхъ подробностей“.

Даже при поверхностномъ чтеніи записокъ Фета легко можно увидѣть, что „имя“ и „достояніе“ понимаются имъ лишь въ узко-сословномъ и матеріальномъ смыслѣ. Въ его воспоминаніяхъ довольно часто и совсѣмъ некстати, безъ всякаго отношенія къ нити разсказа или характеристикѣ выводимыхъ лицъ, встрѣчаются упоминанія различныхъ болѣе или менѣе чиновныхъ лицъ. Читатель найдетъ у него не мало страницъ, гдѣ въ приподнятомъ тонѣ, съ замѣтнымъ подчеркиваніемъ говорится, что вотъ такой-то членъ его семьи хорошо объяснялся по-французски, а такой-то выѣзжалъ четверикомъ въ типичномъ помѣщичьемъ экипажѣ и т. д. Какъ будто никому неизвѣстно, что въ крѣпостное время помѣщикъ даже средней руки легко могъ говорить не на одномъ французскомъ языкѣ и выѣзжать не въ однихъ старомодныхъ экипажахъ, а и въ дорогихъ заграничныхъ. Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ мы найдемъ не мало подроб-

ностей, рисующихъ всѣ перипетіи постепеннаго обогащенія автора и излагающихъ множество практическихъ совѣтовъ, какъ получше жить, обладая малыми средствами. Читая нѣкоторыя главы мемуаровъ Фета, можно подумать, что онѣ составлены на основаніи домашнихъ его приходо-расходныхъ книгъ: до такой степени онъ точно помнитъ всякій расходъ, начиная отъ двугривеннаго или отъ двухъ франковъ за границей, съ указаніемъ, когда и на что̀ именно они потрачены.

Вступая въ бракъ, Фетъ больше всего заботится, интересуется матеріальной стороной дѣла, съ любовью описывая свою новую карету, пару воейковскихъ вороныхъ лошадей и проч., — холодно и безучастно касаясь сердечной, такъ сказать, стороны дѣла. Болѣзненно развитое влеченіе къ аристократизму, если можно такъ выразиться, и къ обогащенію стало основнымъ мотивомъ въ жизни Фета недаромъ. По его собственному признанію, всю свою „сознательную жизнь съ 14-лѣтняго возраста“ онъ „промучился“ мыслью, что онъ — Фетъ, а не Шеншинъ, тогда какъ весь, цѣликомъ принадлежалъ по его мнѣнію къ послѣдней фамиліи. Мать его Шарлота Карловна, нѣмка еврейскаго происхожденія, дочь Дармштадтскаго кригсъ-комиссара Беккера, была увезена Аѳанасіемъ Неофитовичемъ Шеншинымъ отъ ея мужа Фета безъ развода ея съ послѣднимъ. Нашъ поэтъ родился 23 ноября 1820 года, черезъ два съ небольшимъ мѣсяца послѣ названнаго похищенія [1]). Ему часто и неловко напоминали странность появленія Фета въ семьѣ Шеншиныхъ; но какъ сюда замѣшался Фетъ и почему Фетъ родной братъ Шеншинымъ — никто не умѣлъ или не хотѣлъ объяснить. И это печалило и мучило нашего поэта въ теченіе 38-ми лѣтъ сознательной его жизни, пока онъ не испросилъ Высочайшаго соизволенія (1873 г.) на присвоеніе себѣ фамиліи Шеншина. Въ письмѣ, отъ 15-го января 1874 г., графъ Л. Толстой писалъ ему по поводу перемѣны фамиліи: „Я всегда замѣчалъ, что это (т.-е. фамилія „Фетъ“) мучило васъ, и хотя самъ не могъ понять,

1) „Русск. Стар.“, 1904 г., кн. 1, стр. 165—8.

чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь“. Стремленіе къ обогащенію, къ матеріальнымъ благамъ, принимало у Фета излишне острый характеръ въ силу подобныхъ же случайностей. Напримѣръ, его дядя П. Н. Шеншинъ, скоропостижно умеръ въ самый годъ окончанія курса своего племянника, не успѣвъ передать послѣднему ста тысячъ рублей, на которые Фетъ вполнѣ могъ разсчитывать, имѣя соотвѣтствующія устныя и письменныя увѣренія. Насколько подобныя неудачи вызывали излишнія заботы о деньгахъ — видимъ изъ письма даже столь доброжелательно относившагося къ нему гр. Л. Толстого (6-го апрѣля 1878 г.): „Хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марѳа печется о мнозѣмъ, тогда какъ единое есть на потребу“. У васъ такъ много привязанности къ житейскому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо“.

Случайно среди знакомыхъ Фета, строго избираемыхъ изъ людей хорошаго общества, оказались литераторы, — это благопріятно отозвалось на его талантѣ. Но онъ могъ сближаться съ Тургеневымъ, съ гр. Л. Толстымъ, и совершенно не понималъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ могъ быть знакомъ съ бывшимъ крѣпостнымъ крестьяниномъ — поэтомъ Шевченкой. Фетъ разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что, встрѣтивъ раза два „весьма неопрятную сѣрую смушковую шапку Шевченко“ на окнѣ Тургеневской квартиры въ Петербургѣ, онъ готовъ былъ признать, что Иванъ Сергѣевичъ „n'était pas un enfant de bonne maison.“ Встрѣчаясь у того же Тургенева съ Писемскимъ, Фетъ ничего на нашелъ сообщить объ этомъ писателѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ только то, что онъ, „плотно покушавши, дозволялъ себѣ громкую отрыжку“. Несмотря на эту неумѣстную брезгливость, Фетъ до начала 60-хъ годовъ все же принадлежалъ скорѣе къ прогрессивному лагерю русскихъ писателей, чѣмъ къ представителямъ узкаго консерватизма. Въ 50-хъ годахъ его представительная фигура въ гвардейской уланской формѣ нерѣдко появлялась въ кружкахъ наиболѣе богатыхъ литераторовъ: Тургенева, Панаева, гр. Кушелева-Безбородко, кн. Одоевскаго и другихъ. Съ этими литера-

турными дѣятелями сводилъ его главнымъ образомъ Тургеневъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго Фетъ находился въ то время. Иванъ Сергѣевичъ не давалъ проявляться одностороннимъ влеченіямъ своего друга, всячески сдерживалъ его, и Фетъ, подъ вліяніемъ искренняго участія Тургенева и къ его таланту, и къ его матеріальнымъ невзгодамъ въ то время, подъ обаяніемъ, наконецъ, привлекательной свѣтскости Ивана Сергѣевича, какъ бы стыдился идти въ разрѣзъ съ мнѣніями своего друга, какъ будто рѣшился таить свое про себя. „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“ платили хорошія деньги за стихотворенія Фета. Такъ Некрасовъ давалъ по 25 руб. за каждое стихотвореніе; Краевскій, за помѣщеніе въ своемъ журналѣ перевода одъ Горація, далъ Фету 1,000 руб. и 500 отдѣльныхъ оттисковъ. Уже этотъ одинъ фактъ обязывалъ нашего поэта къ сдержанности и осторожности.

Совсѣмъ не то сталъ проявлять Фетъ съ начала 60-хъ годовъ. Скрытые до сихъ поръ матеріальные и отчасти ретроградные инстинкты съ этого времени стали все сильнѣе и сильнѣе выбиваться наружу. Фетъ въ своихъ взглядахъ пересталъ стѣсняться; въ тонѣ его рѣчей появилась самоувѣренность; свои поступки онъ готовъ былъ рекомендовать какъ образцы житейской мудрости. Чтò благопріятствовало этому? Женившись въ 1857 г. на дѣвушкѣ изъ состоятельной купеческой семьи Боткиныхъ, Фетъ этимъ самымъ положилъ начало своему постепенному обогащенію. Ставъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ сказать, на свои ноги, онъ пересталъ нуждаться въ связяхъ съ литературными кружками, оказывавшими ему иногда довольно сильную денежную поддержку. Несмотря на то, что слава его, какъ поэта, достигла къ тому времени наибольшей высоты,—чтò въ свою очередь не могло не вліять на развитіе въ немъ извѣстной самоувѣренности, — несмотря на это, повторяемъ, въ литературной дѣятельности его скоро наступаетъ перерывъ. До 1877 г. онъ почти ничего не пишетъ, погруженный въ чисто практическія дѣла по сельскому хозяйству и по должности мирового судьи. На пробужденіе одностороннихъ симпатій у Фета не мало вліялъ и Василій Боткинъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Родственная связь его съ Фетомъ, перешед-

шая и въ тѣсныя дружескія отношенія, сильно содѣйствовала развитію узкаго консерватизма и матеріальныхъ влеченій нашего поэта. Сдерживающее вліяніе Тургенева исчезло послѣ того, какъ Фетъ неловко и неделикатно вмѣшался (1866 г.) въ распрю Ивана Сергѣевича съ его дядей — управляющимъ [1]). Сближеніе Фета съ Катковымъ съ начала 70-хъ годовъ довершило дѣло. Какъ нарочно, изъ писателей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ и другихъ теченій, онъ въ серединѣ 60-хъ годовъ близко сошелся съ гр. Л. Толстымъ, который очень симпатично относился къ Фету. „Вы человѣкъ“, писалъ ему гр. Толстой 7-го ноября 1866 г.: „котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ *единаго* будетъ сытъ человѣкъ“. Въ другомъ письмѣ, отъ 27-го іюня 1867 г., онъ писалъ Фету по поводу Тургеневскаго „Дыма“, ему совсѣмъ не понравившагося: „Еще одинъ кончилъ (т.-е. Тургеневъ). Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ то же думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды — силы. Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ и, ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса“. Приведенныя строки тѣмъ большее имѣютъ значеніе, что написаны въ виду начавшагося перерыва въ литературной дѣятельности Фета. Тѣ же похвалы раздавались много и позднѣе. Въ письмѣ отъ 29-го апрѣля 1876 г., гр. Толстой называетъ, напр., Фета „рѣдкимъ, *настоящимъ* человѣкомъ“.

Чтобы лучше уяснить себѣ послѣ всего вышеизложеннаго причину искренняго и продолжительнаго расположенія Тургенева къ Фету, необходимо коснуться еще одной особенности въ характерѣ послѣдняго. Авторъ „Войны и Мира“ высказалъ какъ-то разъ Фету: „Есть люди, которые на

---

1) См. выше, стр. 210 и слѣд.

словахъ живутъ гораздо выше своей практической морали; но есть и такіе, которые живутъ ниже этого уровня; вы же до такой степени боитесь, чтобы проповѣдь ваша не была выше вашей практики, что вы преднамѣренно заноситесь съ нею гораздо ниже этого уровня". Даже въ самой манерѣ воспроизведенія прошлаго въ „Воспоминаніяхъ" Фета проскальзываетъ это не то невольное, не то предумышленное стремленіе, которое заставляетъ въ концѣ концовъ думать о человѣкѣ гораздо лучше, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Это своего рода заигрываніе облекалось иногда въ чрезмѣрно наивныя формы, въ претензію выставить себя чуть ли не невиннымъ мальчикомъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ нему Тургенева (26-го февраля 1872 г.) читаемъ: „Прочтя ваше изумительное изреченіе, что „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ", — я воспылалъ лирическимъ паѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

Рѣшено! Ура! Виватъ!
Я—Шешковскій; Фетъ—Маратъ!
Я—презрѣнный вольтерьянецъ . . .
Фетъ—возвышенный спартанецъ!
Я—буржуй и доктринеръ;
Фетъ—ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста . . .
И вся прелесть юмориста!"

Какъ бы то ни было, но подобная черта въ характерѣ Фета, его будто-бы преднамѣренное стремленіе развѣнчать свои достоинства на словахъ или высказать по поводу этихъ достоинствъ наивность, въ родѣ шутливо воспѣтой Тургеневымъ, долго держала въ заблужденіи людей дѣйствительно простыхъ и чистыхъ душой, какими были его друзья: Тургеневъ и умный, глубоко симпатичный братъ романиста — гр. Н. Н. Толстой, рано умершій отъ чахотки. Послѣдній, напр., усердно уговаривалъ Фета „окунуться съ головой въ практичность" [1]), находя въ немъ недостатокъ послѣдней.

1) „Воспоминанія" Фета. I, 333.

Чтò тутъ сказать: Фетъ и непрактичность! Впрочемъ, и Тургеневъ, такой же мало-практичный человѣкъ, какъ и гр. Н. Н. Толстой, долго былъ того же мнѣнія, даже шелъ дальше, — воображалъ, что онъ, И. С. Тургеневъ, практичнѣе Фета. Вотъ какъ онъ, напр., описывалъ Анненкову этотъ мнимый недостатокъ Фета по поводу перевода денегъ Ивану Сергѣевичу за границу (19-го ноября 1863 г.):

„Любезный П. В., плачевная исторія съ моими деньгами разыгралась, наконецъ, хотя не безъ значительнаго ущерба моимъ бокамъ. А именно: лирическій поэтъ Фетъ, получивъ деньги отъ моего дяди (3,500 р.), долгое время не посылалъ ихъ, все размышляя, какъ бы получше доставить ихъ въ Баденъ — такъ какъ *прямо* на Баденъ банкировъ нѣтъ (это историческое изреченіе принадлежитъ глубокомысленной конторѣ Боткиныхъ въ Москвѣ). Дѣйствительно, на Баденъ нѣтъ банкировъ, но въ Баденѣ есть ихъ цѣлая дюжина, которая съ жадностью караулитъ каждый вексель, будь онъ на Вальпарайзо, не только на Парижъ. Въ разсужденіяхъ своихъ, доходившихъ до Гордіева узла и до Сезостриса (собственныя слова его письма, которое я вамъ покажу), онъ остановился-было на Франкфуртѣ . . . но тамъ флорины . . . это, молъ, Тургеневу можетъ быть непріятно . . . (ей Богу!). Такъ проходили дни — я изнывалъ, а въ Петербургѣ курсъ возьми да лопни. Тогда лирическій поэтъ Фетъ, совершенно потерявъ голову, бросился къ какому-то банкиру — по имени Воганъ или Вогау (на обоихъ векселяхъ написано разно) — и, павъ ему въ ноги, умолилъ его взять 100 рублей въ 350 франковъ (такой курсъ не былъ и въ крымскую войну!), на чтò тотъ согласился, такъ какъ въ то самое мгновеніе Ахенбахъ и другіе банкиры давали по 367-ми, и послалъ мнѣ деньги à trois mois de date, назвавъ меня при томъ Фюргюхеневымъ (m-r Furguheneff). Результатомъ всѣхъ этихъ Сезострисовыхъ соображеній была чистая потеря. Все это было бы смѣшно, когда бы не стоило денегъ. Впередъ наука — не поручать денежныхъ дѣлъ лирическимъ поэтамъ“ . . .

Бѣдный поэтъ, принужденный возиться съ презрѣннымъ металломъ! — подумаешь вмѣстѣ съ Тургеневымъ. А въ дѣйствительности вся бѣда вышла изъ-за непроститель-

ной небрежности Фета, какъ это обнаруживается изъ его „Воспоминаній“. Другое дѣло В. П. Боткинъ; этотъ, самъ весьма практичный и осторожный въ денежныхъ дѣлахъ человѣкъ, легко разбиралъ эти качества въ другихъ: Тургенева онъ иной разъ отъ души, до цинизма готовъ былъ презирать за его непрактичность, и безпрестанно, въ письмахъ своихъ къ Фету, восхвалялъ „практическій смыслъ“ послѣдняго. Гр. Л. Толстой, кажется, до самаго 1878 года не замѣчалъ матеріализма Фета, поддаваясь мнимому старанію поэта развѣнчать свои достоинства въ своихъ „проповѣдяхъ“. Мало того, въ практичности Фета онъ готовъ былъ видѣть даже нѣчто поэтическое: восхваляя, напр., одно изъ присланныхъ ему стихотвореній, гр. Толстой писалъ, между прочимъ, Фету (7-го декабря 1876 г.): „Хорошо тоже, что на томъ же листкѣ, на которомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керосинъ сталъ стоить 12 копѣекъ. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта“.

Но главная причина продолжительной дружбы Ивана Сергѣевича съ Фетомъ заключалась не въ томъ обманчивомъ впечатлѣніи, о которомъ мы говорили выше, а въ поэтическомъ талантѣ послѣдняго, все-же довольно высоко цѣнимомъ Тургеневымъ. „Фетъ — дѣйствительно поэтъ, въ настоящемъ смыслѣ слова; но ему недостаетъ нѣчто весьма важное, — а именно такое же тонкое и вѣрное чутье внутренняго человѣка, его душевной сути, каковымъ онъ обладаетъ въ отношеніи природы и внѣшнихъ формъ человѣческой жизни. Тутъ не только Шиллеръ и Байронъ, но даже Я. Полонскій побиваетъ его впухъ и впрахъ. Быть тронутымъ или потрясеннымъ черезъ посредство какого бы то ни было произведенія Фетовой музы такъ же невозможно, какъ ходить по потолку. И потому, при всей его даровитости, его слѣдуетъ отнести къ dii minorum gentium. Ужъ и это не шутка: черезъ сто лѣтъ будутъ помнить около 20 красивыхъ его стихотвореній — чего же больше. Но пусть онъ себя не повторяетъ болѣе, какъ онъ это дѣлаетъ вотъ уже 10-й годъ“. Такъ писалъ Иванъ Сергѣевичъ 10 (22) марта 1872 года самому Фету[1]).

1) „Сѣверн. Цвѣты“, альманахъ 1902 г., стр. 189.

Любовь и уваженіе ко всякому литературному таланту сказывались у Тургенева прежде всего въ стремленіи возможно сильнѣе распространить въ публикѣ произведенія любимаго автора, затѣмъ въ возможномъ поощреніи, возбужденіи послѣдняго къ творчеству и, наконецъ, въ стараніи очистить произведенія этого автора отъ недостатковъ безпристрастнымъ и внимательнымъ разборомъ ихъ. Первое, т.-е. возможно широкое ознакомленіе образованнаго общества съ произведеніями того или другого изъ любимыхъ авторовъ, удавалось Ивану Сергѣевичу чаще всего. Благодаря его стараніямъ, появились въ печати стихотворенія Тютчева; благодаря его усиленнымъ рекомендаціямъ, обратилъ на себя вниманіе западной Европы гр. Л. Толстой и другіе его современники. Поощрять, возбуждать къ дѣятельности Тургеневу удавалось сравнительно рѣже, но и тутъ можно указать на такіе блестящіе примѣры, какъ на „Семейную хронику“ С. Аксакова, „Былое и думы“ Герцена; эти мемуары едва ли бы доведены были до конца безъ горячихъ поощреній и просьбъ со стороны Тургенева. Не всякій могъ выслушивать спокойно подробный и безпристрастный разборъ своихъ произведеній, и въ области дружественной критики Тургеневу везло меньше всего. Несмотря на значительную свою самоувѣренность, Фетъ допускалъ критическое отношеніе къ своимъ произведеніямъ, и Тургеневъ могъ проявлять свои симпатіи и уваженіе къ таланту Фета и въ этой области.

Съ первыхъ дней знакомства съ поэтомъ (іюнь 1853 г.), Тургеневъ проявилъ горячій интересъ къ его произведеніямъ, конечно, раньше еще ему извѣстнымъ. Въ то лѣто новые знакомые особенно много толковали и спорили о переводѣ Горація, предпринятомъ Фетомъ. Иванъ Сергѣевичъ, прекрасно знакомый съ латинскимъ языкомъ и римской литературой, въ общемъ одобрялъ переводъ, но нападалъ на устарѣлыя слова, употребляемыя Фетомъ, въ родѣ „перси“; особенно же доставалось Фету за такія выдумки, какъ „завой“ (завитокъ), „уха̀ніе“ (запахъ) и т. д. Иванъ Сергѣевичъ всячески старался ему доказать, что „уха̀ніе“ такъ же дико для слуха, какъ, напр., „получіе“ (отъ благополучія)[1]).

---

1) См. переписку Тургенева съ Аксаковыми.

Провѣривъ изъ строки въ строку переводъ Горація, Тургеневъ всячески заботился о появленіи его въ печати. Такъ какъ къ серединѣ 50-хъ годовъ стихотворенія Фета, изданныя въ Москвѣ въ 1850 году, разошлись до послѣдняго экземпляра, Иванъ Сергѣевичъ сталъ настаивать на новомъ собраніи его стихотвореній. Онъ взялся за редакцію, пригласилъ къ себѣ въ сотрудники весь тогдашній литературный ареопагъ, и, благодая такому дружному содѣйствію, въ 1856 году была вновь издана въ Петербургѣ книга стихотвореній Фета. „Почти каждую недѣлю стали приходить ко мнѣ (въ полкъ) письма съ подчеркнутыми стихами и требованіями ихъ исправленія“, — писалъ Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Тамъ, гдѣ я несогласенъ былъ съ желаемыми исправленіями, я ревностно отстаивалъ свой текстъ, но по пословицѣ: „одинъ въ полѣ не воинъ“, — вынужденъ былъ соглашаться съ большинствомъ, и изданіе изъ-подъ редакціи Тургенева вышло настолько же очищеннымъ, насколько и *изувѣченнымъ*“. Послѣднее замѣчаніе Фета остается вполнѣ голословнымъ, особенно послѣ споровъ о такихъ словахъ, какъ „уханіе“, „завой“ и т. д. Фетъ не приводитъ ни одного примѣра, гдѣ бы измѣненія въ его текстѣ портили, по его мнѣнію, то или другое стихотвореніе. Правда, онъ пробуетъ подтвердить свое мнѣніе ссылкой на тотъ, напр., фактъ, что многіе литераторы того времени невѣрно понимали его стихотвореніе:

„О, не зови! Страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ“ . . .

Но какъ разъ изъ этой ссылки Фета, изъ его словъ видно, что замѣчаніе это совсѣмъ не могло относиться къ Тургеневу. Да и помимо того, невѣрное объясненіе этого стихотворенія не повлекло же за собой попытку его „изувѣчить“.

Въ подтвержденіе же того факта, что Тургеневъ дѣйствительно много способствовалъ очищенію и выправленію произведеній Фета, мы найдемъ въ „Воспоминаніяхъ“ послѣдняго не мало данныхъ. 27-го декабря 1858 года,

Иванъ Сергѣевичъ писалъ, напр., Фету: „Я выправилъ ваши стихи, любезнѣйшій другъ (изъ Шенье), но пускай меня „на площади трехвостникомъ дерутъ“ — не могу признать хорошими стиховъ вродѣ:

Иль тотъ, кто зародясь плѣнять богинь собою
Изъ нѣдра Мирры шелъ, одѣтаго корою,

и предлагаю уже кстати прибавить къ нимъ слѣдующіе два въ томъ же родѣ:

Въ чей, пріосанясь зракъ, — видъ устъ принявъ живой,
Прелестницъ, — взоръ полнъ нѣгъ — игривъ вперяетъ рой“.

Или, напримѣръ, въ письмѣ своемъ, отъ 25-го января 1864 года, онъ настаиваетъ, чтобы въ стихотвореніи Фета на смерть Дружинина былъ исправленъ стихъ:

„Ты чистымъ донесенъ въ могилу“,

такъ какъ доносятъ *до*, а не *въ*. И въ позднѣйшихъ изданіяхъ мы читаемъ этотъ стихъ уже такъ:

„Ты чистымъ унесенъ въ могилу“.

Точно такъ же Фетъ исправилъ стихотвореніе „Когда такъ нѣжно расточала“, послѣ того какъ получилъ отъ Ивана Сергѣевича такой отзывъ (25 мар. ст. ст. 1866 года): „Изъ двухъ присланныхъ стихотвореній одно (напечатанное) „Къ Тютчеву“ прекрасно, отъ него вѣетъ старымъ или, лучше сказать, молодымъ Фетомъ. Другое [1]) неудовлетворительно. „Почему? — спросите вы. — Критикъ, отдай отчетъ въ твоемъ чувствѣ“. Извольте — отдаю. Во-первыхъ, оно напоминаетъ тономъ и даже нѣкоторыми подробностями два стихотворенія Пушкина и Тютчева, которыя оба гораздо лучше его: „Я помню чудное мгновенье“ и „Какъ ночью на небѣ звѣзда“. Во-вторыхъ, что такое: „Кинуть привѣтъ наизусть“? О, какъ это некрасиво! Какъ можно „восторгать грусть“? „Всю чистоту твоей души“, „Звѣзда и роза“ — вялая проза. И, наконецъ, — „На темномъ небѣ и въ водѣ“,

---

1) Названное выше.

— ужъ лучше прямо и въ „рукомойникѣ“. Еще одно я замѣтилъ: всѣ ваши личныя, лирическія, любовныя, особенно страстныя стихотворенія — слабѣе прочихъ, точно вы ихъ сочинили, и предмета стиховъ вовсе не существовало. А за симъ можете взять сапогъ и каблукомъ меня по темени, по темени: будь, дескать, вѣжливъ“.[1]) Мы, конечно, приводимъ здѣсь лишь немногіе примѣры, взятые на удачу. Но Тургеневъ вліялъ не столько, впрочемъ, на отдѣлку стиха, на чистоту и правильность языка Фета, сколько на выборъ имъ сюжетовъ для поэтическихъ работъ. Иванъ Сергѣевичъ не только настоялъ, чтобы *весь* Горацій былъ переведенъ Фетомъ, — онъ рекомендовалъ ему Проперція, Катулла, Тибулла (письма 5-го ноября 1860 г. и 2-го января 1861 г.), переводомъ которыхъ Фетъ и занялся впослѣдствіи. Не пропала также рекомендація Тургенева Энеиды Виргилія. „Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Виргиліи“, — писалъ Иванъ Сергѣевичъ Фету 13-го сентября 1873 года: — „Постройки, характеры и проч. его Энеиды не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ, — онъ не только поэтъ, но смѣлый новаторъ и романтикъ“. Фетъ переводилъ по указаніямъ Тургенева и позднѣйшихъ поэтовъ: Гафиза, Шекспира. Книжку стихотвореній Гафиза, напр., Иванъ Сергѣевичъ подарилъ Фету въ 1859 году и, получивъ отъ него переводъ 35 стихотвореній, вмѣстѣ съ Анненковымъ и Дружининымъ подробно занялся разборомъ перевода. Результатомъ было помѣщеніе 24 стихотвореній въ „Русскомъ Словѣ“ 1866 г. (книга 2-ая). Но не одинъ поэтическій талантъ Фета привлекалъ къ себѣ Тургенева, тѣмъ болѣе, что талантъ этотъ, въ глазахъ Ивана Сергѣевича, померкъ съ конца 60-хъ годовъ. „Фетъ очень умно поступитъ, если сдержитъ слово, данное тебѣ, и броситъ писать стихи: что за охота такъ плохо и дрябло повторять самого себя“ . . . „Фетъ выдохся до послѣдней степени“, — вотъ что̀ читаемъ, напр., въ письмахъ Ивана Сергѣевича къ Полонскому 1868 года.

Фетъ былъ страстный охотникъ и въ каждый пріѣздъ

---

1) „Сѣверн. Цвѣты“, альманахъ 1902 г., стр. 181—182.

Ивана Сергѣевича въ Спасское былъ неизмѣннымъ его товарищемъ во всякихъ охотничьихъ экскурсіяхъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" поэтъ удѣляетъ много страницъ описанію совмѣстныхъ охотъ съ Тургеневымъ, и эти страницы являются лучшими, по теплотѣ чувства, въ его мемуарахъ. Понятно, какъ сильно эта страсть Фета подкупала Ивана Сергѣевича, какъ ко многому заставляла быть снисходительнѣе; письма Тургенева къ Фету на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ въ этомъ. Въ охотничьи мѣсяцы Иванъ Сергѣевичъ подробно пишетъ Фету о своихъ успѣхахъ, о количествѣ убитой дичи и т. д. „Я успѣлъ быть до болѣзни семь разъ на охотѣ", пишетъ онъ, напр., изъ Бадена 24-го августа 1866 года: „въ 1-ый разъ ухлопалъ три куропатки и 2 зайца; во 2-ой разъ — 6 куропатокъ и 5 зайцевъ; въ 3-ій — 8 куропатокъ и 3 зайца; въ 4-ый — 11 куропатокъ, 5 зайцевъ и 1 перепела; въ 6-ой — 9 куропатокъ; въ 7-ой — 14 куропатокъ, 4 фазановъ, 4 зайцевъ и 1 перепела = 81 штука. Это неогромно, но и не дурно. Что̀-то будетъ дальше? Охота только-что начинается. Песъ у меня все тотъ же, превосходнѣйшій; ружье я себѣ завелъ новое, отличное, и сталъ я стрѣлять чрезвычайно удовлетворительно, — рѣдко даю промахъ. Проклятая болѣзнь лишила меня по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ хорошихъ охотъ. Мы съ Віардо наняли очень порядочную новую охоту". Но еще съ бо̀льшимъ сочувствіемъ вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ письмахъ къ Фету различные эпизоды и моменты охотничьихъ экскурсій на родинѣ... „Сегодня Петровъ день, любезнѣйшій А. А.", писалъ Тургеневъ изъ Содена въ 1860 году: „Петровъ день и я не на охотѣ! Воображаю себѣ васъ съ Борисовымъ, съ Аѳанасіемъ, со Снобомъ, Весной и Дон-Даномъ на охотѣ въ Полѣсьѣ. Вотъ поднимается чернышъ изъ куста — трахъ! закувыркается о̀-земь краснобровый... или удираетъ вдаль къ синѣющему лѣсу, рѣзко дробя крыльями, и глядитъ ему вслѣдъ и стрѣлокъ, и собака... не упадетъ ли, не свихнется ли... Нѣтъ, чешетъ, разбойникъ, все далѣе и далѣе, закатился за лѣсъ, — прощай!" Въ другомъ письмѣ читаемъ, напр.: „А взлетъ вальдшнеповъ въ почти уже голой осиновой рощицѣ... Ей Богу, даже досада беретъ! Здѣсь я охотился скверно,

да и, вообще, что за охота во Франціи!? Но вы насмотритесь на меня и на моего Фламбо будущею весной въ болотѣ на дупелей или на бекасовъ. — Тубо!.. Тубо!.. А самъ безъ нужды бѣжишь и едва духъ переводишь. Тубо! ну, теперь близко... фррр... екъ! екъ! бацъ! бацъ! — и подлецъ бекасъ, замѣнившій степного дупеля, валится мгновенно, бѣлѣя брюшкомъ"...

Какое рѣшающее значеніе ни имѣли бы для Тургенева поэтическій даръ и страсть къ охотѣ, не нужно забывать, что сочувствіе къ Фету, сердечное участіе къ нему вызывалось у Ивана Сергѣевича и тѣмъ нѣсколько ложнымъ положеніемъ, какое занималъ его другъ въ семьѣ и въ обществѣ. Единственный, можетъ быть, художникъ, такъ тонко понимавшій психологію незаконнорожденныхъ (вспомнимъ „Асю", „Сонъ", Нежданова), Тургеневъ не могъ не относиться съ особенной теплотой къ Фету. Къ сожалѣнію, противоположность натуръ, непримиримость симпатій должны были сказаться, несмотря на все это, несмотря, конечно, и на то, что отъ „проповѣдей" Фета получалось такое впечатлѣніе, будто онъ умышленно развѣнчиваетъ свои достоинства.

Главный и безконечный, хотя въ общемъ и безобидный споръ происходилъ между друзьями по поводу сознательнаго и безсознательнаго творчества. Фетъ въ дѣлѣ свободныхъ искусствъ, по его признанію, „мало цѣнилъ разумъ въ сравненіи съ безсознательнымъ инстинктомъ (вдохновеніемъ), пружины котораго для насъ скрыты". Онъ „никогда не могъ понять, чтобы искусство интересовалось чѣмъ-либо помимо красоты", т.-е. чтобы оно могло интересоваться современностью, текущими явленіями общественной жизни и т. д. Всякое участіе разума въ художественномъ творчествѣ только понижало, такъ сказать, результаты послѣдняго, лишало произведеніе искусства той поэзіи и красоты, которыя составляютъ его необходимую принадлежность. Если, наконецъ, искусство начнетъ интересоваться чѣмъ-либо помимо красоты, оно переходитъ въ политику, превращается въ публицистику. Болѣе подробно Фетъ не излагаетъ своей теоріи, да и едва ли бы сумѣлъ сдѣлать это, несмотря на неоднократныя свои заявленія, что въ дѣлѣ „формальнаго, математическаго и философскаго ума" онъ во многомъ

превосходитъ своего антагониста Тургенева. Какъ бы то ни было, эстетическая теорія Фета гораздо болѣе выясняется намъ изъ писемъ Тургенева, чѣмъ изъ собственныхъ признаній поэта. Къ письмамъ мы и должны прежде всего обратиться, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ прекрасно можно увидать и необходимые намъ взгляды Ивана Сергѣевича на тотъ же вопросъ.

Въ письмѣ Тургенева, отъ 4-го февраля 1862 г., читаемъ: „Я говорю, что художество — такое великое дѣло, что цѣлаго человѣка едва на него хватаетъ со всѣми его способностями, между прочимъ и съ умомъ; вы поражаете умъ остракизмомъ и видите въ произведеніяхъ художества только безсознательный лепетъ спящаго. Это воззрѣніе я долженъ назвать славянофильскимъ, ибо оно носитъ на себѣ характеръ этой школы: „Здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“; „правда вся сидитъ на одной сторонѣ“. А мы, грѣшные люди, полагаемъ, что этакимъ маханьемъ съ плеча топоромъ только себя тѣшишь. Впрочемъ, оно, конечно, легче; а то, признавъ, что правда и тамъ, и здѣсь, что никакимъ рѣзкимъ опредѣленіемъ ничего не опредѣлишь, приходится хлопотать, взвѣшивать обѣ стороны и т. д. А это скучно. То ли дѣло брякнуть такъ, по военному: „Смирно! умъ, пошелъ направо! маршъ! стой, ровняйсь! Художество! налѣво маршъ! стой, ровняйсь!“ — И чудесно! стòитъ только подписать рапортъ, что все, молъ, обстоитъ благополучно“. Въ письмѣ, отъ 5 марта того же года, Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ: „Я пришелъ къ заключенію, что мы съ вами совершенно одних и тѣхъ же мнѣній, только за вами водится обычай всякую чепуху взваливать на умъ, какъ сказано у Беранже:

„C'est la faute de Voltaire,
C'est la faute de Rousseau“.

„Вотъ и *召Mининъ*[1]) не вытанцовался по причинѣ ума, а умъ тутъ ни при чемъ; просто силы таланта не хватило. Развѣ весь *Мининъ* не вышелъ изъ міросозерцанія, въ силу

---

1) Драма Островскаго.

котораго Островскій сочинилъ Рудакова въ *Не въ свои сани не садись*? А въ то время онъ еще не слушался профессоровъ. Написать бѣдноватую хронику съ благочестиво-народною тенденціей, съ обычными лирическими умиленіями, написать ее красивымъ, мягкимъ и беззвучнымъ языкомъ, — умъ могъ бы помѣшать этому, а ужъ никакъ не способствовать. Ахиллесова пятка Островскаго вышла наружу, вотъ и все. Вѣроятно, по прочтеніи моей новой повѣсти („Отцы и дѣти"), которая едва ли вамъ понравится, вы и ея недостатки припишете уму. Дался вамъ этотъ гонный заяцъ".

Иванъ Сергѣевичъ не ошибся: Фету новая повѣсть Тургенева дѣйствительно не понравилась, и ея недостатки онъ приписалъ „тендеціи, рефлексіи, уму, однимъ словомъ", какъ читаемъ въ отвѣтномъ письмѣ романиста на критику Фета. „Скажу вамъ одно", отвѣчалъ Тургеневъ: „что я всѣ эти лица рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить. А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній потому только, что они похожи на тенденціи, было бы и странно и смѣшно". 10-го октября 1865 г. Тургеневъ писалъ Фету изъ Бадена: „Повторяю вамъ мою старую пѣсню: „Поэтъ, будь свободенъ! Зачѣмъ ты относишься подозрительно и чуть не презрительно къ одной изъ неотъемлемыхъ способностей человѣческаго мозга, называя ее *ковыряніемъ*, разсудительностью, отрицаніемъ, — критикѣ? Я бы понималъ тебя, еслибъ ты былъ ортодоксъ, или фанатикъ, или славянофильствующій народолюбецъ, — но ты поэтъ, ты вольная птица, и твоему грамоническому носу неприлично свистать въ эту старую, Жанъ - Жакъ - Руссовскую, лженатуральную и всякими пошлыми слюнями загаженную дудку. Ты чувствуешь потребность лирическихъ изліяній и дѣтской радостной вѣры — качай! Ты желаешь подъ каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, какъ орѣхъ — валяй! Главное, будь правдивъ съ самимъ собою и не давай никакой, даже собственнымъ иждивеніемъ произведенной системѣ осѣдлать твой благородный затылокъ! Повѣрь: въ постоянной боязни *разсудительности* гораздо больше именно этой разсудительности, передъ которой ты такъ трепещешь, чѣмъ всякаго другого чувства. Пора перестать хвалить

Шекспира за то, что онъ, молъ, дуракъ; это такой же вздоръ, какъ утверждать, что россійскій крестьянинъ между двумя рыготинами сказалъ, какъ бы во снѣ, послѣднее слово цивилизаціи. Das ist eitel Larifari!" — говорятъ мои друзья нѣмцы. Вотъ вамъ, душа моя, profession de foi, — для васъ, впрочемъ, не новая, дѣлайте изъ нея, что̀ хотите".

Въ письмахъ послѣдующихъ годовъ затрагивается этотъ вопросъ съ неменьшей энергіей фразы и съ неменьшей фактической убѣдительностью, но „старый споръ" не подвинулся въ своемъ рѣшеніи ни на волосъ. Прекрасное résumé этихъ безконечныхъ преній даетъ Тургеневъ въ своемъ предисловіи къ изданію своихъ романовъ 1880 года (Изд. „Нивы", т. II).

„Не могу кстати не высказать своего мнѣнія о „безсознательномъ и сознательномъ творчествѣ", о „предвзятыхъ идеяхъ и тенденціяхъ", о „пользѣ объективности, непосредственности и наивности", обо всѣхъ этихъ „жалкихъ" словахъ, которыя, изъ какихъ бы авторитетныхъ устъ они ни исходили, всегда казались мнѣ общими мѣстами, ходячей риторической монетой, которая потому только не считается за фальшивую, что ее слишкомъ многіе принимаютъ за настоящую. Всякій писатель, не лишенный таланта (это, конечно, первое условіе), всякій писатель, говорю, старается прежде всего вѣрно и живо воспроизводить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ собственной и чужой жизни; всякій читатель имѣетъ право судить, насколько онъ въ этомъ успѣлъ, и гдѣ ошибся; но кто имѣетъ право указывать ему, какія именно впечатлѣнія годятся въ литературу, и какія нѣтъ? Коли онъ правдивъ — значитъ онъ правъ; а коли у него нѣтъ таланта — никакая „объективность" ему не поможетъ. У насъ теперь развелись сочинители, которые сами почитаютъ себя „безсознательными творцами" — и выбираютъ все жизненные сюжеты, а между тѣмъ насквозь проникнуты именно этой злополучной „тенденціей". Всѣмъ извѣстно изреченіе: *поэтъ мыслитъ образами*; это изреченіе совершенно неоспоримо и вѣрно, — но на какомъ основаніи? Вы, его критикъ и судья, дозволяете ему о̀бразно воспроизводить картину природы, что ли, народную жизнь, цѣльную натуру (вотъ еще *жалкое* слово!); а коснись онъ чего-нибудь смут-

наго, психологически-сложнаго, даже болѣзненнаго, особенно если это не частный фактъ, а выдвинуто изъ глубины нѣдръ своихъ тою же самой народной, общественной жизнью, — вы кричите: стой! это никуда не годится; это — рефлексія, предвзятая идея, это — политика! публицистика! Вы утверждаете, что у публициста и у поэта задачи разныя... Нѣтъ! онѣ могутъ быть совершенно одинаковы у обоихъ; только публицистъ смотритъ на нихъ глазами публициста, а поэтъ — глазами поэта. Въ дѣлѣ искусства вопросъ: какъ? — важнѣе вопроса: что̀? Если все отвергаемое вами — *образомъ*, замѣтьте: *образомъ* — ложится въ душу писателя — то съ какой стати вы запода̀зриваете его намѣренія, почему выталкиваете его вонъ изъ того храма, гдѣ на разубранныхъ алтаряхъ возсѣдаютъ жрецы „безсознательнаго“ искусства, на алтаряхъ, передъ которыми курится ѳиміамъ, часто зажженный собственными руками этихъ самыхъ жрецовъ? Повѣрьте: талантъ настоящій — никогда не служитъ постороннимъ цѣлямъ и въ самомъ себѣ находитъ удовлетвореніе; окружающая его жизнь даетъ ему содержаніе — онъ является ея *сосредоточеннымъ отраженіемъ*; но онъ такъ же мало способенъ написать панегирикъ, какъ и пасквиль... Въ концѣ концовъ — это ниже его. Подчиниться заданной темѣ или проводить программу — могутъ только тѣ, которые другого, лучшаго не умѣютъ“.

Несмотря на то, что споры о сознательномъ и безсознательномъ творчествѣ принимали между Тургеневымъ и Фетомъ иной разъ довольно рѣзкую форму, они не заключали въ себѣ ничего разобщающаго, были въ сущности довольно безобидны. Разойтись пріятелямъ пришлось вслѣдствіе столкновеній по другимъ вопросамъ, — по вопросамъ, разрѣшавшимся главнымъ образомъ реформами царствованія императора Александра II. Насколько къ послѣднимъ горячо и сочувственно относился Тургеневъ, настолько несимпатично — Фетъ. Съ 1861 года Фетъ, какъ будто, спѣшилъ вознаградить себя за продолжительную сдержанность по вопросамъ общественнымъ и иной разъ съ непріятнымъ упорствомъ затрагивалъ наиболѣе чувствитель-

ныя стороны Тургеневскаго міровоззрѣнія. Съ момента крестьянской реформы и начинаются разочарованія Ивана Сергѣевича въ своемъ другѣ. Наканунѣ реформы Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: „Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ". А Фетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" признается, что ограничился тогда „совершенно дѣтскимъ любопытствомъ", не касаясь вовсе тѣхъ вопросовъ насчетъ „всенароднаго значенія событія", какіе волновали другихъ. Можетъ быть, недовольство реформой лишь скрывалось Фетомъ подъ маской младенческаго невѣдѣнія добра и зла, а можетъ быть онъ говоритъ и совершенную правду. Во всякомъ случаѣ, Тургеневу не могло быть по сердцу такое пассивное отношеніе къ великой реформѣ.

Достаточно извѣстно, какое рѣшающее значеніе придавалъ Тургеневъ народному образованію, какъ горячо хлопоталъ онъ для этого, напр., о распространеніи и практическомъ осуществленіи обширнаго своего проекта обученія грамотѣ народа, составленнаго имъ въ 1860 году вмѣстѣ съ гр. Н Ростовцевымъ, гр. А. Толстымъ, Мордвиновымъ, В. П. Боткинымъ и др. на островѣ Уайтѣ. Понятно, поэтому, какъ обидно было слышать ему, въ отвѣтъ на свои мысли, разсужденія Фета, что, молъ, воздѣйствовать на народную массу грамотностью — все равно, что „буравить ее первымъ попавшимся въ руку гвоздемъ", или равносильно тому, чтобы „гнать всѣхъ поголовно отъ сохи" [1]). Не удивительно, что послѣ такихъ споровъ Тургеневъ, въ письмѣ отъ 30-го августа 1862 года, полушутливо назвалъ его „закоренѣлымъ и остервенѣлымъ крѣпостникомъ, консерваторомъ и поручикомъ стариннаго закала". Никакъ не могли столковаться пріятели и о многихъ сторонахъ крестьянскаго быта и хозяйства, съ которыми Фетъ сталкивался въ качествѣ мирового судьи и помѣщика въ 60-хъ годахъ [2])

Еще болѣе чувствовалъ Тургеневъ свою рознь съ Фетомъ по вопросамъ о значеніи литературы и литераторовъ въ Россіи.

---

1) „Воспоминанія" I ч., стр. 398—9.
2) См. выше стр. 199.

Фету не нравилось званіе литератора; онъ радовался, что настоящее его имя (Шеншинъ) устранено отъ соприкосновенія съ литературой. Подъ тѣмъ предлогомъ, что не существуетъ бѣдныхъ, нуждающихся литераторовъ, онъ вышелъ изъ „Литературнаго фонда“, членомъ-учредителемъ котораго числился, пока считалъ нужнымъ скрывать истинныя свои симпатіи. Все это обижало Тургенева, и онъ возражалъ ему въ письмахъ: „Что вамъ не нравится званіе „литераторъ“, это вашъ конекъ, а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему, „литераторъ“ такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ „сапожникъ“ или „пирожникъ“. Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже“ . . . „Вы напрасно благодарите судьбу“, писалъ ему Иванъ Сергѣевичъ въ другой разъ: „устранившую ваше имя отъ соприкосновенія съ нынѣшней литературой; ваши опасенія лишены основанія: какъ Фетъ, вы имѣли имя; какъ Шеншинъ, вы имѣете только фамилію“ . . . „Ваши отзывы о нашихъ собратьяхъ русскихъ литераторахъ, „читаемъ въ письмѣ Тургенева отъ 4-го февраля 1870 года: „о нашемъ бѣдномъ Обществѣ, говоря безъ прикрасъ, возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, если бы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ! . .“ Пререканія по поводу „Литературнаго фонда“ между Тургеневымъ и Фетомъ были особенно остры. Всѣмъ извѣстно, какъ безкорыстно и много потрудился Иванъ Сергѣевичъ на пользу „Общества вспомоществованія литераторамъ и ученымъ“; онъ не могъ поэтому оставлять безъ возраженій несправедливыя и раздражительныя сужденія Фета объ этомъ учрежденіи. „Вы пишете, что, „не шутя, не знаете ни одного бѣднаго литератора“, — читаемъ въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Фету отъ 8-го января 1872 года: „Это происходитъ отъ того, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аѳанасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутся мракомъ забвенія. Вотъ на какіе случаи и полезенъ нашъ бѣдный, вами столь презираемый, фондъ“ . . . Въ письмѣ отъ 29-го марта того же года Иванъ Сергѣевичъ продол-

жаетъ: „Что касается до Аѳанасьева, то позвольте вамъ замѣтить, что вы не довольно ясно даете себѣ отчетъ о подраздѣленіяхъ литературы на такъ-называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что еще вѣрнѣе, вы сознаете это подраздѣленіе, но цѣните одну беллетристику, да еще какую — поэзію! Но наше общество основано именно для литераторовъ, пользу которыхъ вы съ трудомъ признаете, и безъ которыхъ пришлось бы плохо дѣлу просвѣщенія. Вотъ отъ того-то мы и заботимся объ обезпеченіи этихъ самыхъ литераторовъ отъ голода, холода и прочихъ гадостей“... Но Иванъ Сергѣевичъ совершенно напрасно старался доказывать необходимость матеріальной поддержки бѣднымъ литераторамъ, доказывать человѣку, убѣжденному, что современную ему литературу нужно скорѣе всячески обуздывать, чѣмъ поощрять. Фетъ признается, что въ Спасскомъ, въ томъ самомъ Спасскомъ, куда сосланъ былъ Иванъ Сергѣевичъ, какъ литераторъ, на вопросъ гостившаго у Тургенева въ 1870 году англичанина Ральстона, — строга ли наша цензура? — преспокойно отвѣчалъ: „цензура наша существуетъ только по имени, и дозволяется печатать все, что придетъ въ голову“[1]). Что это не было краснымъ словцомъ со стороны Фета, можно видѣть хоть изъ слѣдующихъ строкъ Тургеневскаго письма къ нему отъ 21-го августа 1873 года: „Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы“ получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ“. Всѣ эти странности Фета Иванъ Сергѣевичъ приписывалъ главнымъ образомъ вліянію Каткова, о чемъ и высказывалъ поэту иной разъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ. „Я однако вынесъ убѣжденіе изъ всей пѣны и хлюпанья вашихъ рѣчей“, пишетъ онъ, напримѣръ, въ одномъ письмѣ 1870 года: „что М. Н. Катковъ заслуживаетъ бронзовой статуи. „Ну и пущай!“ — какъ говоритъ одинъ герой Островскаго“.

1) „Воспоминанія“, II, 217.

Но какъ бы ни разнились взгляды и симпатіи Фета и Тургенева, послѣдній до тѣхъ поръ не порывалъ связей съ поэтомъ, пока не замѣтилъ явнаго недоброжелательства къ себѣ со стороны поэта. Это недоброжелательство поднялось послѣ разрыва Ивана Сергѣевича съ дядей-управляющимъ въ 1866 году. Иванъ Сергѣевичъ хотя не узналъ всей неблаговидной роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ Фетъ, но послѣдній съ той поры началъ питать къ Тургеневу тайную вражду, вполнѣ обнаружившуюся значительно позднѣе.

Въ концѣ 1874 года Фетъ получилъ отъ Тургенева письмо изъ Парижа, помѣченное 29-мъ числомъ ноября, слѣдующаго содержанія:

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо (Я. П.) Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ: „Фетъ (Шеншинъ) распустилъ про тебя, будто ты въ свой послѣдній пріѣздъ говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, порученными надзору и попеченію Ф. Ш.) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича у кн. М—каго тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ тою же ссылкой на Ф. Ш.“ Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ и Петей [1]) и зная вашу охоту къ преувеличенію и прочія привычки, говорю вамъ безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произнесли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ raison d'être. [Признаюсь, я не вижу, что можетъ быть общаго между мною и мировымъ судьею, который серьезно упрекаетъ здоровенныхъ мужиковъ, зачѣмъ они не отшибли концомъ дуги печенокъ у пойманнаго вора, и даже хвастается этимъ, словно не понимая безобразія своихъ словъ] [2]).

---

1) Борисовымъ, сыномъ близкаго пріятеля Ивана Сергѣевича.

2) Строки, заключенныя въ ломанныя скобки, пропущены были Фетомъ въ его воспоминаніяхъ и напечатаны позднѣе въ „Русск. Обозрѣніи“ 1901 г., вып. 1, стр. 252.

Откланиваюсь вамъ не безъ нѣкотораго чувства печали, которое относится, впрочемъ, исключительно къ прошедшему, желаю вамъ всѣхъ возможнымъ благъ и преуспѣянія въ обществѣ гг. Маркевичей, Катковыхъ и т. п.“.

Въ отвѣтъ на это письмо Фетъ разразился цѣлыми обвиненіями, воспроизведенными дословно Тургеневымъ позднѣе въ „Нови“ въ слѣдующихъ словахъ Паклина: „Былъ у меня пріятель, и, казалось, хорошій человѣкъ: такъ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ... „Представьте“, кричитъ, — „какую о васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили, что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сейчасъ къ хозяйкѣ сѣли спиной — и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды. — Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!“ И что же? Годъ спустя, разссорился я съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: „Вы, который уморили своего дядю! Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной!..“ и т. д. Вотъ каковы пріятели!“

Въ этомъ дословномъ воспроизведеніи отвѣтнаго письма Фета Тургеневъ пропустилъ еще два обвиненія: будто Иванъ Сергѣевичъ швырялъ оскорбленіями въ лицо гр. Толстому и отличался „позорнымъ искательствомъ“ передъ молодежью. Въ подтвержденіе послѣдней истины Фетъ написалъ Тургеневу, какъ Кетчеръ встрѣтилъ однажды поэта „своимъ громогласнымъ „ха-ха-ха!“ и восклицаньемъ: „два раза издавалъ я сочиненія Тургенева и два раза вычеркивалъ ему его постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ. Нѣтъ-таки, напечаталъ, и съ той поры ко мнѣ не является: знаетъ, что обругаю“. Все это Фетъ объяснилъ самой позорной слабохарактерностью Тургенева. Фетъ не объяснилъ, впрочемъ, что собственно вычеркнулъ Кетчеръ, и что все же, будто бы, Тургеневъ напечаталъ. Объ этомъ настоящую правду узнаемъ изъ слѣдующихъ строкъ письма Тургенева къ Анненкову отъ $^{4}/_{16}$ декабря 1869 года, по поводу послѣдняго изданія повѣстей Ивана Сергѣевича. „Самая непріятная опечатка стоитъ на стр. XCIV, строка 8-я сверху: вмѣсто „я раздѣляю почти всѣ его убѣжденія“ (Базарова), стоитъ: „я

раздѣляю почти его убѣжденія“. Я подозрѣваю, что Кетчеръ (корректоръ) съ умысломъ, „меня жалѣючи“, пропустилъ *вст*, и вышла безграмотная фраза, надъ которой гг. Антоновичи будутъ, пожалуй, точить свои зубки: „И тутъ, молъ, сробѣлъ!“ Но Фету нужно же было хорошенько напасть на Тургенева!

Что касается факта, приводимаго письмомъ Я. Полонскаго, то нашъ поэтъ въ своихъ воспоминаніяхъ увѣряетъ, что Тургеневъ выдумалъ эти строки, такъ какъ, молъ, Полонскій позднѣе говорилъ ему, Фету, будто онъ и не думалъ писать Ивану Сергѣевичу ничего подобнаго; о разговорѣ же Тургенева съ молодыми людьми Фетъ говорилъ лишь у Каткова такъ, что Иванъ Сергѣевичъ обратился къ нимъ съ рѣчью: Je vous félicite, messieurs, en votre qualité de lycéens[1]). Le gouvernement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts".

Послѣ вышеприведеннаго нами отвѣта Тургенева на письмо Фета, послѣ черезчуръ смѣлыхъ обвиненій Ивана Сергѣевича въ „постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ“, не трудно вмѣстѣ съ Тургеневымъ повѣрить, что Фетъ „дѣйствительно произнесъ слова, которыя ему приписываютъ“.

Четыре года спустя послѣ ссоры Фета съ Иваномъ Сергѣевичемъ, послѣдній получилъ отъ гр. Л. Н. Толстого письмо съ просьбой примириться и забыть происшедшее между двумя представителями русскаго романа. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на Фета, который тоже послалъ извинительное письмо Ивану Сергѣевичу, „очень милое“, какъ сообщалъ Тургеневъ, „хоть и не совсѣмъ ясное, съ цитатами изъ Канта“. Дружескія отношенія вновь завязались, но это была уже не прежняя дружба. Иванъ Сергѣевичъ тщательно избѣгалъ затрагивать всѣ тѣ струнки, всѣ тѣ вопросы, которые повели въ свое время къ разрыву. Сдержанное, мягкое, по возможности ласковое обращеніе съ прежнимъ другомъ, проявившееся-было въ первое время послѣ примиренія, вскорѣ замѣнилось холодностью. Въ письмахъ къ друзьямъ появились довольно рѣзкія замѣчанія

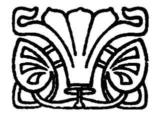

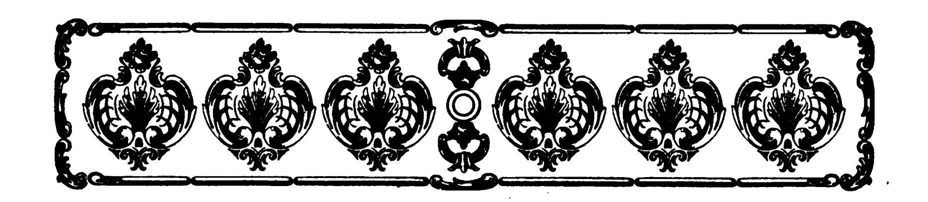
1) Каткова.

по адресу Фета: „Л. Толстой, какъ большой и живой талантъ, выскочитъ изъ болота, куда онъ залѣзъ, — и съ пользой для литературы; а Фетъ — Шеншинъ до того погрязъ въ философствованіи, что только пузыри пускаетъ — и пузыри неблаговонные“... Такъ писалъ Тургеневъ Полонскому 16-го сентября 1879 года, а 26-го января 1881 года онъ писалъ ему же: „Меня не удивляетъ то, что Фетъ тебя не посѣтилъ. Да и вообще Фета давно на свѣтѣ нѣтъ, а остался какой-то кисляй, по прозвищу Шеншинъ, которому только и жить, что на славянофильскихъ заднихъ дворахъ“.

Не скоро найдется въ обширной литературѣ мемуаровъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ болѣе раздражительное, недоброжелательное отношеніе къ Тургеневу, чѣмъ то, какое заключаютъ въ себѣ „Воспоминанія“ Фета.

XV.

И. С. Тургеневъ и Ѳ. М. Достоевскій.

Достоевскій познакомился съ Тургеневымъ у Бѣлинскаго въ первыхъ числахъ ноября 1845 г., когда Иванъ Сергѣевичъ только-что возвратился изъ своей лѣтней поѣздки во Францію. Переживая въ тѣ дни крупный успѣхъ своего перваго романа „Бѣдные люди“, находясь въ счастливѣйшемъ настроеніи духа, Достоевскій такъ отзывался о своемъ новомъ знакомствѣ въ письмѣ къ брату отъ 16-го ноября. „Надняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты, вѣрно, слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я то же едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ, — я не знаю, въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ, характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ“ [1]).

Но эта „влюбленность“ продолжалась недолго. Слиш-

1) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 42.

комъ сильное самомнѣніе Достоевскаго, сказавшееся, какъ при успѣхѣ перваго его романа, такъ и при неудачахъ послѣдующихъ произведеній, непріятно подѣйствовало на весь кружокъ Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ разочарованіемъ въ литературномъ мастерствѣ начинающаго писателя явилось недовольство и нравственнымъ обликомъ послѣдняго. Дѣйствительно, самомнѣніе Достоевскаго выходило слишкомъ рѣзкимъ, болѣзненнымъ и даже грубымъ среди той литературной скромности, господствовавшей въ кружкѣ великаго критика, которая составляла одно изъ лучшихъ украшеній „людей сороковыхъ годовъ". По поводу успѣха „Бѣдныхъ людей" Достоевскій писалъ, напримѣръ, брату: „Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій просилъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому и въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо... У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, напримѣръ, чтобы назавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько". По поводу же недоброжелательныхъ критиковъ онъ писалъ: „Сунулъ же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся — мнѣ славу, дурачье, строятъ" [1]).

Неуспѣхъ слѣдующей повѣсти Достоевскаго „Двойникъ", которая, какъ онъ надѣялся, должна была превзойти даже

1) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 41, 42, 43.

„Мертвыя души“ Гоголя, сильно задѣлъ самолюбіе Ѳедора Михайловича, но онъ продолжалъ быть о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія. „Явилась цѣлая тьма новыхъ писателей“, — сообщалъ онъ брату 1-го апрѣля 1846 г.: „иные мои соперники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Герценъ и Гончаровъ. Первый — печатался, второй — начинающій и не печатавшійся нигдѣ. Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ и надѣюсь, что навсегда“ [1]). Въ своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому и его друзьямъ Достоевскій долженъ былъ измѣниться. У него явилось раздраженіе противъ прежнихъ поклонниковъ, явилось страстное желаніе „утереть имъ носъ“ новыми произведеніями, которыя, однако, при появленіи своемъ встрѣчали болѣе чѣмъ холодность со стороны кружка Бѣлинскаго. Григоровичъ, хорошо знавшій Достоевскаго въ то время, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора „Бѣдныхъ людей“ чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную вòлю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, чтò послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости. Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскимъ; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты,

1) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 47.

ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ „Бѣдныхъ людяхъ“ чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя“ [1]).

Увлеченный общимъ теченіемъ, и Тургеневъ принялъ участіе въ нападкахъ на Достоевскаго. Вмѣстѣ съ Некрасовымъ онъ сочинилъ слѣдующую эпиграмму на Өедора Михайловича:

Витязь горестной фигуры,
Достоевскій милый пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.

Хоть ты юный литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
Тебя знаетъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ,

За тобой султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей.
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,

Ставши миөомъ и вопросомъ,
Палъ чухонскою звѣздой
И моргнулъ курносымъ носомъ
Передъ русой красотой,

Какъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ
И чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Съ высоты такой завидной,
Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
Брось свой взоръ пепеловидный,
Брось, великій, на меня!

1) Полн. собр. сочин. Д. В. Григоровича, изд. „Нивы“, XII, 274.

Ради будущихъ хваленій
(Крайность, видишь, велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не „Двойника“.

Буду няньчиться съ тобою,
Поступлю я, какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ [1]).

Эпиграмма, конечно, вполнѣ соотвѣтствовала болѣзненному самомнѣнію Достоевскаго. „Кайма“, о которой упоминается въ концѣ стихотворенія — историческій фактъ: П. В. Анненковъ свидѣтельствуетъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: „Рѣшаясь отдать романъ свой („Бѣдные люди“) въ готовившійся тогда альманахъ, авторъ его совершенно спокойно и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ — каймой“ [2]). Но это желаніе Достоевекаго, однако, не было исполнено.

Порвавъ (въ самомъ началѣ 1847 г.) всѣ сношенія съ кружкомъ Бѣлинскаго, Θедоръ Михайловичъ до конца своей жизни не могъ уже простить критику его разочарованія и отзывался о немъ часто съ ненавистью: „Онъ (Бѣлинскій) былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ“. „Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни“ и т. п. [3]). Объяснялъ же свою нелюбовь къ критику тѣмъ, что будто Бѣлинскій „ругалъ ему Христа“ [4]). Въ то время, когда такъ увѣрялъ Достоевскій (въ письмѣ къ Страхову отъ 18-го мая 1871 г.), духовный образъ критика былъ еще не на столько изученъ, чтобы можно было назвать это клеветою. Въ настоящее же время взгляды Бѣлинскаго,

1) Эпиграмма эта приводится нами изъ женевскаго изданія (1892 г.) писемъ Тургенева къ Герцену (стр. 207—208).

2) Воспомин. и критич. очерки, III, 139.

3) Письма Достоевскаго къ Страхову отъ 23-го апрѣля и 18-го мая 1871 г. (Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 310, 312).

4) Ibid, I, 312 и 77.

его увлеченія и ошибки настолько выяснены, что свидѣтельство Ѳедора Михайловича о „руганіи Христа“ можно отнести къ тому же разряду болѣзненныхъ измышленій, какъ и позднѣйшіе его извѣты на Тургенева. Да и письма Достоевскаго за 1845—47 гг. заставляютъ вѣрить лишь тѣмъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ Ѳедора Михайловича, гдѣ онъ говоритъ только, что „страстно принялъ тогда все ученіе его — (Бѣлинскаго)“ [1]). О. Ѳ. Миллеръ пробуетъ поддержать Достоевскаго предположеніемъ, будто Бѣлинскій именно подъ вліяніемъ автора „Бѣдныхъ людей“ въ своемъ обзорѣ Русской литературы 1847 г. „восторженно отзывался о нравственномъ вліяніи христіанства въ соціальномъ смыслѣ“ [2]). Но такое предположеніе — слишкомъ плохая защита.

Въ 1849 году Достоевскій, замѣшанный въ дѣло Петрашевскаго, сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ, изъ которыхъ 4 года — на каторжныхъ работахъ. Тяжелая кара, постигшая автора „Бѣдныхъ людей“, вызвала искреннее сочувствіе къ нему среди русскаго образованнаго общества. Тургеневъ не могъ являться тутъ исключеніемъ, и когда въ 1860 г. Достоевскому было разрѣшено жительство въ Петербургѣ, Иванъ Сергѣевичъ вновь сошелся съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, отъ души позабывъ всѣ прошлыя недоразумѣнія. Въ извѣстномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда 14-го апрѣля того же года въ домѣ Руадзе оба писателя участвовали въ „Ревизорѣ“, Тургеневъ — играя одного изъ купцовъ, Достоевскій—на роли Шпекина (почтмейстера). Съ начала же изданія журнала „Время“ братьями Достоевскими (январь, 1861 г.) между Иваномъ Сергѣевичемъ и Ѳедоромъ Михайловичемъ устанавливаются даже дружескія отношенія, со стороны Тургенева, по крайней мѣрѣ — дружескія не по одной внѣшности. Иванъ Сергѣевичъ не могъ не сочувствовать появленію новаго журнала, особенно съ независимымъ направленіемъ (славянофильскія тенденціи Достоевскаго тогда еще не обозначились); въ забвеніи непріятнаго прошлаго со стороны Ѳедора Михайловича Тургеневъ не сомнѣвался. Поэтому мы можемъ вполнѣ

1) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 78.
2) Ibid., I, 77.

повѣрить слѣдующимъ строкамъ письма Ивана Сергѣевича къ автору „Бѣдныхъ людей“ отъ 3 октября 1861 года: „Вы не можете сомнѣваться въ искреннемъ участіи, которое я принимаю въ васъ, въ вашемъ журналѣ и во всемъ, что̀ до васъ касается“ [1]). Дѣйствительно, въ декабрѣ того же года, напримѣръ, Тургеневъ рекомендуетъ „Время“ для сотрудничества Фр. Боденштедту [2]), а въ апрѣлѣ слѣдующаго — хлопочетъ пристроить туда М. А. Марковичъ (Марко-Вовчекъ). Когда „Время“ было неожиданно прекращено, Иванъ Сергѣевичъ неоднократно выражалъ искреннее участіе горю Достоевскаго. Такъ, въ письмѣ къ сотруднику „Русскаго Вѣстника“ Щербаню (20-го іюня 1863 г.) онъ пишетъ: „Вы еще не прочли въ „Сѣверной Почтѣ“ указа о запрещеніи этого журнала („Время“) по поводу статьи „Роковой вопросъ“ въ апрѣльской книжкѣ? Я эту статью, помнится, пробѣжалъ и не нашелъ въ ней ничего особенно зловреднаго. Это запрещеніе меня поразило — и для Достоевскихъ, у которыхъ оно отняло хлѣбъ, и для правительства, которое не понимаетъ, что оно тѣмъ самымъ бросаетъ тѣнь на искренность патріотическихъ заявленій“ [3]). Хорошія отношенія между двумя писателями должны были только упрочиться отъ обмѣна сочувственными отзывами, которые вызваны были съ одной стороны „Отцами и дѣтьми“, а съ другой — „Записками изъ мертваго дома“, вышедшими въ свѣтъ почти одновременно. Тургеневъ признавался, что вполнѣ поняли его знаменитый романъ (кромѣ Анненкова, конечно) только В. П. Боткинъ, А. Н. Майковъ и Ѳ. М. Достоевскій [4]).

Съ своей стороны Иванъ Сергѣевичъ писалъ послѣднему, что его „Записки изъ мертваго дома“ ему очень нравятся: „картина бани — просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напримѣръ Петрова) — много тонкой и вѣрной психологіи“ [5]).

---

1) „Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева“, стр. 97.
2) „Русск. Стар.“ 1887 г., кн. 5, стр. 474.
3) „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г., VIII, 7.
4) „Перв. собр. пис.“, стр. 102, 107 и 108.
5) Ibid. стр. 98.

Для Достоевскаго Тургеневъ приступилъ къ обработкѣ, начатой имъ еще въ 1856 г., высокохудожественной фантазіи „Призраки", гдѣ такъ оригинально собраны впечатлѣнія, пережитыя имъ на протяженіи 20-ти лѣтъ, начиная со студенчества (гл. XII и XIII). Отложенная въ 1857 г., вещь эта снова попала подъ перо Ивана Сергѣевича осенью 1861 г. и закончена была въ маѣ 1863 г. Пославъ рукопись на просмотръ „первому своему критику", Тургеневъ писалъ шутливо Фету (1-го октября): „я, не смотря на свое бездѣйствіе, угобзился, однако, сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла, даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи" [1]). Тонъ этихъ строкъ не даетъ, конечно, права заключать, что Иванъ Сергѣевичъ отнесся къ этому разсказу съ меньшей серьезностью, чѣмъ къ другимъ своимъ произведеніямъ. Какъ всегда, Тургеневъ строго отнесся къ каждой строкѣ, къ каждому слову своей фантазіи. На замѣчанія, напримѣръ, Щербаня, особенно по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ главы XIX, онъ пишетъ: „за исключеніемъ двухъ-трехъ, я согласенъ со всѣми вашими замѣчаніями; нѣкоторыя очень вѣрны и тонки. Но, напримѣръ, „широкій шорохъ" — мнѣ именно нуженъ, какъ звукоподражительность; Тюльерійскій садъ отдѣленъ отъ частнаго Наполеоновскаго сада — чисто крѣпостнымъ рвомъ; и самъ г. Базанкуръ [2]) сравниваетъ зуавовъ съ тиграми. Настоящій солдатъ таковъ и долженъ быть, но потому-то я и не люблю солдата" [3]).

„Призраки", однако, попали не на страницы журнала „Время", какъ хотѣлъ Тургеневъ, а въ „Эпоху", замѣнившую собою погибшее изданіе Достоевскихъ, и напечатаны были въ 1-й и 2-й книжкахъ журнала за 1864 г. Но Иванъ Сергѣевичъ не думалъ ограничиться этимъ только вкладомъ въ „Эпоху". Въ октябрѣ того же года онъ писалъ Ѳедору Михайловичу: „Начну съ увѣренія, что мои чувства къ

1) Фетъ. „Мои воспоминанія", I, 439.
2) Извѣстный французскій военный писатель.
3) „Русскій Вѣстникъ", 1890 г., VIII, 13.

вашему журналу нисколько не измѣнились, что я отъ всей души готовъ содѣйствовать его успѣху, по мѣрѣ силъ — и даю вамъ обѣщаніе первую написанную мною вещь помѣстить у васъ; но опредѣлить срокъ, когда эта вещь будетъ написана, мнѣ невозможно потому, что я совершенно облѣнился и болѣе года пера въ руки не беру... Я часто думалъ объ васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые васъ поразили — и искренно радуюсь тому, что вы не дали имъ разбить васъ въ конецъ. Боюсь я только за ваше здоровье, какъ бы оно не пострадало отъ излишнихъ трудовъ" [1]). Но „Эпоха" прекратилась на февральской книжкѣ 1865 г., за недостаткомъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наступило продолжительное затишье въ сношеніяхъ двухъ писателей.

Лѣтомъ 1867 г. затишье это было нарушено самой неожиданной выходкой Достоевскаго, о которой Тургеневъ такъ впослѣдствіи разсказывалъ въ Спасскомъ своимъ деревенскимъ гостямъ, среди которыхъ былъ и Е. Гаршинъ (приводимъ подлинныя слова воспоминаній послѣдняго съ нѣкоторыми лишь пропусками): „Это было въ Баденѣ, когда только-что вышелъ „Дымъ". Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой, былъ въ большомъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и... проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ въ займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но, уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пищей для этого раздраженія оказался злополучный „Дымъ". Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходила одинъ-на-одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь на тему: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д. Иванъ Сергѣевичъ разсказы-

---

1) „Перв. собр. писемъ Тургенева", стр. 116.

валъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дождался, пока Достоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя „Русскаго Архива", г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: „Я ненавижу Россію" и т. д. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15-лѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично" [1]).

Гаршинъ, излагая этотъ разсказъ, сопровождаетъ его оговорками, скрывающими за собою какъ-бы нѣкоторое сомнѣніе въ безусловной правдивости словъ Тургенева. Но, зная незлобивость и скромность Ивана Сергѣевича, можно усумниться въ полной истинности его разсказа развѣ только въ томъ смыслѣ, что Тургеневъ смягчилъ все дѣло въ пользу Достоевскаго. Дѣйствительно, болѣе близкимъ друзьямъ онъ сообщалъ случай этотъ откровеннѣе. Такъ въ письмѣ къ Полонскому отъ 24-го апрѣля 1871 г. читаемъ: „Онъ (Достоевскій) пришелъ ко мнѣ лѣтъ пять тому назадъ въ Баденѣ, не съ тѣмъ чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ свѣтъ стоитъ — за „Дымъ", который, по его мнѣнію, подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ молча всю эту филиппику, и что же узнаю? Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто-на-просто клевета, если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось" [2]). Разсматривая письма Тургенева, относящіяся къ тому времени, когда именно и произошелъ описанный случай, мы находимъ еще болѣе ясные слѣды этой выходки. Въ концѣ декабря 1867 г. Иванъ

1) „Историческій Вѣстникъ", 1883 г., XI, 387.
2) „Пер. собр. писемъ Тургенева", стр. 194.

Сергѣевичъ пишетъ Анненкову: „Ну, однако, удивили вы меня сообщеніемъ извѣстія о письмѣ Достоевскаго (что это онъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!). Вотъ послѣ этого и пускай къ себѣ соотечественниковъ. Молодца! Прилагаемое мое письмо къ Бартеневу можете по благоусмотрѣнію переслать. Но больше, кажется, дѣлать нечего“ [1]). Въ февралѣ же 1868 г. онъ сообщаетъ тому же Анненкову: „Я получилъ отъ П. И. Бартенева очень вѣжливое письмо, въ которомъ онъ отзывается, какъ слѣдуетъ, о сумасбродномъ извѣтѣ г. Достоевскаго, который, однако, не подписанъ имъ, но, очевидно, проистекаетъ изъ его пера“ [2]). Письмо Ивана Сергѣевича къ Бартеневу, равно какъ и доносъ Достоевскаго, оказавшійся копіей съ письма Ѳедора Михайловича къ А. Н. Майкову, посланнаго изъ Женевы 16 (28) авг. 1867 г., были такого содержанія. Начнемъ съ письма Достоевскаго:

„Въ самомъ началѣ, какъ только я пріѣхалъ [3]), на другой же день, я встрѣтилъ на вокзалѣ Гончарова. Какъ конфузился меня въ началѣ Иванъ Александровичъ! Этотъ статскій или дѣйствительный статскій совѣтникъ тоже поигрывалъ. Но такъ какъ оказалось, что скрываться нельзя, а къ тому же я самъ играю съ слишкомъ грубою откровенностью, то онъ и пересталъ отъ меня скрываться. Игралъ онъ съ лихорадочнымъ жаромъ (въ маленькую, на серебро) игралъ всѣ двѣ недѣли, которыя прожилъ въ Баденѣ и, кажется, значительно проигрался. Но дай Богъ ему здоровья, милому человѣку: когда я проигрался до тла (а онъ видѣлъ въ моихъ рукахъ много золота), онъ далъ мнѣ по просьбѣ моей 60 франковъ взаймы. Осуждалъ онъ, должно быть, меня ужасно: „Зачѣмъ я все проигралъ, а не половину, какъ онъ?“

Гончаровъ все мнѣ говорилъ о Тургеневѣ, такъ что я, хотя и откладывалъ заходить къ Тургеневу, рѣшился, наконецъ, ему сдѣлать визитъ. Я пошелъ утромъ въ 12 часовъ и засталъ его за завтракомъ. Откровенно вамъ скажу: я и прежде не любилъ этого человѣка лично.

---

1) „Русское Обозрѣніе“, 1894 г., ч. I, 28.
2) Ibid., II, 489.
3) Въ Баденъ-Баденъ.

Сквернѣе всего то, что я еще съ 1857 года, съ Wisbaden'а, долженъ ему 50 талеровъ (и не отдалъ до сихъ поръ!). Не люблю также его аристократически-фарисейское объятіе, съ которымъ онъ лѣзетъ цѣловаться, но подставляетъ вамъ свою щеку. Генеральство ужасное; а главное, его книга Дымъ меня раздражила. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что главная мысль, основная точка его книги, состоитъ во фразѣ: „Если бы провалилась Россія, то не было бы никакого ни убытка, ни волненія въ человѣчествѣ". Онъ объявилъ мнѣ, что это его основное убѣжденіе о Россіи. Нашелъ я его страшно раздраженнымъ неудачею Дыма. А я, признаюсь, и не зналъ всѣхъ подробностей неудачи. Вы мнѣ писали о статьѣ Страхова въ Отечественныхъ Запискахъ; но я не зналъ, что его вездѣ отхлестали и что въ Москвѣ, въ клубѣ кажется, собирали уже подписку именъ, чтобъ протестовать противъ его Дыма. Онъ это мнѣ самъ разсказывалъ. Признаюсь вамъ, что я никакъ не могъ представить себѣ, что можно такъ наивно и неловко высказывать всѣ раны своего самолюбія, какъ Тургеневъ. И эти люди тщеславятся между прочимъ тѣмъ, что они атеисты! Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательно атеистъ. Но Боже мой: деизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что идеалъ человѣчества вѣковѣчный! А что же они-то, Тургеневы, Герцены, Утины, Чернышевскіе намъ представили? Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно-самолюбивы, до того безстыдно-раздражительны, легкомысленно-горды, что просто непонятно, на что они надѣются и кто за ними пойдетъ? Ругалъ онъ Россію и русскихъ безобразно, ужасно. Но вотъ что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно еще школы Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи Чернышевскаго просто ругаютъ Россію и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!), эти же отпрыски Бѣлинскаго прибавляютъ, что они любятъ Россію. А между тѣмъ, не только все что̀ есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго имъ ненавистно, такъ что они его отрицаютъ

и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ карикатуру, но что еслибъ дѣйствительно представить имъ наконецъ фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ карикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. Замѣтилъ я, что Тургеневъ, напримѣръ (равно какъ и всѣ долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ (хотя и читаютъ газеты) и до того грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не понимаютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не отрицаетъ, а только карикатуритъ по своему. Между прочимъ Тургеневъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая — это цивилизація, и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость. Онъ говорилъ, что пишетъ большую статью на всѣхъ руссофиловъ и славянофиловъ. Я посовѣтовалъ ему, для удобства, выписать изъ Парижа телескопъ. Для чего? спросилъ онъ. Отсюда далеко, отвѣчалъ я. Вы наведите на Россію телескопъ и разсматривайте насъ; а то, право, разглядѣть трудно. Онъ ужасно разсердился. Видя его такимъ раздраженнымъ, я дѣйствительно съ чрезвычайно удавшеюся наивностью сказалъ ему: „А вѣдь я не ожидалъ, что всѣ эти критики на васъ и неуспѣхъ Дыма до такой степени раздражатъ васъ; ей Богу не стоитъ того, плюньте на все!" — „Да я вовсе не раздраженъ, что̀ вы?" покраснѣлъ онъ.

Я перебилъ разговоръ; заговорили о домашнихъ и личныхъ дѣлахъ, я взялъ шапку и какъ-то совсѣмъ безъ намѣренія, къ слову, высказалъ что̀ накопилось въ три мѣсяца въ душѣ отъ нѣмцевъ. „Знаете-ли, какіе здѣсь плуты и мошенники встрѣчаются? Право, черный народъ здѣсь гораздо хуже и безчестнѣе нашего, а что̀ глупѣе, то въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Ну вотъ вы говорите про цивилизацію; ну что̀ сдѣлала имъ цивилизація и чѣмъ они могутъ передъ нами похвастаться!" Онъ поблѣднѣлъ (буквально ничего, ничего не преувеличиваю) и сказалъ мнѣ: „Говоря такъ, вы меня лично обижаете. Знайте, что я здѣсь поселился окончательно, что я самъ считаю себя за нѣмца, а не за

русскаго и горжусь этимъ!“ Я отвѣтилъ: „Хоть я читалъ Дымъ и говорилъ съ вами теперь цѣлый часъ, но все-таки я никакъ не могъ ожидать, что вы это скажете, а потому извините, что я васъ оскорбилъ“.

Затѣмъ мы распрощались весьма вѣжливо, и я далъ себѣ слово болѣе къ Тургеневу ни ногой никогда. На другой день Тургеневъ, ровно въ 10 часовъ утра, заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ хозяевамъ для передачи мнѣ свою визитную карточку. Но такъ какъ я самъ сказалъ ему наканунѣ, что я раньше 12 часовъ принять не могу, и что спимъ мы до 11-ти, то пріѣздъ его въ 10 часовъ утра я принялъ за ясный намекъ, что онъ не хочетъ встрѣчаться со мной и сдѣлалъ мнѣ визитъ въ 10 часовъ именно для того, чтобъ я это понялъ. Во всѣ семь недѣль я встрѣтился съ нимъ одинъ только разъ въ вокзалѣ. Мы поглядѣли другъ на друга, но ни онъ, ни я не захотѣли другъ другу поклониться.

Можетъ быть, вамъ покажется непріятною эта злорадность, съ которою я вамъ описываю Тургенева, и то, какъ мы другъ друга оскорбили. Но ей Богу, я не въ силахъ: онъ слишкомъ оскорбилъ меня своими убѣжденіями. Лично мнѣ все равно, хотя съ своимъ генеральствомъ онъ и не очень привлекателенъ; но нельзя же слушать такія ругательства на Россію отъ русскаго измѣнника, который бы могъ быть полезенъ. Его ползаніе передъ нѣмцами и ненависть къ русскимъ я замѣтилъ давно, еще четыре года назадъ. Но теперешнее раздраженіе и остервенѣніе до пѣны у рта на Россію происходятъ единственно отъ неуспѣха Дыма и что Россія осмѣлилась не признать его геніемъ. Тутъ одно самолюбіе, и это тѣмъ пакостнѣе“.

Письмо И. С. Тургенева къ издателю „Русскаго Архива“ было такого содержанія:

„Милостивый государь Петръ Ивановичъ!

До свѣдѣнія моего дошло, что въ Чертковскую библіотеку прислано на ваше имя письмо съ подписью г-на Ѳ. М. Достоевскаго и что въ этомъ письмѣ, которое должно явиться въ свѣтъ не ранѣе 1890 года, изложены имъ мнѣнія возмутительныя и нелѣпыя о Россіи и русскихъ, которыя онъ приписываетъ мнѣ. Эти мнѣнія, составляющія будто-бы

мое задушевное убѣжденіе, были высказаны мною, по увѣренію г-на Ѳ. Достоевскаго, въ его присутствіи, въ Баденѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время единственнаго посѣщенія, которымъ онъ меня почтилъ. Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано подобное злоупотребленіе довѣрія, я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевныя убѣжденія передъ г. Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ, не вполнѣ обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г-мъ Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокою бранью противъ нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты возражать ему: я, повторяю, обращался съ нимъ, какъ съ больнымъ. Вѣроятно, разстроенному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услыхать отъ меня, и онъ написалъ на меня свое . . . донесеніе потомству.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1890 году и г-нъ Достоевскій, и я—мы оба не будемъ обращать на себя вниманія соотечественниковъ; а если мы и не будемъ совершенно забыты, то судить о насъ станутъ не по одностороннимъ извѣтамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣятельности; но я все-таки почелъ своей обязанностью теперь же протестовать противъ подобнаго искаженія моего образа мыслей.

Мнѣ остается просить васъ извинить меня, что я рѣшился обратиться къ вамъ, не имѣя чести быть лично вамъ знакомымъ, а также принять выраженіе совершеннаго уваженія и преданности, съ которыми остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Ив. Тургеневъ [1]“.

Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.
3-го Янв. 1868 (22 Дек. 1867).

1) См. „Русск. Стар.“ 1902 г., кн. 2, стр. 330—333 и „Русск. Архивъ“, 1902 г., кн. 3, стр. 144—149.

Кстати, насколько Тургеневъ въ дѣйствительности былъ „страшно раздраженъ неудачею „Дыма“, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его переписки. „Мнѣ кажется, еще никогда и никого такъ дружно не ругали, какъ меня за „Дымъ“. Камни летятъ со всѣхъ сторонъ. Ѳ. И. Тютчевъ даже негодующіе стихи написалъ. И представьте себѣ, что я нисколько не конфужусь: словно съ гуся вода“. Такъ писалъ Иванъ Сергѣевичъ Анненкову 23 мая (ст. ст.) 1867 года[1]). Совершенно подобнымъ же образомъ выразился онъ и въ письмѣ къ Герцену, помѣченномъ тѣмъ же числомъ. Въ письмѣ къ Фету отъ 26 іюля (ст. ст.) того же года читаемъ: „Что „Дымъ“ вамъ не понравился, это очень неудивительно. Вотъ бы я удивился, если бъ онъ вамъ понравился. Впрочемъ „онъ почти никому не нравится“ . . . И представьте себѣ, что это мнѣ совершенно все равно, и нѣтъ такого выѣденнаго яйца, котораго я бы не пожалѣлъ за ваше одобреніе. Представьте, я увѣренъ, что это единственная дѣльная и полезная вещь, которую я написалъ. Вы скажете, что это обыкновенно такъ бываетъ съ авторами: любить своихъ плохихъ дѣтенышей; но вообразите, что и эти ваши слова, и нуль въ моихъ глазахъ одно и то же. И не потому, что вы подорвали сами всякій свой авторитетъ сравненіемъ Ирины съ Татьяной (почему не съ Андромахой?), а такъ-таки нуль — und punktum“ [2]).

Послѣ своей, дѣйствительно болѣзненной, выходки Достоевскій въ силу уже тѣхъ самыхъ психическихъ процессовъ, которые такъ реально и талантливо изображаются въ его романахъ — не могъ не идти дальше въ своей ненависти.

Злобное чувство, усиливаясь, привело его ко второй некрасивой выходкѣ, совершенной уже публично. Въ „Бѣсахъ“, печатавшихся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1871—1872 гг., „выведены“ были Тургеневъ и Грановскій, первый — подъ именемъ Кармазинова.

Собравъ въ одно наиболѣе характерныя черты этого героя, разсѣянныя, такъ сказать, по страницамъ романа, мы получимъ такую фигуру. Одѣвается Кармазиновъ, выходя

1) „Русск. Обозрѣн.“ 1894 г., кн. 1, стр. 19.
2) „Русск. Обозрѣн.“ 1901 г., вып. 1, стр. 252.

на воздухъ, примѣняясь къ климату болѣе западной Европы, чѣмъ своей родины, т. е. нѣсколько легко. Но „всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона“. Въ лѣвой рукѣ онъ носитъ „крошечный сакъ“; „впрочемъ это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или, еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей“. У себя дома, не въ лѣтнюю пору, Кармазиновъ носитъ „какую-то домашнюю куцавеечку на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужъ коротенькую, что̀ вовсе и не шло къ его довольно сытенькому брюшку“. Ноги обертывалъ шерстянымъ клѣтчатымъ плэдомъ изъ боязни заболѣть въ „этомъ климатѣ“. Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, — выступая на публичныя чтенія, Кармазиновъ, конечно, надѣвалъ фракъ и являлся передъ публикой „съ осанкою пятерыхъ камергеровъ“. Голосъ имѣлъ слишкомъ „крикливый, нѣсколько даже женственный, и при томъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ“. Говорилъ не иначе, какъ „жеманясь и тонируя“, „нѣжно скандируя каждое слово“. Кармазиновъ „дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей“. „Онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, уже разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ“. И балуютъ же его эти князья, графини и сильные люди! Они подносятъ ему лавровые вѣнки, ставятъ въ своихъ залахъ мраморныя доски на память объ его чтеніяхъ и проч. Несмотря на это, Кармазиновъ „болѣзненно трепеталъ передъ новѣйшею революціонною молодежью и, воображая по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской

будущности, унизительно къ нимъ подлизывался, главное — потому, что они не обращали на него никакого вниманія".

Незнаніе же дѣла у Кармазинова вполнѣ понятно. Онъ признается, что сидитъ вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. „И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества за все время, такъ называемыхъ, здѣшнихъ реформъ". Литературнымъ талантомъ Кармазиновъ обладаетъ небольшимъ „средней руки". Онъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, „которыхъ принимаютъ при жизни ихъ чуть не за геніевъ" и которые „не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали — забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро". Прежде Кармазиновъ писалъ вещи ничего себѣ, т. е. „хоть обточено, жеманно, но иногда съ остроуміемъ", впослѣдствіи же исписался и обнаруживалъ „такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться". Но самолюбіе такихъ писателей, именно подъ конецъ ихъ поприща „принимаетъ иногда размѣры достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя, — по крайней мѣрѣ за боговъ". Кармазиновъ высказался разъ такъ: „Тамъ, въ Карлсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я".

И послѣднія произведенія свои писалъ онъ единственно съ цѣлью выставить себя самого. Таковы пародируемые Достоевскимъ, „Призраки", „Довольно" и „Казнь Тропмана". Въ послѣднемъ разсказѣ, по мнѣнію автора „Бѣсовъ", „такъ и читалось между строками: интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной, вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ: я жмурю глаза — не правда ли, какъ

это интересно?“ Понятно, почему Кармазиновъ заготовлялъ всегда по нѣскольку списковъ своихъ еще не напечатанныхъ произведеній и хранилъ „одинъ за границей у нотаріуса, а другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ“.

Впослѣдствіи Тургеневъ имѣлъ полное право сказать по поводу „Бѣсовъ“: „Недобрый онъ (Достоевскій) былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху. Мало ему было, что онъ меня вывелъ въ Кармазиновѣ, но зачѣмъ было Грановскаго трогать: вѣдь онъ покойникъ!“ [1]). По поводу того же романа Иванъ Сергѣевичъ писалъ М. А. Милютиной (3-го декабря 1872 г.): „Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ Кармазинова, тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи. Странно только то, что онъ выбралъ для пародіи единственную повѣсть, помѣщенную мною въ издаваемомъ нѣкогда имъ журналѣ, повѣсть, за которую онъ осыпалъ меня благодарственными и похвальными письмами. Эти письма сохраняются у меня. Вотъ было бы забавно напечатать ихъ! Но онъ знаетъ, что я этого не сдѣлаю. Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета“ [2]).

Мнѣнія Достоевскаго о литературной дѣятельности Тургенева мы уже видѣли, они вполнѣ подтверждаются и письмами Ѳедора Михайловича. Изложимъ въ заключеніе взглядъ Ивана Сергѣевича на Достоевскаго, какъ на писателя. Признавая его „крупнымъ“ писателемъ и „несомнѣннымъ талантомъ“, Тургеневъ рѣзко осуждалъ въ немъ неудержимый позывъ къ крайне болѣзненному психологическому анализу, который и называлъ „больничнымъ настроеніемъ“,

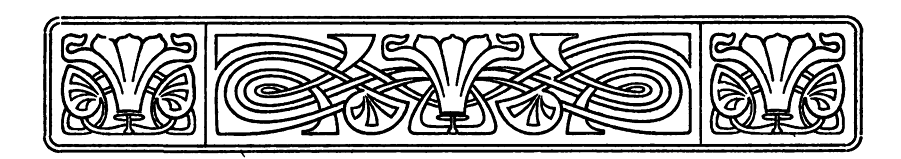
1) „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., XI, 387.
2) „Перв. собр. писемъ“, стр. 208.

„прѣлымъ самоковыряніемъ“, никому не нужнымъ бормотаньемъ и психологическимъ ковыряньемъ“ [1]). Наиболѣе крупными его вещами Иванъ Сергѣевичъ считалъ „Записки изъ мертваго дома“ и первую часть „Преступленія и наказанія“. Въ общемъ взглядъ Тургенева на литературную дѣятельность Достоевскаго совпадалъ со взглядами Н. К. Михайловскаго, изложенными въ статьѣ послѣдняго „Жестокій талантъ“. Въ этомъ критическомъ этюдѣ доказывается слѣдующая мысль: Достоевскій въ большей части своихъ произведеній стремится не возбудить состраданіе или сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, а старается помучить героевъ своихъ романовъ изъ простого желанія раздражать нервы читателей. Не направляя послѣднихъ ни къ какой разумной или гуманной цѣли, ни къ какому идеалу, онъ играетъ на нервахъ читателей „такъ“, изъ любви къ искусству. Его психологія въ большинствѣ случаевъ не раскрытіе тайниковъ человѣческой души, а наслажденіе тѣми страданіями, которыя проистекаютъ у его героевъ изъ болѣзненныхъ или ложныхъ положеній. Познакомившись съ этой статьей, Тургеневъ писалъ Салтыкову (Щедрину) 24-го сентября 1882 года: „Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ. Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: „Tourments et supplices“, въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя . . . И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка! По истинѣ, въ странное живемъ мы время!“ [2]).

---

1) „Вѣстн. Европы“, 1887 г., кн. 2, стр. 474. Фетъ: „Мои воспомин.“, II, 88. „Перв. собр. писемъ Тургенева“, стр. 272.

2) „Перв. собр. писемъ“, 496—497.

XVI.

И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ.

И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ оба принадлежали къ кружку Бѣлинскаго, оба были въ числѣ наиболѣе близкихъ людей къ великому критику. На интимныхъ собраніяхъ этого кружка они и познакомились, что произошло, однако, не ранѣе осени 1843 года. Первая встрѣча будущихъ друзей произошла, впрочемъ, еще въ концѣ 1840 г. въ Берлинѣ, куда Анненковъ только что пріѣхалъ впервые знакомиться съ Западомъ, а Иванъ Сергѣевичъ былъ наканунѣ возвращенія на родину послѣ университетскихъ своихъ занятій въ прусской столицѣ. „Въ одномъ изъ берлинскихъ кафе (Подъ-Липами) у Спарньяпани, отличавшагося громаднымъ количествомъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ“, писалъ впослѣдствіи Павелъ Васильевичъ: „я встрѣтилъ однажды вечеромъ двухъ русскихъ высокаго роста, съ замѣчательно красивыми и выразительными физіономіями, Тургенева и Бакунина, бывшихъ тогда неразлучными. Мы даже и не раскланялись, ни съ однимъ изъ нихъ я еще не былъ знакомъ и не предчувствовалъ близкихъ моихъ отношеній къ первому“ [1]).

1) Воспоминан. и критич. очерки, III, 61.

Съ первыхъ же дней знакомства Тургеневъ близко сошелся съ Анненковымъ. Дружба эта продолжалась до самой смерти Ивана Сергѣевича и съ годами лишь крѣпла, несмотря на то, что впослѣдствіи друзьямъ приходилось встрѣчаться гораздо рѣже, чѣмъ въ первые годы ихъ знакомства. Ничье имя не встрѣчается такъ часто въ письмахъ Ивана Сергѣевича, какъ имя Анненкова. При перечнѣ своихъ близкихъ Тургеневъ его ставитъ всегда на первое мѣсто. „Пріятелей здѣшнихъ я видѣлъ всѣхъ, начиная, разумѣется, съ Анненкова", пишетъ, напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ Фету 15 февр. 1860 г. изъ Петербурга. Когда друзьямъ приходилось бывать въ одномъ городѣ, Павелъ Васильевичъ становился „завсегдатаемъ" Тургенева по выраженію послѣдняго. Никто не умѣлъ лучше Ивана Сергѣевича ни защищать Анненкова, ни рекомендовать его. Встрѣчаясь съ нимъ въ 1847 г. въ Парижѣ, Тургеневъ пишетъ, напримѣръ, г-жѣ Віардо: „По вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ г. Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ". С. Т. Аксакову въ письмѣ отъ 16 янв. 1853 г. отзывался о немъ такъ: „Анненкова не должно судить по его „письмамъ" (провинціальнымъ) — въ немъ собственно таланта немного, но онъ человѣкъ чрезвычайно умный, съ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ". „Вы видаете Анненкова теперь", писалъ Иванъ Сергѣевичъ гр. Л. Н. Толстому 8 декабря 1856 г.: „помните, какъ онъ вамъ не нравился? А теперь вы, я надѣюсь, убѣдились, что онъ человѣкъ и умный и хорошій. Чѣмъ больше вы его будете знать, тѣмъ онъ станетъ вамъ дороже, повѣрьте мнѣ". Черезъ 25 лѣтъ послѣ этихъ строкъ онъ писалъ Салтыкову: „Вотъ и насчетъ нашего общаго друга, П. В. Анненкова, вы несправедливы. Я знаю, какого онъ высокаго мнѣнія о васъ. Онъ ни къ кому не относился свысока да иронически — станетъ онъ начинать съ васъ! Вы, можетъ быть, не замѣтили, что онъ до крайности стыдливый человѣкъ и даже робкій. Вы этого не разглядѣли подъ его напускною развязностью. Конечно, онъ современникъ Гоголя и Бѣлинскаго, но онъ точно также чувствуетъ себя современникомъ Языкова и Маслова и нисколько отъ этого не отказывается". Тургеневъ

правъ былъ поэтому, когда писалъ Анненкову еще въ 1861 году: „Моя привязанность къ вамъ — старинная, сердечная“. Правъ былъ и Павелъ Васильевичъ, когда признавался, уже послѣ смерти своего друга, что „пристрастіе и слабость ко мнѣ составляли у него (Тургенева) родъ физіологическаго признака“. И намъ понятны будутъ эта любовь, эта привязанность, когда узнаемъ, какъ велико было значеніе для Ивана Сергѣевича сорокалѣтней дружбы его съ Анненковымъ.

Въ біографической литературѣ о Тургеневѣ уже давно отмѣченъ тотъ фактъ, что Иванъ Сергѣевичъ каждое свое новое произведеніе, за двумя, тремя исключеніями, еще въ рукописи прочитывалъ или посылалъ на судъ Анненкову, отъ него сначала просилъ отзыва. Павла Васильевича называли такимъ образомъ „первымъ критикомъ“ Тургенева, придавая этому выраженію тотъ именно смыслъ, что мнѣнія Анненкова болѣе всего вызывали поправки и передѣлки при окончательной редакціи новаго произведенія. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подавалъ поводъ къ такимъ заключеніямъ. Вотъ что онъ писалъ, напримѣръ, М. М. Стасюлевичу 6 марта 1874 года: „Это первое мое произведеніе (рѣчь идетъ о „Пунинѣ и Бабуринѣ“), которое попадетъ въ печать, не подвергнувшись критикѣ моихъ пріятелей, а въ особенности П. В. Анненкова, которому я всегда давалъ читать мои рукописныя вещи, и совѣты котораго были всегда чрезвычайно дѣльны и драгоцѣнны для меня. Если „Пунину и Бабурину“ суждено явиться въ свѣтъ не раньше мая, то я успѣю еще отослать рукопись къ Анненкову въ Ниццу и, получивъ его замѣчанія, сдѣлать нужныя сокращенія, прибавленія или варіанты, которые бы я столь же поспѣшно препроводилъ вамъ, такъ чтобы вы имѣли ихъ подъ рукой задолго до напечатанія самой повѣсти“. Тургеневъ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ своего друга, какъ критика. Отзываясь о его работахъ, Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ выраженія, что онѣ написаны „умно и дѣльно“ [1]). Онъ цѣнилъ въ немъ и то, за что Анненкова до сихъ поръ обвиняютъ, — будто Павелъ Васильевичъ принадлежалъ,

---

1) Письма, стр. 135, Фетъ. Воспоминанія, II, 290.

какъ критикъ, къ типу „нельзя не признаться, но должно сознаться“, т. е. ничего не хвалилъ и не порицалъ съ полной силой и опредѣленностью, а обыкновенно сопровождалъ свои заключенія оговорками. Ему ставятъ въ вину отсутствіе даже намека на полемическую рѣзкость. Все это будто бы дѣлало его критическую дѣятельность вялой, скучной, прѣсной. Тургеневъ былъ иного мнѣнія объ этихъ особенностяхъ своего друга. Онъ признавалъ, что Павелъ Васильевичъ писалъ „иногда запутанно въ выраженіяхъ“, а въ шутку разъ даже сравнилъ его манеру писать съ замашкой такого человѣка, который, желая почесать у себя въ головѣ, исполняетъ свое желаніе не просто, а, подобно акробату, черезъ колѣно [1]). Но Иванъ Сергѣевичъ былъ противникомъ слишкомъ рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ. Онъ не любилъ, когда говорили: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло“. Точно также относительно полемики Анненковъ отмѣчалъ свою солидарность съ Тургеневымъ, когда писалъ послѣднему 21 окт. 1872 г.: „Я благодаренъ вамъ за двѣ книжки „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ впрочемъ читать нечего, исключая статью Салтыкова о пѣнкоснимателяхъ да яростной полемики Михайловскаго (очень умнаго и бойкаго юноши) съ „Петербургскими Вѣдомостями“. Этотъ дѣйствуетъ по-американски: „Вы г. Буренинъ, дуракъ и шалопай, вонючій клопъ—и больше ничего“. Славно, даже въ жаръ кидаетъ нашего брата, привыкшаго выражать свою злобу и другія гнусныя чувства, по малой мѣрѣ, иносказательно. Къ сожалѣнію, оба эти ирокеза, и Салтыковъ и Михайловскій — правы, а что еще важнѣе — занимательны и забавны“.

И для насъ критическое дарованіе Анненкова является несомнѣннымъ особенно въ установкѣ наиболѣе правильныхъ взглядовъ на дѣятельность и художественное творчество Тургенева. Нѣкоторые приговоры Павла Васильевича до сихъ поръ являются еще новыми, звучатъ какъ бы ересью въ хорѣ предвзятыхъ сужденій. Такъ „Новь“ онъ считаетъ ничуть не ниже „Дворянскаго гнѣзда“, „Отцовъ

---

1) „Историч. Вѣстн.“, 1892 г., янв. 135.

и дѣтей“ ни по художественному, ни по общественному значенію, а „Записки Охотника“ нисколько не выше позднѣйшихъ произведеній Тургенева, въ чемъ вполнѣ сходится съ самимъ авторомъ.

Несомнѣнно на окончательную отдѣлку произведеній Тургенева Анненкевъ оказывалъ вліяніе, но его однако не слѣдуетъ преувеличивать. Съ полной очевидностью вскрывается изъ писемъ Ивана Сергѣевича совершенно свободное и самостоятельное отношеніе его къ замѣчаніямъ Павла Васильевича. Онъ настолько же твердо отвергалъ отзывы своего „перваго критика“, разъ не соглашался съ ними, насколько охотно принималъ и совѣты другихъ друзей, если только считалъ эти совѣты правильными, о чемъ будемъ еще говорить въ своемъ мѣстѣ.

Однако особенное вліяніе Анненкова на творчество Тургенева надо искать не въ области „сокращеній, прибавленій или варіантовъ“, а въ другой, болѣе обширной и важной. Но для выясненія этой послѣдней сферы необходимо предварительно охарактеризовать отношенія Ивана Сергѣевича къ критикѣ, къ общественному мнѣнію, насколько послѣднее касалось его литературной дѣятельности.

По выходѣ въ свѣтъ новаго своего произведенія, Тургеневъ тотчасъ начиналъ прислушиваться къ возбужденнымъ толкамъ и замѣчаніямъ, закидывалъ друзей вопросами о впечатлѣніи, производимомъ вещью на нихъ и на публику, настойчиво искалъ отзывовъ въ газетахъ и журналахъ. Огорчался несправедливыми или поспѣшными приговорами, искренно радуясь въ то же время всякому сочувствію и одобренію. Не только письма, но и печатныя статьи его не-беллетристическаго характера свидѣтельствуютъ на каждомъ шагу, съ какимъ вниманіемъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ критикѣ. Не самолюбіе руководило здѣсь Тургеневымъ, не авторское тщеславіе или погоня за популярностью. Усиленно прислушиваться къ общественному мнѣнію заставляли Ивана Сергѣевича причины болѣе нравственныя, болѣе серьезныя. Отвѣчая на лестные для него отзывы о „Нови“ С. К. Брюлловой и ея отца К. Д. Кавелина, Тургеневъ писалъ первой: „Прежде всего ваше письмо причинило мнѣ великую радость: вслѣдъ за письмомъ вашего

отца, оно было мнѣ залогомъ того, что я не ошибся совершенно — и что написанное мною имѣетъ право существовать. Послѣ всѣхъ сомнѣній, высказанныхъ другими, — а главное послѣ собственныхъ сомнѣній и колебаній, — это дѣйствительно большая радость. Тутъ дѣло не въ литературномъ самолюбіи, которое во мнѣ никогда слишкомъ сильно не было, — а въ другомъ, болѣе серьезномъ чувствѣ". Кавелину же онъ развилъ свою мысль подробнѣе: „Мой романъ имѣетъ для меня самого важное значеніе: тутъ идетъ вопросъ не объ упадкѣ или сохраненіи таланта, не о степени успѣха въ публикѣ, — къ этому я отношусь, если не равнодушно, то спокойно, какъ подобаетъ человѣку, уже убѣленному сѣдинами и усталому, — вопросъ идетъ о томъ, совладалъ ли я съ задачей, постановка которой казалась мнѣ вѣрной, но исполненіе которой (а вѣдь вся суть въ исполненіи!) могло внушать мнѣ справедливыя сомнѣнія и опасенія. Эти опасенія были тѣмъ болѣе естественны, что задача — то была ужъ больно трудна. И вотъ вы, человѣкъ столь же чуткій, сколь правдивый — настоящій другъ и настоящій судья въ одно и то же время — приходите и говорите мнѣ: „Работа хороша, все вѣрно и ладно", и даже прибавляете: спасибо — и въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могли меня не тронуть... Какъ же мнѣ не радоваться? Благодаря васъ, я самого себя глажу по головкѣ, и теперь какая бы ни была „литературная" судьба „Нови", я уже знаю, знаю навѣрное, что я не потерялъ времени даромъ и сослужилъ — и отслужилъ службу моему поколѣнію, пожалуй, даже моему народу".

Иванъ Сергѣевичъ отлично видѣлъ недостатки нашей критики 60-хъ и 70-хъ годовъ, критики, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія. Онъ открыто и въ письмахъ и въ статьяхъ своихъ указывалъ отсутствіе въ ней свободы, предвзятость взглядовъ, пристрастіе къ модѣ. Онъ не закрывалъ глаза на ея несправедливыя выходки по отношенію къ себѣ и отмѣчалъ ихъ не одними грустными размышленіями, а иной разъ насмѣшкой и негодующимъ протестомъ. „Давать мнѣ en passant плюхи, повидимому, est très bien porté въ нынѣшней литературѣ, въ родѣ тирольскихъ шляпъ: послѣдняя мода!" писалъ Тургеневъ Анненкову 26 окт.

1869 г. Въ слѣдующемъ году, въ рецензіи своей на стихотворенія Полонскаго, онъ высказалъ между прочимъ: „Въ послѣднее время я самъ себѣ напоминалъ тѣ турецкія головы, о которыя посѣтители народныхъ гуляній пробуютъ свои силы ударомъ кулака; не было ни одного начинавшаго критика, который не попыталъ бы надо мною своего размаха“. И все же, несмотря на сознаніе всѣхъ недостатковъ и крайностей общественнаго мнѣнія, взглядовъ молодежи, русской критики, — что было для Тургенева равносильно въ горячіе годы царствованія Александра II, — несмотря на это, онъ оставался вѣренъ тому, что высказалъ еще въ началѣ своей литературной карьеры начинающему писателю К. Н. Леонтьеву (9 іюня 1853 г.): „Не думайте, пожалуйста, что можно шутить съ публикой — написать, какъ вы говорите, „что нибудь полное лжи и лести“ для денегъ, а потомъ показаться въ настоящемъ свѣтѣ. Знайте: публику не надуешь ни на волосъ — она умнѣе каждаго изъ насъ; знайте также, что принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, вы должны быть еще благодарны ей, если она пойметъ и оцѣнитъ вашу жертву, если она обратитъ на васъ вниманіе; и это понятно, скажу болѣе: это справедливо. Не вы ей нужны, она нужна вамъ. Вы хотите завоевать ее, такъ напрягайте всѣ ваши силы. Я этимъ не хочу сказать, чтобы вы должны были угождать ей, служить ея вкусамъ; нѣтъ, будьте тѣмъ, чѣмъ васъ Богъ создалъ, давайте все, что въ васъ есть, и если вашъ талантъ оригиналенъ, если ваша личность интересна, публика признàетъ васъ, и возьметъ васъ и будетъ пользоваться вами, какъ, напримѣръ, въ другой сферѣ дѣятельности она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещью полезной и сподручной“. Насколько Иванъ Сергѣевичъ былъ вѣренъ въ продолженіе всей своей дѣятельности высказанному здѣсь взгляду, можетъ служить доказательствомъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній въ прозѣ: „Услышишь судъ глупца . . .“, законченное словами: „Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей . . . Бей меня, но выслушай!“ говорилъ аѳинскій вождь спартанскому. „Бей меня, но будь здоровъ и сытъ!“ должны говорить мы“.

Понятно намъ будетъ послѣ всего изложеннаго, какъ

необходима была Тургеневу нравственная поддержка, какъ важно было при его совѣстливомъ отношеніи къ читающей публикѣ, при его неподдѣльной авторской скромности слышать дружескій и твердый голосъ, ободряющій его и укрѣпляющій въ немъ сознаніе своего призванія. Такую поддержку, всегда неизмѣнную, всегда дружескую, находилъ Иванъ Сергѣевичъ въ Анненковѣ. Характеренъ особенно слѣдующій эпизодъ, разсказанный Павломъ Васильевичемъ въ его воспоминаніяхъ (перепискѣ) о другѣ: „Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни (1859 г.) я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: „Любезнѣйшій П. В., со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она, прочитавши мой романъ [1]), такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ A до Z, — что я серьезно думаю — не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три, — я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту — и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, — не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ — и, можетъ быть, вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все эту пишу не безъ досады, но безъ всякой желчи, ей Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ. Весь вашъ И. Т.“ Огонь въ каминѣ оказался ненуженъ. Черезъ полчаса размышленія сообща — авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика — точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси, и особенно въ женскомъ сердцѣ, породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ

1) „Наканунѣ“.

глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще".

Понятна намъ теперь также и та тревога, какую испытывалъ иногда Тургеневъ относительно судьбы своего новаго произведенія въ ожиданіи отзыва отъ Анненкова. А. Л. въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующія слова Тургенева, только что пославшаго своему „первому критику" — „Старые портреты": „Я очень долго не работалъ, а теперь (1880 г.) написалъ небольшую вещь. Стоила она мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ — одна переписка ея отозвалась на мнѣ такими головными болями, такою усталостью, какихъ я никогда не испытывалъ. И, навѣрно, вещь будетъ плохая . . , т. е., можетъ быть, и не совсѣмъ плохая, но во всякимъ случаѣ, слабая. Я послалъ ее Анненкову, которому даю на прочтеніе всѣ вещи до напечатанія . . . Посмотрю, что онъ мнѣ о ней скажетъ" [1]).

Но Павелъ Васильевичъ былъ не менѣе полезенъ Тургеневу и послѣ выхода того или другого изъ произведеній послѣдняго именно тѣмъ, что становился посредникомъ между публикой и своимъ другомъ, особенно во время продолжительныхъ пребываній Ивана Сергѣевича за границей. Анненковъ умѣлъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ передавать ему отзывы публики, откидывая отъ нихъ всякіе наносы разыгравшагося не въ мѣру русскаго остроумія, указывая и на благопріятныя мнѣнія печати и общества, обыкновенно ускользавшія отъ вниманія Тургенева, слишкомъ чуткаго ко всякой непріязни и несправедливости. Вотъ какъ резюмировалъ, напримѣръ, Павелъ Васильевичъ своему другу въ 1871 г. впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ памфлетомъ Достоевскаго на автора „Дыма" въ „Бѣсахъ": „Вы, кажется, единственный человѣкъ, если исключить закоренѣлыхъ литературщиковъ нашихъ, который узналъ въ

1) „Сѣверн. Вѣстн." 1887 г., кн. 3, стр. 72.

Кармазиновѣ то, что хотѣлось Достоевскому представить. Намѣреніе, конечно, очевидно въ этомъ лицѣ, но все это такъ каррикатурно, ухищренно и беззубо, что я не встрѣчалъ еще, по чистой совѣсти, души, которая бы сказала мнѣ: „Тургеневъ выведенъ на сцену". Это болѣе удовлетворяетъ злобу автора, чѣмъ вредитъ постороннему или оскорбляетъ кого-либо". Впечатлѣніе, произведенное на публику и журналистику „Вешними водами", Анненковъ описываетъ такъ (10 янв. 1872 г.): „Повѣсть ваша имѣетъ большой, даже восторженный успѣхъ въ публикѣ, который не отражается въ литературѣ, гдѣ все толкуютъ, что въ ней нѣтъ никакого вопроса. Желающіе имѣть серьезный видъ тоже выражаютъ эту новую мысль, но заглушены энтузіастами, а послѣднихъ много. Таковы почти всѣ мои знакомые безъ исключенія, особенно женщины. Хоръ похвалъ и восхищеній все еще растетъ,—вы можете быть спокойны... Заключаю повтореніемъ, что и философы, жаждущіе вопроса, сознаются, что мастерство изложенія и рельефность характеровъ и положеній врядъ ли далѣе могутъ быть усовершенствованы". Но Павелъ Васильевичъ не утѣшать хотѣлъ Тургенева во что бы то ни стало; онъ не стѣснялся, напримѣръ, указывать на тѣ не совсѣмъ благопріятныя мнѣнія публики, которыя совпадали съ его собственными. Такъ онъ рѣшительно подчеркиваетъ взглядъ критики и общества, что „Конецъ Чертопханова" является диспаратомъ къ „Запискамъ Охотника", нарушаетъ ихъ цѣльность.

Способность Анненкова къ широкимъ и осторожнымъ обобщеніямъ была полезна Ивану Сергѣевичу и въ другихъ случаяхъ. „Энциклопедически-панорамическое перо" Павла Васильевича, по шутливому замѣчанію его друга, дѣлало Анненкова незамѣнимымъ корреспондентомъ, знакомившимъ Тургенева, въ періоды его отлучекъ съ родины, со всѣми новостями русской, особенно петербургской жизни. Иванъ Сергѣевичъ считалъ его „мастеромъ резюмировать данный моментъ эпохи", даже въ простыхъ, наскоро составленныхъ письмахъ, почему часто обращался къ нему съ просьбой не оставлять извѣстіями о томъ, что „кипитъ и гремитъ" вокругъ него, или „какіе ходятъ теперь политическіе и литературные слухи въ нашей сѣверной столицѣ".

— „Получилъ я ваше письмо и по обыкновенію узналъ изъ него лучше всю суть современнаго положенія петербургскаго общества, чѣмъ изъ чтенія журнальныхъ корреспонденцій и т. д.; говорю вамъ спасибо“, — находимъ, напримѣръ, въ письмѣ Тургенева къ Анненкову отъ 11 декабря 1861 г. Оно и понятно, если принять во вниманіе обширный кругъ знакомыхъ Павла Васильевича. О его многочисленныхъ связяхъ съ самыми разнообразными по характеру и направленію кружками писателей достаточно свидѣтельствуютъ его воспоминанія. Недаромъ люди, относившіеся къ Анненкову недоброжелательно, говаривали, что онъ и извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ другомъ всевозможныхъ извѣстностей. Иванъ Сергѣевичъ, правда, зналъ ихъ еще больше и нерѣдко гораздо лучше своего друга, но это нисколько не роняетъ значенія писемъ Павла Васильевича. Про связи же послѣдняго съ кружками, стоявшими на верху общества, достаточно говоритъ уже одна переписка его съ Тургеневымъ. „Висбаденъ нашъ“, пишетъ онъ 21 окт. 1872 г. Ивану Сергѣевичу: „превращается въ мѣсто отдохновенія русскаго государственнаго персонала, болѣе или менѣе разбитаго параличемъ или загноившаго свои печени и легкія. Сюда стеклись на зиму: Корфъ съ женой, Н. Адлербергъ, Альбединскій съ женой — la grande demoiselle сдѣлалась... матроной, m-me Дубельтъ, какая-то теперешняя нѣмецкая графиня, княгиня Кочубей, не говоря уже о рядовыхъ генералъ-адъютантахъ. Ждутъ еще Вяземскаго. Къ величайшему моему изумленію, оказывается, что все это мои старые знакомые, которые при встрѣчахъ ласково помахиваютъ мнѣ руками и очами“. У Тургенева было не меньше чѣмъ у Анненкова знакомствъ въ томъ кругу, но, подолгу живя за границей, онъ чаще принималъ въ своемъ кабинетѣ короля и королеву прусскихъ, какъ это бывало, напримѣръ, въ Баденѣ, чѣмъ русскихъ генералъ-адъютантовъ.

Въ интересахъ возможно полной оцѣнки значенія для Ивана Сергѣевича дружбы Анненкова необходимо указать еще на то, что послѣдній былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Тургенева, какъ комиссіонеръ. Иванъ Сергѣевичъ засыпалъ его всевозможными порученіями, чуть не въ каждомъ письмѣ. „А теперь, à la hâte, два-три порученія“, пишетъ

онъ въ одномъ посланіи. „Въ отвѣтъ на ваше письмо имѣю сообщить вамъ нѣсколько свѣдѣній и, какъ водится, кой-о-чемъ попросить васъ“, пишетъ Тургеневъ въ другомъ. „Вчера я писалъ вамъ — и нынче пишу снова, но уже съ припаденіемъ къ стопамъ; а почему я прибѣгаю къ такой позѣ, о томъ слѣдуютъ пункты“ . . . такъ приступаетъ онъ къ перечню порученій въ третьемъ письмѣ, и т. д. Просьбы Ивана Сергѣевича были самыя разнообразныя и касались предметовъ литературныхъ, семейныхъ, денежныхъ; заключали въ себѣ рекомендаціи, ходатайства, различныя справки и т. д. Всѣ они аккуратно исполнялись Павломъ Васильевичемъ и вызывали самую горячую благодарность Тургенева, хотя и выражавшуюся иногда въ формѣ веселой шутки. „Всякое письмо къ вамъ должно, по настоящему, начинаться съ благодарственнаго гимна“, читаемъ въ одномъ письмѣ Ивана Сергѣевича. „Вы — гранитная скала, бронзовая колонна, адамантъ! На васъ можно всегда и во всемъ положиться“, такъ начинаетъ онъ другое письмо къ другу. Порученія и просьбы касались иногда вполнѣ интимныхъ сторонъ жизни Тургенева, недоступныхъ не только взорамъ постороннихъ, но и остальныхъ друзей его. Въ письмѣ отъ 24 дек. 1868 г. онъ пишетъ, напримѣръ, Анненкову о своемъ двоюродномъ братѣ Михаилѣ Алексѣевичѣ Тургеневѣ (положенномъ впослѣдствіи въ основу типа „Отчаяннаго“): „У меня есть N. N., пьяница, воришка и часто битый по мордѣ, до самаго дна всякой житейской тины, распущенности и бѣдности дошедшій человѣкъ. Я получилъ отъ него письмо (оказывается, что онъ въ Петербургѣ, до сихъ поръ онъ былъ писцомъ въ какомъ-то сельскомъ обществѣ), и въ этомъ письмѣ онъ, — разумѣется, расточая всякія клятвы и обѣщанія исправиться, — проситъ меня о сторублевомъ вспомоществованіи. Этого я ему не дамъ, онъ немедленно все пропьетъ, — но каждое первое число, начиная съ января, выдавайте ему изъ моихъ денегъ, которыя вамъ доставитъ Кишинскій, по пяти рублей, ни копѣйки больше и ни однимъ днемъ раньше срока, съ условіемъ: не пускать его дальше вашей передней и не удостоивать его разговоромъ, а то онъ что-нибудь у васъ украдетъ. Мнѣ очень совѣстно, что я васъ ставлю въ отношеніе съ такимъ козломъ, но по

крайней мѣрѣ успокойте меня обѣщаніемъ, что вы не допустите его къ себѣ." Въ другомъ письмѣ къ Анненкову читаемъ: „Узнайте адресъ Е. Я. Шварцъ, сестры жены моего брата. Эту несчастную полумертвую чахоточную дѣвушку братъ (или, вѣрнѣе, жена его) прогналъ изъ своего дома безо всякой причины на другой день послѣ того, какъ я въ Дрезденѣ вручилъ ему письмо отъ другой сестры его жены съ просьбой о пособіи, и теперь это злополучное существо безъ всякаго призрѣнія и безъ паспорта гибнетъ въ Петербургѣ. Она желала бы, чтобы ее хоть въ госпиталь помѣстили; но вы, съ свойственной вамъ мягкостью, узнайте, въ чемъ дѣло, и вручите ей отъ моего имени сто рублей, которые я вамъ съ благодарностью возвращу. Я ей предлагалъ поселиться у меня въ деревнѣ (она уже и прежде тамъ жила). Вы и объ этомъ съ ней поговорите. Словомъ, пролейте нѣсколько капель елею на эту поистинѣ достойную сожалѣнія рану. Большое вамъ будетъ за то спасибо".

Послѣ всего сказаннаго выше съ достаточной очевидностью обнаруживается не только первостепенное значеніе переписки Тургенева съ Анненковымъ[1]), но и рѣшающее значеніе воспоминаній и сужденій Павла Васильевича объ авторѣ „Отцовъ и дѣтей". Анненкову русская читающая публика обязана многими правильными взглядами на жизнь и творчество Ивана Сергѣевича. Многіе приговоры критика, несмотря на всю ихъ несомнѣнность, до сихъ поръ еще не усвоены публикой, какъ, напримѣръ, приведенныя уже нами мнѣнія о „Запискахъ Охотника" и „Нови". Зато, къ сожалѣнію, слишкомъ усвоены ею нѣкоторые ошибочные взгляды Павла Васильевича. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ два, какъ наиболѣе далекіе отъ истины.

Можетъ быть Анненкову болѣе всего обязанъ Тургеневъ тѣмъ распространеннымъ мнѣніемъ, будто въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни онъ „полюбилъ" Францію и прежде всего потому, что Франція стала для Ивана Сергѣе-

---

1) Нельзя отъ души не пожалѣть, что послѣднія десять лѣтъ этой переписки утрачены вслѣдствіе прекращенія журнала „Русское Обозрѣніе", куда она была передана покойнымъ Л. Майковымъ.

вича мила сама по себѣ. Особенно рѣшительно высказался критикъ по поводу слѣдующаго мѣста письма своего друга отъ 10 іюня 1859 г.: „Все французское для меня воняетъ, и ужъ коли выбирать, лучше возиться съ французскими épiciers, чѣмъ съ французскими beaux esprits. Я живу въ Виши въ скромномъ отелѣ, гдѣ вижу за table d'hôt'омъ нѣсколько французскихъ épiciers; особенно одинъ изъ нихъ плѣнителенъ. Онъ убѣжденъ, что русскіе мужики продаютъ своихъ дѣтей — „pour le sérail du Grand Kan des Tartares, monsieur!" (въ сераль великаго хана Тартаріи, государь мой!) — и прибавляетъ: „Ah, monsieur! Quelle sale chose que la religion de Mahomet!" Я, разумѣется, его не разувѣряю. Здѣшнія мужички сильно ругаются и употребляютъ необыкновенно замысловатыя выраженія. Недавно одна изъ нихъ при мнѣ говорила своему двухлѣтнему сыну: „Satané bougre d'anisette". Удивительное сцѣпленіе идей". Приведя этотъ отрывокъ, Анненковъ замѣчаетъ: „Анекдоты о плѣнительномъ épicier и о ругающейся матронѣ могли быть и вымышленны, но они показываютъ, какъ тогда смотрѣлъ Тургеневъ на французскую культуру и какъ относился къ странѣ, которую такъ любилъ впослѣдствіи" [1]). Мнѣніе Павла Васильевича было бы понятно, если бы рѣчь шла только о Наполеоновскомъ режимѣ, но дѣло касается тутъ французской культуры вообще, независимо отъ той или другой политической формы ея. Насколько Анненковъ неправъ во мнѣніи объ особенной любви Ивана Сергѣевича къ Франціи 70-хъ годовъ, лучше всего можно видѣть изъ отзывовъ Тургенева о французской литературѣ, одинаково скептическихъ, какъ для временъ имперіи, такъ и для 70-хъ годовъ. Обратимся однако къ другимъ даннымъ. Въ концѣ 1872 г., на слова Анненкова: „Скажите, ради Бога, почему же это надо быть осломъ даже и геніальному французу, какъ только онъ потянетъ носомъ другой воздухъ, чѣмъ тотъ, какой самъ испустилъ!" — Тургеневъ отвѣчалъ: „то, что вы говорите о неспособности французовъ понимать не свое и объ ихъ невѣжествѣ, до сихъ поръ совершенно

1) „Вѣстн. Европы", 1885 г, мартъ, стр. 27—28.

вѣрно". М. Драгомановъ не преувеличивалъ, когда писалъ по поводу своихъ встрѣчъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ 1878 г.: „Замѣчательно было у этого отъявленнаго западника постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ". Тургеневъ не разъ въ послѣдніе годы своей жизни называлъ французовъ „копѣешниками" [1]). Сравнивая отзывы Ивана Сергѣевича о Франціи 70-хъ годовъ съ его же отзывами о ней за періодъ имперіи, можно замѣтить лишь ту разницу, что позднѣйшіе взгляды не выражаются въ столь рѣзкихъ и сильныхъ словахъ, какъ болѣе ранніе. Но причина этого заключалась не столько въ перемѣнѣ симпатій къ Франціи, сколько въ перемѣнѣ въ самомъ характерѣ Тургенева. Подъ старость онъ сдѣлался чрезвычайно терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, сталъ очень невзыскателенъ ко всему тому, что касалось его лично. Въ ноябрѣ 1869 г. Иванъ Сергѣевичъ писалъ Фету: „Къ сожалѣнію, я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла до того, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слипшіяся отъ долгаго молчанія". Въ іюнѣ 1871 г. онъ писалъ тому же Фету: „Въ пятьдесятъ три года человѣкъ не позволяетъ себѣ думать, чтобы онъ могъ кого-нибудь или что-нибудь измѣнить. Да и къ чему мѣняться? Жизненнаго бремени не облегчишь, и каждому самому удобнѣе знать, какъ ему возиться съ этимъ чурбаномъ. Иной его кладетъ на голову, другой на спину, а третій просто волочитъ по землѣ. И то все благо, то добро". „Tout casse, tout passe, tout lasse", говаривалъ онъ позднѣе своему брату. То, что раньше сердило и возмущало Ивана Сергѣевича во французахъ, то теперь дѣйствовало на него не такъ сильно. Если Тургеневъ въ 70-хъ годахъ былъ сдержаннѣе въ отзывахъ о недостаткахъ французовъ, то онъ въ равной степени былъ сдержаннѣе и въ чувствахъ довольства своею жизнью во Франціи. Мы не найдемъ ни одного мѣста въ письмахъ его 70-хъ годовъ равнаго по теплотѣ чувства тѣмъ строкамъ письма къ Анненкову изъ Кур-

1) Воспоминанія Полонскаго. „Нива", 1884 г.

тавнеля отъ 1 августа 1859 г., гдѣ Иванъ Сергѣевичъ говоритъ, какъ хорошо „сидѣть передъ раскрытымъ окномъ и глядѣть въ неподвижный садъ, медленно мѣшая образы собственной фантазіи съ воспоминаніями далекихъ друзей и далекой родины. Въ комнатѣ свѣжо и тихо, въ корридорѣ слышны голоса дѣтей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше?“ ...

Да и вообще симпатіи Тургенева къ Западу Анненковъ не то что преувеличивалъ, а объяснялъ нѣсколько односторонне. Онъ писалъ: „Европа была для него (Тургенева) землей обновленія: корни всѣхъ его стремленій, основы для воспитанія воли и характера, а также и развитія самой мысли заложены были въ ея почвѣ — и тамъ глубоко развѣтвились и пустили отпрыски. Понятно становится, почему онъ предпочиталъ смолоду держаться на этой почвѣ, пока совсѣмъ не утвердился на ней. Не мало упрековъ отъ соотечественниковъ вынесъ онъ на вѣку своемъ за это предпочтеніе, казавшееся имъ обиднымъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли тутъ даже отсутствіе національныхъ убѣжденій, космополитизмъ обезпеченнаго человѣка, готоваго промѣнять гражданскія обязанности свои на комфортъ и легкія потѣхи заграничнаго существованія и проч., и проч. Ни въ одномъ изъ взводимыхъ на него преступленій Тургеневъ, конечно, не провинился, да ими и не могъ провиниться человѣкъ, литературная дѣятельность котораго, — то-есть, другими словами, вся задача жизни, — ничего иного никогда и не высказывала, кромѣ постоянной, пламенной думы о своемъ отечествѣ, и который жилъ ежедневной мыслью о немъ, гдѣ бы ни находился, что хорошо извѣстно и старымъ, и новымъ его знакомымъ. Не отсутствіе народныхъ симпатій въ душѣ и не надменное пренебреженіе къ строю русской жизни сдѣлали Европу необходимостью для его существованія, а то, что здѣсь обильнѣе текла умственная жизнь, поглощающая пустыя стремленія, что въ Европѣ онъ чувствовалъ себя болѣе простымъ, дѣльнымъ, вѣрнымъ самому себѣ и болѣе свободнымъ отъ вздорныхъ искушеній, чѣмъ когда становился лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностью“ [1]). На самомъ дѣлѣ существенной оговор-

1) Воспоминанія и критическ. очерки, III, 191.

кой къ изложенному взгляду являются слѣдующія признанія самого Ивана Сергѣевича на вечерней бесѣдѣ 4 марта 1880 г. въ Петербургѣ, дословно записанныя слушателями: „Послѣднія 20 лѣтъ", разсказывалъ онъ: „я почти все время провожу за границею. Такова судьба, выпавшая на мою долю. Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чужой семьи, и случайно выпало, что это семья французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи... Перемѣняетъ она мѣсто жительства — и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ, и я переношу свое мѣстопребываніе вмѣстѣ съ нею" [1]). А внѣ любимой семьи Тургеневу все же приходилось за границей имѣть дѣло съ живыми людьми, а не съ отвлеченными результатами блестящаго умственнаго развитія Европы, и не одному Писемскому онъ высказывалъ: „Жить русскому за границей тоже невесело: невесело видѣть, до какой степени всѣ насъ ненавидятъ, всѣ, не исключая даже французовъ! Россія должна замкнуться въ самое себя и не разсчитывать ни на какое внѣшнее сочувствіе" (письмо отъ 26 окт. 1876 г.). Анненковъ гораздо ближе къ истинѣ, когда подробно объясняетъ въ своей статьѣ по поводу „Дыма" западничество Тургенева не привязанностью къ „видимой" Европѣ, которую составляютъ, такъ сказать, живые люди, а преданностью той мало извѣстной Европѣ, которая заключаетъ въ себѣ результаты общечеловѣческаго развитія.

Анненкову не менѣе, чѣмъ другимъ русскимъ критикамъ, обязана публика тѣмъ предвзятымъ взглядомъ, по которому Иванъ Сергѣевичъ своими произведеніями будтобы проводилъ теорію, „въ силу которой русская жизнь распадалась на два элемента — мужественную, очаровательную по любви и простотѣ женщину, и очень развитого, но запутаннаго и слабаго по природѣ своей мужчину" [2]). Послѣдній элементъ или типъ особенно интересовалъ критика,

1) „Русская Старина", 1883 г., октябрь.
2) „Вѣстн. Европы", 1884, кн. 2, стр. 460.

являясь главной опорой его теоріи, — какъ видно изъ болѣе раннихъ статей Анненкова: „И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой“ (1854 г.) и „Литературный типъ слабаго человѣка“ (по поводу Тургеневской „Аси“ 1858 г.). Критикъ понималъ подъ сильнымъ „развитіемъ“ не только научное и философское образованіе природнаго ума, но и выдающуюся чуткость совѣсти, честность натуры; подъ „запутанностью“ — стремленіе къ возвышеннымъ, отдаленнымъ цѣлямъ, не замѣчающее ближайшихъ обязанностей человѣка, иногда даже нѣсколько брезгливо относившееся къ нимъ; наконецъ, подъ „слабостью“ критикъ понималъ простую безхарактерность, тряпичность натуры, отсутствіе воли. Павелъ Васильевичъ сначала полагалъ, что эту теорію Тургеневъ проводилъ до самаго „Дворянскаго гнѣзда“; затѣмъ ограничилъ свой взглядъ временемъ появленія „Рудина“, считая послѣднюю повѣсть „погребальнымъ вѣнкомъ на гробѣ всѣхъ старыхъ разсказовъ Тургенева объ абстрактныхъ русскихъ натурахъ“. Но, съ легкой руки Анненкова, публика приложила эту теорію уже ко всѣмъ произведеніямъ Ивана Сергѣевича, не исключая „Нови“. Далѣе, — допуская законность примѣненія своего взгляда ко всему поколѣнію 40-хъ годовъ, критикъ изъ этого разряда несостоятельныхъ людей, рѣшительно выдѣлялъ передовыхъ дѣятелей эпохи, и самого Тургенева, какъ человѣка съ недюжинной волей. „Рѣдкіе изъ людей“, писалъ Павелъ Васильевичъ: „высказали болѣе выдержки въ характерѣ, чѣмъ онъ“. Публика опять оказалась тутъ прямолинейнѣе — она и самого Ивана Сергѣевича отнесла къ разряду высоко развитыхъ, но лишенныхъ воли героевъ.

Не было бы всѣхъ этихъ ошибокъ, еслибъ Анненковъ не увлекся на этотъ разъ лишнимъ обобщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства своей мысли, кого онъ выставляетъ, какъ „очень развитыхъ, но слабыхъ людей“, на кого онъ указываетъ совершенно опредѣленно, не скрываясь, не блуждая среди намековъ и не всегда ясныхъ ссылокъ на типы другихъ произведеній Тургенева и его современниковъ? На Вязовнина („Два пріятеля); Астахова, Веретьева („Затишье“); Рудина и героя „Аси“. Вязовнинъ еще оправдываетъ эту теорію, но про остальныхъ этого

сказать нельзя. Астаховъ — человѣкъ практическій, настойчиво добивающійся благосостоянія, выгодной партіи, уже совсѣмъ не является типомъ очень развитого и въ то же время безхарактернаго героя. Самъ же Анненковъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи указываетъ на то, что Астаховъ обрисовывается въ повѣсти „совершенно пустымъ" человѣкомъ, неспособнымъ „понимать благородное въ жизни и мысли". Такъ же мало оправдываетъ основной взглядъ Павла Васильевича и Веретьевъ. Очень неглупый, даже, пожалуй, даровитый, но мало образованный, онъ представляетъ собою типъ избалованнаго кутилы, быстро облѣнившагося и подъ конецъ спившагося совершенно. „Сила и блескъ Веретьева", говоритъ опять, какъ бы нечаянно и въ противорѣчіе себѣ, критикъ: „суть явленія чисто физическія, условливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови". Гдѣ же тутъ Гамлетовскія черты?

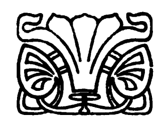
Слабохарактерность Рудина усматриваютъ обыкновенно въ его поспѣшномъ отказѣ отъ рѣшительныхъ мѣръ при послѣднемъ свиданіи съ Наташей, въ его какъ бы трусливомъ отступленіи передъ женитьбой. Но при чемъ здѣсь воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки? Указываютъ также, какъ на признакъ слабоволія, на практическую безрезультатность стремленій Рудина. Но развѣ упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ, есть признакъ безхарактерности? „Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою", говорилъ онъ Лежневу: „я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать". Человѣкъ, лишенный воли, не станетъ искать, не станетъ горячо и съ увлеченіемъ браться за новое дѣло, потерпѣвъ неудачу на предыдущемъ. Неужели шестимѣсячное голоданіе въ землянкахъ за разработкой проекта углубленія рѣки въ компаніи съ Курбѣевымъ — есть признакъ отсутствія характера? Практическая безплодность стремленій Рудина происходила не отъ отсутствія воли, а отъ незнанія имъ русской жизни, ея потребностей, ея нуждъ. Тщетность его усилій объясняется полной неподготовленностью къ тому, чего болѣе всего ожидало русское общество,

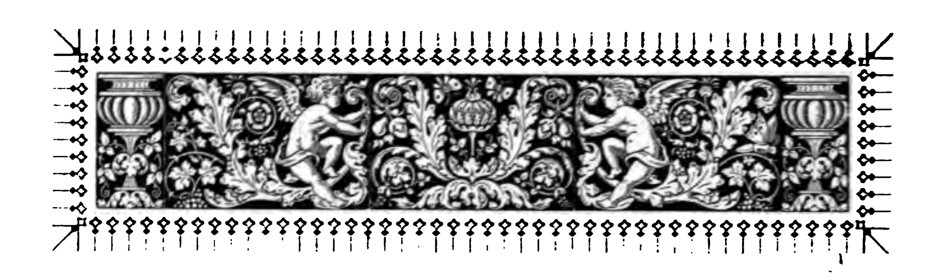
русскій народъ, наконецъ, при тогдашней обстановкѣ и условіяхъ отъ людей, непосредственно съ нимъ соприкасающихся. „Несчастье Рудина состоитъ въ томъ“, говоритъ про него Лежневъ: „что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ — чепуха, космополитъ — нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но опять таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ“. Лишь подъ конецъ своей жизни, послѣ цѣлаго ряда неудачъ и разочарованій, съ надорванными уже силами, пришелъ Рудинъ къ тому заключенію, что настоящимъ дѣломъ считать можно и то, когда человѣкъ „слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормитъ“.

Въ героѣ „Аси“ выведенъ не „слабовольный“ человѣкъ, а неопытный юноша, застигнутый врасплохъ страстными признаніями дѣвушки оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которой герой, конечно, не любилъ. Въ чемъ онъ выразилъ свою слабость? Въ томъ, что не до конца поддался обаянію ея внезапной любви? Въ томъ, что не сумѣлъ оцѣнить ея честной натуры, всей поэзіи ея молодости? Да, наконецъ почему мы знаемъ, что вышло впослѣдствіи изъ героя „Аси“? По лирическимъ отступленіямъ автора естественнѣе всего предположить, что изъ него вышелъ человѣкъ не менѣе положительный, чѣмъ, напримѣръ, Лаврецкій, типъ далеко не безхарактернаго или лишеннаго воли героя.

Въ статьѣ своей „Молодость Тургенева“ Анненковъ пишетъ: „Требовательная критика разбирала, послѣ Рудина, человѣка съ большими претензіями и ничтожной волей, перенося на все поколѣніе сороковыхъ годовъ презрѣніе, которое возбуждалъ въ ней этотъ типъ“. Стало быть, русская критика относила отчасти и самого Тургенева не только къ разряду слабыхъ людей, но и

людей, достойныхъ презрѣнія. Справедливымъ упрекомъ звучатъ слова Павла Васильевича, но вина въ распространенности этого крайняго мнѣнія среди поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ падаетъ частію и на самого П. В. Анненкова.

XVII.

Творчество И. С. Тургенева, процессъ его и пріемы.

На что̀ была обращена пытливая наблюдательность Тургенева, какъ писателя, какъ историка своего времени, съ полной ясностью указано имъ самимъ: „Я стремился, насколько хватило силъ и умѣнья, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы — и то, что̀ Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time (самый образъ и давленіе времени), и ту быстро измѣнявшуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій“ . . . Какія ступени проходили впечатлѣнія, получаемыя романистомъ извнѣ, чтобы воплотиться въ образы, поражающіе насъ своею правдивостью и тщательностью художественной обработки; съ помощью какихъ пріемовъ достигались эти результаты, — вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ является цѣлью настоящаго очерка. Спѣшимъ, однако̀, оговориться съ самаго начала, что эстетическая и психологическая стороны творчества Тургенева нами затрогиваться не будутъ.

Первый фазисъ, который проходило у Ивана Сергѣевича поэтическое произведеніе,—это „вынашиванье“ авторомъ

въ своей душѣ главныхъ типовъ и элементовъ романа или разсказа безъ потребности закрѣпить возникающіе образы словомъ. Въ разговорѣ съ Половцовымъ Тургеневъ такъ характеризовалъ эту стадію творчества: „Сперва начинаетъ носиться въ воображеніи одно изъ будущихъ дѣйствующихъ лицъ, въ основѣ которыхъ у меня почти всегда лежатъ реальныя лица. Часто лицо, которое занимаетъ васъ, — не главное, а одно изъ второстепенныхъ, безъ котораго, однако, не было бы и главнаго. Задумываешься надъ характеромъ, его происхожденіемъ, образованіемъ; около перваго лица группируются мало-по-малу остальныя. Это время, когда въ воображеніи носятся, всячески переплетаясь, туманные образы, — самое пріятное для художника. Затѣмъ чувствуешь потребность закрѣпить эти образы, придать имъ болѣе опредѣленности“ [1]). Въ другой разъ Иванъ Сергѣевичъ такъ пояснялъ эту ступень своего творчества: „Я не столько не хочу, но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслью и цѣлью, чтобы провести ту или другую идею. У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ растетъ трава. Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Ѳеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдругъ въ этой Ѳеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное, то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь, на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе: вдумываюсь, и затѣмъ эта Ѳекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣетъ. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ.... Затѣмъ, нежданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ [2])“ ... Изложенную мысль, но уже на отдѣльномъ конкретномъ примѣрѣ развиваетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своей статьѣ: „По поводу

---

1) Календарь „Царь-Колоколъ“ на 1887 г., стр. 77 (Воспомин. о Тургеневѣ).

2) „Русская Старина“, 1883 г., октябрь, 214—215.

Отцовъ и дѣтей". Въ ней же онъ подтверждаетъ и то, что никогда не покушался „создавать образъ", если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы.

Дѣйствительно, въ основу Рудина положенъ Бакунинъ (какимъ онъ былъ до 1842 года); врачъ Дмитріевъ далъ матеріалъ для типа Базарова; главныя черты Варвары Павловны Лаврецкой списаны съ А. Я. Головачевой-Панаевой и съ первой жены Н. П. Огарева — урожденной Рославлевой; основой для Ирины Ратмировой послужила Альбединская; безъ Михаила Алексѣевича Тургенева, двоюроднаго брата Ивана Сергѣевича, не было бы „Отчаяннаго", и т. д. Имѣемъ типы, первообразами которыхъ являлись лица, извѣстныя Тургеневу лишь изъ вторыхъ рукъ. Болгарина Катранова (Инсаровъ), артистку Кадмину (Клара Миличъ) онъ, напримѣръ, лично не зналъ; не говоримъ уже о его предкахъ, фигурирующихъ въ „Трехъ портретахъ" и нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ.

Какъ долго продолжался у Тургенева первый періодъ творческой работы, можно опредѣлить лишь очень приблизительно, и то относительно немногихъ его произведеній. „Наканунѣ" начало складываться еще до „Рудина" и „Дворянскаго гнѣзда" [1]), хотя къ настойчивому обдумыванью приступилъ онъ послѣ окончанія послѣдняго романа. Въ письмѣ къ Леонтьеву, отъ 30 марта 1859 года, онъ сообщаетъ: „Теперь у меня другой сюжетъ въ головѣ („Наканунѣ"), съ которымъ я вожусь уже мѣсяца два, и только теперь надѣюсь сладить; на исполненіе нуженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, годъ. Вслѣдствіе этой внутренней работы, мнѣ какъ будто непріятно и неловко возвращаться мыслью къ прежнимъ трудамъ" [2]). Очевидно, эти строки были написаны въ самомъ концѣ періода „внутренней работы". „Отцы и дѣти" обдумывались мѣсяца полтора; „Дымъ" — значительно дольше: съ самаго переселенія въ Баденъ (май 1863 года)

1) См. предисловіе Тургенева къ собранію его романовъ 1880 г.
2) „Русская Мысль" 1886 г., декабрь, 80.

и до (приблизительно) середины октября 1865 года, т.-е. около двухъ съ половиною лѣтъ[1]). Объ этомъ періодѣ творчества, пока онъ переживалъ его, Иванъ Сергѣевичъ вообще говорилъ очень мало и то случайно. Когда онъ прочелъ, въ 1859 году, друзьямъ наивно и неумѣло написанный разсказъ своего сосѣда по имѣнію Каратѣева, давшій нѣкоторый матеріалъ для „Наканунѣ“, слушатели и не заподозрѣли, что Тургеневъ занятъ былъ въ это время обдумываніемъ новаго романа[2]). Тѣ же придуманные, созданные воображеніемъ разсказы, которыми Тургеневъ нерѣдко заинтересовывалъ друзей, вовсе не являлись зерномъ литературныхъ произведеній, хотя бы въ однихъ проектахъ, какъ это полагали его пріятели[3]). „Поэтъ мыслитъ образами“ — вотъ что̀ приходится отвѣчать на ихъ предположеніе.

Второй моментъ творчества Ивана Сергѣевича — это подготовительная (но не черновая) работа, вызванная, однако, уже потребностью закрѣпить тѣ образы, которые складывались въ воображеніи, придать имъ болѣе опредѣленности. „Я всѣ эти лица („Отцовъ и дѣтей“) рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить“, — писалъ Тургеневъ Фету, 6 апрѣля 1862 года. Значитъ, когда неясные прежде образы получали наконецъ въ головѣ автора объективный характеръ и начинали ему „мозолить глаза“, они списывались какъ бы съ натуры. Для выполненія этого Иванъ Сергѣевичъ сначала набрасывалъ подробную біографію каждаго дѣйствующаго лица и даже ближайшихъ предковъ главныхъ героевъ. Далѣе слагалась имъ самая фабула разсказа или романа, составлялся краткій конспектъ его или, вѣрнѣе, излагался весь разсказъ на двухъ-трехъ страницахъ коротко и просто, какъ пишутъ для дѣтей. Послѣ этого уже Тургеневъ приступалъ къ связному черновому сочиненію[4]).

---

1) „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г., VIII, 7 (Письма къ Щербаню), и Фетъ, „Мои воспоминанія“ II. 91 (Письма В. Боткина).

2) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, 25—26 (Воспоминанія Анненкова).

3) См. Воспоминанія Полонскаго, „Нива“ 1884 г., стр. 90, 182—183; воспомин. Луканиной, „Сѣв. Вѣстн.“, 1887 г., II, 47, и др.

4) См. указанныя мѣста воспоминаній Половцова и Луканиной.

Пишущему эти строки пришлось имѣть въ рукахъ небольшую тетрадку, сшитую изъ нѣсколькихъ листовъ обыкновенной почтовой бумаги, на заглавной страницѣ которой стояло: „Формулярные списки дѣйствующихъ лицъ новой повѣсти „Наканунѣ". Эти формулярные списки и были тѣми біографіями, о которыхъ говорилъ Иванъ Сергѣевичъ [1]). Кромѣ сухихъ фактовъ, въ нихъ приводились краткія характеристики дѣйствующихъ лицъ съ подчеркиваніемъ основныхъ нравственныхъ качествъ героевъ. Такъ Тургеневъ, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 25 ноября (ст. с.) 1876 года, говоритъ, что въ формулярѣ Соломина („Новь") „главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ его, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый*" [2]). Хотя во время самаго писанья разсказа или романа отъ біографій оставалось мало, а иныя лица даже измѣнялись по характеру [3]), но Иванъ Сергѣевичъ не раньше приступалъ къ связному изложенію, какъ только послѣ выясненія и закрѣпленія на бумагѣ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ съ полной тщательностью и добросовѣстностью. Интересно въ этомъ случаѣ слѣдующее признаніе Тургенева въ письмѣ къ С. К. Брюлловой (Кавелиной), отъ 21 декабря (ст. с.) 1872 года: „Я самъ понимаю и чувствую, что мнѣ слѣдуетъ произвести нѣчто болѣе крупное и современное (чѣмъ „Конецъ Чертопханова"), и скажу вамъ даже, что у меня готовъ сюжетъ и планъ романа — ибо я вовсе не думаю, что въ нашу эпоху перевелись типы, и описывать нечего — но изъ двѣнадцати лицъ, составляющихъ мой персоналъ, два лица не довольно изучены на мѣстѣ — не взяты

---

1) Къ сожалѣнію, эта тетрадь, равно какъ и другія черновыя и бѣловыя рукописи „Наканунѣ", сохранявшіяся лѣтъ 20 назадъ у А. А. Тютчева (мышкинскаго, ярославской губерніи, предводителя дворянства) должны считаться погибшими, какъ это обнаружилось изъ наведенныхъ недавно справокъ.

2) „Сборникъ Общества любителей россійской словесности" 1891 г., стр. 73.

3) Есть основаніе, напримѣръ, полагать, что для „Наканунѣ" вмѣсто Зои „формулярные списки" заключали въ себѣ образъ *сестры Елены* (См. письмо Гончарова къ Тургеневу въ „Русск. Стар.", 1900 г., январь, 13 и слѣд.).

живьемъ; а *сочинять* въ извѣстномъ смыслѣ я не хочу, да и пользы отъ этого нѣтъ никакой, ибо никого обмануть нельзя. Слѣдовательно, нужно набраться матеріалу... И выходитъ изо всего этого, что мнѣ надо стараться помочь горю хоть временными пребываніями на Руси; что̀ я и намѣренъ привести въ исполненіе. Но достаточны ли будутъ эти наѣзды? Это скажетъ мнѣ моя литературная совѣсть. Коли—да, напишу мой романъ; коли — нѣтъ, ну и аминь!" [1]). Въ этихъ строкахъ рѣчь идетъ о „Нови", за черновую работу которой онъ принялся лишь съ начала 1875 года. Но, конечно, для большинства его работъ время составленія формулярныхъ списковъ и плана произведенія было значительно короче, во всякомъ случаѣ короче предварительнаго обдумыванія. Біографіи и планъ для „Наканунѣ" потребовали мѣсяца два, а для „Отцовъ и дѣтей" — менѣе мѣсяца.

Что касается собственно плана произведенія, то онъ только отчасти подсказывался судьбою тѣхъ лицъ, которыя служили первообразами героевъ разсказа. Вообще же здѣсь требовалась значительная доля изобрѣтательности, внутренней работы особаго рода. И тутъ-то вотъ Иванъ Сергѣевичъ и чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ. Онъ неоднократно признавался, что „постройка повѣстей, архитектурная сторона ихъ" — самая непріятная для него часть литературной работы, и что на сочиненіе романа съ замысловатымъ сюжетомъ, со сложной интригой, ему недостало бы воображенія. „Одни англичане", говорилъ Тургеневъ по этому поводу, въ 1878 году, Н. Я. Стечькину: „овладѣли этимъ секретомъ, а мы... Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ теперь первый писатель, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напримѣръ, свиданіе Анны Карениной съ сыномъ, — какое совершенство! Когда я прочиталъ эту сцену, у меня книга изъ рукъ выпала. „Да неужели — говорилъ я мысленно — можно *такъ* хорошо писать?" А что же: ни „Война и Миръ", ни „Анна Каренина", при всемъ геніи Толстого, не оставляютъ

---

1) „Русская Мысль", 1897 г., іюнь, стр. 26—27.

цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи" [1]). Тѣ повѣсти, которыя въ весьма значительной степени являются воспоминаніями („Три встрѣчи", „Муму", „Первая любовь", „Бригадиръ", „Несчастная", „Степной король Лиръ", „Вешнія воды", „Пунинъ и Бабуринъ", „Старые портреты", „Отчаянный"), сводили всѣ предварительныя записи къ наиболѣе простымъ эскизамъ.

Третьимъ, самымъ важнымъ и самымъ интереснымъ періодомъ творческаго процесса являлось у Тургенева связное изложеніе задуманнаго и закрѣпленнаго конспектами и біографіями. „Засѣсть бываетъ ужасно трудно", жаловался Иванъ Сергѣевичъ Половцову: „иной разъ сидишь надъ первой страницей битый часъ — и ничего не выходитъ. Перечтешь, — все кажется вялымъ, сшитымъ бѣлыми нитками"... Такія затрудненія приходилось испытывать ему и надъ послѣдующими страницами, но только рѣже, и преодолѣвалъ онъ ихъ быстрѣе. „Тургеневъ сознавался намъ", разсказываетъ Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ: „что онъ не можетъ продолжать писать, если недоволенъ фразой или мѣстомъ, которое не удалось ему. Другіе на это не обращаютъ никакого вниманія, пишутъ все, съ начала до конца, вчернѣ, потомъ постепенно отдѣлываютъ по частямъ, иногда съ начала, иногда съ конца. Такъ писалъ Диккенсъ. Одни пишутъ отрывками и потомъ сводятъ ихъ. Другіе сами не знаютъ, что̀ выйдетъ изъ лица, нежданно появившагося въ романѣ или повѣсти; иногда лицо это вдругъ такъ ярко обрисуется въ воображеніи, что, заслоняя другія лица, дѣлается первенствующимъ. Такъ часто случалось съ Григоровичемъ, по его собственному признанію".

Иванъ Сергѣевичъ не писалъ отрывками, чтобы потомъ сводить ихъ въ одно цѣлое, но онъ при черновой работѣ пользовался набросками и замѣтками, составленными въ разное время и по поводу различныхъ случаевъ. „Призраки" и „Стихотворенія въ прозѣ" даже цѣликомъ и создались изъ такихъ набросковъ. „Призраки" произошли случайно",

---

1) Воспомин. Н. Я. Стечькина, 8.

говорилъ Тургеневъ Половцову: „У меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галлерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились „Призраки". Въ предисловіи къ „Стихотвореніямъ въ прозѣ" М. М. Стасюлевичъ писалъ: „Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая, — тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, ὀбразами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ". Замѣтки эти писались на клочкахъ бумаги различнаго формата и цвѣта и складывались въ особый портфель. „Это нѣчто въ родѣ того, чтò художники называютъ эскизами, этюдами съ натуры, которыми они потомъ пользуются, когда пишутъ большую картину", пояснялъ Тургеневъ Стасюлевичу [1]).

Въ тотъ же портфель эскизовъ попадали и второстепенныя вводныя лица крупныхъ произведеній, выброшенныя изъ послѣднихъ при окончательной ихъ отдѣлкѣ. Такъ необходимо заключить изъ писемъ Ивана Сергѣевича къ Стечькиной, отъ 25-го апрѣля и 30-го сентября (ст. с.) 1878 года [2]). Сюда же откладывались счастливыя мѣста и даже отдѣльныя выраженія интимной его переписки съ друзьями. Въ письмѣ С. Т. Аксакову, отъ 12-го мая 1853

1) Совершенно невѣрно заявленіе г. Сергѣенко („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой"), будто мысль о такихъ эскизахъ, какъ „Стихотворенія въ прозѣ", подалъ Тургеневу авторъ „Войны и Мира". Иванъ Сергѣевичъ еще до знакомства своего съ гр. Толстымъ началъ набрасывать такого рода этюды. Это видно, между прочимъ, изъ отрывка, приведеннаго ниже письма Тургенева къ Аксакову и изъ того, что матеріалъ для „Призраковъ" былъ уже готовъ до первыхъ встрѣчъ Тургенева съ гр. Толстымъ.

2) Изд. Одесской городской библіотеки. 1903 г.

года, мы читаемъ, между прочимъ: „Вчера мы ходили вдоль осиноваго лѣса, со стороны тѣни, вечеромъ. Солнечные лучи забирались съ своей стороны въ глубь лѣса и обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей“. Все это описаніе, за исключеніемъ первой фразы, находимъ въ началѣ XI главы „Отцовъ и дѣтей“. Въ этомъ же романѣ, въ VII главѣ, имѣемъ слѣдующія строки: „Въ 1848 году это различіе (между стариками Кирсановыми) уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось чувство правильно проведенной жизни, сынъ выросталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ, *вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній, похожихъ на надежды, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не настала*“. Подчеркнутыя выраженія употреблены были Тургеневымъ по отношенію къ своему душевному состоянію въ письмѣ къ Фету, отъ 16-го іюля 1860 года, т.-е. когда онъ не думалъ еще объ „Отцахъ и дѣтяхъ“. Говоря о мысляхъ своихъ и чувствахъ, вызванныхъ подробностями смерти Гоголя, Иванъ Сергѣевичъ такъ писалъ, между прочимъ, Е. М. Ѳеоктистову 26 февр. 1852 г.: „Мнѣ право, кажется, что какія-то темныя волны безъ плеска сомкнулись надъ моей головой, — и я иду на дно, застывая и нѣмѣя“ [1]) Выписанныя строки дословно повторены въ XI главѣ „Рудина“ при описаніи душевнаго состоянія Натальи, вызваннаго прощальнымъ письмомъ героя романа. Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько десятковъ, пользуясь только напечатанными письмами Ивана Сергѣевича. Какіе съ перваго взгляда пустяки попадали иной разъ въ завѣтный портфель, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Тургенева, приведеннаго въ воспоминаніяхъ Луканиной. Въ

1) „Истор. Вѣстн.“ 1907 г., II, 562. Статья бар. Дризена: „Арестъ и ссылка И. С. Тургенева“.

отвѣтъ на жалобу послѣдней на одну причиненную ей неприятность Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: „А чѣмъ грубѣе были съ вами, тѣмъ съ литературной точки зрѣнія лучше... Вы бы все записывали... Вотъ видите ли, ѣхалъ я разъ въ фіакрѣ. Кучеръ везъ скверно. Пріѣзжаю домой и рѣшилъ не дать ему „pourboire". Онъ началъ браниться и назвалъ меня: „Vieux pot de chambre", а я себѣ думалъ: „пятьдесятъ сантимовъ я тебѣ все-таки не дамъ!" И смотрѣлъ, какой у него былъ красный носъ, и какъ лицо его подергивалось отъ злости, — и все записалъ".

Какъ извѣстно, Тургеневъ часто влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственныя мысли и взгляды. Эти послѣдніе не нуждались въ особой записи для внесенія при удобномъ случаѣ въ романъ или разсказъ, чего нельзя, однако, сказать про разсыпанныя въ его произведеніяхъ лирическія отступленія, какъ требующія не только твердой и ясной мысли, но и художественной отдѣлки.

При работѣ надъ повѣстями Тургеневъ не забывалъ и даже считалъ безусловно необходимымъ дѣлать точныя справки по поводу самыхъ незначительныхъ спеціальныхъ вопросовъ, разъ послѣдніе затрагивались въ его трудѣ, хотя бы мимоходомъ. Прекраснымъ примѣромъ, среди многихъ другихъ, можетъ служить слѣдующее его письмо къ управляющему Кишинскому, отъ 27-го февраля (ст. с.) 1869 года, написанное въ періодъ работъ надъ „Степнымъ королемъ Лиромъ": „Я началъ повѣсть, въ которой главное дѣйствующее лицо, старикъ-помѣщикъ, задумалъ при жизни своей передать свое родовое имѣніе двумъ своимъ дочерямъ. (Дѣло происходитъ въ 40-мъ году). Мнѣ нужно знать *въ подробности*, какъ это дѣлается или дѣлалось, кому, въ какое мѣсто подавалась просьба, какъ составлялся актъ, какъ онъ приводился въ исполненіе, кто при этомъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей, какія полицейскія или административныя лица (исправникъ, дворянскій предводитель (?) и т. д.). Все это потрудитесь написать мнѣ самымъ обстоятельнымъ, дѣловымъ образомъ. Даже, если это васъ не затруднитъ, приложите образчики просьбы, акта (дарственной записи) и т. д. Отца, положимъ, зовутъ Мартынъ Петровичъ Харловъ, старшая дочь, Анна, —

замужемъ за неслужащимъ дворяниномъ Васильемъ Васильевымъ Слеткинымъ, вторая дочь, Евлампія, — дѣвица. Старшей 23, второй — 21 годъ. Все это вы помѣстите. Имѣніе, положимъ, — 52 души и 400 десятинъ земли съ усадьбой. Очень я вамъ буду благодаренъ за аккуратное и скорое исполненіе моей просьбы“ [1]).

Къ третьему періоду творчества, къ связному изложенію задуманнаго произведенія, обыкновенно и относятся указанія писемъ Ивана Сергѣевича, что онъ принялся за то-то, пишетъ такой-то разсказъ. Сохранившіяся хронологическія данныя о началѣ и окончаніи той или другой вещи обнимаютъ одинъ этотъ періодъ, рѣдко касаясь предыдущихъ или послѣдующаго. Какъ продолжителенъ онъ былъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, извлекаемыхъ нами изъ корреспонденціи Тургенева и его рукописей (числа по старому стилю): „Постоялый дворъ“ написанъ въ теченіе ноября 1852 года; „Рудинъ“ — отъ 5-го іюня до 24-го іюля 1855 года; „Наканунѣ“ — отъ 16-го іюня до 25-го октября 1859 года (въ рукописи обозначенъ и часъ окончанія: половина перваго пополудни); „Первая любовь“ — съ первыхъ чиселъ января до 10-го марта (въ рукописи прибавлено: три часа утра) 1860 года; „Отцы и дѣти“ — съ середины октября 1860 года до 30-го іюля 1861 года [2]); „Дымъ“ — съ конца 1865 года до конца 1866 года, „Степной король Лиръ“ — съ февраля 1869 года — до 10-го марта (приблизительно) 1870 г.; „Стукъ... Стукъ... Стукъ...“ написано въ теченіе августа 1870 г.; „Новь“ — съ начала 1875 года до конца іюня 1876 г.

Работа надъ нѣкоторыми повѣстями вначалѣ шла очень медленно, съ перерывами, потомъ она такъ захватывала автора, что онъ, по его выраженію, терялъ возможность думать о чемъ-либо другомъ. О „Нови“, наримѣръ, Тургеневъ писалъ Полонскому: „Я нѣсколько разъ принимался

---

1) „Отчетъ Импер. Публичн. Библіот. за 1894 годъ“.

2) Хронологія всѣхъ работъ надъ этимъ романомъ выясняется изъ сопоставленія данныхъ статьи „По поводу Отцовъ и дѣтей“, съ указаніями писемъ Ивана Сергѣевича къ Фету и К. Н. Леонтьеву за октябрь 1860 г.

за исполненіе, но, наконецъ, написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча" (въ три мѣсяца)[1]). Перерывъ въ трудѣ бывалъ иногда настолько продолжителенъ, что Иванъ Сергѣевичъ во время его иной разъ успѣвалъ написать разсказъ небольшого размѣра. Такъ — „Часы" вышли въ періодъ работъ надъ „Новью"; „Странная исторія" явилась во время занятій надъ „Королемъ Лиромъ". Небольшія статьи, замѣтки, предисловія писались имъ когда угодно, какъ простыя письма. М. М. Стасюлевичъ приводитъ любопытный примѣръ быстроты работы надъ подобными вещами. „Весною 1880 года", разсказываетъ онъ: „пріѣхавъ на Пушкинскій праздникъ, прямо изъ Берлина, Тургеневъ, за завтракомъ у редактора журнала („Вѣстн. Евр."), заинтересовалъ всѣхъ своимъ разсказомъ о пергамскихъ раскопкахъ, которыя въ томъ году только что начали приводиться въ порядокъ въ берлинскомъ музеѣ. Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ ему, что онъ непремѣнно долженъ написать статью объ этомъ; Тургеневъ тотчасъ же пообѣщалъ, но редакторъ выразилъ сомнѣніе, чтобы это когда-нибудь было исполнено имъ, если его не запереть въ комнату. Тургеневъ торжественно всталъ, напомнилъ, какъ въ старину въ сенатѣ снимали сапоги съ неблагонадежныхъ писарей, чтобъ они не убѣжали со службы, извинился, что подагра не позволяетъ ему прибѣгнуть къ такому способу удостовѣренія въ его благонадежности, и тутъ же снялъ съ себя галстухъ, въ видѣ залога, замѣтивъ, что порядочному человѣку безъ галстуха нельзя уйти такъ же, какъ и безъ сапогъ. — и ушелъ въ кабинетъ. Мы продолжали бесѣду, а черезъ часъ времени онъ уже вынесъ написанный имъ этюдъ: „Пергамскія раскопки" — одинъ изъ прелестнѣйшихъ его этюдовъ въ области искусства — объемомъ не менѣе „Предисловія" къ роману Ауэрбаха. Такъ легко давались ему подобныя мелочи"[2]). Бывали и очень продолжительныя остановки въ работѣ. „Довольно", начатое еще до появленія „Отцовъ и дѣтей", кончено было

---

1) Письма, стр. 311.

2) „Вѣстн. Европы", 1884 г., V, 421—422. „По поводу воспоминаній Л. Питча".

лишь въ февралѣ 1865 года; „Поѣздка въ Полѣсье“, начатая въ маѣ 1853 года, кончена въ февралѣ 1857 года; „Призраки“, начатые осенью 1856 года, кончены 20-го мая 1863 года. Но подобные факты составляютъ исключеніе. Тургеневъ предпочиталъ писать „не пимши, не ѣмши“, какъ онъ шутливо выразился о своей работѣ надъ „Собакой“, хотя это удавалось ему рѣдко.

Какіе часы предпочиталъ Иванъ Сергѣевичъ для своихъ занятій литературнымъ трудомъ? Половцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Лѣтомъ 1876 года Тургеневъ оканчивалъ въ деревнѣ романъ „Новь“. Работалъ онъ очень усердно. Писалъ обыкновенно по ночамъ, съ восьми часовъ вечера до трехъ, четырехъ часовъ ночи, днемъ же отдыхалъ, хлопоталъ по хозяйству или прогуливался. Иные писатели работаютъ ночью, находя, что это время наиболѣе благопріятно для умственнаго труда, требующаго участія воображенія; Тургеневъ же выбиралъ ночное время для писанія лишь по чисто практическимъ соображеніямъ: ночью совершенно тихо и мухъ нѣтъ“. Полонскій, однако, свидѣтельствуетъ нѣсколько иначе; указываетъ на обычное для занятій время — или часы между утренней прогулкой и завтракомъ, или время послѣ вечерняго чая.

У письменнаго стола своего Иванъ Сергѣевичъ иногда такъ сильно и глубоко переживалъ все то, о чемъ писалъ, что волненія его замѣчались окружающими. Въ воспоминаніяхъ Питча мы читаемъ, напримѣръ: „Часто слышалъ я, какъ онъ во время рабочихъ часовъ, подъ вліяніемъ непреодолимой потребности, запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, шагалъ и стоналъ тамъ. Въ эти дни, еще за утреннимъ чаемъ, мы слышали отъ него трагикомическое восклицаніе: „охъ, сегодня я долженъ работать!“ Разъ усѣвшись за работу, онъ даже физически переживалъ все то, о чемъ писалъ. Когда онъ однажды писалъ небольшой безотрадный романъ „Несчастная“, изъ воспоминаній его студенческихъ лѣтъ, сюжетъ котораго развивался почти помимо его воли, при описаніи особенно запечатлѣвшейся въ его памяти фигуры покинутой дѣвушки, стоящей у окна, онъ былъ въ теченіе цѣлаго дня совершенно боленъ: „Что̀ съ вами, Тургеневъ? Что̀ случилось?“ — „Ахъ, она должна

была отравиться! Ея тѣло выставлено въ открытомъ гробу въ церкви — и, какъ это у насъ принято въ Россіи, каждый родственникъ долженъ цѣловать мертвую. Я разъ присутствовалъ при такомъ прощаньи, а сегодня я долженъ былъ описать это, и вотъ у меня весь день испорченъ“ [1]).

Кончивъ вчернѣ всю работу, выставивъ подъ нею годъ, число, день недѣли и даже иногда часъ, когда поставлена точка послѣ „блаженнаго послѣдняго слова“, Тургеневъ приступалъ къ перепискѣ набѣло, что̀ совершалъ собственноручно. Съ этого момента начинается новый періодъ творческаго процесса — окончательное усовершенствованіе и отдѣлка произведенія, что̀ въ свою очередь опять проходило три ступени: исправленіе при перепискѣ, послѣдующее исправленіе уже бѣловой рукописи до сдачи ея въ типографскій станокъ и — исправленіе при переизданіи сочиненія.

Въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Щербаню, отъ 1 (13) іюля 1863 года, читаемъ между прочимъ: „Ваше предложеніе переписать „Призраки“ очень любезно; но, переписывая, я *исправляю*, что̀ нѣсколько облегчаетъ эту противную работу, или по крайней мѣрѣ даетъ ей смыслъ“. Эти строки Щербань поясняетъ такимъ примѣчаніемъ: „О своей привычкѣ переписывать самому, не уклоняясь отъ этого „несноснаго, но полезнаго занятія“, Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ и лично: „Переписывая — видишь себя иначе, чѣмъ въ черновой рукописи; иное не понимаешь, откуда тамъ и взялось, ка̀къ написалось; другое, напротивъ, само собою навертывается, тогда какъ прежде и не снилось. Вдохновеніе — слишкомъ большое слово, не каждому по плечу; но романистомъ положительно владѣетъ что-то внѣ его, и вдругъ толкаетъ внезапно. А для рукописей идеалъ былъ бы непремѣнно самому держать корректуру — въ печати еще виднѣе — да гдѣ же скитальцу!“ [2]) Какое важное значеніе придавалъ Иванъ Сергѣевичъ собственноручной перепискѣ — видно и изъ того, что нѣкоторыя вещи переписывались имъ дважды.

---

1) „Иностранная критика о Тургеневѣ“, 163—164.
2) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. VIII, 9.

Это „несносное, но полезное занятіе“, хотя требовало немало усилій, однако выполнялось сравнительно быстро. Даже такой большой романъ, какъ „Новь“, взялъ лишь два мѣсяца.

Переписанное набѣло произведеніе не тотчасъ поступало въ типографію. Проходило время отъ одного мѣсяца до полугода и болѣе, въ теченіе котораго новый романъ или разсказъ внимательно просматривался авторомъ и, за рѣдкимъ исключеніемъ, прочитывался друзьями, сообщавшими ему затѣмъ свои замѣчанія. Нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ пользовался и вносилъ соотвѣтствующія поправки и дополненія. Въ письмѣ М. С. Щепкину отъ 3 декабря 1848 г. изъ Парижа Тургеневъ пишетъ по поводу своего „Нахлѣбника“: „Пріятель нашъ Герценъ, которому я читалъ мою комедію, сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ меня сообщить вамъ (и съ которыми я совершенно согласенъ). Во-первыхъ, онъ находитъ, что Кузовкину не слѣдъ носить дворянскій сюртукъ, а частный, а во-вторыхъ, онъ въ сценѣ, гдѣ Елицкій выходитъ отъ жены уже все узнавши, и видитъ, что Тропачевъ забавляется надъ Кузовкинымъ, — въ словахъ: „Да-съ, Флегонтъ Александровичъ, я признаюсь удивляюсь: что вамъ за охота съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованіемъ заниматься такими — смѣю сказать, пустыми шутками“, предлагаетъ: „смѣю сказать“ замѣнить фразой „извините за выраженіе“, потому что, по его мнѣнію, смѣю сказать не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника“ [1]). Впрочемъ „смѣю сказать“ почему-то осталось незамѣненнымъ въ печатномъ текстѣ „Нахлѣбника“. Въ 1874 г. по поводу „Живыхъ мощей“ Иванъ Сергѣевичъ писалъ Полонскому въ отвѣтъ на его замѣчанія: „Хотя слово „умный“ въ смыслѣ „умственный“ вездѣ употребляется священнымъ писаніемъ („умныя очи“ и т. п.) и слышалось мною не разъ въ устахъ простыхъ людей, но, для избѣжанія недоразумѣнія, прошу тебя этотъ эпитетъ выкинуть. Тѣмъ легче это сдѣлать, что Лукерья говоритъ: „а мысленный, умный грѣхъ,

1) „Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи“. 1898 г., стр. 118.

батюшка“, — оставь одинъ эпитетъ „мысленный“. Дѣйствительно, въ окончательной редакціи разсказа мы не находимъ слова „умный“. Первый романъ Тургенева остался даже неоконченнымъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ друзей о первой части произведенія [1]). Въ письмѣ къ Брюлловой (Кавелиной), отъ 16 (28) января 1872 г., онъ сообщаетъ: „Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я совершенно согласенъ съ вами и чувствую нѣчто въ родѣ отвращенія къ собственному дѣтищу („Вешнія воды“) . . . Мнѣ кажется, что если бы мнѣ пришлось прочесть кому-нибудь вслухъ эту вещь до печатанья — я во всякомъ случаѣ передѣлалъ бы конецъ и заставилъ бы г-на Санина бѣжать отъ г-жи Полозовой, еще разъ свидѣться съ Джеммой, которая бы ему отказала и т. д. Но теперь все это въ воду упало, и я не прикоснусь до моего уродца“. Есть основаніе, однако, предположить, что передѣлка повѣсти не могла быть столь радикальной. Къ г-жѣ Комманвиль Иванъ Сергѣевичъ, по крайней мѣрѣ, писалъ 19 (31) августа 1873 года: „Ваше сужденіе о „Вешнихъ водахъ“ совершенно справедливо; чтоже касается второй части, которая ни достаточно мотивирована, ни особенно нужна, то я въ ней увлекся воспоминаніями“ [2]). Покоясь на такой твердой основѣ, какъ дѣйствительныя событія, повѣсть нуждалась бы развѣ во второстепенныхъ поправкахъ. Вообще, въ дѣлѣ творчества Тургеневъ проявлялъ полную самостоятельность, и, деликатно относясь къ дружескимъ замѣчаніямъ, принималъ къ свѣдѣнію немногія изъ нихъ. Значительно больше поправокъ появлялось въ тотъ же періодъ — отъ окончанія переписки до типографскаго набора — совершенно самостоятельно. О такихъ исправленіяхъ въ бѣловой рукописи „Отцовъ и дѣтей“ мы имѣемъ слѣдующее любопытное свидѣтельство Щербаня: „По мѣрѣ того, какъ варіанты вносились въ подлинную рукопись, Иванъ Сергѣевичъ отмѣчалъ ихъ и отдѣльно. Мало-по-малу составилась цѣлая тетрадка загадочнаго для непосвященныхъ содержанія: *Глава такая-то.*

1) См. выше, стр. 156—158.
2) Письма Тургенева, изд. Гальперинъ-Каминскаго, стр. 216.

Въ строкѣ такой-то выкинуть слово „.....“; въ такой-то прибавить слово „.....“; въ такой-то зачеркнуть слова „.........“ и вмѣсто нихъ поставить „..........“; такую-то строчку вычеркнуть; вмѣсто такой-то вписать то-то, и т. д. Наконецъ, мѣсяца въ два, поправки исчерпались. Тогда Тургеневъ переписалъ тетрадку, сличая ее съ подлинною рукописью и еще кое-гдѣ поизмѣнивъ; потомъ я перебѣлилъ его работу. Одинъ экземпляръ этой послѣдней редакціи „ne varietur“ былъ отданъ мнѣ, для личной передачи „Русскому Вѣстнику“ (я уѣзжалъ тогда въ Москву) и для личнаго наблюденія за корректурой; другой — на случай дорожныхъ съ первымъ приключеній — посланъ по почтѣ въ Петербургъ П. В. Анненкову“. Но къ такимъ тетрадкамъ Ивану Сергѣевичу приходилось прибѣгать лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно варіанты сообщались въ простомъ письмѣ. Насколько иной разъ неожиданны бывали эти поправки, можно видѣть изъ слѣдующей просьбы Тургенева къ Анненкову 26 ноября (ст. с.) 1867 года: „Въ „Бригадирѣ“ мнѣ вздумалось прибавить еще штришка два, а именно: Въ концѣ II главы, послѣ словъ: „нависшія брови“ помѣстить: „которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ“, а послѣ словъ: „опрятный сюртукъ“ прибавить: „и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами“. Въ началѣ III главы, послѣ словъ: „остановился въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на меня“ прибавить: „и поигралъ бровями“. Въ концѣ III главы, послѣ словъ: „Наркизъ улыбнулся молча“ прибавить: „но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови“. Въ серединѣ IX главы, послѣ словъ: „вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ, да благочинный до безконечности его затиранилъ“ прибавить: „а что до Наркиза Семеныча, промолвилъ онъ нараспѣвъ, — такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть, и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева да и полагаютъ, что всѣ науки произошли“ [1]). Всѣ эти дополненія читатель легко найдетъ въ собраніяхъ сочиненій

1) „Русское Обозрѣніе“ 1894 г. I, 26—27.

Тургенева въ указанныхъ мѣстахъ. Въ виду неизбѣжности исправленій въ бѣловой Иванъ Сергѣевичъ и дѣлалъ въ ней иногда большія поля, ровно въ полстраницы, да еще оставляя всю обратную сторону чистой. Текстъ, такимъ образомъ, занималъ лишь четверть всей рукописи[1]). Черновыя же, какъ это можно видѣть изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, писались безъ какихъ-либо особыхъ уклоненій отъ обычнаго типа ихъ.

Послѣ появленія въ печати новаго произведенія, для послѣдняго наступалъ третій и уже окончательный періодъ усовершенствованій и поправокъ. Вызывались они: 1) желаніемъ возстановить попорченное общей цензурой и цензурой журнальныхъ редакторовъ; 2) дальнѣйшими отзывами друзей, а также критическими статьями, и 3) самостоятельно возникавшимъ въ душѣ автора недовольствомъ тѣми или другими частями произведенія.

Общая цензура была довольно милостива къ Тургеневу, если сравнить отношеніе ея къ нему съ отношеніемъ къ другимъ писателямъ; обижала она и его чувствительно только въ Николаевское время (ссылку въ деревню Ивана Сергѣевича, какъ чисто административную, а не цензурную мѣру, считать не будемъ). Всего болѣе чувствовалъ онъ ея работу въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ приходилось уже намъ подробно говорить въ другомъ мѣстѣ[2]). Не всѣ, однако, цензурные пропуски позднѣе возстановлялись авторомъ въ печати. Нѣкоторые онъ не отыскивалъ въ необходимый моментъ среди рукописей, что̀ случилось, напримѣръ, съ мѣстами, выброшенными изъ его рецензіи на „Записки ружейнаго охотника“ С. Аксакова, напечатанными лишь послѣ смерти автора въ „Вѣстникѣ Европы“ (1894 г., январь).

Тургеневъ жаловался иногда на цензуру журнальныхъ редакторовъ,—Некрасова[3]) и особенно Каткова. Какова была

---

1) Такую бѣловую намъ пришлось видѣть въ томъ же собраніи рукописей Тургенева, сохранявшихся у А. А. Тютчева.

2) См. выше, стр. 102—104.

3) См. Воспоминанія Гаршина: „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., кн. 11, и письмо Тургенева къ Анненкову 14 (26) ноября 1867 г.

цензура послѣдняго—можно видѣть изъ измѣненій въ текстѣ „Отцовъ и дѣтей“, сдѣланныхъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“. Приводимъ наиболѣе крупныя. Во второй главѣ романа авторъ говоритъ, что у Базарова лицо было „длинное и худое, съ широкимъ лбомъ“; Катковъ передѣлываетъ: „съ широкимъ *угреватымъ* лбомъ“ (стр. 477). Въ седьмой главѣ Базаровъ говоритъ у автора: „Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ, — этакой человѣкъ не мужчина, но самецъ“. Катковъ слово „но“ въ послѣдней строкѣ замѣнилъ словомъ „не“ (стр. 501), отчего вся фраза получила грубый односторонній смыслъ. Въ двадцатой главѣ Базаровъ замѣчаетъ по поводу радостныхъ хлопотъ своего отца: „Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій“; редакторъ „Русскаго Вѣстника“ послѣднее слово вычеркиваетъ (стр. 579). Въ двадцать-четвертой главѣ авторъ, описывая отъѣздъ Базарова изъ усадьбы Кирсановыхъ послѣ дуэли, оканчиваетъ сцены разставанья героя съ Петромъ и Дуняшей — такими словами: „Виновникъ всего этого горя (Базаровъ) взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые“, плотнѣе завернулся въ шинель“. Катковъ пишетъ вслѣдъ за этимъ отъ имени Тургенева: „Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства“ (стр. 623). Въ двадцать-шестой главѣ авторъ заставляетъ Базарова говорить Кирсанову: „Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. *Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія зайти не можетъ. Вы взятки, напримѣръ, не берете и ужъ воображаете себя молодцами, — а мы драться хотимъ. Да что!* Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ“ и т. д. Подчеркнутыя слова были выпущены Катковымъ (стр. 643).

Возстановивъ это мѣсто въ послѣдующемъ изданіи, Иванъ Сергѣевичъ, однако, слова: „Вы взятки, напримѣръ, не берете“ замѣнилъ словами: „Вы, напримѣръ, не деретесь“. Точно также издателемъ „Русскаго Вѣстника“ была вычеркнута (стр. 658) слѣдующая просьба умирающаго Базарова къ Одинцовой: „И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать“. Легко замѣтить, что всѣ эти измѣненія и урѣзки [1]) направлены были на то, чтобы посильнѣе развѣнчать Базарова въ глазахъ читателя. „Довольно усѣченій“, какъ выразился Тургеневъ, оказалось и въ текстѣ „Дыма“ на страницахъ того же журнала. Такъ, напримѣръ, изъ біографіи Ратмирова Катковъ выкинулъ много характерныхъ мѣстъ, не пожелавъ, чтобы Валеріанъ Владимировичъ ѣздилъ ординарцемъ на чужихъ лошадяхъ, чтобы онъ „поролъ“ крестьянъ, а лишь „отечески посѣкалъ“ ихъ, и т. д.

Дальнѣйшая обработка произведенія послѣ появленія его въ печати вызывалась еще, какъ мы говорили, и отзывами друзей. Достаточно было одного замѣчанія о неумѣстности сравненія Хоря и Калиныча съ Гёте и Шиллеромъ, чтобы сравненіе это осталось только на страницахъ „Современника“ [2]). Точно также не повторилось въ печати мѣсто II главы „Рудина“, вызвавшее откровенное осужденіе старика Аксакова въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу, отъ 7 февраля 1856 года. „Какъ при вашемъ вкусѣ, тактѣ и чувствѣ приличія могла написаться извѣстная страница (я разумѣю: бурчаніе въ животѣ и пахъ, и сохъ) страница въ началѣ повѣсти. Воля ваша, а этому причиною цинизмъ петербургскаго общества“ [3]). Мѣсто это (въ 12 строкъ) — нѣсколько циничный разсказъ Пигасова о смерти племянника Чепузовой, помѣщенный на стр. 19 первой книги „Со-

---

1) Мы приводимъ ихъ, основываясь на сравненіи текстовъ: 1) „Русскаго Вѣстника“ (1862 г., февраль), 2) листовъ романа, вырѣзанныхъ оттуда же, съ поправками Ивана Сергѣевича (хранятся переплетенными въ Импер. Публичн. Библіотекѣ) и 3) II-го тома послѣдняго изданія („Нивы“) сочиненій Тургенева.

2) „Вѣстн. Европы“ 1902 г., февраль (стат. Анненкова).

3) „Русск. Обозрѣн.“, 1894 г., XII, 578.

временника" 1859 года, послѣ словъ того же Пигасова: „Зачѣмъ мнѣ ее воспитывать?" 1). Мы уже имѣли случай повторить, что далеко не многія замѣчанія друзей вызывали поправки Ивана Сергѣевича. Какъ ни настаивалъ, напримѣръ, Анненковъ, чтобы Тургеневъ выбросилъ изъ „Вешнихъ водъ" „омерзительную группу, которую Санинъ очищаетъ для мужа любовницы своей", она такъ и осталась на своемъ мѣстѣ въ XLII главѣ повѣсти.

Суду журнальной критики Тургеневъ придавалъ гораздо меньше значенія, тѣмъ отзывамъ друзей. Поэтому рѣдкія измѣненія, вызываемыя ею, шли, если можно такъ выразиться, въ обратную сторону: Иванъ Сергѣевичъ усиливалъ и разъяснялъ то мѣсто, которое вызывало нападки, а не вычеркивалъ или измѣнялъ его. Это особенно сказалось при отдѣльномъ изданіи „Дыма", въ предисловіи къ которому Тургеневъ писалъ между прочимъ: „Никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его (автора) читателей, которые не захотятъ или не сумѣютъ признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя, — авторъ ограничился тѣмъ, что придалъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣленнѣе выказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ" 2). И дѣйствительно, Тургеневъ прибавилъ къ рѣчамъ Потугина въ общей сложности не менѣе трехъ печатныхъ страницъ.

Измѣненія и поправки, предпринимаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій по собственному, такъ сказать, почину, заключались главнымъ образомъ въ болѣе тщательной отдѣлкѣ языка, но не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны его. Тургеневъ много заботился о благозвучіи, плавности и чистотѣ рѣчи, но еще болѣе прилагалъ усилій къ тому, чтобы удачнымъ, *настоящимъ* словомъ закрѣпить каждый оттѣнокъ и всякую характерную особенность описываемаго факта, движенія,

---

1) По изданію „Нивы", IV, 317.
2) См. предисловіе къ „Дыму", изданіе Салаевыхъ. М. 1868.

момента. Такъ, вмѣсто „нѣсколько мгновеній спустя", онъ ставитъ „нѣсколько спустя"; вмѣсто: „тотчасъ началъ кричать" —„тотчасъ принялся кричать", вмѣсто: „дама едва намекнула" —„дама едва рѣшилась намекнуть", и т. д. [1]). Но Иванъ Сергѣевичъ не ограничивался этимъ. Иной разъ онъ вставлялъ цѣлые эпизоды. Конца „Рудина", со словъ: „Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ"—мы не найдемъ въ первыхъ изданіяхъ романа. Въ концѣ разсказа „Два пріятеля", вмѣсто эпизода дуэли Вязовнина съ Лебефомъ, начинающагося словами: „Изъ Штеттина онъ, по множеству хлопотъ и новыхъ впечатлѣній, не успѣлъ написать Вѣрочкѣ" (изд. „Нивы", VI, 62) и кончая словами: „несчастный случай съ пріѣзжимъ русскимъ черезъ два дня уже стоялъ во всѣхъ газетахъ" (изд. „Нивы", VI, 67), — вмѣсто этихъ страницъ, появившихся только съ изданія 1869 года (Салаева), ранѣе стояли слѣдующія строки: „Пароходъ уже приближался къ Штеттину, ярко сіявшее солнце освѣщало чужеземный берегъ; Борисъ Андреевичъ стоялъ, прислонясь къ периламъ, и задумчиво глядѣлъ, какъ блестящая темнозеленая влага внезапно закипала буграми бѣлой пѣны подъ рѣзкими ударами глухо топотавшаго колеса, — вдругъ у него закружилась голова, и онъ упалъ въ море . . . Пароходъ тотчасъ остановили, спустили лодку, но Вязовнинъ исчезъ на вѣки". Точно такъ же съ изданія 1856 года „Затишье" и „Яковъ Пасынковъ", а съ 1874 года — „Пунинъ и Бабуринъ" являются передъ нами съ различными не безынтересными дополненіями.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о корректурныхъ хлопотахъ Тургенева. Изъ его писемъ легко замѣтить, какія муки причиняли ему опечатки, и какъ близка ему была забота о „хорошей и честной" корректурѣ. Самъ онъ рѣдко могъ держать ее, хотя никогда не уклонялся отъ этой утомительной работы. Для корректуръ „Наканунѣ" онъ даже нарочно пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько дней въ концѣ января и началѣ февраля 1860 года [2]). Но, кромѣ этого романа, „Дыма",

1) Варіанты эти принадлежатъ тексту „Дыма".
2) „Русск. Стар." 1900 г., янв., 21.

да „Нови“, Ивану Сергѣевичу, кажется, не удалось просмотрѣть въ корректурѣ ни одной значительной своей вещи. Просматривая листы „съ великимъ вниманіемъ“, Тургеневъ не „отвѣчалъ только за знаки препинанія, особенно за тире“, какъ онъ не разъ признавался. И дѣйствительно, въ подлинныхъ рукописяхъ эта сторона у него довольно своеобразна. Знакомъ же тирé Тургеневъ настолько злоупотреблялъ, что ставилъ его почти при всякомъ затрудненіи, часто замѣнялъ имъ и запятую, и точку съ запятой, и даже точку. Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, какъ мы видѣли, что въ корректурѣ еще виднѣе промахи и недостатки работы, чѣмъ при перепискѣ набѣло. Письма его къ М. М. Стасюлевичу, относящіяся къ печатанію „Нови“, подтверждаютъ это. Только съ корректурой въ рукахъ онъ замѣтилъ, что Калломѣйцевъ два или три раза названъ въ рукописи Степаномъ Петровичемъ, тогда какъ настоящее имя его — Семенъ. Двадцать-шестого ноября (ст. с.) Тургеневъ сообщаетъ тому же М. М. Стасюлевичу: „У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ первой главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „широкой темной блузѣ“, да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* рукѣ; а въ концѣ пятой главы у меня опять является „широкая темная блуза“ — на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной — нѣтъ“. Авторъ просилъ поэтому слова первой главы „въ темной широкой блузѣ“ замѣнить словами: „въ черномъ шерстяномъ платьѣ“ [1]). Въ текстѣ полученныхъ затѣмъ оттисковъ или книжекъ журналовъ Иванъ Сергѣевичъ снова старался „поймать какую-нибудь блоху-опечатку“ и, отмѣтивъ нѣсколько таковыхъ въ особомъ списочкѣ, посылалъ его для помѣщенія въ ближайшемъ номерѣ журнала, или хранилъ до слѣдующаго изданія своихъ сочиненій, гдѣ этотъ списокъ и находилъ себѣ необходимое примѣненіе.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневу пришлось какъ-то услышать замѣчаніе, что Гоголь рекомендовалъ

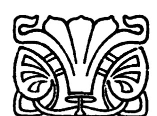
1) „Сборн. Общ. любит. росс. слов. 1891 г.“, стр. 73—74.

такой способъ литературной работы: „перепишите (черновую), и пусть полежитъ; тамъ опять, исправивъ, перепишите — и пусть опять полежитъ“. — „Ну, куда намъ до Гоголевскихъ пріемовъ“, отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ: „то — вѣчное — могло вылеживаться; наше дѣло — уловить современность въ ея переходящихъ ббразахъ; слишкомъ запаздывать нельзя“ [1]).

Тургеневскіе пріемы оказались, однако, не хуже Гоголевскихъ: Иванъ Сергѣевичъ съ помощью ихъ давалъ „вылеживаться“ сочиненію и въ то же время не запаздывалъ имъ, „улавливалъ современность“ и создавалъ „вѣчное“.

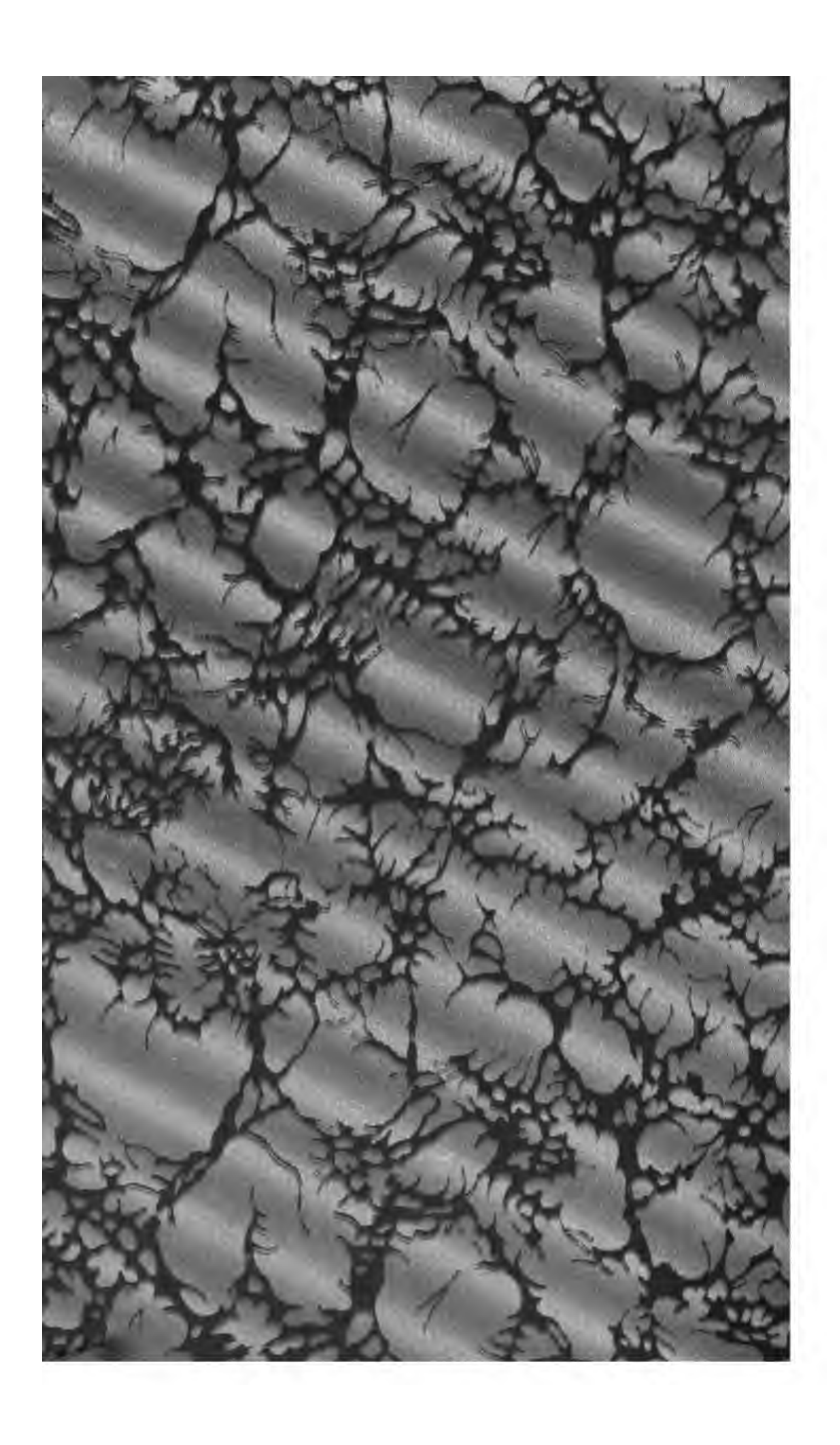
1) „Русскій Вѣстн.“, 1890 г. VIII, 9.

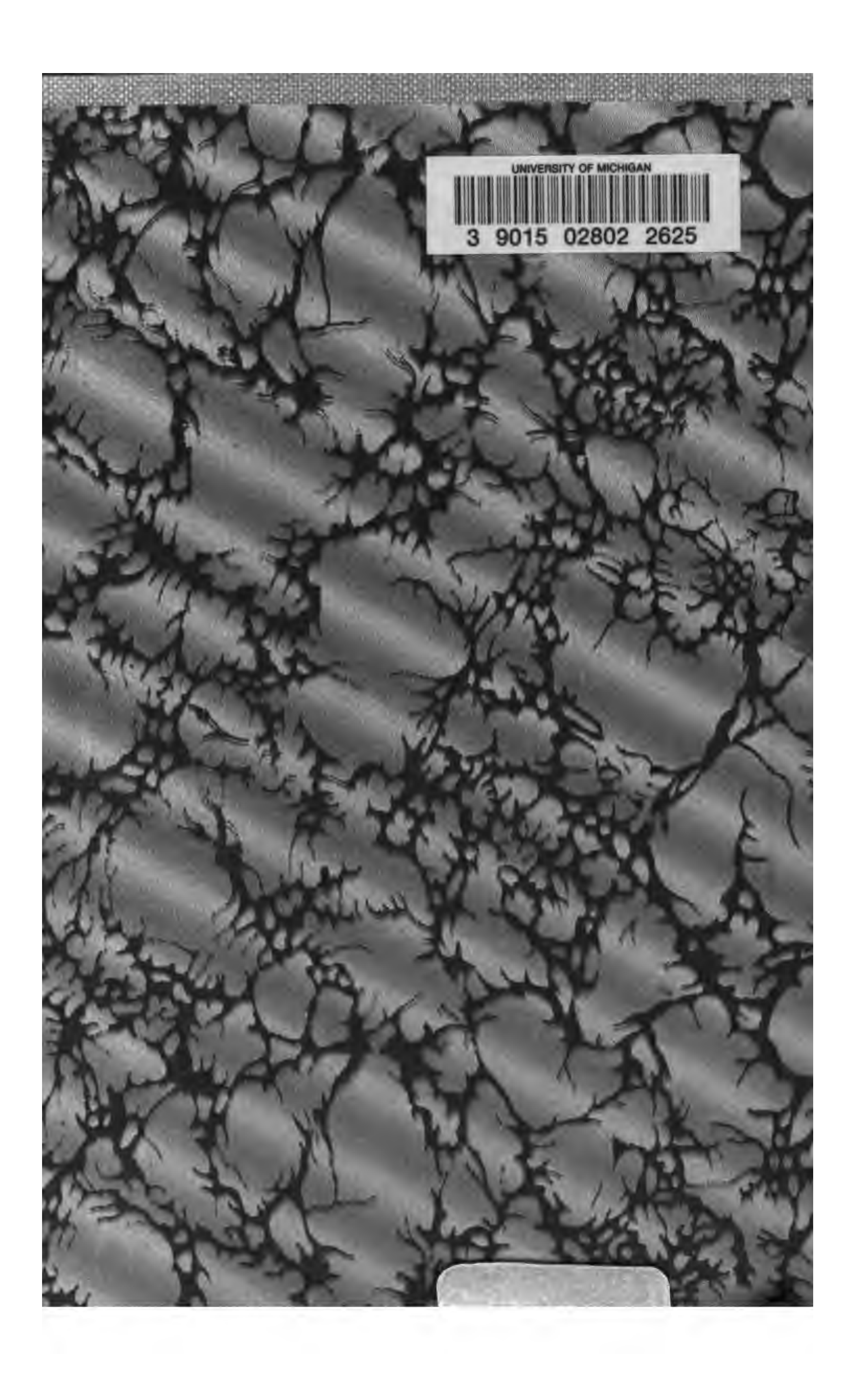

Указатель личныхъ именъ.

Указатель произведеній.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02802 2625

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02802 2625